

ПАВЕЛ КОВАЛЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ ЧЛЕНА СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА,
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПСИХИАТРА,
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПУБЛИЦИСТА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

**Православие, самодержавие и неделимость
земли Русской — аксиома,
вытекающая из существа русского народа**

**Кто не уважает своей Родины,
тот не уважает себя и не имеет права
на уважение к себе**

Annotation

Эта книга представляет собой сборник сочинений П.И. Ковалевского, выдающегося русского психиатра, политического публициста и общественного деятеля, посвященный одной теме – русской нации и русскому национализму. Сочинения были созданы в период его участия в деятельности Всероссийского национального союза и интересны, главным образом, как исторический памятник ушедшей эпохи, как одна из первых попыток в русской мысли теоретически исследовать такие сложные феномены, как нация и национализм, и именно в этом качестве они могут привлечь внимание любознательного читателя.

- [Павел Ковалевский](#)
 -
 - [От издателя](#)
 - [Русский национализм и национальное воспитание](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Исторический очерк русского национализма](#)
 - [Национальность и национализм](#)
 - [Сепаративный национализм](#)
 - [Народности России\[25\]](#)
 - [Основы русского национализма](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Характер русского народа](#)
 - [Национальное воспитание](#)
 - [Национальное образование](#)
 - [Психология русской нации](#)
 -
 - [Психология русских славян](#)

- [Александр III - царь-националист](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
-

Павел Ковалевский

Русский национализм и национальное воспитание

Ясно - национализм и патриотизм не одно и то же. Скорее, патриотизм - понятие более общее, а национализм - понятие частное. В каждом государстве может быть только один патриотизм и несколько национализмов. Одним из краеугольных внутренних устоев, на которых зиждется сила, крепнет и жизненность государства, один из могущественных оплотов, охраняющих его целостность и благосостояние, - это любовь народа к своему Отечеству, народный патриотизм.

П.И. Ковалевский

СОЧИНЕНИЯ ЧЛЕНА СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА, ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО
ПСИХИАТРА, ПОЛИТИЧЕСКОГО ПУБЛИЦИСТА И
ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Русский национализм и национальное воспитание
Психология русской нации
Александр III - царь-националист

От издателя

Предлагаемая книга представляет собой сборник сочинений П.И. Ковалевского, выдающегося русского психиатра, политического публициста и общественного деятеля, посвященных одной теме – русской нации и русскому национализму.

Павел Иванович Ковалевский родился в 1849 г. (по другим данным – в 1850 г.) в местечке Петропавловка Павлоградского уезда Екатеринославской губернии в семье священника. Первоначально он пошел по отцовским стопам и в 1869 г. закончил Екатеринославскую духовную семинарию, но в том же году круто сменил жизненное поприще и поступил на медицинский факультет Харьковского университета, который в 1874 г. с отличием закончил. В 1877 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по психиатрии «Об изменении чувствительности кожи у меланхоликов». В том же году приват-доцент Ковалевский возглавил первую самостоятельную кафедру психиатрии и неврологии в Харьковском университете. В 1889 г. он был назначен деканом медицинского факультета Харьковского университета, а затем ректором Варшавского университета (1892–1897). С 1903 по 1906 г. Павел Иванович – заведующий кафедрой психиатрии Казанского университета, позднее читал курс судебной психопатологии на юридическом факультете Петербургского университета. В 1893 г. Ковалевский стал основателем и редактором первого психиатрического журнала на русском языке «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии». Кроме этого, он выпускал «Журнал медицины и гигиены», «Русский медицинский вестник», «Вестник идиотии и эпилепсии», «Вестник

душевных болезней». Перу Ковалевского принадлежат свыше 300 книг, брошюр, журнальных статей по различным вопросам психиатрии, невропатологии и психологии, среди которых книги «Психиатрия», «Общая психопатология», «Руководство к правильному уходу за душевными больными», «Судебная психиатрия», «Психология пола», «Психология преступника», «Основы психологии человека», «Учебник психиатрии для студентов» и др.

Но круг интересов Павла Ивановича не ограничивался его специальностью. Он активно выступал в качестве историка-популяризатора, среди читающей публики большим успехом пользовались такие его сочинения, как «Народы Кавказа», «Завоевание Кавказа Россией», «История Малороссии», «История России с национальной точки зрения» и др. На пересечении психиатрического и исторического анализа построены его «Психиатрические эскизы из истории», в которых демонстрировалась связь событий отечественной и мировой истории с психическими состояниями выдающихся людей – Ивана Грозного, Павла I, Магомета, Жанны д'Арк, Наполеона и др.

Еще одной важнейшей стороной творчества и деятельности Ковалевского было его участие в русском националистическом движении начала прошлого века. С образованием в 1908 г. крупнейшей русской националистической организации Всероссийского национального союза Павел Иванович стал одним из его ведущих идеологов.

После Октябрьской революции Ковалевский был принудительно мобилизован в Красную армию в качестве главного врача военного отряда. После окончания Гражданской войны вплоть до 1924 г. ученый работал старшим врачом психиатрического и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде. В декабре 1924 г. он получил разрешение на выезд за

границу и покинул СССР. Остаток своей жизни Павел Иванович прожил в небольшом бельгийском курортном городе Спа, продолжая заниматься научной и публицистической деятельностью. Скончался П.И. Ковалевский 17 октября 1931 г. в Льеже (Бельгия).

Сочинения Ковалевского, представленные в настоящем издании, созданы в период его участия в деятельности Всероссийского национального союза. Большую часть книги занимает работа, давшая название всему сборнику «Русский национализм и национальное воспитание в России», впервые изданная в 1912 г. и переизданная с незначительными дополнениями русскими эмигрантами в Нью-Йорке в 1922 г. Ее дополняют статьи «Психология русской нации» (1915) и «Александр III – царь-националист» (1912). Темы, которые обсуждаются в книге, в России, где остро стоит национальный (в первую очередь – русский) вопрос, остаются актуальными и по сей день.

Конечно, с точки зрения современной науки подход Ковалевского к проблемам нации и национализма во многом устарел. А его некоторые резкие высказывания в адрес отдельных нерусских народов (прежде всего евреев) звучат сегодня неpolitкорректно. Но нужно заметить, что сама культура политкорректности не только в России, но и вообще в Европе сформировалась гораздо позже, только после Второй мировой войны. Невозможно подходить к текстам, созданным в совсем другой культурной атмосфере, с мерками нашего времени. Поэтому мы не стали цензурировать эти сомнительные пассажи, не сомневаясь, что читатели сами отсеют зерна от плевел. Работы П.И. Ковалевского интересны главным образом как исторический памятник ушедшей эпохи, как одна из первых попыток в русской мысли теоретически исследовать такие сложные феномены, как нация и национализм, и именно

в этом качестве они могут привлечь внимание любознательного читателя.

Русский национализм и национальное воспитание

Часть первая

Русский национализм

Исторический очерк русского национализма

«Русские националисты – людоеды...» – так говорят инородцы, ненавидящие Россию и желающие ей зла. Так говорят и некоторые коренные русские: или продавшие свою душу врагам отечества, или люди необразованные, или люди глупые.

Русские националисты – люди в действительности всей душой любящие свою Родину и свою Nation, уважающие ее прошлое и желающие ей славы, мощи и величия в будущем. Таковы русские были, есть и будут во веки веков. Таковыми были чисто русские и русские из инородцев, как Цицианов, Чавчавадзе и многие другие. Они отдавали всецело свою жизнь на служение Родине и безраздельно принадлежат только ей. Но за то только такие русские и имеют право называться русскими, сынами великой России и пользоваться всеми правами русских граждан.

Те из русских, кои осмеливаются злословить свою мать Россию, кои желают ей зла, кои решаются, живя в ней, действовать во вред ей, – это уже не русские. Это – враги России, а потому пускай не прогневаются, если и мы им скажем, что они не имеют права на пользование благами русского гражданина.

Россия – для русских – в самом широком смысле слова. Но где то государство, где та нация, которые смотрели бы иначе? Президент свободной республики Рузвельт заявил прямо и открыто: американский гражданин только тот, кто всей душой предан Америке. Почему в России должны думать иначе?!

Веков двенадцать – четырнадцать назад в области Карпат скопилось огромное множество славянства. Это было славянское человеческое море. И вот его ручьи потекли на север, и поселилось это племя по Эльбе, Неману, Висле и Двине до берегов Балтийского моря. Потекли ручьи славянства и на юг, дав начало славянским народам: болгарам, сербам, черногорцам и т. д. Потекли они и на восток, дав начало славянам российским или русским.

На долю последних выпала особенно счастливая участь: они заняли обширнейшую, плодороднейшую и многоводную Восточную равнину Европы. Налицо было и богатство природы, и пути сообщения. Встретившиеся здесь финские племена не только не оказали им противодействия, а сами подчинились и ассимилировались славянами.

Пришельцы в какую-либо страну в своем новом отечестве любят давать названия мест, рек и поселений прежнего своего отечества. То же было со славянами. В Карпатах было в ходу название рек: Рось, Россейка, Русь и т. д. Поселившись на востоке, славяне и здесь стали называть свои реки теми же именами. Значительное число славян поселилось у Черного моря, почему и самое море тогда называлось Русским морем, и только ныне оно переименовано в Черное море.

Охотно селились славяне и по Днепру и первому справа притоку Днепра дали название Рось. Отсюда и поселенцы стали зваться российскими славянами, русскими и т. д. И это название восточных славян встречается в греческих и арабских источниках задолго до призвания в Россию новгородских князей. Постепенное ознакомление с местностью подвинуло юго-восточных славян от Русского моря и Роси дальше на север, где образовался весьма видный промышленный и стратегический пункт – Киев. Киев занимал наиболее сильный пункт на пути «от варяг в

греки», то есть от балтийских славян и главного славянского пункта Новгорода и до Русского моря и Константинополя. Это был главный путь, где поселились восточные славяне. Кроме того, на побережье Русского и Азовского морей жили также наши братья славяне с главным городом Тмутараканью. Таким образом, на великой Восточно-Европейской равнине поселились славяне и образовали три главных пункта: на севере, вблизи Балтийского моря, – Новгород, посередине, на Днепре, – Киев и на юге, на берегу Черного (или Русского) и Азовского моря – Тмутаракань. Соединительным путем между этими пунктами был путь «от варяг в греки».

Особенностью славянских, между прочим, и восточных племен было то, что они проявляли крайнюю рознь и едва ли не враждебные отношения друг к другу^[1]. Этой розни много способствовало и то, что племена жили не вкуче, а разбросанными по всему лицу великой Восточной равнины. Поэтому, несмотря на храбрость и воинственность, они не представляли собою целой, грозной, могучей силы. Некому было их объединить. При недоверии друг к другу таким объединителем не мог явиться человек, вышедший из их же среды. Объединителем явился варяг, князь Рюрик.

Говорят, варяги происходят от норманнов. Это совершенно неверно. Варягами назывались кочующие военные отряды, составленные как из норманнов, так и из других прибалтийских народностей, живших по балтийскому побережью. Скорее всего, Рюрик и его дружина вышли из славянского племени вендов. Это доказывается тем, что весь пришлый владетельный элемент варягов не дал нашим предкам ничего своего ни в языке, ни в религии, ни в учреждениях, ни в нравах и обычаях. Не дали они ничего нового нашим предкам

потому, что они сами были славяне и всецело слились с призвавшими их славянами.

Призванные русские князья явились первыми объединителями восточных славян. И действительно, уже Олег объединил славян трех важнейших пунктов славянских поселений. Святослав, первый национальный русский вождь, князь-богатырь, закончив это объединение, прихватил к сему и многие финские племена. При Святославе уже Россия стала единым, сильным и мощным государством. Россия Святослава была грозой и для греков, и для западных народов. Этот князь явился цементом русского племени и доказал великую силу и мощь самодержавия в славянском племени. Самодержавие первых князей – это есть органическая основа бытия, величия и мощи последующей России. Это не есть нечто искусственное, а национальная особенность русского народа и нашего государства. Почему русские националисты в числе основ своего национального символа веры кладут самодержавие. Вторым объединительным элементом наряду с самодержавием националисты ставят православие.

Для разъединенного и живущего врознь народа требовалась опека и руководство. Такими опекунами и были князья и духовенство. Но всякая медаль имеет лицевую и оборотную сторону. С вокняжением князей Россия стала мощной и великой. Но для поддержания силы и мощи данного общества требовалась дружина. Эта дружина, прежде всего, являлась минусом для работы и экономического производства общества. Кроме того, вся эта дружина требовала содержания. Народ должен был работать и на себя, и на дружину. Точнее говоря, народ обращался в рабов и лишался той воли, той свободы, которой он пользовался до вокняжения. Это была первая основа закрепощения. В данном состоянии России народу

присуще было национальное чувство, князю же и правящему классу – национальное самосознание. Национальное чувство, как и всякое чувство, будет тем ярче и тем напряженнее, чем люди свободнее и привольнее. Рабство угнетает человека и подавляет его чувства, а потому и национальное чувство русского народа в период появления элемента рабства должно было тускнеть и меркнуть. Но то была только часть русской невзгоды.

Русь, центр которой теперь перешел на юг, в Киев, подверглась серьезной беде – нападению печенегов, торков, черных клобуков, половцев и проч. Все эти хищники, нападая на государство, людей резали и брали в полон, а имущество грабили и жгли. Кто страдал? Народ.

Россия считалась владением не князя, а княжеского рода. Такая система породила удельное княжение, а последнее – борьбу за уделы, междоусобицу и самоистребление. По обычаю того времени междоусобица сопровождалась разбоем, пожарами, полоном и убийствами. Кто страдал? Народ. Особенно же страдал народ южной части России, на которую все накидывались, как на житницу. Разорение же народа вело к усилению рабства, а усиление рабства еще больше подавляло национальное чувство.

Татарское иго доконало все.

Юг России стал пустеть. Все, что не было вырезано, то стремилось бежать. Многие из русских южан бежали во Владимиро-Суздальскую землю, где подчинили себе финские племена и ассимилировали их, создав наибольшую ветвь русского племени – великорусскую. Другая часть бежала в Польшу и Венгрию, а часть устремилась к Литве.

Южная Русь опустела.

Там бродили остатки недорезанного русского племени, туда устремились разбросанные остатки

торков, черных клобуков и половцев, там селились отдельные роды татарской орды.

Вскоре, однако, стало невмоготу южным беженцам в Польше и Венгрии. Религиозное насилие панежства заставило русских беженцев вспомнить о своей матери, Южной России. Они вернулись туда, смешались с бродячими остатками и составили особую ветвь русского племени – малорусскую ветвь, как беженцы в Литву, под влиянием смешения с последней, составили ветвь белорусскую. Но все эти три ветви: великорусская, малорусская и белорусская представляли собой одно единое, нераздельное русское племя.

В период удельного княжения Россия разбилась не только на отдельные ветви, но на мелкие до бесконечности уделы, постоянно враждовавшие между собой и истреблявшие друг друга. Такая рознь, естественно, вела к ослаблению государства и его бессилию.

Все, что только могло, ополчилось на Россию и бросилось ее грабить. Тут были и татары, и поляки, и венгры, и шведы, и немцы, и кто угодно. А больше всех простирали свою захватную руку на Россию римский папа, которому очень хотелось окатоличить Россию. Россия распадалась. Россия была раздираема. Россия была как бы на краю гибели. Невозможно, чтобы не нашлось мощного человека, который бы не понял причины гибели России в ее удельном споре и не постарался ее спасти. Такие люди нашлись, и такими людьми оказались московские князья.

Уже Андрей Боголюбский понял смысл и значение жития одного княжества и объединение уделов в одних руках. Он первый, получив великокняжеский престол в Киеве, не бросил своего удела и не передал в удел кому другому, а, оставшись княжить на месте, поставил в зависимость от себя самый Киев. С этих пор, мало-

помалу, частица по частице к Суздалю стали прилипать местечки, города и целые уделы. Тут были пущены в ход и родство, и купля, и насилие. Потомки Андрея перенесли центр средоточия западнее, в Москву, подальше от орды.

Иоанн Калита проявил особую заботливость к увеличению своей области, а Димитрий Донской называл себя «великим князем всея России».

Домовитости и хозяйственному смыслу московских князей Россия обязана тем, что Русское государство стало вновь крепнуть, увеличиваться и получать значение и мощь. Ко времени Иоанна Грозного Московская Русь не только объединила все остальные части, но стала присоединять и прежде не принадлежавшие ей земли. Так присоединились все земли по Волге и Каспийское море, а затем и Сибирь. Все это стоило России и крови и средств.

Благодаря московскому собиранию, объединению Руси Россия стала так сильна и велика, что даже Смутное время не погубило ее. Все сословия Руси, особенно же среднее, духовенство и казачество, во что бы то ни стало пожелали иметь царя православного и самодержавного. В этих двух элементах вся исстрадавшаяся Россия видела свое спасение, а в будущем – счастье, величие и мощь государства. Ни папа, ни Жигмонт^[2], ни шведы, несмотря на полную смуту в России, ничего не могли с ней сделать. Россия опять стала самодержавной и осталась православной. Нельзя не отметить в этом периоде особенной заслуги духовенства и церковных учреждений. Когда все гибло, все колебалось, Троице-Сергиева лавра явилась опорой и защитой Руси православной. Это была великая сила, действительно объединившая Россию и спасшая ее нравственно и политически.

Национальное чувство, несмотря на страшный пережитый гнет и тяжелое рабство, еще было сильно в народе.

При избрании царя на русский престол были сторонники и королевича Владислава, и Жигмонта, но эти сторонники стояли на одном, чтобы их избранники были самодержавными и непременно православными.

Цари из рода Романовых неукоснительно стремились к усилению Русского государства и расширению его границ. Много было пролито крови, много затрачено средств государством, но строительство государственное шло крепко и прочно. Эти великие строители и нам завещали стоять твердо в защиту пролитой нашими предками крови и затраченных средств. Это составляет третий основной принцип националистов: нераздельность империи или единоедержавие. Нет слова, монгольское иго причинило России много зла. Сотни тысяч людей погибли в бою, истязаниях и мучениях, еще больше отведено было русских в полон. Земля была разорена и сожжена.

Но была для русских и своя выгода в татарском порабощении. Из всех славян одни только русские славяне сохранили свою национальную самобытность и свою национальную личность. Все прочие подверглись не менее губительному нравственному игу католичества и западничества, потеряв свои основные черты. Но, сохранив свою национальную самобытность, русские надолго отстали от остальной Европы в знаниях и просвещении. Замкнутые и отделенные китайской стеной национализма, русские отбились от папизма и западного воздействия, но вместе с тем лишены были возможности пользоваться плодами науки и просвещения.

Несмотря на все перечисленные невзгоды, русский народ допетровского времени был необыкновенно национален. Это был национализм животный,

инстинктивный, биологический, но он спас России ее самобытность. Россия не имела Китайской стены физически, но такая стена существовала морально, как она существует тысячелетия и до сего дня у евреев... Сохраняя только замкнутостью свою самобытность, свою национальную чистоту, русские, в силу своей строгой отчужденности, много отстали от просвещенного Запада. Много тому помог и гнет татарского ига. По освобождении от ига русским нужно было собраться, объединиться и укрепиться. Когда это свершилось, оказалось: Россия была выше, но темнее.

И вот Петр I решил дать своей родной земле те знания, те науки, то просвещение, каких ей не доставало.

В стене, отделяющей Россию от Западной Европы, император Петр прорубил окно. Через то окно он внес в свою Родину свет знаний, просвещение и науку. Он пригласил ученых и опытных людей. Он послал в Европу учиться русскую молодежь. Он сам поехал туда учиться. Как великий националист, он выписал людей сведущих учить уму-разуму своих темных подданных; но эти учителя ясно, точно и определенно знали, что они призваны только учить, но не господствовать. Они были учителя, но не начальство. Обучили – и долой. Русские в России были и народ, и власть, а иностранцы – наемники. Не стало Петра I, и дело приняло другой оборот. Все эти шведы, немцы, французы и проч. забрали Россию в свои цепкие руки и стали повелевать ею, как своей собственностью... Теперь вся Россия поступила в рабство – припомните Бирона, Миниха, Остермана... Каково же было положение наших князей, бояр и дворян?.. Какой тут мог быть русский национализм...

Правда, скоро много посбили спеси у этих проходимцев, тем не менее эти выходцы сохранили свое особенное положение даже и до дня сего... Очень

часто они окружали царей непроницаемым кольцом и никого из русских к престолу не допускали...

Русские князья, бояре и почетные служилые люди были если не оттеснены, то часто далеко не в том почете, какой им подобал. Им приходилось быть сдержаннее и осторожнее в своих мыслях и чувствах, ибо впереди их стояли гордые, властолюбивые, самоуверенные, если не нахальные инородцы. Русский национализм, самое большое, только был терпим. К нему инородцы относились свысока, пренебрежительно, если не презрительно.

Таким образом, первое доброе начинание Петра I при его слабых преемниках дало горький плод.

Были и другие благие начинания Петра, которые при его преемниках превратились во зло для русского национального быта. Великий Петр создал великую Россию. Но для того чтобы Россия оставалась великой, требовалось войско, требовались деньги. Собирать и то и другое в столь большом государстве было в то время крайне трудно. Для лучшего успеха в том деле создавались поместья и являлись там помещики. Помещики доставляли войско из подвластных им крестьян. В светлые годы крестьяне работали на помещика, в год недорода и голода помещики кормили своих подвластных. Разумеется, это не нравилось крестьянам, и они переходили с места на место и от помещика к помещику. Тогда-то, во избежание таких недоразумений, крестьяне были закрепощены. Явилось крепостное положение. Явилось крепостное право.

Как Франция, так и Германия не остаются без последователей. Национализм вспыхивает и в соседних государствах. Национализм охватывает Италию, охватывает Испанию и наносит этим великий вред самой наполеоновской Франции.

Первое явное и резкое проявление национализма встречается в лице императора Петра I. Вся его жизнь,

все его труды, все его старания направлены на величие, славу и честь России. Он весь, вся его жизнь – только для России. Очень стоит вспомнить знаменитый рескрипт Петра I Сенату из Прутской армии. Военные дела Петра стояли плохо. Всей армии и ему самому грозил плен. И вот он пишет Сенату: «Господа сенаторы: уведомляю вас через сие, что я со всем моим войском, без нашей вины и ошибки, но только чрез ложно полученное известие, окружен вчетверо сильнейшим турецким войском, таким образом и столько, что все дороги к провозу провианта пресечены, и я без особенной Божеской помощи ничего, как совершенное наше истребление или турецкий плен, предусматриваю. Если случится последнее, то не должны вы меня почитать царем, вашим государем, и ничего исполнять, чтобы до ваших рук ни дошло, хотя бы то было своеручное мое послание, покамест не увидите меня самолично. Если я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите между собою достойнейшего моим преемником. *Петр*».

Можно ли ожидать большего великодушия и самопожертвования во славу, честь и величие своей Родины, как только что высказанное Петром...

Вторым великим националистом Русской земли является достойный ученик Петра, народный гений – Ломоносов. Всю свою славную жизнь он отдал родине и шел открыто в борьбе за русские интересы в Академии наук. После Петра I петербургская Академия наук наполнилась немецкими бездарностями, замещавшими нередко места в виде приданого за дочерьми академиков. Эти трутни доходили до явного бесчинства, выдавая наглые сочинения, умышленно позорящие Россию и русских. И вот Ломоносов повел энергичную борьбу против этих наглецов и тунеядцев, которые не перевелись и доселе. Особенно же знаменита его баталия против проходимца Мюллера,

который хотел произнести бесстыдную речь в открытом заседании Академии наук относительно происхождения предков Рюрика и его рода.

Тут Ломоносов дошел до императрицы и достиг своего. Речь не была произнесена.

«Как при Петре, так и Екатерине II, когда в России исключительно господствовала национально-патриотическая, русская политика, – тогда и духовное настроение русского общества и вся культурная его жизнь, а также и школы отличались твердым патриотическим направлением» (И.П. Корнилов^[3]). Императрица Екатерина II, немка по происхождению, вскоре сознала свое положение – матери великой России и всю свою жизнь отдала на познание силы, величия и мощи России. Высокообразованная, она смущалась положением ее подданных крестьян и указом приказала снять звание «рабов». Это, однако, не мешало А.С. Пушкину сказать: «Екатерина уничтожила звание рабства, но раздарила около миллиона государственных крестьян и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции». С кончиной Екатерины II и с воцарением Павла I резко и круто изменился весь строй и направление государственной политики и русская, исключительно национальная политика заменилась разорительной для России политикой вмешательства в посторонние интересы. С конца 1796 г. русская политика имела в виду не одни русские интересы, но также интересы чуждых нам государств и народов, которые, как известно, нередко платили России за ее великодушную и бескорыстную помощь черной неблагодарностью. Так было в царствование императоров Павла I, Александров I и II, Николая I – и только Александр III отступился от этого ложного пути. «При вступлении на престол Павла I и Александра I издревле установившаяся система была

нарушена. Означенные государи стали отступать от веками укоренившейся государственной, строго национальной и патриотической системы управления, подчиняться различным случайностям и чуждым внушениям... С этого времени иностранцы получили широкий доступ не только на низшие, но и на высшие государственные должности» (И.П. Корнилов). При всех вышеназванных императорах русские интересы были как бы на втором плане, верховная власть в мировой политике слишком много жертвовала русскими интересами для интересов других наций. Эту политику едва ли можно было назвать строго национальной. И только император Александр III твердо установил принцип «Россия для русских».

Много сделано было вреда для России в царствование Александра I, когда русский народный национальный дух спас Россию от нашествия двенадцати языков и возвысил ее в Европе до небывалой высоты даже при Петре I и Екатерине II.

Особенно много вреда русской нации и русским интересам в царствование Александра I было сделано в Литве и Белоруссии. Литва, Белоруссия и часть Малороссии были присоединены в царствование Екатерины II. Тогда же приняты были и серьезные меры к тому, чтобы укрепить и поддержать русский народ и русское направление в этих губерниях. Наиболее целесообразными мерами для этого признаны были русский язык и русская школа.

И вот в царствование императора Александра I враги России употребили самые энергичные меры к тому, чтобы не только уничтожить все то, что сделано было Екатериной, но и вовсе изгладить всякое русское воздействие и ополячить как литвинов и белорусов, так и находящихся там русских людей. Средствами для этого были опять-таки язык и школа, а в придачу к этому и церковь – только не русская, а польская. И

нужно сознаться, польские патриоты достигли своей цели в совершенстве.

«На коренной русской земле снова стали открываться в значительном числе при латинских и униатских монастырях и в костелах политические, враждебные нам польские школы... Космополитизм Александра I замедлил культурное и экономическое развитие России и неблагоприятно повлиял на всю систему русского общественного воспитания и обучения».

«В январе 1803 г. Россия была разделена на шесть учебных округов, из которых только Петербургский и Московский вверены были русским сановникам Новосильцеву и Муравьеву, – Виленский же и Харьковский округа полякам – Адаму Чарторыйскому и Потоцкому, – а Деритский и Казанский немцам Клингеру и Мантейфелю.

Все учебные заведения, вся культурная жизнь и деятельность в западных русско-литовских губерниях были отданы в полное распоряжение и управление злейшим врагам русского государства, православия и русской культуры – князя Чарторыйского и его сообщников: Фаддея Чацкого, Гуго Коллонтая, Яна Спидецкого и др., а также в руки польских иезуитов и различных латинских монастырских орденов... Типичным представителем русского космополитизма того времени был первый министр народного просвещения граф Завадовский, который при Екатерине II усердно служил русской национальной политике...»

О результатах деятельности этих господ вот что пишет князь Хованский в 1824 г.: «В Белоруссии со времени присоединения ее к русской державе воспитание юношества находилось в руках католического и униатского духовенства, образование оно заключалось в школах, учрежденных при кляштарях иезуитских, пиарских и других монашеских

орденов... Науки преподаются на польском или латинском языках, – словесность заключается в обучении польскому, латинскому, некоторым иностранным языкам, а русский остается в совершенном небрежении... Существенная система наставников в сих училищах состоит в том, чтобы в учащихся слить дух – чистого полонизма, в чем они достигли своей цели... Белорусы, несмотря на давность присоединения края, питают какое-то равнодушие и неприязнь к коренным русским и ко всему русскому»^[4].

Сам император не только не склонен был укрепить русский элемент в Западном крае и обрусить нерусские народности, но даже хотел создать из Польши самостоятельное государство и выделить к нему литовские и белорусские губернии. Я позволю себе привести здесь выдержки из письма нашего знаменитого историка Н.М. Карамзина к императору Александру I от 17 октября 1819 г.

«Государь! Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя как христианин, благотворя врагам... «Царство Мое несть от мира сего», – сказал Христос, а граждане и государство в сем мире. Христос велит любить врагов, но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил войскам оборонять государство. Вы – христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России... Вы исполняете закон государственный... естественной обороны, необходимой для существования гражданских обществ. Как христианин любите своих личных врагов; но Бог дал Вам царство и вместе с тем обязанность исключительно заниматься благом оногo... Если мы захотим быть христианами-политиками, то впадем в противоречия, в несообразности. Меня ударят в ланиту, я как христианин должен подставить другую; неприятель сожжет наш город: впустим ли его мирно в другой, чтобы он также обратил его в пепел?.. Любите

людей, но еще более любите Россиян, ибо они и люди, и Ваши подданные, дети Вашего сердца... Вы думаете восстановить древнее королевство польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и с самою справедливостью? Во-первых (не говоря о Пруссии), спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли Вы, творец священного союза, объявить ей войну, противную не только Христианству, но и государственной справедливости? Ибо Вы сами признали Галицию законным владением австрийским. Во-вторых, можете ли Вы с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденные в собственность России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Белоруссия, Волыния, Подолия вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве... Уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагорассудится? Россия, государь, безмолвна пред Вами; но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже храни!) и произвела некогда историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного отечества – доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Ваши поляки. Извиняем их; но Вас бы мы, русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплесканий ввергнули нас в отчаяние. Государь, ныне славный, великий, любезный! отвечаю Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу

русских и знаю их; мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю, остыли бы душою к Отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом, унизились бы не только перед другими, но и перед собою... Вы, государь, гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу. Одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу. Нет, государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками...»

Таково было правдивое и открытое слово истинного сына своей родины России своему государю.

Имея постоянным сподвижником юношеских и зрелых лет поляка Адама Чарторыйского, император Александр I невольно поддался ему и тем возбудил неудовольствие людей, любивших Россию и знавших об этом его намерении. Декабристы, история которых разыгралась по смерти Александра I, народились именно при Александре. В основу их кружка легли идеи французских и немецких националистов того времени.

Еще Мишле проводил настойчиво ту идею, что национальность служит к единению и укреплению государства. И действительно, величие Франции шло рядом и соответственно напряженно с напряжением французского национализма. Барон Монтескье в его *L'esprit de lois*^[5], в IV книге, настойчиво требует воспитания юношества в духе национализма, полагая в этом силу, славу и величие Франции. Символ монархии – честь, символ республики – добродетель, символ деспотии – страх. Это исповедание стало проповедью французских революционеров. Не тот символ веры, к сожалению, был вожаком наших революционеров 1905 г., во главе которых стояли жестокосердые и

человеконенавистные жидаы, грубые и невежественные армяне и проч. Наши революционеры проповедовали не любовь, равенство и братство, а страх и жестокую деспотию. Позорными памятниками их подвигов служат тысячи искалеченных ими заводских лошадей и сотни тысяч лучших кровных овец... Равенство французских республиканцев состояло в стремлении превзойти друг друга в услугах отечеству. Французская республика имела главнейшей задачей также единство и нераздельность государства. Государство являлось непреодолимым, когда оно было национально.

В 1806 г. Фихте в Германии является великим националистом и всеми силами проповедывает национальное воспитание. То же, между прочим, проповедует и наш революционер Бакунин. Он требует, чтобы воспитание юношества было национальным на языке Родины и с глубокой любовью и преданностью Родине. При Фихте в Германии организуется горячо национальный кружок «Союз добродетели» (Tugendbund), который так настойчиво проводит искренний национализм.

В царствование Александра I наряду с его намерением восстановить Польшу с наделением ее русскими владениями вспыхивает очень острый и яркий национализм. Во главе русской национальной партии стоит А.С. Шишков. В царствование явного космополита-мечтателя Александра I пишутся удивительно национально зажигательные манифесты, как, например, к русскому народу по окончании войны 1812 г., смоленскому дворянству, войску Донскому и проч. Эти манифесты как бы писаны кровью и огненными буквами. Нельзя читать их без волнения и увлечения... И все эти манифесты писаны рукою А.С. Шишкова^[6].

Но как бы под тенью всего этого совершенно отдельно, независимо и само собою возникло новое течение, течение в самом обществе, в его молодежи и особенно в войске. В течение многолетних войн в Европе русская военная молодежь успела ознакомиться и увлечься и национальным увлечением французов, и особенно национальным течением Германии. Интеллигенция всех стран того времени была весьма национальна. Весьма естественно, что и русская военная интеллигенция увлеклась национализмом. Германский Tugendbund был перенесен почти целиком в Общество добродетели нашей русской молодежи и послужил ядром общества будущих декабристов. Тут разрабатывалась идея освобождения крестьян и реформа самоуправления; тут же зрел резкий отпор и идее выделения части России в пополнение свободной Польше. Этот протест выливался в весьма резкую и решительную форму. Виднейшими деятелями в этом направлении являлись И.Д. Якушкин, П.И. Пестель и др.

Таким образом, в царствование Александра I ярко и одновременно существуют в России резкий космополитизм со склонностью поддержания других наций в ущерб коренной державной нации – и вместе с тем резкий национализм в администрации, научных сферах и интеллигенции.

В царствование Николая I вмешательство в чужие государственные дела за счет русской коренной нации продолжается. Мы делали Венгерскую кампанию, мы заступались за греков и проч., а русский народ является только верным подданным... В воспитательном отношении мы стоим не лучше. «Космополитизм, укоренившись в Министерстве народного просвещения с самого его основания, произвел в нашем педагогическом деле величайшее зло: он внес в школы России и в наше общественное воспитание национальное и нравственное безразличие и подорвал

основы патриотического православного воспитания старой русской школы» (И.П. Корнилов).

Особенно жалкое положение национализма было в царствование Александра II. Малейшие намеки Каткова, славянофилов и проч. на русский патриотизм – слово «национализм» даже не употреблялось – вызвали глупую и пошлую, но весьма ядовитую фразу «о квасном патриотизме». Нужно было посмотреть, с каким презрением произносилась эта фраза.

Сам император Александр II всей душой любил Россию и русский народ. Первой его заботой было по восшествии на престол освободить народ от крепостной зависимости и уничтожить рабство. Но вместе с тем он был широко космополитически-либерального направления. Приняв от своего родителя конец Крымской войны, которая преследовала не русские, а общечеловеческие интересы, Александр II не закончил на этом, а предпринял освобождение от турецкого ига и сербов, и болгар. Таким образом, русская кровь лилась, и народный труд тратился не на Россию, а опять только на славянские общечеловеческие интересы.

У престола стояли немцы, шведы, поляки и другие инородцы. От них можно ли было ожидать России национального направления... Были в небольшом числе и истинно русские люди, славные бояре прежнего времени: княжеские фамилии, родовитые дворянские фамилии. Все эти люди были преданные верноподданные своего государя, достойные сыны своей Родины, в большинстве высокообразованные и искренно желавшие добра тому несчастному рабу, о котором всей душой заботился юный государь. Перечитывая историю разработки вопроса освобождения крестьян от крепостной зависимости, нельзя не поражаться тем искренним единодушием, с которым лучшие люди государства, русские магнаты

старались помочь юному государю облегчить участь действительно несчастных рабов.

Да и было о чем позаботиться. Положение крепостных во многих случаях было более чем ужасно. В губерниях северных и средних, особенно где владельцами были русские крупные помещики, родовитые дворяне, положение крестьян зачастую было не только сносное, но прямо достаточное. Многие крестьяне графов Шереметевых вышли в именитое купечество, – другие если были и меньше счастливы, то, во всяком случае, жили безбедно.

Иное положение было крестьян мелкопоместных помещиков, особенно вдали от центров, – а также и в тех крупных хозяйствах, где помещики годами живали за границей, в имения наведывались и поручали все хозяйство на руки управляющих из немцев, чехов, поляков и проч. Немало тоже в Новороссии появилось помещиков из инородцев, сербов и проч. Во всех этих случаях положение крестьян было очень тяжелое. Крестьяне стояли в полной зависимости от управляющих. Управляющие не брезгали возможностью добрую часть помещичьих доходов класть себе в карман, – но это не мешало им вытягивать все соки из крестьян.

Слухи о «воле» ходили по земле давно и в царствование Александра I, и в царствование Николая I, и в царствование Александра II. Мелкие помещики приходили в ужас от мысли остаться без рабов и в ожесточении старались возможно полнее выколотить свое обеспечение. Трудно себе представить что-нибудь ужаснее положения этого крестьянства. Я лично застал крепостничество в последние годы его существования. Особенно ужасно было оно вдали от центров в Малороссии и Новороссии. Крестьянское положение южных губерний было несколько иное, чем в центре России или на востоке и севере. На юг был занесен след

еще польского крепостного права, где на «быдло» смотрели хуже, чем на скот, и где помещик над крестьянами имел право жизни и смерти.

Да и то, правда, крестьяне зачастую теряли образ человеческий. Это были существа, очень похожие на человеческие, – мелкие, худые, бледные, с косматой головой и с такой же бородой. Одевались они в тряпки из холста или в овечьи шкуры, – на ногах опорки или тряпки. Жили они или в землянках, или в жалких хатках. Дальше своей деревни – мало кто знал другой свет. Эти крестьяне главным образом обрабатывали землю, добывали хлеб и составляли из него деньги, которые затем должны были перейти в карман помещиков и управляющих. Правда, часть хлеба давали и крестьянам для еды, но этот хлеб часто бывал с примесью мякины... Личность таких несчастных как людей была ничем не обеспечена. Я лично видел случаи, когда отца семьи продавали в одну сторону, мать – в другую, а детей в третью. Крепостные с легкой душой сменялись на собак, лошадей и другие предметы. Управляющие и помещики проявляли свои права не только на женский труд, но и на личность женщины.

Крестьяне были не только бессильны, но и бесправны...

Можно ли было от жалких полуживотных-полулюдей (питекантропов) ожидать национализма?.. Да, был он и у них, ибо и они были кое-какие люди... Был он у них хоть и в слабой степени, хоть и туманен, а все-таки не меньше, чем у людей и просвещенных, но с атрофированным национальным чувством...

Возьмем хотя бы администрацию. Высшие должности занимались преимущественно иностранцами или инородцами, относившимися к России по меньшей мере презрительно, – а более низшие административные должности занимались хотя и

русскими, но либералами, космополитами, с презрением относившимися к «квасному патриотизму»... Официальные сферы выработали «человека» и презрительно относились к «русскому человеку».

Многие русские ездили за границу, и почти на всех из них «заграница» влияла пагубно в национальном отношении. Более глупые, видя за границей культуру, роскошь и удобства, возвращались домой с презрением и омерзением ко всему русскому. Они приезжали домой только затем, чтобы собрать крохи деньжонок из тех же питекантропов и опять вернуться за границу. Другие понимали науку и просвещение Запада, ценили его, ставили его идеалом для Родины, – но к Родине и к родному относились или безразлично и безучастно, или с намерением искоренения всего русского и насаждения заграничных начал. Если те и другие люди поступали на службу, то есть помощниками и исполнителями велений инородных высших административных властей, то едва ли русский национализм мог найти в них своих верных слуг.

Дворянство и общество в большинстве относилось к народу сочувственно и благожелательно, – но во всем этом говорило не родное русское чувство, а космополитический либерализм, заставляющий стремиться к свободе личности и правам «человека». Интеллигенция – люди, стоящие у науки, литературы, образования, – безусловно, были на стороне страдающего народа, – безусловно, добивались его свободы и человеческого существования. К тому стремились и западники, и славянофилы, – но те и другие печалились о спасении «человека», а не «русского человека». Славянофилы несколько думали и заботились о России и русских интересах, да и то относительно. Катков, Хомяков, Аксаков, Самарин, Киреевский, Пушкин и др. – вот немногие дорогие

имена, для которых слова «Россия» и «русский» были не пустые звуки.

Нужно добавить, что в это время в общество «русское» и «русскую интеллигенцию» уже пробиваются инородцы: поляки, жидаы крещеные, армяне, немцы и ловко стараются воспользоваться общественным либерализмом после Крымской войны в пользу «угнетаемых» поляков, немцев, армян и жидов.

Либеральная бюрократия нисколько не стеснялась давить и угнетать русский народ, - но она была особенно жалостлива к инородцу.

В силу ложного фарисейского либерализма теперь все возопили об угнетении поляков, евреев, финнов, армян и пр. Всем этим инородцам дали простор, дали свободу, приняли в интеллигенцию. Ряды русской интеллигенции пополнились поляками, евреями, армянами и проч. В силу необыкновенной наглости одних и патологической скромности других вышло так, что инородческий элемент взял верх в интеллигентном слое и открыл бесстыдную ругань на все русское, на все народное. Стало возможным позорить свое родное. А русские интеллигенты или позорно молчали, или подло поддакивали, - это называлось либеральными направлениями... Не то же ли мы видели и теперь в некоторых партиях нашей Думы... «Естественно, что наше правительство, - говорит лидер национальной партии П.Н. Балашов, - занятое всесторонним оздоровлением русского населения посредством испытания всего русского, мало обращало внимания на окраины, предоставляя им права и преимущества, в большинстве случаев значительно превышающие права коренного населения. Вскоре правительство пошло дальше и решило этих пасынков перевести в «истинных сынов России», чтобы они все стали родными сыновьями...»

Естественным следствием этого было то, что либеральная бюрократия, одобренная значительным числом инородцев, систематически подавляла все национальное и способствовала подъему инородческому в ущерб державной нации...

Вот что говорит об этой эпохе наш националист-публицист М.О. Меньшиков^[7]. «С конца восемнадцатого столетия интеллигенция наша увлечена в общеевропейский революционный поток, в отрицание действительности, коль она есть, в попытке создать что-то новое, совсем не похожее на природу общества. Первым следствием этого революционного движения в России был упадок национального чувства. Вторым следствием революционной проповеди было то, что образованные наши классы отошли от практического труда и погрязли в безбрежной метафизике, в самом деле усомнившись в древних профессиях, составляющих ткань общества, усомнившись в военном деле, в административном, в церковном, в дворянско-поместном и проч., образованные люди во всякий личный труд свой внесли невольное пренебрежение к нему, нравственное отрицание... Подтачиваемый со всех сторон древний органический труд, слагавшийся естественно, как вся природа, действительно одряхлел, ткани его, подмененные ненастоящими людьми, ослабели, культурный труд – особенно в форме государственной – упал в своем качестве. Все это расстроило и расслабило натуральное стремление общества и подготовило почву для внедрения инородческого паразитизма. Эти расслабленные народные проповедники прививали изнеженные и расслабленные чувства, выражали отвращение к народному мужеству, внедряли страх к борьбе. В то время как эти либералы мечтали о всечеловечестве, о вселенской правде, о вселенском единении, о

призвании русского народа всем служить и всем уступать, народ дичал, покинутый без всякого культурного руководства. Буржуазия дичала. Бюрократия, обильно разбавленная инородчиной, мертвела. Аристократия втягивалась в либеральное бесстрашие и в полный для своей родины нейтралитет, скорее враждебный, чем сочувственный^[8]. Национализм маниловской Московской школы клонит непременно к самоунижению, к самоопорочению, к низведению племени нашего на степень подстилки для народов, т. е. то, что говорят немцы относительно славян... Мы, русские, почему-то обязаны поражать весь свет своим великодушием, должны, как пеликаны детей, кормить своей кровью всех, – даже не собственных детей. Ни кто иной, а мы должны отвоевывать права для чужих народов, – мы обязаны освобождать угнетенных славян, мы же должны награждать их конституциями, – мы же обязаны давать полный доступ в свое тело паразитным племенам и устраивать для них государства в своем государстве...»

Состоящее из таких мягкотелых либералов наше правительство^[9] и в теории, и на практике держалось взгляда, что государство должно безразлично относиться ко всем национальностям, какие есть в России, и отнюдь не отдавать особенного предпочтения русской. Правительство, как исполнительный орган всего государства, полагало, что оно обязано держать нейтралитет в борьбе мелких инородческих национализмов с народом русским.

Вот та атмосфера, в которой культивировался русский национализм начала царствования Александра II.

Но вот эмансипация совершилась. Крестьяне были освобождены. Миллионы людей получили звание человека и избавлены от рабства. Государство

претерпело громадный переворот. Помещики спешили воспользоваться выкупными деньгами и безумно их тратили. Управляющие реализовывали припрятанные ими капиталы покупкой опустевших помещичьих имений. Крестьяне, освободившись от вековой опеки, не знали, что с собой делать и как приняться за дело. Они приблизились к человеку, но не стали еще людьми. Это были антропопитеки – существа, стоящие близко к человеку.

Дело эмансипации не ограничилось освобождением крестьян от крепостной зависимости. Эти существа получили равноправие со всеми людьми. Они стали равными со всеми не только перед Богом, но и перед законом. Все это ставило в необычное положение и крестьянина и в особенно опасливое положение бывших помещиков.

Это «пагубное» направление равноправия перед судом, а еще более пагубное пробивающееся кое-какое самосознание мужика не могло не возбудить ужаса в душах «благонамеренных» людей.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости не могло не отразиться и действительно отразилось на отношении к ней интеллигенции – это самая дорогая и самая важная часть любого общества. Это мыслящая часть общества. Это глава его, мысль его, жизнь его. Сюда относятся: ученые, писатели, журналисты, студенты и т. д. Как самая чуткая, мыслящая и наиболее реагирующая часть, интеллигенция не может не быть национальной. Наибольшая часть нации, ее тело, ее главные соки, ее труд и кровь – это простой народ. Во всех государствах этой части нации хуже всего живется. Поэтому интеллигенция по своему уму не может не интересоваться тем, что составляет главную основу жизни нации – ее народом, а по своей порядочности и чистоте она не может не интересоваться народом потому, что это самая

страдательная часть нации. В силу этого интеллигенция всегда должна быть национальна. И в большинстве так это и бывает.

Так было и у нас, в России. «Мы не станем отрицать того, – говорит профессор Т.В. Локоть^[10], – что центральной идеей, окрашивавшей мировоззрение русской интеллигенции с самого появления ее на общественной сцене, была идея освобождения крестьян, т. е. идея, самым тесным образом связанная с жизнью великого коллектива – многомиллионной массой крестьянства, – вполне справедливо присваивать более широкий общественный титул – народа... Идея освобождения крестьян давала основное содержание духовному облику русской интеллигенции вплоть до 1861 г. И эта идея покоряла, подчиняла себе интеллигенцию, выходящую не только с низов населения, но и из самых верхов имущей аристократии». «Эта разночинная интеллигенция по самому своему социальному характеру и происхождению не могла не быть демократичной. Получилась картина полного сплошного демократизма всей русской интеллигенции».

С наступлением эмансипации крестьян положение интеллигенции несколько изменяется. Страдания народа не являются уже столь тяжкими, как прежде. Цепь рабства снята. Народу дана свобода. Национальные качества народа космополитическую интеллигенцию мало интересовали. Русский народ не являлся для интеллигенции острым, жгучим вопросом дня. В силу космополитизма ее стали интересовать вопросы побочные – судьбы человечества. На сцену выходят национальные вопросы поляков, малороссов, евреев. Интеллигенция выбирает своим кумиром свободу человека, а ловкие инородцы успевают создать в ней симпатии к автономизму и сепаратизму тех

именно наций, за завоевание которых ее предки проливали море крови.

Космополитизм еще более одолевает интеллигенцию и увлекает ее от нации и своего народа. Космополитическая и совершенно безнациональная бюрократия была еще и того хуже.

Между тем освобожденный народ стал сознавать себя и понимать свои права.

Являлась великая опасность для государства. Нужно было придумать мудрую, целесообразную и решительную опеку над своевольными крестьянами. Для этого был выпущен на этих, не сумевших еще осмотреться и устроиться людей целый институт полиции: исправники, становые, окружные, урядники и т. д. и т. д., – напущена была целая туча чиновников, придуманы были особые меры предупреждения и пресечения преступлений и т. и. В это-то время народились и утвердились особенно известные термины внутренней политики, как «кузькина мать», «ежовые рукавицы», «Сидорова коза», «маков цвет», «страна, куда Макар телят не гонял» и проч.

Между тем, как ни опекали народ, как его ни обезличивали и ни давили, – народ сам по себе способный и даровитый давал много порослей, которые пробирались в средние школы, достигали высших школ и завоевали себе место на пиру жизни интеллигенции.

Правда, шествие его по жизненному пути давалось ему с большим трудом. Вверху, в университете и проч., все было занято, все было наполнено. Там царили разночинцы. Там были остатки интернациональные и офранцуженных помещиков, поповичи, купецкие сыновья, инородцы, поляки, немцы, крещеные и некрещеные евреи и т. и. Сюда-то и попал «кухаркин сын».

Близилось время, время, когда антропопитек превратится в настоящего человека и властно скажет:

теперь и я человек, – позвольте и мне воспользоваться моим правом человека и трудами моей плоти и крови, моего пота и моих рук...

Это был момент ужасный. Почти 1905 г. Бюрократы купались в холодном поту в ожидании этого момента. Полиция и чиновники изо всех сил выбивались, чтобы подавить и оттеснить этот натиск. Министерство просвещения не отставало... Кузькина мать постоянно была обеспокоена. Макаркины Палестины усердно заселились... а беспокойству и конца не видно было. Понадобился даже Лорис-Меликов.

Но вот явился император Александр III, и все затихло, все успокоилось. Этот царь всю свою жизнь отдал своей родине и своему народу. Он поднял его просвещение. Позаботился об уменьшении обложения. Обратил внимание на его жизнь и все меры принял к тому, чтобы поднять его благосостояние, просвещение и нравственность. После императора Петра I и Екатерины II это был виднейший царь своего народа, царь национальный. При нем возглас «Россия для русских» громогласно раздался по всей Руси.

И эту мысль он исповедовал не только на словах, но проводил ее и на деле. И многие, многие вздрогнули от этого клича и внутри России, и вне ее. Невольно у врагов России дрогнуло сердце при мысли, неужели проснулся колосс... Екнуло сердце и у любящих свою Родину при мысли: и мы будем жить... Нет, успокойтесь... Колосс не проснулся. Он открыл только один глаз и опять заснул.

Почему такая неудача? Почему Россия не встрепенулась при этом призыве? Почему этот клич даже из уст всемогущего и всемогущего монарха не пробудил Илью Муромца? Не пришло время.

Для проявления национального самосознания требуется прежде всего сознание своего личного собственного достоинства, сознание человеческого

достоинства. Нужно, чтобы человек прежде сознал, что он человек, и признал в другом человеке такого же человека. Уважая самого себя в себе, человек и в другом человеке уважает самого себя, и, только уважая другого, он может требовать уважения к себе. Только на этом самосознании и на признании в ближнем человека зиждется долг по отношению к Богу, Родине и т. д. Бессознательное богопочитание есть обрядность и идолопоклонство, - и только сознательное богопочитание есть молитва. «Познай самого себя» - это изречение должно быть первым лозунгом каждого образованного человека, - вслед за которым и в тесной связи с ним должен идти второй лозунг: «Познай свою Родину» (Стриндберг).

Россия в царствование императора Александра III состояла из массы темного народа, чиновников и небольшой группы интеллигенции.

Масса народа - это были еще рабы. Они родились рабами и воспитывались рабами. Они не только не были осмысленными русскими, но не были еще и людьми.

Если у них и просыпалась любовь к Родине, то эта любовь была любовь темная, прирожденная, инстинктивная, не освещенная сознанием.

Высшие чиновники государства были преимущественно инородцы: немцы, шведы, поляки и проч. В самом лучшем случае они могли быть патриотами, - но вместе с тем они были националистами, но националистами своего народа, а не русскими, к которым они относились свысока, если не пренебрежительно и презрительно. Были славные русские вельможи, великого ума и беспредельной любви к Родине, - но их было мало. Остальные чиновники были людьми в футляре, без нации, обезличенные, что однозначно с рабом, только полуцивилизованным.

Интеллигенция состояла из инородцев или если и из русских, то, в силу естественной тогда реакции на прежнее рабство, из интернационалов.

Могли ли эти люди поддерживать идею Александра III?

Неудаче этой идеи императора-националиста много способствовала и другая причина.

Призыв императора Александра III пал на каменистую почву и на почву, заросшую терниями и волчками. Национальная идея до этого времени была систематически и весьма плодотворно вытравливаема трудами в деле воспитания народа графа Д. Толстого, графа Делянова, а главное - его бессмертных сотрудников.

Граф Д. Толстой царствовал в 70—80-х гг. В это время из слоев низшего народонаселения в просвещенную среду пробивался кухаркин сын. Он успевал пройти Сциллу и Харибду кузькиной матери и макаркиных палестин и благополучно добирался до университета. В это же время явился из Женевы инородческий нигилизм. Этот нигилизм нашел необыкновенно плодотворную почву в тогдашнем юношестве. Это был период реакции на вековые устои русской государственности.

Нигилизм отрицал Бога, отрицал царя, государство, Родину, семью, отца, мать и т. д. - и взамен этого не давал ничего... Nihil.

Если в тогдашней молодежи не было ничего национального, то и лучшее общество тогдашнее не могло послужить национальным примером для молодежи. «Только недавно передовые русские перестали стыдиться говорить между собою по-русски. Я еще хорошо помню время, когда степень образования измерялась свободностью французского изложения мысли», - говорит Д.И. Менделеев... Да прошло ли то время совсем и теперь?

И вот граф Толстой, тогда министр народного просвещения, человек бесспорно умный, решил задержать этот умственный разврат и направить нигилистическую пляску в русло человечества и истинного гражданства. Образцами античной Греции и славного Рима он захотел воспитать русское юношество и дать России граждан столь же сильных, столь же мощных и столь же славных, каковы были великие герои Спарты и Рима. Наилучшим способом для этого он признал за благо введение изучения классицизма в его оригинальных произведениях. Образцами героев Греции и Рима он хотел воспитать в русских юношах сознание собственного достоинства, уважение к другому человеку, сознание долга, любви и преданности родине и т. д. Только ли такими соображениями руководствовался граф Толстой – трудно сказать. Многие утверждают, что в основе его начинаний лежали гораздо более низменные поводы и побуждения. Если таковые побуждения, может быть, и были у графа Толстого, то, во всяком случае, они не были известны всем его сподвижникам, за что говорит имя попечителя Московского учебного округа князя Н.П. Мещерского, который, как мне лично известно, был идеально честного ума и сердца и беспредельной любви, преданности и самопожертвования к Родине. Этот человек немедленно вышел в отставку с водворением Делянова в Министерстве народного просвещения.

Сподвижники графа Толстого были классики глубоких убеждений, как А.И. Георгиевский, Н.А. Любимов и др.

Задумано и сделано. Машина была заведена и пущена в ход. Но машиниста перевели в другое место, а другой машинист, особенно его прислужники, понял его идею совсем иначе и артистически провел ее в жизнь в своем духе.

Для проведения в жизнь идей Толстого нужно было, чтобы и сами воспитатели в первую голову были примерными греческими и римскими гражданами в России и послужили образцом для юношества, а также чтобы и лица министерства на деле исповедовали эту мысль. Требовались умение, терпение, любовь к Родине, любовь к юношеству и безграничная преданность, как в воспитателях, так и в министерстве. Но ничего подобного не было ни в воспитателях, ни в министерстве. Вместо того там царил бесстыдный карьеризм, протекционизм и, быть может, сознательное противодействие национализму, а главное – беспардонное и безграничное указание кузькиной матери, «где раки зимуют» и макаркиных палестин.

Идею графа Толстого граф Делянов и его присные поняли с другой стороны.

Молодежь пытлива, молодежь увлекающаяся, молодежь беспокойна, бурна и стремительна. Чтобы ею управлять, нужно иметь терпение, выносливость, правдивость и любовь. А до того ли карьеристам... И вот они классические идеалы и истинный классицизм превратили в школьный или классный классицизм, то есть в систему, в силу которой совершенно подавлялась человеческая личность, человеческая душа, человеческая инициатива.

Вместо понимания возведено было в идеал зазубривание и вместо духа классических героев – форма классических языков. География, история Родины, русская литература были оттеснены на самый задний план, впереди же всего шли латинский и греческий языки.

Довольно будет сказать: гимназисты свободно переводили с латинского на греческий язык и с греческого на латинский и не умели грамотно писать по-русски. Чего же дальше...

Но главная цель была достигнута. Знание и любовь к работе были убиты. Очень-очень крепко была внедрена ненависть ко всему, что имело вид русской власти, русского направления, русской веры. На смену явились неверие, отрицание, ненависть и презрение ко всему существующему вокруг – реальный и активный нигилизм и отрицание.

Всякая умственная инициатива была подавлена в корне. Сознание собственного достоинства было в душе глубоко вытравлено. Умственная и душевная нивелировка была наисовершеннейшая, все приведены были к одному знаменателю. Людей не было. Были манекены. Получились бездушные, бессмысленные, тупые, подавленные и разбитые люди, годные на одно – беспрекословно подчиняться, подчиняться первому попавшемуся коноводу, но скорее, в силу духа отрицания, коноводу-анархисту. Это было панургово стадо, во главе которого стояли даже не козлы, а бараны и ослы. Школа убила Бога, убила национальность, убила государственность, убила общественность, убила семью, убила человека.

Нелегко далось это графу Делянову. Ирод, царь Иудейский, избил 30 тысяч младенцев мужского пола, а граф Делянов сделал это сторицею. Стон стоял в России от воплей родителей и просвещаемых и безбожно изгоняемых из школы детей. Поступало в школы 100 мальчиков, а оканчивало 10. Где же остальные девались?

На улице. В кадрах хулиганов. В объятиях революции...

Да где же им и быть... Не получивши образования, без всяких знаний, без диплома, без надежды получить где бы то ни было кусок хлеба, озлобленные, без веры, без национальности... куда им?.. Проклятия остались памятником этому министерству...

На эту-то почву, вспаханную и политую кровью и ненавистью ко всему в мире, пал призыв Александра III.

Диво ли, что он вызвал малую реакцию...

Но если даже мы оставим в стороне то подавляющее, то обезличивающее, то нивелирующее воздействие школьного классицизма, которое так энергично внедрялось Деляновым в средней школе, то и помимо этого пагубное влияние для государства заключалось в вытравлении в детях всего национального и в создании из них человека, космополита. Вот почему наши классические не национальные гимназии готовили не борцов, не людей мощных, а слизняков и слюнтяев, неграмотных, безымянных, воспитанных на мертвых языках и пригодных только для вымирания.

Помимо всех прочих недостатков нашего школьного классицизма, нужно указать и на то, что он не подходил к духу и времени нашего народа. Из нас, русских, хотели сделать греков и римлян. Это то же, что цыпленка заставить быть утенком и плавать по воде, а утенка превратить в цыпленка. Мы, русские, люди севера, холодной и однообразной природы, которая требует изучения, знания и великого труда. Такова и натура русского. «Приноровиться, приглядеться к делу, обнять его понемногу, упорным трудом – составляет истинный прием реализма, – говорит Д.И. Менделеев, – и это дело истинного гражданина русской земли. Недаром между русскими учеными больше всех успели выдвинуться реалисты». Классицизм же ведет к рационализму, порождает эгоизм и карьеризм, «который дали, дают и будут давать средние школы классического типа... Там, где основание народной истории идет прямо от латинян, классическое образование прекрасно отвечает целям государства, но у нас и в наше время, когда надо отвоевать от природы, а не от людей, главные условия роста народного и

когда рационалистические попытки и красные слова потеряли во всем свете свой прежний вес, средневековая система образования – сущее зло... Англичане, у которых до сих пор классическое образование довольно распространено, при всех своих достоинствах, все-таки в целом обладают многими жестокими и несимпатичными сторонами... Это приписывают обыкновенно характеру народа, а по мне это плоды классического образования Англии» (Д.И. Менделеев).

Нужно ли насиловать русскую натуру классицизмом – натуру, отличающуюся добротой, мягкостью, благодушием и склонностью к самопожертвованию, доказательством чему служит целый ряд войн за освобождение славян...

При всех вышеуказанных условиях, кто же мог в России поддержать высокую идею Александра III?

Теперь, когда верховная власть 17 октября 1905 г. признала самосознание русского народа настолько установившимся, что призвала граждан к принятию участия в устройстве и управлении государством, сознательный русский национализм должен вспыхнуть в той мере, в какой он и может вспыхнуть в народной массе, начинающей жить сознательной национальной жизнью. Теперь действительно настало время его мощного господства и влияния в течение государственной жизни.

В настоящий момент мы вступаем в младенческий период национального самосознания и сознательного русского национализма.

Как и следовало ожидать, в столь юной гражданской стране, в стране, можно сказать, где гражданственность еще в младенческом состоянии, проявление национального духа выражается несмело, отдельными вспышками, враздробь и недостаточно настойчиво. И это весьма естественно. Русские еще не

успели столкнуться и сплотиться, а очень многие из активных общественных деятелей состоят из инородцев, сепаратистов и продажных русских либералов, в интересах коих стоит не содействие развитию народного духа, а противодействие ему. Пресса, тоже в огромном большинстве инородческая, всеми способами помогает этому противодействию. Даже между настоящими русскими нашлись предатели и иуды, которые не считают за позор и бесчестье клеймить свою Мать-Родину... А мы, русские, еще так рабски запуганы, так малодушны, так непривычны высказывать свое личное мнение, что не решаемся достойно и по заслугам оценить и заклеить деяния и тех и других. Сознавая такую слабость нашего национализма, в этот момент инородцы постарались так поднять свой мелкий инородческий национализм, что открыто заговорили об автономии, сепаратизме и даже разрушении господствующей нации на благо их, инородцев...

Весьма понятны озлобление и даже ярость русских инородцев по отношению к русскому нарождающемуся национализму. Это - естественная попытка убить нарождающийся национализм в момент его рождения, *in statu nascendi*. Теперь он еще слаб, юн, хил, и теперь его легче подавить и с ним справиться. Горе, если он разовьется. Тогда придется ему подчиниться.

Понятна и наша слабость в момент возникновения национализма. Многие из нас современники, а другие дети рабов или рабовладельцев, а потому у нас нет еще той силы духа, той духовной мощи, той национальной храбрости, какова у настоящих, спокойно развивающихся граждан. Отстаивать свою национальность далеко не легко. Примером тому служат евреи. Тысячелетия они защищают и открыто охраняют себя от всех, - а и им стыдно бывает иногда

открыто признаться, что они евреи. И как часто они прячутся за то русское имя, которое они так ненавидят. Из стыда за свою нацию, за свою народность господин Бродский отказался от своего еврейского имени и принял русское, христианское. Вероятно, ему было чего стыдиться... Но наша нация чиста и безупречна, и бесчестно стесняться ее открыто исповедовать, а еще подлее - хулить.

Мне малопонятна та душевная низость, то предательство, та подлая бессердечность, с которыми сыны или, точнее, выродки России позволяют себе грязнить и чернить свою мать, Россию, самую мерзкой и гнусной клеветой, - или обкрадывать ее государственные и народные средства. Единственным объяснением может быть то, что во все времена были Хамы и Иуды, и кадеты, и интенданты.

В то время как наше национальное русское чувство спало и было подавлено, национализм других народностей России вспыхнул с наибольшей силой и стал настолько мощный, что раздались голоса об автономии народностей, населяющих Россию, о сепаратизме, о воссоздании новых государств на развалинах России... Не рано ли начался дележ?!. И не преждевременны ли похороны?..

«Русская интеллигенция эпохи до и после освобождения крестьян, - говорит профессор Локоть, - с правом может быть названа не только прогрессивной, но и демократической... И западническое, и славянофильское течения русской интеллигенции в эпоху 40—60-х годов, в сущности, шли по одному общему руслу, и их резкое, непримиримое расхождение начинается только после освобождения крестьян, с выступлением «иностранческого» вопроса, встретившего такого сильного противоборника в лице бывшего защитника Каткова, резко разделившего достаточно единую до тех пор русскую прогрессивно-

демократическую интеллигенцию на два уже почти непримиримых течения: космополитически-прогрессивное и национально-консервативное, из которых первое оспаривало для себя исключительную честь считаться демократическим, а второе совершенно напрасно и даже малоосновательно стало отказываться от этой чести.

В настоящее время большинство русской интеллигенции не только национально, но прямо антинационально. Оно поработчено социальным космополитизмом и сепаратизмом и с этой точки зрения является явным и резким противником и врагом своей нации и своей Родины.

Общественная драма русской радикальной интеллигенции усилилась именно с того момента, когда в ее мировоззрении стали господствовать принципы и идеалы космополитизма и социализма как воплощения бесконечно отдаленного будущего социального строя.

Только национальная интеллигенция, т. е. интеллигенция, проникнутая живым чувством кровной своей связи с данной национальной группой, найдет в себе животворящее ощущение прочной связи с общественным коллективом; только она будет активно и чутко относиться к интересам редкой общественной группы; только она будет иметь действительное право на интеллектуальное и общественное представительство своей группы, только она будет иметь нравственное право на влияние, на видоизменение всего уклада морального и общественного мировоззрения масс того коллектива, с которым она кровью связана. Без национального живого чувства и сознания интеллигенция – это отброс общественных групп, накипь на них, годная только в качестве механической служебной силы для господствующих групп и отчасти для государства,

поскольку государство является подчиненным более сильным, государственным группам.

Национально-демократическое мировоззрение не может не быть консервативным в государственном смысле: для национальной демократии как представительницы главным образом мелких и средних масс политический прогресс страны мыслим только в форме эволюционного процесса, медленно созидательного, но не разрушительного, всегда связанного с тормозом в производительном труде, с уничтожением накопленного труда, накопленной общественной энергии.

В основе национально-демократической партии – национальное начало. Оно является естественной и могущественной объединяющей силой для общественных групп не только независимо, но даже в известных случаях и вопреки социально-экономическим их интересам. Вот почему национальное единство нации – вернейший залог внутренней ее сплоченности, вернейший залог более равного, эволюционного ее политического развития... Ясное национальное самосознание облегчит общественную борьбу группы за ее интересы, будет способствовать росту ее общественной силы. Особенно необходимо это национальное самосознание для мелко-и среднеимущих масс буржуазии, которые мы с полным правом можем называть мелкой и средней имущей демократией. И тот взрыв национализма, который мы в настоящий момент наблюдаем в политическом сознании русских народных масс, который мы, конечно, не можем считать каким-либо искусственным, политическим продуктом, так как он органически вытекает из необходимости политического самосознания и самоопределения общественных групп, уже призываемых к планомерной и закономерной политической жизни, – этот взрыв национализма России как нельзя более убедительно

говорит о его необходимости. Мелко- и среднеимущественная демократия в России должна быть национальной, и она будет национальной, как бы ни шла вразрез с этим даже вся русская интеллигенция... Народные массы, народные демократические группы в конце концов подчинят себе интеллигентные группы, и общественно-политическое мировоззрение интеллигенции неизбежно должно будет включить элемент национализма... Само государство, вернее, сама исполнительная государственная машина неизбежно должна будет в известные моменты и при известных условиях становиться национальной не только в смысле отражения нации как сборного и в национальном отношении целого, но даже и в смысле отражения одной определенной национальности, интересы которой в данный момент получают доминирующее положение...

Когда преобладающая в государстве русская - всех трех ветвей - национальность в критический период зарождения и укрепления нового политического фактора - народного представительства - чувствует и видит самый решительный и жадный натиск других, более сильных экономически и культурно-национальных групп в целях захвата соответственно уже сильных позиций и в этом новом политическом факторе, - тогда коренная, но более слабая культурно национальная группа не только вправе, но и обязана предъявлять своему правительству, своей государственной власти требование быть национальными, т. е. оберегать политические интересы коренной национальности, по крайней мере до тех пор, пока коренная национальность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политические интересы от излишне неуступчивых притязаний других национальных групп.

Однако, не пренебрегая помощью государственной власти, коренные национальные группы должны и сами по себе энергично развивать и ускорять свое политическое самосознание и объединение. Они должны организоваться в национальные политические партии. Должны это делать не только крупноимущие верхи национальных групп, но и их демократические массы...

Общественно-политическое мировоззрение национальной демократии проникнуто прежде всего реализмом; оно чуждо всякого общественно-политического утопизма, оно стоит за здоровый консерватизм в социальных устоях, за разумный и твердый порядок в государственной машине, за хозяйственность и строгую отчетность в экономической политике государства, а следовательно, и за нормальное, планомерное эволюционное развитие начал народного представительства и за действительный контроль народного представительства над деятельностью исполнительных органов государственной власти.

Национально-демократическое мировоззрение, как реалистическое, эволюционное, не мирится с утопическим требованием – «все сразу» и «все или ничего»... Оно считается с реальным соотношением общественных и политических сил; оно борется за интересы демократических групп, не забывая, что в борьбе необходимы взаимные уступки в интересах целого, в интересах конечного, реального, общественного коллектива государства. Национально-демократическое мировоззрение – государственное мировоззрение, – и национально-демократическая партия будет партией государственной, а не разрушительной. Национально-демократическая партия будет солидарна с теми партиями и группами, которые, прежде всего, признают и оберегают права коренных

национальных групп, создавших силу государства и которые не противятся росту, экономическому, культурному и политическому развитию демократических масс этих групп. Наконец, как партия реалистическая, национально-демократическая партия будет чужда шовинизма и нетерпимости, но в то же время будет крепко стоять за интересы демократии с теми партиями и группами, которые под каким бы то ни было флагом посягают на них. Такова в самых общих чертах социально-политическая конструкция и характеристика той партии, которая должна будет объединить русское хозяйственное крестьянство, вообще мелкое и среднее землевладение, городской слой мелкой и средней буржуазии, громадное большинство сельского и городского духовенства и, наконец, значительный слой служилой и вольнопрофессиональной интеллигенции, в которой живо будет национальное чувство и сознание своей связи с народом» (профессор Локоть).

Вот последнее слово национализма в нашем славном Отечестве.

Современный русский национализм еще слишком юн. Он не в детском, а даже в младенческом возрасте. Ему всего три-четыре года. Но даже ныне он является мощным и требовательным. Является он сильным не потому, что интеллигентная национальная партия была бы сильна. Нет, она слаба и даже слишком слаба и ничтожна. Силен он потому, что ныне сам русский народ просыпается и заявляет о своих правах. А если доселе русский народ был сильным и мощным, находясь в положении спящего Ильи Муромца, то что можно подумать о мощи, силе и величии России при пробуждении и сознании всего православного народа.

Национальность и национализм

Приступая к изложению учения о нации и национализме, мы прежде всего должны условиться в надлежащем понимании этих слов. Нужно сознаться, что эта сторона жизни так мало интересовала наших предков, что язык наш, весьма богатый и полный во всех остальных отношениях, в данном вопросе оказывается весьма бедным и недостаточным. Он является настолько бедным, что для надлежащего понимания затрагиваемых нами жизненных сторон приходится прибегать к позаимствованию из других языков.

Что такое нация? Нация – группа людей, занимающая определенную территорию на земном шаре, объединенная одним разговорным языком, исповедующая одну и ту же веру, пережившая одни и те же исторические судьбы, отличающаяся одними и теми же физическими и душевными качествами и создавшая известную культуру. Национальный – свойственный, присущий данной нации. Национальность – собрание свойств и качеств, присущих той или другой нации.

Некоторые понимают под национальностью то же, что мы понимаем под нацией. Едва ли это правильно. Другие слово «национальность» употребляют как обозначение части нации. Так, например, для всего русского народа употребляют слово «нация», а для обозначения великорусов, малорусов и белорусов употребляют слово «национальность»: русская нация, малороссийская национальность. Это применение слова также едва ли правильно. Слово «национальность» определяет свойство, а слово «нация» – народ.

Национализировать – значит внедрять в ту или другую группу людей свойства, присущие той или другой нации. Например, в настоящее время русская нация очень слабо национальна.

Под влиянием векового рабства она мало-помалу теряла те свойства, которые присущи ей. Занятый денно и ночью жизненными и животными потребностями простой народ очень мало думал и помышлял о православной вере, самодержавии, своем Отечестве, своих общих интересах и т. д. Он жил чисто животной жизнью и не отвлекался от насущного дня. Если в глубине его души и теплились искорки любви к своей Родине, к своему русскому, то все это было так глубоко и так темно, что в настоящее время, когда даются условия для создания более сознательной и более полной жизни, надобно эти темные и глубокие искорки и вызвать более наружу. Это можно сделать путем внешнего выяснения всего прошлого, настоящего и будущего, путем поднятия условий жизни, человеческого самосознания и материального бытия этих простых людей. Вся задача будет состоять в подведении и разрисовке тех красок и искорок, которые уже раньше теплились в душе простого человека.

Во многих случаях эта задача удастся. Она будет состоять только лишь в усилении и прояснении того, что уже присуще самой природе, но только было слишком сглажено и заглушено.

Существует и другой способ национализации - это внедрение национальных свойств одной нации другой нации. Это тоже возможно, и успех данного дела зависит от стойкости, древности и культурности одной и другой нации. Так, наши лопари Лапландии имеют свой язык, имеют свою языческую веру, жили своей обособленной жизнью и отличаются своими физическими свойствами. При столкновении с русской нацией они очень легко приняли христианскую веру, почти все говорят по-русски, принимают все русские нравы и обычаи, и пройдет 30-50 лет, и от лопарей останется одно воспоминание. Лопари будут обрусены. Русская нация национализирует лопарей, если только

мы не будем в этом деле столь преступно небрежны, какими пребывали до сих пор. Мы не только не заботились о закреплении русской национализации лопарей, но мы с легкой душой совершаем другое преступление: мы позволяем этим лопарей нашей подчиненной нации – финнам – офинивать. Это великое государственное преступление, и оно падает на душу нашего правительства. Долг и обязанность национальной партии поднять этот вопрос в Государственной думе и окончательно закрепить русскую национализацию лопарей. То же самое должно сказать и о карелах.

Национализация – сознательное и умышленное насаждение национальных свойств и качеств державной нации в нациях культурно слабых и соподчиненных. Денационализация и денационализирование – ослабление и уничтожение свойств и качеств какой-либо нации, как это, например, бессознательно делалось веками русской нацией.

В русском языке есть слова «народ», «народность», «народный». Но это не то же, что нация, национальность, национализм. Это или больше, или меньше. Словом «русский народ» обозначают или состав жителей всего Российского государства, и тогда в это государственное понятие входит 150 наций, составляющих Российскую империю, или словами «русский народ» обозначают сословие, класс людей, простой класс народонаселения.

Так, П.И. Пестель говорит: «Народ есть совокупность всех тех людей, которые принадлежат к одному и тому же государству, составляют гражданское общество, имеющее целью своего существования благоденствие всех и каждого»^[11].

Профессор Локоть говорит: «Великий коллектив – многомиллионная масса крестьянства – вполне

справедливо присваивает более широкий титул – народа. Да... крестьянство с русской общественной точки зрения – это действительно народ, т. е. как бы синоним нации «государства»^[12].

В последнем случае все-таки народ будет часть нации, и для пополнения всей нации нужно добавить дворян, духовенство, купцов и проч.

Таким образом, русский язык не имеет своих слов для обозначения того понятия, для которого приходится употреблять слово «нация». Свойства и качества, присущие нашей нации, служат как для обозначения ее свойств, так и для отличия нашей нации от других наций.

Профессор В.М. Грибовский с государственной точки зрения так определяет национальность: «Национальность представляет собою духовную культурную общность, вырабатываемую историческим путем, общность культуры, массовых идей, чувств, склонностей, языка как средства общения и своеобразного национального богатства».

По Хомякову, «...народность есть начало общечеловеческое, облеченное в живые формы народа. С одной стороны, как общечеловеческое, оно собою богатит все человечество, выражаясь то в Фидии и Платоне, то в Софокле и Вико, то в Беконе и Шекспире, то в Гегеле и Гете; с другой стороны, как живое и неотвлеченное проявление человечества, она живет и строит ум человека. В то же время она, по своему общечеловеческому началу, в себя принимает все человеческое, отстраняя чуженародное своею неподкупною критикою, тогда как отдельному лицу нельзя не поддаваться самим формам чуженародности и не смешивать их с тою общечеловечною стихиею, которая в них таится, – но человек, воспитанный в народности, растет и крепнет, разумно богатится всем

богатством человеческого мышления, закономерно расширяет ее пределы, а иногда доходит до законного отрешения от ее ненужных случайностей».

В доисторические времена человек жил семьей: муж, жена, дети. Все они любили друг друга, все они помогали друг другу, взаимно оберегали и взаимно заботились. Дети вырастали, женились и селились недалеко от своей основной семьи. Так было безопаснее. Так было и приятнее. Они имели свой способ обмена мыслей и чувств – язык. Они развивались соответственно окружающей обстановке: лес, горы, озера, реки и проч. Их природа приспособлялась к этой обстановке и отличалась от природы тех семейств, которые жили и воспитывались при другой природной обстановке. Так создавался особый род. Род – это и было единицей нации. Легко могло случиться, что часть этого рода отрывалась от своего корня, поселялась в другом месте, воспитывалась при других условиях приспособления к природе, создавала себе иную природу, иной язык, иные нравы и обычаи, иные верования. Много между ними было общего с первой коренной семьей, но много и отличного. Создавались две разновидности одного народа.

Естественно, что лица одного рода и одной народности любят друг друга, как членов одной семьи, любят окружающую природу, любят свое дело, любят предметы, которыми работают, любят свой язык, свои песни, свои нравы, свои обычаи, все то, что принадлежит им душевно и физически. С течением времени народность разрастается, занимает большее пространство, расширяет занятия и промыслы, совершенствует условия жизни, накапливает знания, облегчает жизненную борьбу и создает понемногу культуру. Встречая на пути более мелкие и менее совершенные народности, эта народность – коренная, более сильная, более культурная – побеждает

встреченную, овладевает ею и поглощает ее. Разумеется, она дает ей свои знания и блага своей культуры. Но так как народность, вступившая в общую массу господствующей победительницы, имеет тоже свои особенности физические и душевные, то, сливаясь с господствующей нацией, она передает ей и свои особенности. Восприняв особенности присоединенной нации, господствующая нация их ассимилирует и поглощает в себе и тем самым невольно несколько изменяется. Поэтому даже сильная господствующая нация не представляет собой величины постоянной, неизменной и неподвижной. Нет, она подчиняется изменению под влиянием вливающейся крови новой нации и изменяется под влиянием новых условий жизни и борьбы за существование - совершенствуется, прогрессирует.

Включая в себя все более и более побочных мелких наций, коренная нация становится не только господствующей, но и державной, направляя жизнь во всем государстве и управляя им соответственно интересам и культуре своей коренной нации, соблюдая, однако, интересы и благополучие соподчиненных наций. Так создается государство - сильное, мощное, культурное, самобытное.

Уже с появлением малых племен каждый член племени, чувствуя за собой защиту всего племени, в то же время инстинктивно чувствует и свою принадлежность к нему, приобретает присущее племени имя, защищает его и готов всегда пожертвовать собой за свое племя. Каждый член такого племени, сознавая свое имя, понимает, что это имя племени отличает его от других племен. Он охотно вступает в единение с другими членами того же племени и в борьбу с членами другого племени. Такой член гордится своим племенем и хвалится его качествами и доблестями.

Такое тяготение членов одной народности друг к другу и ко всему своему является выражением их национального чувства. Это национальное чувство является прирожденным и бессознательным, инстинктивным, животным. В основе национального чувства лежит проявление высшего мирового закона, закона тяготения, или закона притяжения.

Самым примитивным и простейшим проявлением этого взаимного тяготения служит притяжение и отталкивание атомов мирового эфира в беспредельном мировом пространстве. Таким образом, это чувство современно мирозданию и усложнялось, и совершенствовалось соответственно развитию и совершенствованию миротворения и мирозидания. Уже резче и определеннее оно проявляется в системах небесных миров, где притяжение и отталкивание тел и систем подлежит незыблемому и непоколебимому мировому закону и где части системы тяготеют к целому в течение всего своего существования. То же тяготение и отталкивание частей и особей к целому наблюдается и в растительном, и в животном царстве. В силу этого инстинктивного тяготения, симпатии и антипатии воробьи льнут к воробьям и составляют одно стадо, ласточки – к ласточкам, селедки – к селедкам, овцы – к овцам и т. д., и если какое-нибудь из этих животных попадет в чужое стадо, то его или скоро прогонят, или просто-напросто заклюют.

В человеке национальное инстинктивное чувство хранится как в каждом отдельном лице, так и в человеческих группах, нациях – онтогенетически и филогенетически.

«Уже с раннего детства, – говорит Вадим Радецкий, – у каждого ребенка является стремление к своему, родному, без всяких указаний и побуждений со стороны воспитателя: найдите хотя одного ребенка, который бы не чувствовал любви к родному своему.

Начиная с любви к более близкому – родному дому, к школе, товарищам, к родному городу, это чувство переходит затем в любовь к своему Отечеству, ко всем своим согражданам, и едва ли найдется сколько-нибудь мыслящий человек, который не признал бы законности этого чувства, не признал бы той истины, что любить Родину, служить ей как полезный член общества составляет одну из основ нашей жизни».

Развиваясь и расширяясь, любовь к Родине образует из ребенка не только гражданина, но и человека: чувство любви к родному своим могущественным влиянием на душу, на духовное развитие ребенка производит то, что ребенок по мере развития его все более усваивает гуманные начала, теплое чувство к людям вообще, вырабатывает в себе честные правила, делается отзывчивым и сострадательным и проникается желанием служить по мере сил не только своим соотечественникам, но и всем людям... Влечение к Отечеству, представляя собой великий голос самой Природы, говорящей человеку, что он – только часть целого, имеет многие и глубокие корни во всех естественных условиях телесно-духовной жизни человека. Любовь к Отечеству имеет первообразом семейную любовь детей к родителям. Нужно только выработать из ребенка хорошего, честного гражданина, любящего свою Родину здоровой, разумной, настоящей любовью, и можно поручиться, что он будет гуманным, отзывчивым человеком вообще.

Обращаясь к истории человечества, мы видим, что и там у всех народов древности существовала прирожденная, инстинктивная любовь к своему народу и к своей родине. Вл. Соловьев, не отрицающий, но порицающий узкий эгоистический национализм, вместе с тем свидетельствует, что «национальные инстинкты господствовали в Древнем мире». Все некультурные народы и нашего времени резко проявляют

бессознательное, физическое, инстинктивное чувство любви к своему родному, доказательством чему служат китайцы и другие азиатские народы, которые, будучи замкнуты в себе и ценя выше всего на свете свое, вместе с тем питают презрение, отвращение, вражду и ненависть ко всему, что вне Китайской стены. Такое же презрение, отвращение и вражду питают и евреи ко всему, что стоит вне их нации, вне их кагално-талмудистских устоев. И это чувство презрения одинаково проявляется как у людей простой темной еврейской массы, так и у евреев цивилизованных, – только формы и способы этих отношений различны, в зависимости от их воспитания и круга жизни.

Такой же строго замкнутый национальный инстинкт, хотя не такой жестокий и бесчеловечный, как еврейский, проявляли и мы, русские, в период допетровской Руси. Но *témpora mutamur et nos mutamur in illis...* ^[13] Петр I прорубил окно в Европу. Много через это окно прошло хорошего и полезного для России, но вместе с этим через это окно прорвался ужасный скептицизм и множество других проявлений, шаг за шагом подтачивавших, постепенно расшатывавших, мало-помалу уничтожавших прирожденный и присущий природе русского человека физический национальный инстинкт.

Следя за развитием национальных групп, мы не можем в истории человечества не видеть такой постепенности: в период нормальной пастушеской жизни народы живут патриархальной жизнью. Во главе стоит патриарх, родоначальник, под его властью – остальные члены рода. Все эти члены рода объединены взаимной любовью, взаимными интересами, взаимной целостью, взаимной принадлежностью. С увеличением народа растет потребность, условия жизни усложняются. Принадлежащие к роду начинают

делиться на слои. Начинается дробление по специальным занятиям: одни пашут землю, другие пасут скот, третьи готовят одежду, четвертые учатся военному искусству и охоте, пятые занимаются высшими делами рода и хранением духовного достояния и т. д. Так начинается постепенное разделение на общественные слои. Вековая жизнь постепенно выдвигает касту работников, касту воинов, касту промышленников, касту ученых, касту духовных и касту правителей. Этим самым равноправное положение членов общества, народности, народа изменяется и переходит в иной строй, строй зависимости, подчинения, рабства и господства. Слабые телом и слабые духом (необразованные) постепенно подчиняются более сильным физически, более умным, более просвещенным, более изворотливым. Невольно создаются рабы и владыки. Первые служат вторым за то, что вторые их охраняют от врагов и враждебных воздействий воинственных соседей, хищных зверей, болезней, невежества и т. д. Самый умственный труд еще не в почете. Науки и изобретение – это проявление труда, а всякий труд близок к работе и напоминает рабство, – поэтому сословие людей умственного труда стояло посередине между рабами и владыками.

Время, однако, идет. Познание и изобретение являются силой. Они дают мощь, они дают производство, они дают удобства жизни, они дают капитал и продукты капитала – производство, культуру, жизненное благо. Мало-помалу физическая сила и власть начинают сознавать, что ум и познание – сила. Поэтому физическая сила постепенно начинает уступать силе знания, силе изобретения, силе производства, силе капитала. Вместе с этим просыпается в данном обществе и самосознание, и самоопределение. Члены наций начинают понимать, что все члены нации – создания одинаковые и имеющие

право как на равное существование, так и на равное пользование благами жизни. С этой поры начинается стремление высших, образованных, состоятельных, мыслящих классов снизить к своим братьям-труженикам и поднять их из положения раба в положение равного.

Их неравенство начинает проявляться не в породе и принадлежности к тому или другому классу по происхождению, а в культуре, образовании и знании. Самые высшие государственные места, самое высшее положение в духовном звании, и в науке, и в искусстве в равной мере могут занять как дети владык, так и дети рабов. И нет с этого времени ни рабов, ни владык, а есть граждане. И от нас самих и наших природных дарований и наших духовных потребностей зависит стать тем или другим. Разве мы не видим теперь, что дети бывших крестьян стали знаменитыми учеными, миллионерами, капиталистами и проч. и дети княжеских фамилий попали кондукторами... Явилось на свет равенство и братство и по закону, и по фактическим жизненным условиям, не только перед Богом, но и перед законом.

Таким образом, общность культурная, общность образовательная повела к тому, что высшие, более образованные и более состоятельные классы пришли к сознанию блага культуры, снизились к тем своим братьям, которые стояли ниже, в неведении, умственной темноте, но с прирожденной любовью ко всему доброму, ко всему нравственному, ко всему родному. Эти высшие классы позаботились о том, чтобы просветить их, дать и им блага высшей культуры, поднять их до себя и сравнять их с собой. Это уравнение идет и теперь, идет неудержимо.

И вот эти люди связаны между собой едиными чувствами национальной любви, любви прирожденной, любви бессознательной, любви инстинктивной –

национальными чувствами. Это чувство у русских лежит в нашей земле, в нашей православной вере, в нашем родном русском языке, в нашей исторической судьбе, которую мы все вместе прошли, в нашем народном характере – преданиях, сказаниях, песнях и проч., – в нашем духовном богатстве, созданном вековым трудом сынов нашей Родины.

«Вера русского народа в свои силы и свое призвание, его горячая любовь к своей родной земле, его православие – русские убеждения, зародившиеся и выросшие в убогих сельских храмах, в монастырских обителях, его глубокий, бескорыстный, запечатленный кровью и страданиями русский патриотизм, – все это в жизни России явилось основой, сутью и достоянием великого народа, украшением, альфой и омегой его многотрудного бытия» (Н. Высоцкий^[14]).

Это национальное целое составляет собой государство, а для нас – Россию. Однако это государство, эта Россия в течение времени нашего бытия претерпела много-много изменений и перемен.

Всякое государство или объединенный народ при своем физическом и культурном возрастании невольно приходит в соприкосновение с соседями. Эти соприкосновения не всегда бывают благоприятного свойства, – чаще же неприятного и враждебного. Эта вражда иногда настолько обостряется, что вызывает столкновение или войну. Последствия этого военного столкновения – гибель и порабощение одного народа другим. Победят русских – русские подчиняются и превращаются в рабов, что и было в татарское нашествие. Победят русские – они пользуются правом победителя, правом сильного. Побежденный народ теряет свое лицо и поступает в рабство победителю. Победитель берет у него все то, что для него полезно, и уничтожает то, что противоречит интересам

победителя. Победитель пользуется не только физическим и экономическим достоянием побежденного, но и его духовными и умственными дарованиями. Все, полученное от побежденного, победитель усваивает, ассимилирует и тем обогащает свои духовные сокровища, свою культуру. Последствия от этого два: 1) национальный характер, национальное лицо путем вступления новых духовных элементов в экономию державной господствующей нации постепенно расширяется и совершенствуется; 2) соподчиненная нация, втянутая в состав державной нации, лишается тех ее особенностей и свойств, кои противоречат интересам державной нации, и вступает в обладание всеми благами культуры державной нации. Не лишаясь своих природных свойств, подчиненная нация поднимается до уровня державной и таким образом взамен своей политической самобытности пользуется правами и привилегиями державной нации.

Так постепенно основная русская нация полян поглотила и ассимилировала соседние славянские племена древлян, кривичей и проч., – так она объединила распавшиеся удельные земли и оставила одно нечто целое, сильное и мощное, – так она победила своих победителей – татар – и заставила их войти в свое национальное целое, – так она захватила множество и других племен, более ста пятидесяти, и составляет ныне нечто единое и целое. В своей ассимиляции русская нация не проявляет людоедского характера. Она оставляет побежденному его веру, его язык, его нравы и обычаи, насколько последнее не противоречит основным законам Русского государства. Главными побуждениями к расширению пределов господства русской нации было не стремление к агрессивности, к захвату чужого, а только лишь самозащита и устройство границ, обеспечивающих целостность и благополучие государства. Россию несколько

не интересовали Кавказские горы, и ныне ею почти не использованные, но Россия должна была завоевать Кавказ, дабы избавить себя от нападений и грабежей пограничных линий ее дикими хищными жителями. То же было и с крымскими татарами, и с хивинцами, и с Сибирью и т. д. Но, с другой стороны, трудно найти другую нацию более веротерпимую и народолюбивую, как русская. Ее если и можно в чем упрекнуть, то скорее в слишком большой снисходительности к покоренным народам в ущерб благополучия и внутреннего благосостояния своих коренных жителей, чем в стеснении и притеснении подчиненных народов. Какое сравнение между национализацией русских и германцев. Давно ли было то время, когда Померания и другие германские земли представлялись чисто славянскими, поголовно населенными славянами. Но пришли германцы, покорили славян и превратили их теперь в настоящих немцев. Не то русская нация. О ней поистине можно сказать то, что говорят хорваты Истрии. Ее покоренные народы имеют два языка: язык сердца (*lingua des coure*) – свой природный язык – и язык ума, язык хлеба (*lingua del rape*), язык державной нации, на котором должны вестись все деловые отношения в государстве.

Элемент, связующий членов державной господствующей нации, ее цемент, ее одушевляющее и одухотворяющее начало – это национальное чувство. Но кроме национального чувства есть еще второй, объединяющий и связующий отдельных членов народа элемент – это национальное сознание.

Основа национального сознания – личное самосознание. «Познай самого себя» – это первый лозунг каждого образованного человека, и в тесной связи с ним должен идти второй лозунг – «Познай свою родину», говорит Стриндберг. Национальное сознание есть сознание факта сходства моего с моими

соотечественниками в известных общих физических качествах языка, веры, обладания известными культурными ценностями, участия в образовании этих ценностей на благо нации и познание того, что я этими качествами отличаюсь от других наций. Национальное сознание свидетельствует, что я нашел связующую меня с ней общность характера, культуры, общность исторической судьбы, определяющей и мою личную особу. Нация есть то целое, в котором и я составляю нечто. Это величина, составляющая нераздельное целое с моим существом. Представление о моей нации всегда сочетается с моим «я». Кто позорит свою нацию, тот позорит самого себя. Величие моей нации есть слава и честь моя собственная, ибо нация существует только во мне и во мне подобных. С теоретической точки зрения национальное сознание есть признание того, что я и мои соплеменники являемся плодом одних и тех же естественно-исторических факторов. «Национальное самосознание есть сознание самого себя как части своей нации... Это то же, что чувство собственного достоинства у отдельного человека» (Виктор Струганов^[15]). Весьма важно, чтобы это сознание было всеми связано с сознанием личного участия в строении культурного уклада Родины на благо этой Родины. Без этого последнего только возникают те эпидемии казнокрадства, мошенничества, воровства, которые нам приходится наблюдать в последнее время на нашей Родине. Естественно, что национальное самосознание возможно только в том случае, если нация вышла уже из доисторического состояния и стала на путь культуры и исторического бытия. Национальное сознание делает нацию сознательно движущей силой человечества и, в частности, политической деятельности.

Даже в одном и том же государстве национальное сознание далеко не всегда развито в одинаковой

степени. У народов, начинающих жить самостоятельной сознательной жизнью, только интеллигентные классы проявляют национальное сознание, – низший же класс, народная масса живет национальным чувством и стоит далеко от определенного национального сознания.

Таким образом, громадная разница лежит между национальным чувством и национальным сознанием. Национальное чувство есть прирожденная принадлежность физической и душевной организации. Оно инстинктивно. Оно обязательно. Национальное сознание – акт мышления и вытекает из бытия нации. Сплошь и рядом национальное сознание зиждется на почве национального чувства, но оно не самобытно и является сознательным последствием первого.

Вот что говорит о национальном чувстве представитель Австрийской социал-демократической партии Отто Бауэр: «С чувством любви к моей нации пробуждается во мне не мнимая или действительная общность интересов с моими соплеменниками, а познание общности характера, познание того, что национальность есть не что иное, как форма моей собственной индивидуальности. Себя самого люблю я, так как во мне живет инстинкт самосохранения, – нация же представляется мне не чем иным, как частью моего я. Национальная особенность воплощается в моем характере, – вот почему я люблю нацию. Поэтому любовь к нации не есть какая-нибудь нравственная победа, результат нравственной борьбы, которым я мог бы гордиться, а только проявление инстинкта самосохранения, любви к самому себе, каков бы я ни был вообще, – любви, распространяющейся на всех тех, с которыми меня связывает общность национального характера. Если я считаю ценной индивидуальность моей нации, какова бы она ни была вообще, то отсюда вытекает воля к сохранению этой национальной

самобытности. Это будет политика, стремящаяся к сохранению национальной индивидуальности».

Национальное сознание есть проявление «сознания самого себя как части своей нации», и так как «никто же себя возненавидит», то в силу этого каждое сознательное «я» относится с чувством уважения к своим прошлым историческим судьбам, к своей настоящей культуре и политике и своим будущим планам и пожеланиям. Это есть акт интеллектуальный и только реактивно освещенный чувством.

Национализм можно различать личный или индивидуальный и массовый. Личный индивидуализм есть национализм, присущий природе каждого человека, – массовый партийный национализм отличается от индивидуального только тем, что проявляется объединением чувств, мыслей и желаний отдельных лиц в большом едином целом.

Слово «национализм» можно понимать в двояком смысле: широком и узком. В широком смысле национализм – духовное веяние, течение, направление в данном народе, имеющее целью и задачей поднятие и совершенствование блага данной нации. Это и будет национализм массовый, партийный. Национальная партия в государстве есть партия, имеющая своей главной задачей, своим стремлением, своей деятельностью благо, славу, силу и честь державной, господствующей в государстве нации, также благо и тех соподчиненных наций и народов, кои всецело сливаются с державной нацией, данное государство считают своей родиной, своими Отечеством и заботятся о его величии и совершенствовании.

Очень интересное и красивое определение национальности дает М.О. Меньшиков^[16]. «Национализм есть независимость от всего. Национализм есть освобождаемая энергия народная, самостоятельная и

самодержавная в своем труде». И это определение национализма совершенно верно, если рассматривать национализм как проявление массовой энергии духа. Действительно, все истинные националисты вместе с тем и великие труженики. Нации наиболее национальные в то же время и наиболее трудолюбивые. «Сыновья лордов в молодые годы едут в колонии, за океаны, к антиподам в поисках живого и тяжелого труда, в поисках состояния, обеспечивающего в их глазах жизнь джентльмену. В Англии аристократический, т. е. вопреки ходячему предрассудку, – рабочий тип, деятельный, отважный, – ему противопоставлен плебейский, ленивый, паразитный тип, преобладание которого ведет к гибели некоторые великие страны Европы. Примером истинно национального юноши берите любого из великих тружеников, которые в Англии и Америке вышли из нищеты и достигли вершины славы...»

Но в русском национализме нужно отличать и еще одну особенность. Стомиллионная русская нация в течение тысячи лет жила главным образом трудом и потом, кровью и телом простого русского народа. В течение тысячи лет этот народ главным образом проливал свою кровь. На его костях строилось Русское государство. Его трудами питались все граждане. Его жизнью достигнуто могущество и величие России. Между тем этот народ в течение тысячи лет был только рабом. Императрица Екатерина уничтожила для него позорное звание раба, но это не мешало ей закрепить более миллиона русских различным русским и инородным магнатам. Только император Александр II дал свободу закрепощенным. Император Александр III всю свою жизнь посвятил улучшению благосостояния русского народа, и только император Николай II признал в нем права гражданина и призвал к участию в строении государства. Но тысячелетнее

рабство тяжелым гнетом отразилось и на физическом, и на душевном лице русского крестьянина, русского народа. Долг, великий долг, неоплатный долг русской национальной партии – заботиться о благе, счастье, величии, мощи и сознании всей русской нации, но паче всего и переее всего – о благе, счастье, величии, мощи, сознании и праве русского крестьянина, русского народа. Русский народ – это мощь государства, это сила государства, это величие государства. Русская национальная партия переее всего должна стать народной демократической партией, и только в таком случае она будет иметь право называться национальной партией.

Давно уже русская интеллигенция отреклась от своего народа и знается с инородческими сепаратистами, а русское общество занимается русским народом больше после сытного обеда за чашкой кофе или за сигарой. И то и другое или позорно, или бесплодно. Не то нужно на деле, и не то даст плод. Вспомним А.С. Хомякова^[17]: «Принадлежать народу – значит с полною и радушною волей сознавать и любить нравственный и духовный закон, проявлявшийся в его историческом развитии. Тонкие, невидимые струны, связывающие душу человека с его землею и народами, не подлежат рассудочному анализу. Может быть, нельзя доказать, чтобы русская песня была лучше исполнения баркаролы или тарантеллы, но она иначе отзовется в русском ухе, глубже потрясет русское сердце... Только в живом общении народа могут проясниться его любимые идеалы и выразиться в образах и формах, им соответственных. Чтобы оживилась наука, быт и художество, чтобы из соединения знания и жизни возникло просвещение, мы должны слиться с жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и обрядным

единством как средством к достижению единства истинного...»

Петр Струве^[18] полагает, «что есть два национализма с диаметрально противоположным отношением к окружающей его враждебной или индифферентной среде. Один национализм – свободный, творческий и потому открытый и в подлинном, и лучшем смысле завоевательный. Другой национализм – скованный, насильный и потому вынужденный бояться других и обособляться от них. Это национализм закрытый, или замкнутый, или оборонительный». Носителями первого являются англосаксы, носителями второго – евреи. «Какой национализм должен проводить русский народ и русское государство? Национализм нового англосаксонского или старого еврейского типа? Не может быть сомнения: свободный, открытый, завоевательный национализм есть свидетельство силы и здоровья большой нации... Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент... Но национализм может быть подлинной силой только там, где он опирается на самодеятельность широких народных масс. Это верно по отношению к угнетенным национальностям и еще более верно по отношению к такой национальности, которая, как русская, создала самое государство и играет в нем первенствующую роль... Великому народу, создавшему могущественное государство, не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состояние национальности...»

Что такое национализм? Национализм – это проявление уважения, любви и преданности, преданности до самопожертвования в настоящем, почтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит. Каждый член нации есть часть целого, и как нация не может и не должна оставлять своего члена беззащитным и неотомщенным как внутри, так и вне места ее обитания, так и часть ее, ее члены должны быть всегда готовы пожертвовать собой для своей народности.

Часто смешивают национализм с патриотизмом, однако между ними серьезная разница. Национализм есть беспредельная любовь и готовность к самопожертвованию за свою народность, а патриотизм – такая же любовь и готовность к самопожертвованию за Родину, Отечество. Национализм скорее понятие психолого-антропологическое, а патриотизм – историческо-географическое. *Natio* – народ, *patria* – отечество, географическая величина, составляющая пространство, занимаемое тем или другим государством с его прошлым.

Государство может быть заселено одной или несколькими народностями. Есть государства, которые заселены целиком одной народностью, – для граждан такого государства национализм и патриотизм – понятия тождественные. Есть государства, и таких большинство, в коих одна нация является державной и несколько или много народностей ей соподчиненных, как, например, Англия, Германия, Австрия и проч., а в России таких соподчиненных наций более ста пятидесяти. Есть государства, населенные несколькими равноправными нациями, как Швейцария. Бывают случаи, когда одна нация не имеет одного отечества, а разбросана по различным государствам, как цыгане,

армяне, евреи и проч. Есть, наконец, такие аномальные случаи, когда в державном государстве соподчиненные нации стремятся поглотить другие, менее культурные нации того же государства в противность интересов господствующей нации, как это делают поляки в Белоруссии и Литве, финляндцы с карелами, лопарями и проч., татары с мордвой и проч.

Ясно - национализм и патриотизм не одно и то же. Скорее патриотизм - понятие более общее, а национализм - понятие частное. В каждом государстве может быть только один патриотизм и несколько национализмов. Одним из краеугольных внутренних устоев, на которых зиждется сила, крепнет и жизненность государства, один из могущественных оплотов, охраняющих его целостность и благосостояние, - это любовь народа к своему Отечеству, народный патриотизм.

Тем не менее очень часто слова «национализм» и «патриотизм» употребляются как равнозначные в смысле национализма.

Пока у народа не потеряно и не ослаблено его достоинство, никакие внешние бедствия и потрясения внутренние не опасны для его государственного бытия.

Н. Страхов говорит следующее: любить Отечество, прежде всего, значит любить свою родную страну, то есть ту определенную географическую территорию, где человек впервые открыл глаза на свет божий, где его вскормили, где он приобрел свои первые познания, испытал первые радости жизни, - словом, где на него действовали первые впечатления, - самые сильные и глубокие из всех впечатлений. Любить свою родную страну - значит любить самую природу этой страны со всеми ее особенностями, любить те поля, луга, леса, реки, озера, холмы и горы, которые с детства окружали человека в его родной стране и были первыми его знакомцами. Это будет элемент любви к Отечеству

чисто физический. Далее, любить Отечество – значит любить населяющий родную землю народ. Люди, населяющие извилистую территорию земной поверхности, считают себя обладателями ее и ее считают своей родной землей в силу того, что она возделана и оставлена нам в наследие прадедами, дедами и отцами. Это общее наследование земли и совместное пользование ею необходимо соединяет людей тесными узами, а вместе с тем сообщает им свой особенный отпечаток, с одной стороны, в силу пламенного кровного родства их, с другой, – в силу одинаковости внешних условий их совместной работы. Группа людей, соединенных этими тесными узами, получившая свой особенный отпечаток в силу указанных условий, и образует то живое целое, которое и называется нацией или народом. Быть живым членом этого целого – значит любить его особый природный отпечаток, особенность его натуры, характер, – любить продукты его духовного творчества, язык, произведения искусства, литературы, – любить его прошлое, то есть историю, предания, – любить его настоящее, то есть идеалы и стремления.

«Что такое Отечество? – спрашивает Хомяков^[19]. – Это та страна и тот народ, создавший страну, с которым срослась вся моя жизнь, все мое духовное существование, вся целостность моей человеческой деятельности. Это тот народ, с которым я связан вполне жилами сердца и от которого оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло».

Эта любовь к народу составляет тот элемент любви к человечеству, который называется сознательным или нравственным национализмом.

Таким образом, патриотизм – скорее физический элемент любви к Отечеству, тогда как национализм – элемент нравственный и духовный.

Но и этим любовь к Отечеству не исчерпывается. Любить Отечество – значит любить ту гражданственность, которую выработал народ... Любить Отечество – значит любить благо Отечества, благо Родины своей, благо своего народа, благо своего государства, дорожить этим благом, охранять его, служить ему, любить самое служение, любить свои обязанности, направленные к охранению и возвышению блага своего Отечества.

«Все, чем мы питаем свою духовную природу, все, что дает красоту и достоинство нашей жизни в области религии, науки и искусства, – все это выросло на почве образованного общежития, обусловленного государственными порядками», – говорит Вл. Соловьев.

«Тем, что мы представляем собой, что есть у нас, мы во многом обязаны прошлому, обязаны своей нации, мы в долгу у нее, и отвергать этот долг, разрывать с нею не имеем нравственного права. Если есть способности и обязанности у отдельных людей, тем более тем серьезнее они у целой нации. И народ не имеет права пренебрегать ими, отречься от того, что дано ему, что выработано, развито им в многовековой жизни. Своей, национальной жизнью он внесет в общую мировую борьбу за добро больше, чем жизнью чужой, обесцвеченной, интернациональной» (М.Н. Дурново).

Наш знаменитый историк Карамзин говорит следующее: «Патриотизм есть любовь к благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях.

Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, она есть дело природы и должна быть названа физической. Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями. Любовь к гражданам или людям, с которыми росли, воспитывались и живете,

есть вторая, столь же общая, как первая, местная или физическая, но действующая в некоторых местах сильнее, ибо время утверждает привычку».

Известный русский церковный оратор, харьковский архиепископ Амвросий говорит следующее: любви нельзя ни учить, ни учиться. Любовь есть чувство свободное. Так и любви к Отечеству никто не учит. Она есть одна из самых крепких естественных привязанностей человека. Можно только содействовать ее расширению и возвышению. Это многообнимающее чувство любви к Отечеству состоит из различных привязанностей, как страна, язык, вера, нрав и обычаи и проч.

Есть мыслители, которые не только не признают, но даже порицают узкий эгоистический национализм и проповедают всечеловечество, интернационализм и космополитизм, то под фирмой христианства, то под фирмой социализма. К этой группе антинационалистов принадлежит и наш мыслитель настоящего времени, Вл. Соловьев. Но и он должен был сделать уступку в силу неизбежной необходимости. «Каждая нация – живой орган единого тела – человечества – выполняет особенную свою функцию во всемирной истории, – каждая нация имеет своего рода миссию. Национальное чувство и патриотизм, старающиеся сохранить и развить народную самостоятельность и в жизни, и в мысли, имеют оправдание с точки зрения всечеловеческой. Ибо если народность есть орган всечеловеческого организма, то что же это будет за организм, состоящий из безжизненных и бессильных органов, – что же это будет за человечество, состоящее из бессильных и бесформенных народностей. Принадлежа к известному народу, мы волей-неволей причастны народной самобытности, народному характеру и типу, мы неизбежно налагаем свой

национальный отпечаток на все, что мы делаем, – «хорошее и дурное».

Итак, национализм есть проявление бессознательное, инстинктивное и прирожденное и проявление сознательное, логический вывод из национального бытия, то есть национальное чувство и национальное сознание. Значит, национализм есть слагаемое из национального чувства и национального сознания.

Всякое государство живое и действующее должно быть исполнено национализма. Это его душа. Это его сущность. Это его бытие. Космополитическое государство – аморфная, бесформенная масса. То же и с человеком. Что такое человек без нации? Быть может, это идеал. Но идеал в реальной жизни – нечто отвлеченное, бессильное и обречен на гибель. Человек без нации – то же, что дерево без рода. Дерево – ни груша, ни слива, ни яблоня – в природе не нужно. Требуется или то, или другое, или третье. Человек-идеал – человек будущего. Космополит – не живой человек, а, как метко сказал Карамзин, «существо метафизическое». Тургенев устами Лежнева еще резче выразился по этому поводу: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее обойтись не может. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится. Космополит – это нуль; хуже нуля; вне народности – ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет! Без физиономии нет даже идеального лица; только пошлое лицо возможно без физиономии». Он чужд всему, и ему чуждо все. Это есть миф, это – схоластика. Теперь может быть или немец, или француз, или японец, или русский, – а человек исчезнет с лица земли, как исчезли мамонты, ихтиозавры и проч.

Великие нации потому и сильны, что они национальны. Они составились не только из своего

племени, но и из поглощенных ими народов. Потому эти великие нации, будучи глубоко национальными, в то же время могут и должны быть и державными и господствующими. Если же соподчиненные им нации не будут ими придерживаемы, то самая сила и мощь державной нации будет подорвана, ибо каждая из этих наций будет стремиться стать равносильной и политически равноправной и тем самым ослабить мощь и державу господствующей нации.

В этом отношении поучительны слова Рузвельта: «Мы должны сделать из них (иностранцев-переселенцев) американцев во всех отношениях: по языку, политическим взглядам и принципам, по пониманию и отношению к церкви и государству. Мы приветствуем немца, ирландца, стремящихся стать американцами, но нам не нужно чужеземцев, не желающих отказаться от своей национальности. Нам не нужны немцы-американцы, ирландо-американцы, образующие особый слой в нашей общественной и политической жизни. Мы никого не можем признавать, кроме американцев...» И это говорит социал-демократ... А чем же мы хуже американцев...

Но, имея за собой все права превосходства и физического и культурного, державная нация должна все силы своего превосходства употреблять на то, чтобы и соподчиненные ей нации развивались и физически, и материально, и нравственно, и умственно. В том и заключается ее собственная сила и собственная мощь, чтобы соподчиненные нации поднять до себя и дать возможность и им использовать все блага своей культуры. Но взамен этого она имеет полное право требовать, чтобы соподчиненные ей народности развивались и совершенствовались в единении с целями, намерениями и стремлениями с нею, господствующей нацией, ибо благо господствующей нации заключается в благе соподчиненных наций и

благо соподчиненных наций – в благе господствующей нации.

Я позволю себе сказать несколько слов о государстве и государственности.

Профессор А.Д. Градовский^[20] говорит следующее: «Каждая страна, входящая в состав государства, необходимо должна слиться с ним в одно целое, вступить с ним в органическое соединение, сделаться неразрывною частью одного целого. Пока существуют в государстве племенные оттенки, мнения различные, настолько сильные, что они могут внести рознь в общегосударственную жизнь, развитие его нельзя считать оконченным. Оно не достигло коренного условия своего существования: национального единства, и чем больше мы видим в данном государстве местностей и племен, состоящих на особом положении, тем дальше это государство от полного развития своих национальных начал, тем больше препятствий и трудов предстоит ему преодолеть».

«Но государство не стирает всех местных особенностей, и, ввиду этих особенностей, местное население должно быть снабжено известной суммой прав, дарованных ему общим законодательством, причем местная администрация должна быть поставлена в возможность действовать сообразно с условиями времени и места, и самодеятельности общества. Однако введение в эти местности настоящего самоуправления дало бы легальную жизнь не только сродным нам общественным элементам, но и враждебным для нас началам. Поставленные друг подле друга начала эти вступили бы в борьбу и, принимая низкий уровень образования и слабое экономическое положение дружелюбной для России части общества, обеспечили бы преобладание враждебных ей стремлений. В этих случаях

самоуправление в указанных областях означало бы освящение сепаратных, антигосударственных, антинациональных и даже противообщественных стремлений, которые привели бы к подавлению здоровых общественных сил и торжеству враждебной для нас политики. Попечительство правительства в таких местностях, естественно, должно быть направлено к поддержанию русских начал, а не к развитию земских учреждений в том виде, как они возможны в других областях нашего Отечества».

Петр Струве^[21] говорит следующее: «Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и свободного государства... государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи. Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически слиться».

Тот же Струве продолжает: «Всякая крупная нация стремится создать себе государственное тело. Но идея и жизнь нации всегда шире, богаче и свободнее идеи и жизни государства...»

Я позволю себе привести здесь еще мнение по этому поводу профессора Локтя^[22].

«Национальное начало является естественной и могущественной объединительной силой для общественных групп не только независимо, но даже в известных случаях и вопреки социально-экономическим их интересам... Вот почему национальное единство нации – первейший запас внутренней ее сплоченности, первейший запас более ровного, эволюционного ее политического развития. Разноплеменность нации

усложняет процесс ее объединения, ее государственного развития, так как нет и никогда не может быть национальных групп абсолютно равносильных, а бесспорная наличность национального объединения этих групп неизбежно толкает их на общественную борьбу с другими национальными группами... Ясное национальное самосознание облегчит общественную борьбу группы за ее интересы и будет способствовать росту ее общественной силы. Особенно необходимо это национальное самосознание для мелко и среднеимущих масс буржуазии, которые мы с полным правом можем называть мелкой и средней имущественной демократией.

Тот взрыв национализма, который мы в настоящий момент наблюдаем в политическом сознании русских народных масс, который мы, конечно, не можем считать каким-либо искусственным политическим продуктом, так как он органически вытекает из необходимости политического самосознания и самоопределения общественных групп, уже призываемых к планомерной и закономерной политической жизни, – этот взрыв национализма России как нельзя более убедительно говорит о его необходимости. Народные массы, народные демократические группы в конце концов подчинят себе интеллигентные группы, и общественно-политическое мировоззрение интеллигенции неизбежно должно будет включить элемент национализма.

Само государство, сама исполнительная государственная машина неизбежно должна будет в известные моменты и при известных условиях становиться национальной не только в смысле отражения нации как сборного и в национальном отношении целого, но даже и в смысле отражения одной определенной национальности, интересы которой в данный момент получают доминирующее положение и отражение в равнодействующей.

Вот почему в данный момент вполне законным для русской государственной власти является лозунг: государственная власть должна быть национальной русской!.. русская национальная группа не только вправе, но и обязана предъявить своему правительству, своей государственной власти требование быть национальным, т. е. оберегать политические интересы коренной национальности, пока коренная национальность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политические интересы от излишне неуступчивых притязаний других национальных групп...

Однако, не пренебрегая помощью государственной власти, коренные национальные группы должны и сами по себе энергично развивать и ускорять политическое самосознание и объединение. Должны это думать не только крупно имущие верхи национальных групп, но и их демократические массы».

«Русская нация, – говорит тот же автор, – как субъект, представитель и обладатель русского государства, конечно, включает в себя все те национальности, которые объединены под общим скипетром русской верховной власти; все они имеют право на обладание той долей прав и преимуществ, связанных с государством, какая соответствует доле исторического и фактического участия каждой из них в создании государства... Солидарность и единство государственные поневоле до некоторой степени имеют даже принудительный характер, так как эта солидарность, это единство подразумевают соглашение, координацию интересов и претензий весьма разнородных групп, входящих в государство».

Эти требования и права партий устанавливаются законом. «Вполне естественно, что закон не может совершать и одинаковым образом удовлетворять

интересы и претензии всех групп, объединяемых государством. Идеальным требованием от закона является требование защиты более слабых групп... Требование «полного равенства», «полного равноправия», выставляемые с таким quasi-демократическим энтузиазмом космополитическим течением, представляет и абсурд с точки зрения реального соотношения сил, и злостное предательство интересов слабейших общественных групп как социально-экономических, так и национальных: дать сильным группам права, равные с правами слабых групп, – значит предать эти группы на общественное рабство их сильным соперникам по жизненной борьбе... Закон и государство не только не может этого сделать, оно не должно этого делать в интересах той общественной справедливости, которая одна только гарантирует прочность государства...» Такими сильными и организованными партиями профессор Локоть считает еврейскую, польскую и немецкую и другие партии и вполне слабыми, только нарождающимися – русские партии.

Истинные демократы... никоим образом не могут идти на приманку абсолютного равенства, выгодного в данный момент для более сильных групп, но весьма невыгодного для слабых групп. Если еврейская, польская, немецкая и т. п. национальные группы в данный момент являются более сильными, чем группы великорусская, малорусская, белорусская и т. и., то для демократической интеллигенции, принадлежащей к этим национальным группам, было бы истинным предательством интересов народных масс этих групп включать в программу своего общественного мировоззрения принципы абсолютного равенства всех национальных групп – еврейской, польской и т. п., – настаивать на таком равенстве было бы проявлением непокрытого безудержного национального эгоизма,

клонящегося только к полному порабощению более слабых групп, то есть к полному нарушению принципов истинного демократизма и той общественной справедливости, вне которой прочное существование и нормальное развитие государства немыслимо... Группы, в лице своих сознательных общественно-политических представителей, договариваются с сознанием взаимных сил и достоинства о своих общественно-политических правах, выражаемых и закрепляемых в законодательстве. Это ни в коем случае не «национальная вражда», не «взаимное национальное истребление», не «человеконенавистничество», а только здоровое начало групповой общественной борьбы... жизненно равные станут действительно равными. Равноправие будет тогда отражением равносилия, равносилие будет гарантировать истинное, реальное равенство... Если объективные данные говорят нам о том, что, например, еврейство как национальная группа является в то же время более сильной экономической группой, а мы под флагом «равенства» и «равноправия» будем настаивать на предоставлении еврейской группе еще большей возможности усиливать свое экономическое господство над другими, более слабыми группами, то это не будет ни демократично, ни прогрессивно, ни гуманно, а будет только в явный ущерб более слабым группам... Конечно, для еврейской группы «равенство» и «равноправие» евреев, защищаемое интеллигенцией, будет выгодно, но каково оно будет для великоруссов, малоруссов и белоруссов?..

По вопросам государственности и нации недурно иногда обращаться к прошлому. Еще в царствование царя Алексея Михайловича явился в Россию серб Юрий Крижанич, великий патриот-славянин, и, прожив невольничьи в ней очень долгое время, оставил по себе ученые труды, достойные полного внимания. Вот что он,

между прочим, говорит о государстве и нации: «Государство должно быть строго национально, – оно должно стремиться к удовлетворению нужд своего народа, – направление всей политики должно соответствовать взглядам и миросозерцанию народа, – по отношению же к иностранцам и инородцам государственное управление должно руководиться принципами недоверия. «Знай сам себе и не веруй инородникам» – вот два краеугольных камня внутренней политики. «Несть кралю славы в том, аще многи инородцы будут у него объедены и пьяны. Те бо хлебогубцы едучь и пиучь насмеиваются токовому поступку, а ины поготову и боле. Но слава кралю аще домашни подданики будут богаты и честны...» «Нет ничего губельнее для народа и государства, – говорит он, – как оставлять в пренебрежении свои древние простые и добрые нравы и перенимать чужие нравы, законы и язык и стараться преобразить себя в другой народ. Всякий народ, который отстывает от своих нравов и законов, тем самым утрачивает и свое благоденствие» (В.Э. Вальденберг^[23]).

В Германии издана в миллионах экземпляров интересная брошюра, содержащая, между прочим, десять заповедей германского национализма и патриотизма. Заповеди эти гласят:

1. Производя расход, хотя бы и самый малый, надлежит считаться с интересами отечества и сограждан.

2. Не следует забывать, что, приобретая какой-либо иностранный товар, хотя бы ценой в один грош, ты уменьшаешь на этот грош состояние твоего отечества.

3. Твои деньги должны давать выгоды и барыш только немецким торговцам и рабочим.

4. Не оскорбляй Германской земли, германского дома и германской мастерской, пользуясь

привезенными из заграницы машинами и орудиями.

5. Не допускай того, чтобы на твоём обеденном столе появлялось заграничное мясо, сало и т. д., ибо это будет вредить германской скотопромышленности и отечественному скотоводству.

6. Пиши всегда на немецкой бумаге, немецкой ручкой, обмакивая ее в немецкие чернила и пользуясь немецкой промокательной бумагой.

7. Носи одежду исключительно из немецких материй и немецкого производства головные уборы.

8. Пойти впрок немцу могут лишь немецкая мука, немецкие плоды, немецкое пиво и т. д.

9. Если ты не любишь немецкого кофе, то пей кофе, привезенное из германских колоний. Детям и жене прикажи пить немецкое колониальное какао и шоколад.

10. Не соблазняйся никогда никакими иностранными товарами и знай твердо, что только Германия производит все, что нужно для немецкого гражданина.

Слова «Германия» и «немец» должно заменить словами «Россия» и «русский».

Сепаративный национализм

Пользование благами культуры во всех государствах распределено между различными слоями населения далеко не одинаково. Обычно классы более образованные, более развитые пользуются и большим участием в культурном существовании. То же должно сказать и по отношению к соподчиненным нациям.

Но главная задача честных членов правящих классов – поставить дело так, чтобы и нищий, бедный, трудящийся класс государства пользовался возможно полнее всеми благами культуры. Для этого всякое культурное государство стремится устроить наиудобнейшие и дешевые пути сообщения, наделить

достаточным количеством земли, дать работу, обеспечивающую благополучие работника и семьи, дать образование, поднимающее духовную личность человека и его материальное благосостояние, поставить его полноправным гражданином государства и т. д. Конечный идеал каждого культурного государства – сравнять всех граждан в образовании, благосостоянии и правах.

Разумеется, такое стремление дается очень трудно, и много тому на пути встречается препятствий, а главное – само природное индивидуальное отличие: овому убо даде пять талантов, овому же два^[24], а иные являются и вовсе бесталанными. Если мы к этому добавим вырождение, прирожденную преступность, социальную преступность и проч., то увидим, что Царство Божие, царство равенства, братства и любви, трудно достижимо.

Тем не менее мы ясно видим, что улучшение благосостояния работающего класса населения в нашем Отечестве значительно подымается, и если бы не было побочных весьма тяжелых осложнений и затруднений, то удовлетворенность была бы довольно полною.

Таково положение национализма и его проявлений в современных культурных государствах, где культура к рабочему классу идет сверху вниз.

Но и в недавнее время во многих государствах намечается и другое направление – стремление рабочего люда завоевать себе культурные блага путем насилия, путем захватного права и опять-таки в связи с вопросом о национализации. Я имею в виду социал-демократическое направление.

Обращаю особенное внимание на эту сторону дела. Безусловно, каждый мыслящий человек для того, чтобы уметь бороться с надвигающейся опасностью, должен быть обстоятельно с ней знаком. Вот почему я особенно

подробно остановился на национализации и национализме с точки зрения современной социал-демократии.

Еще до настоящего времени социал-демократы не только отрицали всякий национализм, но прямо смотрели на него как на нечто вредное и преступное, составляющее основное отличие правящих и буржуазных классов.

В громко называемом «коммунальном манифесте» 1847 г. основными проводились «идеи солидарности и общности интересов пролетариата как единого класса, объединяющего экономически однородные элементы всех стран, всех национальностей всего мира» (Ратнер). Его заключительные слова «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» являлись не случайною мыслью, а лозунгом, неразрывно связанным с самым содержанием манифеста и объединяющим его теоретическую сущность и все его практические *raison d'être*. В этом манифесте говорилось: «Рабочие не имеют отечества... Национальная обособленность и антагонизм все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, свободой торговли, с мировым рынком, с однообразием промышленного производства и соответствующих ему жизненных отношений. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение». «Отечество пролетария – весь мир...» Социал-демократические съезды в 1891 г. в Эрфурте, в 1892 г. в Генуе, в 1893 г. в Брюсселе, даже в 1904 г. в Цюрихе ни словом не говорят о возможности проявления национализма в социал-демократической среде. Напротив, интернационализм и космополитизм еще более теоретически закрепляются и кодифицируются. Каутский, например, говорит: «Современный пролетарий отрывается от отечества гораздо полнее, чем странствующий подмастерье или купец».

Но вопреки всяким теориям жизнь свое берет. Взял свое и национализм. Прежде всего, социал-демократы берлинского парламента при возникновении вопроса о возможности начала войны между Францией и Германией преспокойно заявили, что, будучи по убеждениям социальными космополитами, они в защиту отечества на деле останутся верными и достойными сынами Германии. Еще резче выступила схватка между социал-демократами поляками и немцами, и чехами и немцами в Австрии. Тут уже нельзя было скрыть явного обострения сепаратного национализма и явного национального автономизма даже в одном и том же государстве.

В самой догматической литературе начинается постепенный отбой. Так, Каутский раньше писал: «Национальные стремления, как ни выгодны они, становятся все более и более бесполезными, а иногда даже вредными...» А позже вот что: «Социал-демократическая партия должна быть в такой же мере национальной, как и демократической» – и что национальная автономия может и должна стать лозунгом интернациональной социал-демократии. Зомбарт также запел на эту тему: «Социальное движение в различных странах с капиталистической культурой получает различную окраску соответственно национальным различиям его носителей, вследствие чего можно, например, отметить особые «национальные типы» социального движения – английский, немецкий, французский. Космополитизм интеллигентных одиночек, проникнутых ассимилирующей идеологией, всегда сменяется глубоко и органически национальными формами жизни, как только на авансцену политической борьбы выступают во всей своей стихийной целостности народные массы, чуждые абстрактной культурности, но связанные тысячью живых нитей со всей совокупностью специфической

социальной среды своего времени, своего места, своей родины, своего народа».

Резко проявилось сепаратистическое, а вместе с тем интернациональное и космополитическое движение социального национализма в 1897 г. на Брюннском съезде социал-демократов. Здесь защитниками старого космополитизма выступили Nemetz, Libermann и др., а проповедниками нового – Pernerstorfer, Adler, Дантевский и др. Натиск нового учения был слишком велик. За ним стояла сила новизны его. За ним стояла мысль о сохранности в неприкосновенности автономности каждой, самой мелкой нации в ее психоантропологическом виде и вместе с тем наличность культурного национального интернационализма и культурного космополитизма. Новое учение сразу одержало победу. Появилось множество брошюр и монографий, и даже наш пролетариат засыпан красной макулатурой того же содержания...

До второй половины XIX в. борьба велась между государствами. Но такая борьба часто ставила в опасное положение многие нации. Многим из них приходилось истреблять друг друга в угоду государству. Так, в войне мелких государств Италии в угоду государям итальянцам, братьям по племени, приходилось истреблять друг друга. Еще резче это проявилось в войне Германии и Австрии. Здесь дети культурного племени, немцы, должны были резать друг друга в угоду домов Гогенцоллернов и Габсбургов... Чувствовалась нелепость племенная, нелепость крови... Естественно возникало тяготение детей разрозненного племени к единению, тем более что в нем чувствовалась сила единства и сила целокупности племени. И это единение стало совершаться. Объединились Греция, Италия, Германия, Япония... Теперь идет борьба не за интересы царствующих домов,

а за целость, нераздельность и мощь нации. Не государство идет против государства, а нация против нации. Существование Австрии как немецкого государства исчисляется днями. Не за горами стоит день соединения австрийских немцев с германскими. Дело замедляется тем, что при этом тевтонском объединении они хотят побольше проглотить славян. А, как на беду, славяне стали тоже национально просыпаться и не только не хотят объявить соус, под которым они готовы быть скушаны немцами, но даже рассчитывают вернуть кое-что и из того, что уже проглочено и еще не переварено немцами.

Таким образом, в настоящий момент настает борьба не государств, а целых народностей друг с другом за право существования, за право наилучшего быта. Такая борьба является слишком успешной и слишком симпатичной, ибо люди идут умирать не за благо повелителей, а за благо родной крови. Такова была русская война из-за сербов, такова была война из-за болгар. Успех такой войны лежал сам в себе, в существе, в крови борющихся.

И вот этот видимый, этот природный успех захотели использовать социал-демократы в пользу своего партийного учения.

На первый взгляд национальный сепаратизм совершенно противоположен общему национальному космополитизму. Но это только на первый взгляд – с различных точек зрения. Исходя с антропологической и территориальной точки зрения, социал-демократы объявили самый крайний, самый узкий национализм. Каждая «даже маленькая национальность должна быть во всякое время обеспечена в своем свободном и самостоятельном существовании». Для поддержания этой национальной политической автономности разысканы были даже прежние обмолвки. Так, в датах международной ассоциации рабочих 1869 г. говорится:

«Право даже самомалейшей национальности на свободное, самостоятельное развитие, требование, чтобы каждый член великой семьи человечества был облечен честью и достоинством, значением и величием и чтобы он прежде всего стремился решить свою национальную задачу дома, поистине братское отношение ко всем национальным движениям, добившимся полной свободы, поистине любовное отношение к малоценным языкам, рвущимся подняться на более высокую культурную степень, – вот основная черта социального национализма».

В силу нового учения каждой национальности должна быть предоставлена возможность свободно развить все ее духовные силы и способности, чтобы наполнить эти ее национальные формы творчества общечеловеческого содержания.

Особенно полно это учение вылило в работе Бауэра. Первее всего Бауэр налегает на то положение, что нация представляет собой не одну только естественную общность, но и культурную общность. С этой точки зрения каждая нация может развиваться в своем собственном направлении, в естественном отношении и отдельно – в культурном, заимствуя культуру извне и перенося ее на свою естественную почву.

По учению социал-демократии, до настоящего времени дело постановлено так, что работа одних создает культурные блага других. Такая эксплуатация состоятельными классами трудящихся мешает последним вступить в культурное общество и пользоваться благами культуры, плодами своих рук. С этой точки зрения для состоятельных классов совершенно безразлично, какой рабочий доставляет эти удобства жизни: немец или итальянец, славянин или жид и т. д.

С другой стороны, с точки зрения производителя совершенно безразлично, будут ли работать поляки или

французы, итальянцы или болгаре. Национальность тут ни при чем. Дело не мешает русскому оставаться русским, а немцу немцем. А так как национализм льстит самолюбию человека и удовлетворяет его внутреннему природному чувству, то в естественном своем праве и пускай будет каждый тем, что он есть. Отсюда у социал-демократии вытекает самая узкая, самая крайняя автономность социализма. Поэтому всякая мелкая народность имеет право на самостоятельное национальное существование. Теперь главная задача социал-демократов путем национального воспитания создать и укрепить национальную неприкосновенность и национальное чувство каждой мелкой нации. Тут социал-демократия идет к самому крайнему, самому мелкому сепаратизму. Такая школа, по Фихте, такое образование станет не собственностью, а личной составной частью воспитанника, - оно таким образом в каждом воспитаннике, а это значит, в каждом детище нации будет проявлять путем передачи национальной культуры его инстинкт национального характера.

Создавая таким способом особые самые дробные нации, Брюннский съезд социал-демократии требует, чтобы «права этих национальных меньшинств обеспечивались особыми законами, которые должны быть выработаны имперским парламентом» (у нас Государственной думой).

Эти отдельные антропологические, неприкосновенные нации в культурном отношении, однако, должны подать друг другу руки, оказывать постоянную поддержку для оказания помощи - образовать, так сказать, международный союз. С этой точки антропологический национальный сепаратизм вступает на степень международного культурного союза в том же государстве. Так возникает интернационализм одного и того же государства. «Все самоопределяющиеся области одной и той же нации

образуют национально-единый союз, который решает свои автономные дела вполне автономно. Мы, социал-демократы, не признаем никаких национальных привилегий и отвергаем требование государственного языка, – поскольку необходимость в языке для сношений существует – предоставляется решить имперскому парламенту».

Таким образом, каждое государство устраивается на союзе отдельных автономных входящих в него национальностей, причем признается антропологическая автономность каждой из этих национальностей и культурная взаимопомощь и взаимодействие. Государство, значит, будет интернациональным культурным союзом антропологически автономных наций. «Социальный принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономности. Таким образом, социальный принцип национальности синтезирует в высшее единство все преимущества как национальной автономии, так и буржуазного национального принципа.

Такой интернациональный социализм, или интернационализм, легко переходит в национальный культурный космополитизм, ибо легко международные союзы могут входить в союз союзов и образовывать космополитическое культурное целое, оставляя неприкосновенную национальную автономию.

Таким образом, элементы пролетарского интернационализма: культурный космополитизм, как его основной тон, – познание солидарности (единства) пролетариев всех наций, как его содержание, увеличивающаяся определенность в борьбе против империализма, благодаря чему национальная свобода и самоопределение становятся требованием рабочих всех наций.

Сущность дела заключается в том, чтобы пользование культурными благами (железные дороги, фабричное производство, произведения печати, познания и проч.) распространено было между всеми классами народонаселения равномерно. «Тогда и трудящиеся, и пользующиеся будут одни и те же люди, идентичны». Прежде культурная история нации была историей имущих классов, теперь история нации становится достоянием масс. Прежде чем стать полной, истинной, самоопределяющейся культурной общностью, нация должна стать общностью труда.

Социал-демократическая рабочая партия стремится к тому, чтобы сделать национальную культуру, плод труда всего народа также достоянием всего народа и таким, единственно возможным образом сплотить всех членов нации в национальную культурную общность.

Борясь за более вольную заработную плату и более короткий рабочий день, стремясь к развитию школьного дела, к тому, чтобы школа и пролетарским детям открыла доступ к сокровищам их национальной культуры, требуя полную свободу печати, союзов и собраний, рабочий класс борется за условия расширения национальной культурной общности».

Так как врагом народной массы являются имущие классы, и притом непримиримым врагом, то победа рабочими классами будет достигнута только неумолимой борьбой с ними.

«Конечная национальная цель интернациональной социал-демократии состоит в объединении всего культурного человечества для общего господства над природою и группировки человечества в автономные национальные общества, пользующиеся своими культурными ценностями и сознательно направляющие развитие своей национальной культуры».

Порядок организации имеется в виду следующий: сначала образуются местные национальные

профессиональные организации. Эти организации образуют союзы местных организаций, – эти федерации образуют собой большой союз, распространяющийся на все государство с «единым организационным строем, единой политикой, общей кассой», причем местные организации здесь имеют ничтожную компетенцию.

Наряду с политикой существует и социал-демократическая тактика. Социал-демократия намечает себе две задачи: во-первых, будить дремлющие в пролетариате силы, потенциальную, скрытую энергию пролетариата превратить в кинетическую, действующую. Эту задачу она выполняет, пробуждая классовое сознание пролетариата, формулируя глухое недовольство рабочих масс, революционный инстинкт эксплуатируемого народа в ясное понимание классовых противоречий, воспитывая массы в сознательной классовой борьбе. Специально-педагогическая деятельность социал-демократии закладывает основу могущества пролетариата.

Во-вторых, могущественный фактор, в который превращается революционный инстинкт рабочих масс, благодаря его социально-педагогической деятельности надо применить в борьбе общественных сил. Вначале социально-педагогическая и политическая деятельности совпадают. Рабочая партия теперь имеет главную задачу – критику классового государства и общества. Своей критикой социал-демократия воспитывает пролетарские массы в революционном духе к сознательному политическому хотению. Но этой социально-педагогической деятельностью социал-демократия воспитывает также и свою политическую задачу: критику классового государства и общества. Страх перед революционным движением пролетариата заставляет господствующие классы сделать первые уступки рабочему классу.

Такое душевное состояние социал-демократы предполагают в состоятельных классах даже в том случае, когда социал-демократов меньшинство.

Во второй стадии капиталистического развития общества рабочий класс является уже самым многочисленным классом. Это опасная для буржуа сила. Она еще не может добиться своего преобладания и господства, но она отстраняет те партии буржуа от власти, которые относятся враждебно. Она поддерживает в голосованиях партии, борющиеся с нелюбимыми. Эта тактика политического революционизма - возможно целесообразнее использовать приобретенное влияние пролетариата. Однако при таком положении часть рабочих впадает в политический индифферентизм, а другая в апатию и антипарламентский синдикализм.

Третья стадия - пролетарское преобладание большинства. Буржуазия и господствующий класс смыкаются против общей опасности со стороны социал-демократии, и оканчивается все завоеванием власти рабочими массами.

А что при этом происходит - про то мы хорошо знаем по 1905-1906 гг.

Вот как используют социал-демократы национализм. Они ошибаются только в одном: можно затушить национальное самосознание, но не национальное чувство. Лучшим примером служат свалки между чехами и немцами и между русскими и жидами во время погромов...

Этим можно было бы и закончить отношение социализма к национализму. Но есть еще одна маленькая, не лишенная интереса и пикантности страничка. Это именно отношение социал-демократии к евреям.

Не подлежит никакому сомнению, что в революционном и социал-демократическом движении

евреи играли, играют и будут играть очень видную, если не главную роль. Весьма естественно ожидать, что социал-демократы должны отнестись с великим почтением и великой предупредительностью как к евреям вообще, так, в частности, и к еврейской нации. Пожалуй, к евреям – оно так есть и на деле. Но что касается еврейской нации, то тут оказалась заминка, и заминка весьма серьезная и небезынтересная. Во время вспышки национального использования социал-демократы отнеслись к еврейской нации весьма непочтительно.

Во время этого национально-социал-демократического расцвета галицкие евреи в 1905 г. объявили, что они тоже нация, и явочным порядком составили свою самостоятельную национальную группу. Доводы евреев состояли в том, что они тоже нация. А так как все нации Австрии требуют автономии, то и евреи должны пользоваться теми же правами. Но немцам и другим национальностям это не понравилось, и они представили свои соображения. Прежде всего, евреи не нация. Один из важнейших элементов нации – это территория. Национальная автономия должна быть поставлена на самоуправление замкнутых национальных областей. Собственно говоря, помимо территории у евреев нет нескольких и других основных черт нации: нет языка, а какой-то жаргон, нет цельности антропологического типа, самая религия такова, что более сознательные из евреев сохраняют ее только для сохранения нации.

Но если даже оставить в стороне и такой важный недостаток, как территория, то и при всем остальном такой серьезный авторитет австрийской демократии, как Бауэр, затрудняется признать за евреями нацию. И здесь я вынужден остановиться подольше на цитатах.

Было время, когда евреи были действительно нацией. Таковою их делала не только общность крови,

но и общность культуры. Они долго сохраняли свою национальность, даже живя среди других народов. Но с развитием капиталистического способа производства в обществе изменилось положение евреев в обществе. Часть из них попадает в класс промышленный, буржуазию, благодаря торговле и ростовщичеству. Новая культура еврейской буржуазии отделяет образ мысли и жизни этих евреев от тех евреев, которые продолжали жить старыми традициями. Они вступают в христианскую буржуазию и принимают идеологию новую. Эта буржуазия приспосабливается к народам, среди которых живет, и постепенно ассимилируется ими. Мало-помалу тем же духом охватываются и другие классы еврейского народа: интеллигенция и мелкая буржуазия. Денежное хозяйство захватило в свой круговорот все общество, сами христиане стали евреями. Еврейский городской торговец является торговцем в обществе, покоящемся на денежном хозяйстве. Он боится конкуренции своих христианских коллег. Он должен приспособляться к потребностям своих покупателей, удовлетворять их вкусы и не бросаться в глаза чуждыми им особенностями.

И вот он снимает традиционную одежду, оставляет традиционный язык и традиционные нравы и все больше приближается к окружающей его среде. Если еврей прежде являлся один носителем денежного хозяйства, то теперь денежное хозяйство захватило все общество. Евреи приспособляют свою культуру к культуре европейских наций.

Евреи приспособляются к всеобщей сущности буржуазного общества, «так как реальная сущность самого еврея получила всеобщее осуществление в самом этом буржуазном обществе», – говорит Маркс. Фактическое приспособление их повлекло за собой их правовую эмансипацию, уравнило их правами с христианами, или, как говорит Маркс, «евреи

эмансипировались постольку, поскольку христиане стали евреями». Это уравнение их в правах, в свою очередь, ускорило их фактическое приспособление. Процесс ассимиляции евреев идет ускоренным темпом с тех пор, как еврей принимает участие в общественной и политической жизни наций, с тех пор, как еврей-дитя посещает публичную народную школу, а взрослый еврей отбывает в армии воинскую повинность.

С изменением сельского хозяйства евреи должны были рассыпаться по всей стране, переменить свою профессию и заняться различными формами производства. Вместе с этим евреи стали ассимилироваться теми нациями, среди которых они жили. Это делается медленно, но делается. В Средней Европе они забыли свой язык, а говорят жаргоном, они бросили свои традиции, костюм и в них можно узнать евреев по мимике и жестикуляции. Они давно отказались от своей старой религии, но не хотят оставить своего реформированного еврейства, содержание которого бедно и мыслями, и чувствами. Они не знают даже древней литературы, древних преданий своего народа, но упорно хватаются за жалкие остатки этого национального наследства, за отдельные слова и обычаи. Они находятся с людьми, с которыми они живут, - но браков с инородцами не заключают и отличаются сильно развитым сознанием своей национальной особи и национальной принадлежности. Естественно, что такое обособленное положение евреев сближает, но вместе с тем оно их и губит. Они сами стыдятся себя, они стыдятся своего имени и называют себя именами народа, среди которого живут; но они желают остаться и остаются сами собой. Вне границы Русской земли они называют себя русскими, видимо находя в этом для себя какой-нибудь интерес.

Однако их ассимиляция даже среди европейских народов не закончена и еще идет. Да и сами народы относятся к еврею как к чужому и пришлому. «Даже по отношению к Западной и Средней Европе еще нельзя сказать, что евреи не составляют нации, но можно смело утверждать, что они перестали быть нацией». Особенно сильно ассимилирует школа. Так, в Богемии евреи заявили, что их разговорный язык – чешский. Медленнее идет их ассимиляция в Галиции и Буковине, – и только в России, Польше и Румынии они ближе к первобытной нации. Но даже и тут если они составляют нацию, «то носят характер неисторической нации. Их язык и культура зачахли».

В последнее время и в России евреи стремятся к созданию самостоятельной исторической нации. Им нужна своя культура, и они стремятся создать ее. Возникают еврейские организации, создают еврейскую прессу, начинают переводить на еврейский жаргон литературу европейских наций.

Однако для культурной общности требуется более тесное сплочивание, – евреи же, напротив, обладают особенной способностью к рассеянию, побуждаемые к тому больше всего изысканием более ценной добычи.

«Евреи стали бы исторической нацией, если бы они вообще оставались нацией, но капиталистическое общество вообще не дает им сохраниться как нации». Отказываясь даже от территории как необходимого условия наличности нации, Бауэр полагает, что общность капиталистического строя и производства у христиан и евреев на одной территории создает между ними такое сближение, что сохранение еврейства как нации внутри этого общества невозможно. «Если к национальным меньшинствам нет притока из замкнутых областей нации, то она мало-помалу растворяется в окружающей их национальной среде». Жизнь выше всяких сентиментальностей.

Но для того чтобы еврей-рабочий был принят в среду европейских рабочих, он должен превратиться из еврейского пролетария в немецкого современного рабочего. «Препятствием тому служит не только язык еврея, но и самое существо его». Во многих предприятиях христианские рабочие и теперь еще не выносят своего еврейского коллегу. Эта антипатия объясняется не политическим антисемитизмом, а наивным инстинктом, направленным против чужой особи неассимилированного еврея. Евреи должны культурно сравняться с другими нациями. «Пока их тон, их манеры, их одежда, их нравы раздражают их христианских товарищей, мастера, фабриканта», до тех пор между ними антагонизм. «Представьте себе только еврейских детей в собственных национальных школах, с еврейским языком преподавания? Какой дух будет господствовать в этих школах?.. Теперь еврейский народ имеет другую культуру – культуру неисторической нации, культуру людей, находившихся вне круга европейских цивилизованных народов, передававших из рода в род целый мир давно отживших мыслей, желаний, нравов... Таким путем дети еврейских рабочих были бы искусственно воспитаны в духе прошедших времен... Их, этих будущих промышленных рабочих, борцов рабочего класса, воспитали бы в духе средневековых представлений, внушили бы им психологию отжившего экономического строя, сохранили бы в них жизненные привычки еврейского шинкаря, живущего среди натурального хозяйственного уклада жизни. Если же отказаться от требования особой еврейской школы, то национальная автономия теряет для еврейства всякое значение...»

Если сколько-нибудь внимательно просмотреть эти отношения австрийских социал-демократов к евреям, то окажется, что очень уж непочтительно они смотрят на этих борцов за гешефтную свободу и завзятых

революционеров. Понятно, «товарищи» из евреев страшно обиделись. И вот один из них, некто Житловский, дает отповедь Бауэру.

«Евреи, эти кочевники высшей культуры (? - *Авт.*), несомненно, представляют собой особенную национальность... Ни один из окружающих народов не признает евреев членами своей нации. (Еще бы! - *Авт.*) Кто же они, если они не поляки, не румыны и т. д.? «Люди», - ответит интеллигентный еврей-космополит. Ответ, конечно, верный, хотя несколько не точный... Если принять этот ответ всерьез (да кто же его всерьез примет? - *Авт.*), то получится, что человечество в настоящее время распадается на многие национальности и «людей», т. е. группы лиц, которые сами по себе не представляют никакой национальности, но являются, по-видимому, только исключительно вследствие того, что другие национальности не похожи на них...» (Ну, можно сделать и иное допущение...)

Что касается территории, то Житловский не может не согласиться, что это большой минус у евреев при их стремлении образовать свою национальность и евреи уже давно заботятся о создании национального центра в автономной еврейской стране. Но ведь одна территория еще не определяет нации. «Ведь евреи не переставали жить исторически (?) во все время своего существования, не переставали выработать своеобразную культуру и выдвигать массу талантов и даже гениев (? - *Авт.*) в области своей собственной литературы и науки, как бы эта литература ни была различна (? - *Авт.*) от европейской».

Бауэр говорит, что культурно более сильная нация путем браков, тесных экономических и дружеских сношений будет поглощать отдельных членов меньшей нации и ассимилировать их. Это будет «мирное соревнование вместо насильственных завоеваний». Но почему же Бауэр исключает евреев из этого процесса

мирного соревнования?.. (Ого!..) Бауэр говорит, что в настоящее время неполноправная нация не может защитить своей чести. Если кто оскорбит таковую нацию, то нация как таковая не может выступить в качестве жалобщика: нет никого, кто бы имел право жаловаться... «Не думает ли Бауэр, что и еврейская нация может попасть в подобного рода положение, где ей придется защищать, может быть, не только честь, но и имущество и жизнь своих сочленов?»

Но все это было бы ничего, если бы не «запах еврейских школ» и «жизненные привычки еврейского шинкаря»... «Еще никогда и нигде, - отвечает Житловский, - из уст социалиста не сыпалось столько оскорблений еврейскому народу, не сыпалось столько плевков в народную душу (? - Авт.), не втоптывалась она в грязь так, как в этих научных доводах Бауэра. Еще никогда не делалось еврейскому пролетариату столько унижительных предложений - продать за чечевичную похлебку свое «я»... Старый космополитизм был по отношению к евреям куда чище и благороднее, чем новый паннационализм Бауэра. Этот паннационализм (не видящий в старой психологии еврейской ничего, кроме психики шинкаря, в старой еврейской культуре, этой сокровищнице человеческих страданий и скорбных дум) есть явление новое в современном социализме, явление, с которым еврейскому рабочему классу придется самым серьезным образом свести свои счета...» Сводите, на доброе здоровье... Капелька правды не понравилась...

И тем не менее волей-неволей нужно сознаться, что евреи, несомненно, есть нация. Нация без территории, без языка, без веры, - но нация антропологическая. Она рассеяна по всему свету, но бранится только в своей среде и тем около 3 тысяч лет не только сохраняет, но и закрепляет свою нацию, свою кровь. Ни новая религия, ни новые формы жизни не изменяют этих черт. Даже

смешение не изменяет типа. Присмотритесь к французам, немцам, итальянцам и проч., и в очень многих из них вы увидите еврея, который часто держится в 5—10 поколениях французской, немецкой и итальянской крови.

Госпожа Ефименко права, говоря, что евреи сумели сохранить народность помимо единства языка и совсем независимо от территориальной связи... Есть ли национальность более устойчивая, чем еврейская... Но, сохраняя нацию по крови, евреи лишаются права на самобытное существование по своей рассеянности, как цыгане, и могут существовать только как механическая примесь, на правах иностранцев.

В Варшаве происходили заседания польского прогрессивного союза, на которых подвергся рассмотрению еврейский вопрос. Интересны резолюции, к которым пришел съезд:

«Польский прогрессивный союз считает евреев (жидов) не особым народом, но лишь группой племенновероисповедной без развитого народного самосознания, для которого единственный способ выйти из гетто – это усвоение европейской культуры, и так как с этим фактически связано равноправие в жизни частной и общественной, то политическая и культурная ассимиляция.

1. Жаргон (т. е. еврейско-немецкий язык) не может считаться народным еврейским языком.

2. Ассимиляция политическая есть необходимое условие мирного сожития поляков и евреев. Поэтому обязанность польского и еврейского общества – энергически бороться с еврейскими группами, которые стоят за принцип еврейского народного эгоизма, равнодушия или противопоставления интересам польского народа. Евреев ополяченных считаем братьями, а отличающих себя евреев считаем

элементом чуждым и в известном отношении и условиях враждебным.

3. Ассимиляция культурная, основанная на знании и любви к польскому языку и литературе, и польским учреждениям, должна производиться только средствами культурными – споспешествованием распространению польского языка среди евреев, основании начальных общих школ для детей польских и еврейских.

4. Прогрессисты, признавая свободу совести и равноправие исповеданий, считают необходимым поддерживать старания еврейских масс освободиться от уз фанатизма и предрассудков.

5. С целями уменьшить нищету еврейских масс – должно содействовать эмиграции и поддерживать старания уничтожить черту оседлости.

6. Независимо от всех теоретических и искусственных политическо-общественных конструкций, создаваемых еврейским национализмом, мы полагаем, что польский народ никогда не дозволит деление своей земли и своей организации между равноправными польско-еврейскими сторонами и что он будет всегда достаточно силен для победы над такого рода стремлениями».

Итак, от евреев требуют полного слияния с поляками. Вот что значит термин «поляк Моисеева исповедания».

А вот варшавская газета *Dzien* печатает десять заповедей, которых польское общество должно держаться в отношении евреев:

1. Ни в каком случае не протезировать магазинам и ничего не покупать в них, посещая лишь исключительно польские фирмы.

2. Не отдавать евреям внаем ни лавок, ни квартир.

3. Не продавать евреям домов, имений и не отдавать их в аренду.

4. Избегать, насколько возможно, сношений с евреями в торговле, промыслах и на фабриках; чтобы совершенно вытеснить евреев из этих отраслей промышленности, необходимо организовать кооперативы.

5. Организовать, где только можно, наплыв евреев, имея всегда в виду интересы своей нации.

6. Стараться завладеть всеми местами, которые могли бы быть заняты евреями, и стараться всеми возможными способами обходиться без услуг еврейства.

7. Помнить, что только небольшая кучка евреев, проклинаемая жаргонной печатью, солидарна с интересами польского народа.

8. Помнить все выступления евреев против поляков и польских интересов.

9. Помнить всегда, сколько порчи внесло еврейство всюду, – в широко распространенную торговлю живым товаром, мошенничество при личных сношениях, куплю и продажу домов, которых теперь в руках евреев в Варшаве три четверти.

10. Основывать дешевые лавки, облегчать кредит, побуждать к борьбе с еврейством широкие массы народа, указывая на вред, который евреи причиняют нам.

Народности России [\[25\]](#)

Государство, известное под именем Российской империи, создано русскими славянами, потомками скифов и сарматов. На его создание работали только одни русские, – а не поляки, не грузины, не финны и другие народности России. Созидательница Русского государства – русская нация, а потому эта нация по всем божеским и человеческим правам должна быть

господствующей нацией, держащей в государстве власть, управление и преобладание, или державной нацией. Все остальные нации, как вошедшие уже в готовое государство, как присоединенные к нему державной нацией, должны быть ей соподчиненными.

Поэтому говорить о равных правах в государстве всех членов государства различных наций едва ли правильно и справедливо.

Кто больше потрудился для создания государства, тот имеет в нем наибольшие права на господство и власть. Из остальных наций только те имеют равное право с господствующей державной нацией, кои всей душой проникнутся интересами и культурой державной нации и станут ее истинными детьми. Только тот, кто слился кровью и духом с русским народом, кто боролся в его рядах за его национальные задачи и стал потомственным пайщиком великого культурного исторического наследия, имеет неоспоримое право русского гражданского равноправия.

Говоря о господствующей народности, невольно является вопрос: а как же быть с разновидностями нации: малороссийской и белорусской? Эти разновидности – только лишь оттенки проявления жизни одной основной нации – русской. Русский язык есть основной государственный и школьный язык во всех уголках государства. Все русские разных оттенков должны уметь говорить, читать и писать по-русски, – но никогда никто не может иметь ничего и против того, чтобы малороссы говорили, читали и писали на своем наречии, а белорусы – на своем. Костюмы, нравы и обычаи Малороссии и Белоруссии иные, чем в России, но они им сродны, а потому должны быть всюду и при всех условиях допустимы, равно как и костюм русских и их нравы и обычаи близки и родственны и малороссам и белорусам. Россия слишком велика. Всем нам общи

основные черты, – мелочи же не разделяют, а только обогащают разнообразием.

Напрасно говорить о сепаратизме малороссов. Это – бред или юных, или глупых голов. Правда, в последнее время в немалом числе появились в Малороссии австрийские наемники, сеющие слабосильные семена малороссийского сепаратизма. Мало того, мы даже поливаем этот наемный сепаратизм своим благодушием и терпением, – но и это наносное зло не помрачит здравого смысла малороссов. Напрасно говорят и о непонимании малорусского языка русскими. Это не понимают малорусского языка Грушевского, – но его не понимаем и мы, и малороссы.

Россия включает в себе около 150 наций. Невольно возникает вопрос: как она будет относиться к этим соподчиненным нациям? Разумеется, не одинаково, в зависимости от их национального, социального и политического положения. Есть нации, которые в культурном и политическом отношении стоят довольно высоко и своим отношением к России заслужили благожелательство, есть нации, которые стоят на уровне первобытных народов. Эти нации представляют собой различные ценности и потому вызывают различные отношения: к более культурным относятся: поляки, армяне, грузины, финляндцы и проч.

Поляки. Ближе к нам и по крови, и по культуре стоят поляки. Они как будто бы даже наши братья по крови, славяне. Их литература стоит довольно высоко. Их культура в некоторых отношениях равна русской. Их жизнь понятна для русских. Отличие в религии. Поэтому сближение и сроднение с поляками не невозможно, хотя в настоящее время стоит далеко от осуществления. Тому виной сами поляки.

Для лучшего понимания действий поляков я позволю коснуться психологии этой нации.

Профессор К.Н. Ярош^[26] говорит:

«Известная горячность польского темперамента придает струнам души высокий напряженный строй. В силу этой напряженности все чувства получают чуткую отзывчивость на внешние воздействия. Радость и горе, любовь и ненависть звучат здесь полными звуками, переходя нередко даже в аффектированный тон: чувство чести, французской *point d'honneur*, становится здесь гонором и щетинится иглами кичливости, самохвальства, надменности и забиячества. Легкая возбудимость и экспансивность польского характера освещает многие исторические сцены искусственным, «бенгальским» светом... Эмоциональность поляков сообщает замечательную страстность их надеждам и опасениям. Открывшаяся известная перспектива, мерцающая вдали приманка совершенно захватывает их и неудержимо увлекает вперед... Столь же велика страстность поляков и в их опасениях: лишь только в душе их водворилось недоверие, тот час же начинается преувеличенная тревога, лихорадочное беспокойство по самым ничтожным причинам, вечная подозрительность ко всем и ко всему. Они видят повсюду интриги, козни, шпионов, изменников и начинают сами подводить контрмины. Сильная восприимчивость к внешним впечатлениям сообщает полякам легкость перехода от чувства к чувству, от сабельного удара к дружескому поцелую, от геройского подвига к излишеству в утехах жизни.

Это свойство давало многим моралистам повод уличать поляков в легкомыслии, но этим же самым свойством придается польской жизни и истории окраска добродушия... Неустойчивость чувства обращается в страстную стойкость, если причины не перестают его подновлять. Тогда любовь разгорается до пламенного обожания, а ненависть обращается в неумолимую и

неустанную злобу... Живость чувств, естественно, обуславливает собой высокий подъем воображения... Но та же живость чувств и то же воображение вносят в прозаические жизненные отношения нежелательный колорит фантазерства и легкого уклонения от истины...

Духовная природа славянина рассматриваемой отрасли одарена талантливостью, сердечной глубиной, сложным и богатым душевным строем, способным чутко отзываться и на громкий клич, и на самый тихий зов добра и красоты».

Н.И. Костомаров утверждает, что у поляков «чувство господствует над рассудком».

Это одна психологическая картина. А вот и другая. А. Подвысоцкий^[27] говорит следующее: «Сознание монархической идеи и дух своевольной анархии, благоговение пред величием и оскорбительное к нему недоверие, беспредельная гордость и раболепное унижение, геройское самопожертвование и своекорыстное честолюбие, христианские идеи братства и дух сварливой междуусобицы, глубокое религиозное чувство и в то же время фанатическая нетерпимость – вот общие черты добродетелей и пороков, при взаимной борьбе которых пала Польша...»

Польский народ «потерял всякое единодушие до того, что между поляками нельзя найти двух людей, согласных между собой. Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющие свои имения в управление жидам, которые сосут кровь их подданных и платят за то очень мало: вот вам живой портрет поляков»^[28], – говорит императрица Екатерина II.

Поляки между славянами занимают особенное положение. Все славянские народности более или менее открыто и настойчиво проповедуют и проявляют склонность к национальному сближению и

объединению. Одни поляки среди славянских народов являются изменниками славянскому племени, его предателями и явными врагами. Сколько раз и в венском, и в берлинском парламенте поляки продавали интересы славян и открыто выступали против славян же... Что открыто делалось в парламентах, то же открыто проявляется и в жизни. В жизни поляки являются открытыми и явными врагами славянского племени. Такими угнетателями они были и есть в России малороссов, белорусов, литовцев и проч. Вместе с этим они вступили в союз с врагами

Христа и всего человечества - евреями, или поляками Моисеева закона, совместно давя других славян и высасывая из них кровь. Вспомним времена гайдамаков, Гонты и других защитников русской народности и православной веры... Да стоит ли так далеко ходить... Что у нас теперь делается в Белоруссии, Подолии, Волыни, в Холмщине... А еще и того ужаснее и бесчеловечнее отношение поляков к русским в Галиции и Угорщине...

«В селе Грабе власти (польские. - *Авт.*) не разрешили православного богослужения на том основании, что оно совершается при зажженных свечах и угрожает деревне опасностью пожара...

В селе Тележе в сочельник Рождества Христова бой барабанов огласил это мирное село, причем староста объявил жителям, что власти оштрафуют каждого, кто осмелится пойти в эту ночь на богослужение в часовню. Когда священник Илечко в 4 часа утра по местному обычаю начал богослужение, жандармы окружили православную часовню, оттесняя от нее крестьян и отправляя их группами по этапу в униатскую церковь. Крестьян, собравшихся с вечера, а также и певчих жандармы насильственно вывели из часовни, таща их сзади за одежды и приставив штыки к груди. Отцу Илечку приказано, чтобы он немедленно прекратил

богослужение или запер часовню. Когда же собравшийся народ, около трехсот человек, заступился за своего пастыря, жандармы прикладами ружей стали избивать крестьян, налегая особенно на женщин. Три женщины ранены штыками в грудь, крестьянину же Якиму ГЦербе нанесли опасную рану прикладом в голову. Крестьяне простояли 4 часа во дворе в снегу, на ветру и на морозе все время, пока в запертой часовне о. Илечко с одним причетником совершал богослужение. Утром явился из уездного города Сокаля правительственный комиссар, запечатал православную часовню и запретил о. Илечку принимать в своем доме крестьян под угрозой немедленной высылки».

Как вы думаете, господа, когда и где происходили эти сцены – во времена Гонты, Острияницы, Дорошенка?.. Нет, в 1911 г. под Рождество в Австрии...

При таком отношении поляков к нашим братьям, русским, можем ли мыслить хотя минуту о допущении поляков к равноправию?.. Можем ли мы хотя минуту думать, что это культурные люди, а не башибузуки... Кстати заметить, что во всех войнах России с Турцией за освобождение славян от турецкого ига польские легионы тоже всегда участвовали, но только всегда добровольно со стороны турок. Видимо, у поляков в крови особенное тяготение к башибузукам, ибо даже в последнюю войну Италии с Турцией в Польше раздался клич о составлении легионов для помощи турками против итальянцев-католиков.

Можем ли мы говорить с этими людьми о братстве...

Нет слов, за порабощение наших русских братьев поляками в России виновны, преступно виновны прежде всего мы сами, русские. Нет слова оправдания тем русским, кои позволяли и помогали закрепощать полякам наших братьев русских в России. Но пускай и поляки не забывают, что, пока они будут давить

русских, как в пределах России, так и вне оных, братства и равноправия между нами быть не может.

Тогда только можно будет мыслить о равноправии, когда Белоруссия, Холмщина, Воляния, Подолия и другие подавленные поляками части освободятся от польского ига и станут русскими. Тогда только можно будет мыслить о равноправии с поляками, когда и в Галиции и Угорщине поляки установят равноправие с русскими. Ныне же можно только удивляться, как поляки еще не отдают в Австрии в аренду русских православных церквей жидам... Жиды-арендаторы найдутся... Да и паны поляки недалеко от того, чтобы вспомнить старину... Плохо же будет, когда рядом с этим воскреснут и гайдамаки...

Во избежание польского засилья в Белоруссии мы немедленно должны ввести в Белорусский костел богослужение на русском языке. Мы должны немедленно дать белорусским костелам русских ксендзов. Мы должны немедленно устроить Русскую католическую семинарию, где бы могли образоваться русские ксендзы. Тогда немедленно, в один миг падет влияние поляков в Белоруссии и Белоруссия воистину станет Россией и свергнет с себя польское да и жидовское иго.

Поляки всеми способами старались и стараются выжить всех русских из Польши... Польша для поляков. Благо. Не пора ли и русским образумиться и попросить господ поляков - врачей, адвокатов и других свободных профессий - отправиться в свою Польшу и там практиковать. У нас, славу богу, достаточно и врачей, и адвокатов своих русских. Да и нашим русским пора образумиться и помнить, что русские врачи и русские адвокаты нам, русским, немножко ближе, чем поляки, - и не лучше ли в случае нужды обращаться к нашим, а не к чужим. Что это, бойкот? О нет, не бойкот, а только благоразумие и осмысленность. Поляки давно объявили

нам бойкот, и мы молчали и терпели. Мы же должны не бойкотировать, а только взяться за ум. Господам же полякам нужно помнить, что русские с ними ссориться не желают, но вместе с тем русские перестают быть столь сентиментальными и уступчивыми, как были прежде, – и открытыми глазами смотрят на проекты и политику поляков по отношению к русским. Ею же мерою мериши, тою же и возмерится.

Я совершенно согласен с М.О. Меньшиковым^[29], что мы сделали большую ошибку, присоединив к себе Польшу. «Воображая усилить себя, мы до крайности ослабили себя. Под видом «братского» славянского народа мы ввели под свою крышу закоренелого врага, врага тысячелетнего, который в течение давних веков угнетал западную Русь и который в этом угнетении привык видеть историческое свое призвание. Россия до раздела Польши развивала свою титаническую силу на одном начале: национальной чистоты своей, национального единства и свойственного единству единодушия... Старая Россия имела одно русское племя, одного Бога, одну веру, один язык, одно Отечество, одну органически родную культуру, пафосом которой была страстная любовь к Родине... С крушением старой русской аристократии мы начали тратить силы великого племени на безумную защиту чужих интересов, презирая собственные. Мы доверчиво ввели в родные стены заклятых врагов своих, не подозревая, что отныне вся их цель будет состоять во внутреннем предательстве, внутреннем и внешнем разрушении России. Аристократии польской, заслужившей свои титулы на многовековом причинении вреда России, мы сохранили эти титулы и слили ее со своей аристократией. Вместе с польскою ненавистью мы ввели в организм свой и ту проказу, которою эта страна

страдала, – паразитное жидовское племя. Поистине самоубийственным для нас был захват Польши...»

Русские должны твердо и настойчиво идти в отношении к полякам, пока не добьются своего, – а тогда уже можно будет говорить о братстве и сближении.

Я глубоко убежден, для всех нас было бы лучше произвести обмен Польши на Галицию и Угорщину. Быть может, поляки с пруссаками и австрийцами сжились лучше. А быть может, они тогда вспомнили бы и о России – более человеколюбивой.

В последние годы стали раздаваться чаще и чаще польские голоса в пользу примирения поляков и русских. В большинстве эти голоса неискренние и скрывают за собой очень высокий куртаж.

Вот один из них, более искренний. Для этого примирения требуется «справедливое и разумное отношение русских правящих сфер и русского общества к польской народности и римско-католической религии – сохранение национально-племенной жизни, обеспечение национально-племенного существования. Поляки, получив законное удовлетворение потребностей своей народности и полную гражданскую равноправность с русскими, вступят в новую жизнь народно-общественную и да понесут свой посильный труд, свой разум, свое знание и свой гражданский опыт на дело и благо своего политического центра... Поляки, сделавшись действительными настоящими гражданами, да пребудут навеки верными своим гражданским обязанностям. Поляки, ставши на основе гражданского равноправия настоящими и живыми членами государства и общества, да содействуют укреплению силы и единства империи...»^[30]. Очень мило. Но пусть поляки сначала докажут свои фактические заслуги в этом направлении, а тогда уже мечтают и о

равноправии. Не такими показали себя поляки в 1905 г. в холмском вопросе, земстве западных губерний и проч.

Гораздо фальшивее говорит граф Корвин-Милевский^[31]. Презирая и обливая грязью литовский революционный народ, Корвин-Милевский требует для литовских дворян равноправия с русскими дворянами. При этих условиях литовские дворяне станут грудью у престола русского императора. Благо. Но престол русского императора стоит очень-очень крепко на беспредельно преданном стомиллионном русском народе с его дворянством во главе и на преданности большей части 50 миллионов подданных ему народов. И эта преданность зиждется не на искании равноправия. Русские дворяне владеют правами на основании моря крови, пролитой их предками в защиту и строение России.

Русские дворяне пользуются правами и ныне, отдавая свою жизнь на служение защиты царя, веры православной, матери России и ее родного языка и культуры. А граф Корвин-Милевский требует равноправия литовскому дворянству с русским с «сохранением веры католической, польского языка, особой польской культуры у литовских дворян»... Таким образом, литовские дворяне, предки которых изменили вере православной, России и русскому языку, теперь требуют равноправия с русским дворянством, оставляя за собой право быть польскими дворянами. Русские дворяне, имея великую честь быть детьми великой и славной родины России, за свои права несут и обязанности трудные и великие водворения национализма в народе, внедрение русской веры, русского языка, любви и преданности к России, ее истории, ее культуре и всему русскому... И этот долг несутся дворянством с великим самопожертвованием

повсюду и особенно на окраинах, – а литовские дворяне стремятся получить равноправие без всякого труда.

Не нравится господину Корвин-Милевскому и современный русский национализм, и он рекомендует «умному» и «сильному» правительству «держатъ его в ежовых рукавицах и иногда энергично подавлять во имя справедливости»...

Как эти паны любят гнет и ежовые рукавицы то во имя славы Божьей, то во имя справедливости... Ежовые рукавицы, право, не хороши, как в руках графов, так и в руках гайдамаков...

Поляки, как и все инородцы в России, иногда только могут рассчитывать на равноправие в России, когда они на деле докажут, что они прежде всего русские, а потом поляки, армяне и проч.

Армяне. Русские с армянами имеют дело с тех пор, как русских судьба занесла на Кавказ. В последние столетия армяне стали коммерсантами и в этом отношении во многом напоминают жидов. С завоеванием Кавказа русскими армяне в большом числе, больше 600 тысяч, вступили в русское подданство. Не легко жилось армянам и на Кавказе, и в Турции, и в Персии. Их беспощадно и грабили, и резали. С появлением на Кавказе русских армяне вздохнули. В русских они нашли защиту. В русских они нашли опору. Нужно правду сказать, очень часто и армяне являлись верными сынами своей родины и помогали русским в войнах не только за страх, но и за совесть. Имена Вани Ованесова и др. нигде не забудутся русскими – и русские всегда относились к армянам дружески и братски. Еще недавно 40 тысяч армянских семейств приняты были из Турции, когда там началась поголовная резня армян, в Россию, и отплатили они нам весьма подло.

Сначала дело шло как будто и в пользу русских. Составилась партия Дашнакцутюн, которая вначале имела в виду борьбу с турками. Этим способом мы приобретали себе союзника против турок не только в России, но и в самой Турции. А мы знаем по-прежнему, что армяне могут быть хорошими разведчиками и шпионами, не хуже жидов, – да и в борьбе они бывали надежными союзниками. Бывали измены, бывали вероломства со стороны армян и раньше, но все-таки эти отрицательные качества проявлялись слабее, чем у жидов.

Но вот наступило ХХ столетие. Армяне стали яркими националистами. Они стали искать своей Армении. Они вообразили, что уже нашли ее. И в своем увлечении перенесли деятельность Дашнакцутюна с Турции и на Россию. Начались убийства. Начались экспроприации. Пускай благодарят Бога, что русские в это время не поступили так, как могли бы поступить. К сожалению, ни русские, ни армяне не научились прошлым. Во время Польского восстания, точнее, восстания шляхты польские хлопы, быдло, восстали тоже, но восстали не за поляков, а против поляков, за Россию. Началось поголовное истребление польских панов простыми хлопами. И скоро Польское восстание было усмирено – и не русскими войсками, а хлопами. Было бы оно усмирено основательно, ибо от панов осталось бы только одно воспоминание.

Русские войска выступили против «взбунтовавшихся» хлопов в защиту польских бунтовщиков и повстанцев... Вы скажете, это глупо?.. Мало ли наши паны делали глупостей...

Так и в восстание армянского Дашнакцутюна на Кавказе стоило только пустить свободно живущих там татар, и от армян осталось бы одно воспоминание... Но на Кавказе жил армянский батько... Да и то правда. Между армянами было гораздо больше несчастных, чем

бунтарей и разбойников. Сами своих армяне грабили так, что теперь трудно сказать, кто больше презирает дашнакцутюнцев - русские и татары или сами мирные армяне.

Вскоре сами дашнакцутюнцы увидели, что дело их проиграно. В 1906 г. на съезде в Эчмиадзине они решили, что отказываются от идеи самостоятельной или автономной Армении ввиду отсутствия для этого подходящей территории, вместе с тем они решили отобрать от церкви ее имущество с тем, чтобы обратить его в общий народный фонд. Этим самым дашнакцутюнцы явно пошли по пути революции и окончательно восстановили против себя все мирное торговое и сельскохозяйственное население. Добрые отношения нарушились. Зато появился на сцене террор. Разлад еще больше усилился, когда были обнаружены подряд две довольно крупные растраты, произведенные распорядителями имущества. Пришлось самим армянам просить русские власти найти виновных и охранить от растраты имущество. Мало того, мирная масса армянского населения ныне открыто порвала с Дашнакцутюном и решительно отвергла и осудила его выступления против русских. Армяне стали успокаиваться. Возможность восстановления прежних отношений с русскими предвидится. Но еще далеко до полного примирения и успокоения. Армяне слишком поставили себя сепаратно. Они образовали свои кружки врачей, адвокатов и строго требуют, чтобы армянская масса не смела пользоваться услугами инородных специалистов. Благо. Тем хуже для армян. Армяне далеко еще отстают от русской культуры и русского образования, и замкнутость в самих себе едва ли пойдет им на пользу. Вместе с тем пускай же они не пеняют и на русских, что те не допускают их к равноправию. Прежде это было еще возможно, - и теперь чем больше армяне будут замыкаться в самих

себе, тем хуже для них. Напрасно они тоже стараются войти в сношение с Европой через головы русских. Европа их не примет. А Россия не имеет нужды сама стремиться к сближению. Никто их религии не трогает. Никто их литературы не запрещает, если она не преступна против государства. Никто им дома не запрещает говорить по-армянски. Но пускай они помнят, что Армении нет, а есть Россия и они дотоле не будут русскими, пока не станут русскими.

Грузины. Теперь очень часто можно слышать с великим форсом произнесенные слова: «Мы, грузины, люди вольные. Мы по своей воле присоединились к России, и так обращаться с нами, как с нами обращается Россия, более чем непростительно...»

Две грубые наглости... Наглости, объясняемые частью нашим полным невежеством в области истории России вообще и в особенности в области истории присоединения Кавказа.

Кто хотя мало-мальски знает историю присоединения Кавказа к России, тому известно, что уже полтысячи и более лет Грузия была несчастнейшая страна. Она буквально была разрываемая и опустошаема безбожно. С одной стороны, ее жгли и разоряли персы, с другой – также разоряли и увозили в плен, особенно женщин, турки, с третьей – лезгины и другие хищники совершенно опустошали ее. Горе Грузии было так велико, что еще при Федоре Иоанновиче царь Александр просился под подданство Москвы. Царь Михаил Федорович также имел новое предложение. Была посылаема и помощь Грузии. Но Грузия была так бедна и так слаба, что не в состоянии была даже содержать маленьких русских отрядов^[32].

Великий Петр также был на Кавказе и воочию увидел, что Грузии от нас польза, а нам от Грузии как от

козла молока. Во время турецкой войны при Екатерине II наши отряды имели дело с турками и на Кавказе, причем при заключении мира Екатерина вставила пункт: «Торжественно и навсегда Блистательная порта отказывается требовать дань от Грузии отроковицами, а также и всякого другого рода подачки...»

Ведутся настойчивые переговоры о принятии Грузии в подданство России и при императоре Павле. И только Александр I после долгих колебаний и нежелания соглашается наконец на принятие Грузии в подданство России. «Не для России присоединяется сей народ к империи, – говорит императорский рескрипт, – но собственно для него, – не наших польз мы в нем ищем, но единственно его покоя и безопасности». И это была истина.

И после этого говорить о добровольном присоединении.

Но и этого мало. Присоединяясь в силу крайней, неизбежной, неустранимой необходимости, царь Георгий погибает такие условия присоединения, с которыми бы следовало его преспокойно попросить «пожаловать вон»... Вот эти условия:

«1. Его высочество, царь Георгий грузинский, кахетинский и прочих, вельможи, духовенство и народ его желают единожды навсегда принять подданство Всероссийской империи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняется российскими подданными. 2. Всепокорнейше просить, чтобы при вручении царства его был он оставлен, а по нем и наследники его на престоле с титулами царей, добровольно подвергши себя и царство свое подданству Всероссийской империи, и иметь им, царям, главное в своем царстве правление по тем законам, кои от высочайшего двора должны быть имеют. От себя же им без особого повеления никаких законов не вводить. 3. Для настоящего и действительного сего узаконения и

приверженности подданству царь просит к доказательству верности своей всемилостивейше определить ему жалование и содержание (разумеется, из русского казначейства?) и пожаловать в России деревни (это царю-то? русские деревни, видимо, лучше грузинского царства... Разве это не опереточный царь?! - *Авт.*)... Доходы же царства грузинского царя как подданный представляет в полную власть государя императора обратить, как благоугодно, на содержание войск и на другие тамошние надобности, как то: к обращению тамошних земледельцев в вящую любовь и приверженность своему государю императору всемилостивейше дать, насколько лет благоугодно будет, льготы в податях (значит, грузин избавить от податей, а жалованье царю, содержание войска и государственные расходы возложить на русских... Хорош гешефт! - *Авт.*). 4. По принятии во всероссийское подданство царя и царства его на первое время необходимо нужно в тех местах иметь до 8000 человек войска, коими занять все те места, где за благо принято будет главноначальниками тех войск к защищению от соседних бродяг (хорошо царство, что само себя не может оградить от соседних бродяг. - *Авт.*)] также нужна принадлежащая к оным артиллерия и с прочим орудием...» и т. д. и т. д. Словом, выходило так, что как будто не Грузия ничтожество, ищущее защиты у России, а наоборот...

И тем не менее Россия, наивная и добродушная, как всегда, приняла эту терзаемую Грузию и защитила ее.

Мы знаем добровольное присоединение Имеретин, Мингрелии и Гурии... нашими войсками.

Впрочем, Гурия была присоединена без кровопролития, но только не добровольно и с огромным пролитием русской крови за спасение грузин. Вот письмо главнокомандующего русской армией князя Цицианова владельцу Гурии князю Мамии Гуриели:

«Так как царство Имеретинское имело счастье вступить в подданство Всемилостивейшего государя императора, то и провинция Гурия, без всякого сомнения, долженствует, по всегдашней зависимости от Имеретин, считая и ныне в равной от нее зависимости, быть также в подданстве всероссийской державы, с каковым вступлением поздравляю Вашу светлость, яко верноподданного России...» Коротко и ясно.

И вот, после всего того, что Россия потеряла десятки тысяч своих сынов в Грузии, Имеретин и проч., пролила море крови своих детей, затратила миллионы денег за благоденствие всех этих разного рода грузин, мы в конце концов получили в нашу Государственную думу разных Гегечкори, Чхеидзе и проч., кои накидываются на имя и честь России, как злейшие ее враги... Не стоит ли после этого пожалеть, что Россия напрасно защищала всех этих злодеев... Не лучше ли было бы, чтобы их тогда же поголовно вырезали лезгины, турки и персы, а жен и девиц их продали на базарах Стамбула в гаремы...

Нам говорят, все эти Гегечкори, Чхеидзе и проч. выбраны под угрозой браунинга... Да что же их выбирали дети или мужи...

О равных правах они могут говорить тогда, когда заслужат их...

Финляндцы требуют себе не равных прав с Россией, а несравненно больших. Они требуют полного равноправия и даже господства без обязанностей. И то благо.

До смутного времени и царствования Михаила Федоровича почти вся Финляндия принадлежала России, особенно вся прибрежная часть ее. Царю Михаилу Федоровичу пришлось залечивать раны и язвы лихолетья. Был нужен мир. Дорогой ценой доставался ей этот мир. Мир со Швецией обошелся лишением

Финляндии и всего побережья с Невою, Копорьем и проч.

Великому Петру удалось оторвать у Швеции многое. Нарва, Копорье, вся Нева и Выборг отошли к России. В царствование Александра I как компенсация военных подвигов досталась нынешняя Финляндия в собственность и державное обладание Российской империи. Так как Финляндия досталась России в собственность и державное обладание, то и та часть Финляндии, которую раньше войной же Петр I приобрел в собственность и державное обладание, в силу одинаковости культуры и национальных свойств этих частей была объединена с приобретенной в 1808 г. Но обе эти части были одинаково собственностью России при сохранении их национальных областных свойств.

В дальнейшем финляндцы, точнее, финляндские шведы сумели примазаться ко двору и путем фальшивых докладов успели добыть себе такую массу льгот, что в последнее время осмелились возмечтать о полной независимости и державной самостоятельности Финляндии. И такую претензию обнаружили не только те финны, кои были завоеваны Александром I, но и те, кои были завоеваны Петром I.

Когда в силу политических и стратегических соображений правительство решило выделить из Выборгской губернии две волости к Петербургской губернии, то финны подняли гвалт, как будто Россия осмелилась покушаться на их фанфаронные державные права. Пущены были бутафорские громы, и Россия посажена была на мировую скамью подсудимых.

Между тем Финляндия, не неся тягот и потерь военной службы, не платя общегосударственных налогов, живя в полном покое под покровом России, обладая такими льготами, какие никогда и не снились коренным русским гражданам, пришла в завидное материальное благосостояние. И при всем том она

дерзко, нагло и нахально отказывается от участия в несении общегосударственных налогов. Финляндия забывается. Она не хочет себе представить, что Россия после долголетнего лишения решится ввести в Финляндию 5-6 корпусов с надлежащими орудиями и пулеметами и превратить Финляндию в обычную русскую провинцию, лишив ее тех льгот и преимуществ, кои она успела подложными способами себе добыть. И это может быть гораздо легче, чем она думает.

Финляндия должна знать, что она такая же часть Российской империи, как и все остальные ее части, и войти в те рамки, в кои ее устанавливали самые прогрессивные современники императора Александра I. Вот что говорит по поводу Финляндии П.И. Пестель ^[33]: «Финляндия, Эстляндия, Лифляндия... И разные другие племена, внутри государства обитающие, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могут самостоятельную независимостью... Россия есть государство единое и нераздельное, а потому всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло».

Многие утверждают, что финляндцы – высококультурная нация и потому имеют право на автономию. Совершенно неправильно и неверно. Финляндия не имеет своей истории. Ее литература почти отсутствует. Ее наука и художество стоят на низком уровне. И только благосостояние народной массы неизмеримо выше такового же благосостояния русской народной массы. И это весьма естественно. 100 лет финляндцы не отбывают воинской службы. Ее более крепкая и мощная молодежь не гибнет на войне, а наша гибнет. И тем не менее финский народ гораздо уродливее и плоше, чем русский. Финляндия не несет государственных налогов, и ее масса богаче, чем русская. И тем не менее финляндцы тупее русских,

глупее их, узки и пьяницы. Пьяницы финляндцы, несмотря на то что алкоголь в Финляндии запрещен. Они пьют эфир и контрабандный ром. Карты распространены повсюду, и картежная игра доходит до азарта в народе. Ножовщина неизмеримо чаще, чем в России. В школах наказания гораздо чаще и грубее. Обхождение с бедными и неимущими доходит до публичной продажи... Это высокая культура?..

Во имя государственной и общечеловеческой справедливости финляндцы в России должны быть приведены под один знаменатель со всеми подданными: в Финляндии все русские подданные должны пользоваться равными правами, в Финляндии должен быть введен государственный русский язык в школы, суды и все государственные учреждения, в Финляндии должна быть русская государственная монета, в Финляндии должна быть одна с Россией таможня, в Финляндии должны быть одни с Россией суды, в Финляндии должны быть одни и те же налоги, что в России. И когда все сие совершится, тогда только финляндцы получат равные права с русскими в России, - до тех же пор им должны быть поставлены всевозможные препоны и ограничения.

Никто не тронет их родного языка, их веры, их нравов и обычаев, их культуры, если они будут считать ее для себя достаточной.

Вообще о мелких соподчиненных нациях нужно сказать то, что сказал Д.И. Менделеев: «Если исторически ослабевшие народности, подобные армянам, могут рассчитывать на будущее развитие, то только при одном условии, чтобы они не только мирно уживались со своими ближайшими соседями, но и твердо держались тех русских начал, которые дают им защиту от рядом живущих с ними их давних врагов,

сломивших их когда-то временно существовавшую независимость».

Что касается мелких инородцев, не имеющих ни своей литературы, ни своей даже письменности, ни азбуки, ни истории, ни культуры, то они не имеют права на отдельное существование и должны слиться с русской национальностью и быть поглощены державной господствующей народностью русской, пользуясь, разумеется, всеми ее правами.

Здесь же уместно будет сказать о переселении в Россию: вновь селиться на Кавказе могут исключительно одни русские и никаким другим народностям абсолютно не должно быть места для поселения.

Всяк, кто добровольно переселился в Россию с целью пользоваться ее благами, кто бы он ни был, должен оставить свою прежнюю национальность за границей России, в России же он должен стать русским, – в противном случае ему нет места в России. Об этом должны подумать наши немцы-колонисты...

Позволю себе сказать здесь слово об отношении подвластных России народов к другим таким же. В настоящее время мы видим непозволительное и недопустимое явление. Одни второстепенные народности позволяют себе влиять и ассимилировать другие, более слабые народности. Так, поляки давят русских, литвинов, белорусов и проч. и стремятся их ополячить. Финны офинивают карелов, лопарей и проч. Армяне стремятся то же сделать на Кавказе... Такое явление абсолютно недопустимо. Только одна державная нация имеет право на поглощение соподчиненных ей некультурных и национально слабых народностей. Вина администрации русской, что она до сих пор позволяла такие деяния. Русские не должны стесняться никакими жертвами, затратами, лицами и средствами в деле ассимиляции мелких народностей.

Дальнейшее позволение офинивать карелов, лопарей и проч. финнами должно в будущем рассматриваться как преступление со стороны русской администрации.

Насколько мы русифицируем подвластных нам иностранцев – показывает следующий факт.

Речь идет о бурятских школах. Преосвященный Вениамин, известный в свое время деятель в Сибири, доказывает, что буряты-миряне были глубоко равнодушны к монгольской грамоте, обучение которой «распоряжением русского начальства» введено в общественные школы при степных думах. Но заботы начальства об укреплении «инородческого духа» этим не ограничились. Из этих школ некоторые воспитанники из язычников поступали в иркутскую и казанскую гимназии и потом даже в университеты. И в гимназиях, и в университетах им, как инородцам, оказывалось особенное внимание, было даже предписано от Министерства народного просвещения казанской гимназии не крестить их, чтобы удержать от перехода в русскую национальность, а для исполнения мнимых религиозных треб при них находился лама на казенном содержании. При выпуске в удостоверение ученых степеней им оказывалось снисхождение преимущественно перед русскими. Все это не могло не побуждать их дорожить своей национальностью, ради которой они пользовались таким вниманием. По возвращении на родину они старались внушить и прочим бурятам – дорожить своей национальностью и не искать перехода в русскую (через принятие православия). Один из таких (Бадмаев), обучавшийся в начале 60-х гг. в Петербургском университете, стал собирать сугланы (сходки) бурят с этой целью, указывал на братьев-монголов, на славное царство Чингисхана. Ламы везде встречали его с музыкой и тем поддерживали в народе мысль о важном значении его пропаганды. Хотя пропаганда совершалась открыто

ввиду русского начальства (что еще более могло уверить в пользе ее и законности), народ, по-видимому, тупо относился к этой агитации, и, когда Бадмаев стал распространять в среде его письменные прокламации, он сам представил их начальству. Дело об этих прокламациях восходило до Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии и тем, по-видимому, кончилось. Но мысль поднять бурятскую народность не была оставлена. Депутация 1873 г. была плодом этой мысли. Народ в ней не принимал никакого участия, кроме разве взноса лишнего темного побора, и не давал никакого приговора. Депутаты отправились в Петербург секретно с паспортами по частным надобностям, следовательно, без всякого законного уполномочия от бурятских обществ. Предметом ходатайства их было: не ограничивать числа лам и дацанов штатом и дозволить заводить частные школы для обучения бурят монгольскому и тибетскому языкам. Цель обоих ходатайств – усилить ламство и пробудить национальное чувство в бурятах, с принятием православия делающихся русскими. Как вредна эта цель и для государства, и для христианства – понятно само собой.

В пределах Австрии, в Галиции и Угорщине стонут наши родные братья русские под игом польским и жидовским. Мы являемся только молчаливыми свидетелями истязаний, чинимых над ними, под покровительством законных властей Австрии. Мы молчим, и при первом же слове о наших братьях нам внушают: «Ах, об этом говорить не следует!..», «Ах, это осложняет международные отношения!..». Международных отношений у нас нет. Таковые могут быть только между людьми равноправными. Мы же, русские, держим себя в международном отношении рабски и хамски. Нет той ничтожной народности,

которая не наносила нам безнаказанно национального оскорбления. Даже Персия могла нас оскорбить безнаказанно... Доколе, Господи, доколе!..

Что бы там ни говорили наши импотентные мудрецы, а мы должны сказать: доколе наши братья будут стонать в Галиции и Угорщине, мы не имеем права считать себя успокоенными и в государственном отношении окончательно устроенными...

Наши братья протестуют в австрийском парламенте против попрания их законных прав, и мы должны поддерживать их всеми мерами. Вот их вопль:

«Нынешнее королевство Галиция-Лодомерия, бывшее русское Галицко-Владимирское княжество, присоединенное к Австрийскому государству на основании прав, принадлежавших венгерской короне, было признано коронной землей под названием Червонной Руси (Russia Rubra) не только международным договором *inter suam Majestatem Imperatrieem et Reginam Hungariae et Bogemiae et suam Majestatem Regem Rempublicamque Poloniae*, но также и высочайшими патентами 11 сентября 1772 г. и 15 ноября 1773 г. Верное латинское название *Rutheni* было передано в немецком языке выражениями: *Russen, Klienrussen*, которые были включены во все государственные акты и документы.

Равным образом, в Университете императора Франца-Иосифа в Львове в конце XVIII и начале XIX в. была учреждена коллегия, в которой преподавание велось на русском языке. Словом, государством было признано культурное и национальное единство малороссов Галиции и Буковины с русскими, и венское правительство до последнего времени поощряло укрепление этого единства. После введения конституции в 1867 г. произошла перемена, ожесточенная национально-политическая борьба между галицийскими малороссами и могущественным

польским элементом повела к тому, что развитие первых уклонилось с верного пути. Преследуемая и угнетаемая за русскую азбуку и церковные песнопения, часто безосновательно подозреваемая, значительная часть малорусской интеллигенции уклонилась от исторического пути культурного и национального развития своего народа. Она отказалась от русской азбуки и издревле существовавшего правописания, не оценила должным образом национальный характер греко-католической автономной церкви, ввела новую азбуку и правописание и латинизирующие новшества в греко-католический ритуал и в конце концов под влиянием указанных галицийских факторов отказалась от своего освященного историей и традицией наименования. Ныне признание исторически и научно обоснованного культурного и национального единства галицийских малороссов с русским племенем почитается даже изменой государству. Как представители второй по величине малорусской партии, за которую, несмотря на неслыханные злоупотребления, и в этот раз было подано 146 тысяч голосов, мы протестуем против систематического подавления малороссов со стороны галицийских поляков и требуем для нашего народа скорого осуществления национальной автономии в духе исторического государственного права и на основании конституции 1867 г. Как потомки малороссов, которые высоко ставили идею единства австрийских малороссов с русской культурой, которые на полях сражений Мадженты, Сельферине, Градеца и Кенниггреца жертвовали жизнью за государство и династию, мы решительнейшим образом протестуем против того, чтобы наше чисто культурное национальное народное направление было лишено дарованного законами права на признание в Австрии русского литературного языка и против объявления нас бесправными в государстве. Мы

вступаем в высокую палату с надеждой на лучшее политическое будущее и с горячим желанием совместной работы на пользу народа, государства и славной династии».

Наш долг – заступиться за них и бороться открыто с предателями и изменниками родины. Пора киевской администрации открыть глаза на Грушевских и проч. провокаторов. Все должны исповедовать символ премьер-министра В.Н. Коковцева: у нас прошло время политики лиц и наступило время национально-государственной преемственности.

Вот что говорит известный нам деятель в области национализма А.И. Савенко^[34]: «Австрия дала полякам очень почетное поручение – быть палачами русской Галиции, и поляки с азартом выполняют это поручение. Все русское объявлено в Львове под строгим запретом... Тяжесть положения Прикарпатской Руси увеличивается еще благодаря тому, что высший класс ее давно изменил родному народу и ополячился. Народ остался без вождей, без русской интеллигенции...» Не то же ли и у нас было в Белоруссии, Малороссии и Литве... «Мы ценою великих жертв и усилий освободили южных славян и ничего не сделали для освобождения 4 миллионов русских... Национальная политика прежде всего и главнее всего в том и заключается, чтобы всю нацию собрать в одно государство. И пока мы этого не достигли, все наши помыслы должны быть направлены к этому...»

Братья-славяне. Русский народ в силу прирожденного ему чувства всечеловечения проливал свою кровь везде и всюду, где только ему указывали на несправедливость и засилье. Русские сражались с французами за интересы Австрии и прославили свое имя с бессмертным Суворовым в Швейцарии. Русские

вели Европейские войны то за интересы Пруссии, то за интересы Австрии. Русские помогали Австрии смирить возмущившихся ее подданных - венгерцев. Русские проливали кровь за славян Бокки Катарской, Черногории и Греции и прославили свое имя в лице адмиралов Ушакова, Гейдена и др. Русские проливали кровь за освобождение из-под ига турецкого греков, румын, сербов, болгар и т. д. и т. д. Все это хорошо. Все это похвально. Но... таким нашим заступничеством мы добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас как на своих обязанных батраков. Как только кто избидит их, так Россия и должна их выручать. Если выручит - так и должно быть. В благодарность те же вырученные братушки и лягут эту глупую Россию, как это сделали Стамбуловы, Каравеловы и прочая шушера... А боже храни, если русские не придут на помощь... Тут уже и нет предела издевательствам, брани и помоям по адресу России. И Россия терпит. Это глупо, но верно. Пора этому положить конец.

Россия велика, могущественна и сильна. Ее войска стоят на высоте современного величия. Ее военная мощь составляет предмет союзных вождедений всех стран Европы, а самое главное - предмет искренних пожеланий всякого нам зла. Все эти наши друзья и союзники боятся нас и ненавидят всеми силами своих испорченных заячьих душ. Они делают вид, что презирают нас. Ложь. Трусы не могут презирать. Их удел - завидовать и ненавидеть...

Наша литература первая в мире. Наше художество и искусство первое в мире. Наша наука не хуже, как в других странах. Наше богатство беспредельно. Наше хозяйство на низкой ступени - это правда. Наш народ невежествен - это правда. Но мы будем учиться и выучимся. Учиться никогда не стыдно.

А что мы выучимся и скоро выучимся, я ни одной минуты не сомневаюсь. Желал бы я знать дело, которое русские не «произошли бы» и не превзошли бы. П.А. Столыпин был совершенно прав, сказав: дайте России отдохнуть 20 лет, и вы увидите, что из нее выйдет...

Где мы будем учиться: у немцев или у своих братьев славян-чехов – это безразлично. Мы сделали слишком много для славян, чтобы чувствовать себя им обязанными, если 200-300 наших хозяев поучатся хозяйству у них. Рядом с этим мы можем сейчас же сказать, что мы в них не нуждаемся. Ибо если они возомнят, что они слишком нас этим обяжут, то пускай знают, что мы всегда можем обойтись и без них. Мы можем учиться у наших образцовых хозяйств, кои в имениях князя Васильчикова, графа Бобринского и у многих-многих других. Мы можем учиться и у немцев. Наконец, если даже мы будем учиться и у чехов, то ведь недаром. Вот почему я еще раз повторяю, и повторяю смело и убежденно: Россия ни в ком не нуждается и может существовать одна без всяких союзников и помощников.

Тем более мы можем сказать, что Россия не нуждается в помощи и содействии западных славян. Мы жили без них, живем без них и проживем без них.

Почему-то, однако, у нас существует убеждение, убеждение твердое и вместе с тем для нас весьма невыгодное, что мы поставлены судьбой для защиты и спасения наших западных братьев-славян. Но этого мало. И они почему-то думают, что Россия та дойная корова, которую западные славяне во все дни невзгоды имеют право сосать. И мы не смели от этого отказаться. Причем, достаточно выдоивши, они считают свое дело окончанным и могут отвернуться от нас, предварительно сплюнувши. Единственной за это благодарностью они признают ослиное лягание. А боже храни, если Россия не даст возможности себя подоить.

Сколько плевков, издевательств и омерзительных ругательств на нее посыплется... Разумеется, все это указывает на высокие нравственные качества наших благодетельствованных сородичей... Эта их добродетель дала возможность охарактеризовать их М.О. Меньшикову очень метким термином «бедной родни», «родни-приживалки»... Этот термин злой, но меткий и правдивый. Замечательно то, что он оправдывает себя и в эволюции дела. К таким же приживалкам по всем правам относилась и Болгария по освобождению ее от турецкого ига. Но с тех пор как она оправилась, с тех пор как она разбогатела, с тех пор как она стала независима, – она первая является более или менее искренним нашим другом, и чувства ее благодарной признательности проявляются на каждом шагу. Даром, что ее царь – ненадежный немец. Государства живут не месяцами и годами, и я убежден, что болгарский народ никогда не позволит себе стать в ряды наших врагов и пролить кровь своих братьев-освободителей. К остальным же славянам термин М.О. Меньшикова очень идет. До сих пор было так: «Нужно было что-нибудь мелкому славянину от России – он приходит и клянчит. Выклянчит – летит и позорит того же русского!»^[35] «Иного отношения, – говорит М.О. Меньшиков^[36], – от мелкославянских народцев к России мы и ждать не могли. Со стороны бедных родственников никогда не ждите ничего, кроме зависти, а если вы еще имеете глупость благодетельствовать их хоть раз в жизни, то ничего не ждите, кроме оскорбленной жадности и желания при случае нагадить вам».

И это совершенно верно.

«Бедные родственники по отношению к родственному богачу держат себя подобострастно лишь

до тех пор, пока он щедр на подачки; а в душе они всегда завидуют ему и ненавидят» (А.И. Савенко).

«Славянство в мировом значении – это мы, русские, и пока, к сожалению, никто больше. Остальные славянские племена слишком малочисленны, а главное – так раздроблены, так глупо разъединены и так враждебны друг другу, что политического и мирового значения не имеют вовсе. Большинство зарубежных славян состоят под немецко-венгерско-турецким игом, и неспособность их свергнуть это иго уже доказана... Вместо того чтобы разбить немцев, венгров и турок, западные славяне только и могли, что быть самым разбитыми своими соседями. Причин разгрома западного славянства много, но общий знаменатель этих причин – славянская слабость, славянская бесхарактерность и, как особенное горькое последствие бесхарактерности, склонность к разъединению, взаимной грызне. Во всяком случае, если в славянах возможны какие-либо мечты о великодержавной роли, то они немыслимы вне России. Это со стороны национальной мощи. Что касается национальной культуры, то при всех своих бедственных условиях Россия идет в этом отношении вперед славянства... Во всех отношениях Россия имеет право сказать: славянство – это я... Не нам приходится искать у западных славян, а им у нас» (М.О. Меньшиков).

Хотят мелкие славяне жить с нами в единении и дружбе – хорошо. Мы против этого ничего не имеем. Не хотят – не нужно. Они нам не нужны. Мы без них ничего не теряли и не потеряем. «Политика России должна быть только национальной, а это значит, что она должна быть не славянской, а только русской, т. е. политикой национального эгоизма. Более того, политика России часто будет оказываться антинациональной, если она будет непременно славянской. Наша политика должна быть славянской

лишь постольку, поскольку этого требуют наши чисто национальные интересы».

«Все без исключения славяне думают только о себе, только о своих собственных интересах. Каждый из славянских народов по-своему устраивает свою судьбу. Это их дело. Но будем ли и мы, русские, думать только о себе, заботиться только о наших русских национально-государственных интересах. Все западные и южные славяне – глубочайшие националисты. Будем же и мы в политике только националистами... Национальная политика прежде всего и главнейше всего в том заключается, чтобы все нации собрать в одно государство... И если для заключения между Россией и Германией тесного союза придется пожертвовать интересами чехов и прочего западного (но не южного) славянства, мы, ни на минуту не задумываясь, должны это сделать, как делают ныне поляки и чехи» (А.И. Савенко).

Дальнейшие наши отношения к славянам должны быть таковы. Россия была, есть и будет одна, сама в себе. Политика великого монарха-националиста Александра III – политика полной свободы от всяких союзов – есть самая великая и разумная политика. Все союзы с Германией, Францией, Англией и прочих ведут только к тому, что союзные державы нашими руками загибают жар. Когда же мы находимся в тяжком положении, то наши союзники только ухмыляются и в душе радуются. Россия должна быть сама для себя. М.О. Меншиков прав, говоря, что нашему национальному мотовству пора положить предел. Пора нам бросить проливать нашу кровь за братушек, в Китае, Персии и проч. А вместе с тем пора нам уметь защищать наше национальное достоинство и не церемониться разгромлением 30–40 китайских, персидских и прочих поселков на каждую русскую голову, погибшую от руки китайских и персидских злодеев. Пора нам привлекать

к ответственности и тех русских выживших из ума правителей, которые по своему скудоумию шлют на убой ничтожные и заведомо подлежащие убою русские войска...

Нашими родными кровными являются обитатели Галичины и Угорщины. За их освобождение от польского и жидовского ига мы не только можем, но и должны пролить кровь. А еще лучше обменять их на совершенно ненужную злейше враждебную Польшу. Ей лучше будет под покровительством Пруссии, а наши братья пускай возвратятся к нам.

Ближайшими нашими кровными являются остальные славяне. Нам приятно быть с ними в добрых отношениях, но проливать нашу кровь за освобождение аннексированных боснийцев и герцеговинцев – глупо и бессмысленно.

На нас посыпались громы и молнии за то, что мы не вступили в бой с Австрией за аннексируемых боснийцев и герцеговинцев и вооружившихся сербов. А знают ли славяне, кто нас поддерживал во время японской войны? Кто нас снабдил судами и проч.? Крейсера, говорят, оказались негодными. Это вина не немцев, продавших суда нам, а тех русских, которые покупали и принимали их и имена которых, к сожалению, остались неизвестными...

Желают братья-славяне – чехи, болгары, сербы, черногорцы и проч. с нами быть в добрых отношениях – отлично; но бежать к ним с распростертыми объятиями – глупо. Россия по своему положению во всех отношениях стоит так высоко, что славянские народы должны заискивать перед ней, уважать и почитать ее, а не мы, русские, к ним бежать. Особенно пускай Сербия попомнит и поразмыслит. Съезд славянских журналистов в Белграде летом 1911 г. Ни один порядочный русский не должен теперь являться в Сербию без того, чтобы Сербия десять раз искупила

свою тяжкую предумышленную вину, свой наглый поступок. Ни один серб не смеет явиться в Россию, пока сербская подлость на съезде не будет искуплена десятирицею.

С давних пор Россия с распростертыми объятиями принимала всех переселенцев славян, армян и прочих в Россию. Довольно. Эта политика должна быть прекращена навсегда. Все эти переселенцы в Россию остаются прежними армянами и проч. Этого впредь не должно быть. Кто желает быть в России, тот должен стать русским. Россия для русских. Кто не желает быть русским, тот должен оставить Россию. Господа евреи, немцы и проч., подумайте.

Еще одно слово. Теперь завелась мода ездить с визитами и на съезды к разным славянам. Мило. Нельзя ли, господа русские ораторы, поосторожнее говорить от имени России, ибо неосторожные и вдохновленные шампанским слова легко могут быть опровергнуты трезвыми заявлениями протеста в газетах...

Евреи. Евреи – народность, не завоеванная нами, а сама пришедшая к нам. Народность, нами нетерпимая, но которая настойчиво сама навязывается. Народность, от которой мы всеми силами стараемся избавиться, а она руками и ногами держится за Россию и которая тем не менее с чрезвычайной яростью требует равноправия с державной нацией.

Я – малоросс. Вырос с жидами. Имел их товарищами детства. Шел с ними в университет и доньше с некоторыми в самых дружеских отношениях. Я их знаю хорошо и стану говорить вполне бесстрастно.

Каждый народ имеет свою религию по своему духу и влияет на нее своими народными свойствами. В религии народа – его душа. Особенно это характерно для евреев. Их священные книги заключают в себе не только религиозные истины, но и политические, и

социальные, и экономические. Поэтому для лучшей характеристики народа мы делаем маленькие выписки из его священных книг.

Иегова создал мир, все живущее и человека. Но с первых же шагов человек нарушил завет, положенный Иеговой между ним и человеком. И вот Иегова прежде всего проклинает землю, которую только что создал, и все живущее на ней, а человечество предаёт во всем его будущем наказанию. Проходит небольшое время, и один из сыновей первого человека убивает своего брата. Новое проклятие... «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в Своем сердце, и сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человеков до скотов, и гадов, и птиц небесных истреблю, - ибо Я раскаялся, что создал».

Ну, понятно истребление беспутного человека, но за что же истреблять животных и птиц небесных...

Но человечество живет. Оно образует даже города, в которых, впрочем, люди творят страшные безобразия и бесчинства. Тогда Иегова выводит из Содома и Гоморры праведного Лота с семейством, а город уничтожает каменным дождем... За что, за содомию?.. А теперь потомки содомийцев, и даже из жидов, безнаказанно являются редакторами газет...

Этот Иегова из всего созданного им человечества выбирает излюбленным народом евреев и им отдаёт весь мир.

«Ты народ святой у Господа Бога твоего: тебя Израиль Господь Бог твой, чтобы ты был собственным его народом из всех народов, которые на земле. И не вступай с ними в родство; дочери твоей не отдавай за сына его и дочери его не бери за сына своего... И будет Господь изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истреблять их скоро, чтобы не умножились против тебя полевые звери, но предаёт их

тебе, и они погибнут, и предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной... Не ешьте никакой мертвечины; иноземцу, который служит в жилищах твоих, отдай ее, пусть он ест ее, или продай ему...»

В войнах с народом Иегова приказывал истреблять не только весь народ неприятеля до последнего человека, но даже весь скот его, волов, овец и проч. Разве эта жестокость не напоминает нам изуверств, чинимых в 1905 г. революционной массой, во главе которой стояли жида-бундисты, когда тысячами отрубали копыта у ценных лошадей и десятками тысяч – ноги у несчастных овец...

А вот что говорит пророк Исаия об Иегове: «Ярость Господа Саваофа опалит всю землю, и народ сделается как бы пищею огня. По первому небо и земля сдвинутся с места своего от ярости Господа Саваофа в день пылающего гнева его... Вот, придет день Господа лютый, с пылающею яростию, чтобы сделать землю пустынною... Меч Господа исполнится кровию, утучнеют туки от крови. Третья часть народа умрет от язвы и погибнет от голода, третья часть падет от меча, и третью развею по ветрам...»

О, как жесток, как несправедлив, как пристрастен еврейский Иегова.

«Темный бог Израиля, бог хищничества, вымогательства, наживы, бог обмана, предательства и всякой лжи и неправды, этот темный бог насилия, злобы и мести идет впереди своего «возлюбленного» народа и предаст нас жидовскому заклятию и наводит на нас непробудный сон, непостижный страх» (А. Бурнакин).

А вот нравственный кодекс евреев. Евреи идут из Египта. И вот Иегова дает приказ. «И когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками: каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в ее доме вещей

серебряных и вещей золотых, и одежд, и вы нарядите ими и сыновей ваших, и дочерей ваших и оберете Египтян».

Я не стану делать дальнейших выдержек. Они всем известны. Таков завет евреев. Такова и душа евреев. Иначе быть не может. Религия – душа человека.

Неказисты евреи по Библии. Еще худшими они являются по Талмуду – толкованию Библии, где вполне вылилась практическая душа еврея. Все проявления жестокости, бесчеловечности, людоедства, человеконенавистничества выражены здесь с возможной полнотой и со всеми жизненными случайностями, – а плутовство, обман, шантаж и мошенничество возведены в высокую нравственную защиту. И эти качества стали так у евреев прочными и национальными, что ныне евреи уже не нуждаются и в Талмуде. Их Талмуд в их крови. Ведь не Талмуд создал евреев, а евреи создали Талмуд. В Талмуде выразились национальные душевные свойства еврея.

Особенно резко в Талмуде проявляется человеконенавистничество и величайшее презрение к христианам. Одни только евреи – люди, а остальные – их рабы и ничтожество.

«По учению Талмуда, – говорит о. Пранаитис^[37], – еврей тем самым, что принадлежит к народу избранному и подвергается обрезанию, обладает таким достоинством, что никто не может сравниться с ним, даже ангел.

Мало того, он считается равным самому Богу. «Кто ударит израильтянина по щеке, – говорит Ханина, – тот дает, так сказать, пощечину величию Бога». Еврей всегда нравствен и чист: этому не препятствуют никакие грехи, которые не могут марать его точно так, как грязь пачкает одну скорлупу ореха, но не ядро. Один израильтянин есть человек, вся вселенная

принадлежит ему, все должно служить ему, особенно же «животные в человеческом образе».

«Еврею повелевается где бы то ни было вредить христианам, или косвенно – не делать им добра, или же прямо: грабить имущество и на суде показывать против христиан; еврей не смеет помогать христианину в случае, если последний находится в безвыходном положении».

«Вся жизнь, все имущество гоя, как раба для сынов Израиля, находится в распоряжении еврея. Жизнь гоя отдана в руки еврея, – тем более, конечно, душа и тело его» – такова раввинская аксиома. Отсюда следует, что еврей имеет полное право безнаказанно отнимать у христиан всякое имущество, прибегая при этом к всевозможным уловкам, обману и плутням.

Обращаясь к характеристике еврейского народа, нельзя не отметить одной особенности его: все народы занимаются добыванием плодов земли, растений и животных, – евреи всей массой занимаются извлечением выгод от трудов человеческих. Еврейский народ является как бы паразитом человечества.

По мнению А. Мертваго^[38], «время для образования еврейского народа прошло, и создание своей национальной территории, даже в Палестине, не приведет к сохранению его национальной силы.

Такой организм не может существовать, соединяя людей, осуществляющих только либеральные профессии, а еврейская нация, благодаря своему высококультурному уровню, не может выделять из себя достаточно неудачников, которые бы легли в основу трудовых сил государства».

Мне кажется, однако, что неспособность заниматься устойчивым трудом характеризует далеко не высоту культуры нации, а именно ее вырождение, дряблость и измельчание. Проявлением высокой культуры нации

служат: высокий ум, образцовые знания, твердый и благородный характер, высокая нравственность. Этого всего у евреев именно и нет. Поэтому я гораздо более склонен признать мнение М.О. Меньшикова, Гофштеттера и др., «которые в еврейской нации принимают именно паразитную нацию». В отличие от низших кочевников, которые живут как паразиты своих кочующих стад, евреи живут на человеческих племенах, эксплуатируя труд последних и направляя энергию их в свою пользу... Евреи были бы совсем ничтожными, если бы действовали собственными средствами, – но они всегда пользуются чужим трудом, чтобы плодами этого труда составить свое благополучие. И в этом отношении евреи никогда не могут исправиться. Опыты с сельскохозяйственными колониями на юге России показали, что евреи свою землю отдали в аренду, а сами занялись гешефтмахерством. То, что евреи стремятся теперь закупить землю, вовсе не значит, что евреи намерены заняться сельскохозяйственным трудом, а только то, что они желают возможно больше извлечь пользы от христиан, обрабатывающих им их землю. И в этом случае еврейский паразитизм выражается в очень яркой степени.

«Типичный еврей – существо особого человеческого типа, именно паразитного, и в силу этого он по природе существо преступное в отношении тех обществ, на теле, вернее, в теле которых он живет», – говорит М.О. Меньшиков^[39].

И действительно, история евреев всех времен и стран показывает, что они могут жить только паразитно, то есть высасывая жизнь и блага у других народов, среди которых они живут.

С этой точки зрения евреи – народ антисоциальный и даже преступный.

«Мы видим в еврействе, – говорит Маркс, – общий современный антисоциальный элемент, приведенный историческим развитием, которому ревностно содействовали евреи, к его теперешним размерам, к тем размерам, когда он неизбежно должен исчезнуть... Деньги – единственный бог Израиля, и нет у него бога иного, кроме него...» (И.А. Гофштеттер [\[40\]](#)).

С этим божком в руках евреи и паразитствуют во всем свете. Каковы их занятия? Торговля, контрабанда, перекупничество, комиссионерство, ростовщичество и проч. – вот их занятия. Не подлежит сомнению, что финансы – важнейший мировой двигатель. Эти финансы в руках евреев, и само правительство в настоящее время не в состоянии справиться с евреями. При помощи денег евреи держат в руках правительство, держат в руках общество, держат рабочий класс. Развращающее действие денег беспредельно, и национальная наглость и пронырство евреев вполне прикрываются подкупам.

Имея в руках деньги, евреи захватили в свои руки печать, газеты и журналы. Свободные профессии: докторская, адвокатская, актерская, оперная и проч. – все это монополизировано евреями. При помощи денег им доступны департаменты, канцелярии губернаторов, суды и все прочие учреждения.

«Пронырливые, льстивые, угодливые, лицемерные – они покоряют нас без боя, нас – ленивых, зевающих, податливых, неустойчивых, легковерных... Окольными путями, закоулками, всякой неправдой евреи пробираются к народным сокровищам и овладевают ими. А славянская стихия покорно отступает перед чарами сионского беса. О, эти «сионские чары»: тут и подкуп, и разврат, и лесть, и порок, и ложь, и гордыня – все, чем силен враг рода человеческого, чем покоряет он малодушных, безвольных и легковерных. На

сильного - раболепием, на слабого - нахальством, на малодушного - рублем, на мечтателя - посулом, на чувствительного - похотью, - так шествует по Руси воинственный Израиль, так покоряет он нечестивых гоев. И вот плоды жидовского «очарования», - торговля, производства, ремесла, науки, литература, искусства, все народное хозяйство и весь духовный капитал - и тело, и мысль народа - в кабале, в откупу, под закланием евреев. В их руках биржа, банки, магазины, фабрики, заводы, в их руках балеты, театр, книгоиздательства, в их руках хлеб и деньги, правосудие и просвещение, все к ним липнет, все ими оскверняется. Еврей - если он не ростовщик, то развратитель или предатель, или подстрекатель, или кровопийца, его путь - обман, грабеж, его оружие - разврат и преступление. В торговле он - шантажист, на бирже - стервятник, в работе - надуватель, в политике - бунтовщик и предатель, на суде - лжесвидетель, в печати и литературе - развратитель, отрицатель, человеконенавистник, в искусствах - опошлитель, осквернитель, низменник, в обиходе - нахал, в сношениях - сводник, в обществе - фарисей с улыбкой на лице, и с камнем за пазухой»^[41].

При таких религиозных, нравственных и практических качествах, естественно, еврейство во всей своей массе вызвало к себе в России, как и во всем мире во все времена, всеобщую ненависть, презрение и отвращение. Подобные отношения выразились в форме погромов, погромов современных и погромов тысячу лет назад. Погромы эти были и в Испании, и в Италии, и в Германии, и во Франции, и в других странах. Были они во времена недостаточного просвещения, но были они и в наши дни. Избиение евреев в Венгрии было уже в XX в. Едва не на днях было избиение евреев в Бельгии и совсем недавно, о ужас, в Англии... В Америке, где они

своими капиталами оказывают огромное влияние, их не допускают в приличные гостиницы, не принимают в порядочные клубы и не считают себе равными. Их доступ в Америку затрудняется почти наравне с желтой расой. Не терпят евреев в Турции, и даже Китай признает евреев людьми недобросовестными, вносящими в промышленность и в торговлю обман и подлог. Финляндия и Япония в свои государства евреев вовсе не допускают^[42].

Даже украинофилы и те питают к евреям нельзя сказать, чтобы нежные чувства.

Вот что рассказывает по этому предмету господин Л. Шг в органе еврейских националистов «Новый восход»: «Я вспоминаю 1905 г. В зале лесгафтовских курсов собрались на мирный конгресс представители народов России. Все были преисполнены самым пылким энтузиазмом братства народов... Я случайно очутился среди группы украинофилов, когда на кафедре еврейский оратор красноречиво доказывал, что евреи всюду чуждый элемент, что для их блага, как и для блага их соседей, евреям необходима своя территория. Как магически действовали эти слова на моих соседей! И когда наступил перерыв, милые украинцы с большим подъемом заговорили о том, как прав был сионистский оратор: ведь Украина только тогда и может быть счастлива, когда она будет свободна от чуждых элементов и станет единственным хозяином своей земли. Конечно, пока евреи живут среди нас, они должны иметь права, но лучше... если бы они ушли в Палестину... Украина – украинцам».

Кроме этих грубых мер, мер насилия против евреев, нами принимаются и другие, более мирные, но тем не менее действительные меры против натиска и захвата еврейского племени. В этом отношении уже практикуется многими даже в России, особенно в

Польше, тихий погром, состоящий во всеобщем бойкоте еврейских товаров. Этот тихий и законный погром настолько силен и могуществен, что заставил многих евреев покинуть Россию и переселиться в Палестину, Уганду и проч. Особенно силен и систематически проводится этот тихий погром в Польше, где поляки не стесняются выживать своих братьев поляков Моисеева закона из Польши. Вот что говорит Glos Waszawsky: «Евреи должны знать, что с момента, как их пребывание в гостях стало тяжестью для поляков, кончаются все права на гостеприимство, и наступит момент, когда евреи должны думать, как уйти из Польши».

Разумеется, такое невыгодное мировое отношение народов к евреям не могло не отразиться и на общей массе еврейского народонаселения. И так стали появляться мысли о том, чтобы создать наконец нечто целое, независимое, свое собственное, что бы дало им опору и самостоятельность. Евреям понадобилась территория, дабы составить собственное государство. И стали искать такую территорию. Воззрели на Палестину, воззрели на Уганду, воззрели на Аргентину... Но все это не то. Евреи слишком негодны для того, чтобы не понять, что с переселением в свою землю они лишаются своих основных кровососных паразитных свойств. Им придется эксплуатировать самих себя. А они знают хорошо, что не бывает более ужасной и беспощадной борьбы, как если жид объявит жиду войну. Многие прежние мировые судьи мне говорили, что на суде в тяжбе легко примирить русского с русским, русского с жидом, но жида с жидом – никогда. Разумеется, перспектива грызть друг другу горло им не улыбалась, а потому все эти сионизмы – явление дутое и бесплодное.

Тогда евреи стали разрабатывать такое положение, чтобы найти себе территорию вместе с рабами, от

которых они могли бы, будучи господами, легко высасывать себе деньги и кровь. Для этого нужно выбрать особенно податливую, мягкую и стойкую народную массу. Какая же народность в этом отношении может быть наиболее подходящей, как не славянская. И вот теперь евреи стали заводить такие территориальные очаги в Галиции, Венгрии, Бессарабии, Волыни, Подолии, Белоруссии и проч. Скупая земли за бесценок, они вместе с тем имеют дешевых безземельных белых негров, которым они отдают землю в аренду и захватывают не только все соки, но и душу.

Такой захват евреями земли грозит нам в будущем великой опасностью, и мы, русские, самым серьезным образом должны обратить внимание на этот захват земли и помимо воспрепятствования законным путем тому захвату установить строжайшую ответственность губернаторов, допускающих обход законов в этом отношении. В противном случае мы можем скоро увидеть в своем государстве новое государство.

Но этого всего мало. Евреи добиваются иного. Для них важно добиться двух положений: равноправия в России и свободы въезда в Россию евреям других стран. При достижении того и другого, можно быть уверенным, Россия станет местом сосредоточия евреев всего мира и превратится в рабскую страну самых жестоких и бесчеловечных эксплуататоров.

Итак, что такое евреи теперь. Это масса народонаселения, мечтающая, что она избранный народ Божий, а потому не смешивающаяся с другими народами и не допускающая других народов в себя. Все, что не еврей, – подло, низко, гадко, хотя всякий еврей без исключения сознает, что он сам собой представляет нечто подлое, отвратительное, презираемое, а потому часто стремится прикрыть и защитить себя именем инородца. Все остальные народы

в глазах этой «избранной массы» являются жертвой эксплуатации во славу величия и блага «избранной нации».

Эта масса по отношению ко всему окружающему безжалостна, беспощадна, бесконечно жестока, бессердечна и презрительна. Человеконенавистничество, людоедство, кровожадность и кровопийство по отношению к остальным людям – безграничны и беспредельны. Это освящается их религией. Это повелевается самим Иеговой. И это так давно длится, что стало плотью и кровью всякого еврея.

Та же религия евреев освящает всякий обман, воровство, мошенничество, шантаж, клевету, ростовщичество и всякие другие гражданские преступления во славу имени Израиля. Клятвопреступление, лжесвидетельство, отказ от прежних показаний – все это детские забавы в сравнении с прочими мерзкими деяниями, оправдываемыми еврейской этикой. Наглость, бесстыдство, дерзость, низость – это основные черты еврейства, как и самоунижение, продажа совести, шпионаж, торговля живым товаром и проч.

Этим далеко не исчерпываются все специальные национальные качества евреев. Но эти качества – их прирожденные качества, освященные их религией и внушенные самим Иеговой. Мыслимо ли сожительство с таким народом? Мыслимо ли равноправие этой преступной по природе массы с христианами?

Между тем в России более 5 миллионов евреев. Что же нам с ними делать?

Наши продавшиеся или легкоумные либералы нам говорят: дайте евреям равноправие, и все наши внутренние и внешние невзгоды прекратятся сами собой. Благо. Войны не будет, ибо рабовладельцы водворятся мирно в своих штатах. Послушайте, что

говорит по этому поводу человек очень осведомленный и знающий, именно профессор Локоть [\[43\]](#).

«Объективные статистические данные говорят нам о том, что экономическая группировка более или менее совпадает с группировкой национальной. А это служит указанием, с одной стороны, на то, что борьба национальностей в большей или меньшей степени связана именно с экономическим моментом, имеет под собою почву в неодинаковом уровне экономического благосостояния национальных групп как естественных, а не социально-экономических целых, а с другой стороны, будет заставлять нас самым решительным образом признавать момент национального объединения групп в качестве одного из могучих средств групповой самозащиты слабейших групп. Было бы предательством по отношению к слабым группам, грубейшим нарушением принципов и интересов демократизма и явным потворством крайнего национального эгоизма более сильных национальных групп. Скажем, если объективные данные говорят нам о том, что еврейство как национальная группа является в то же время более сильной экономической группой, а мы под флагом «равенства» и «равноправия» будем настаивать на предоставлении еврейской группе еще большей возможности усиливать свое экономическое господство над другими, более слабыми группами, то это будет ни демократично, ни прогрессивно, ни гуманно, а будет только в ущерб демократии более слабых групп... Конечно, для еврейской группы в целом «равенство» и «равноправие» евреев будет выгодно... но с точки зрения великорусской, малорусской или белорусской демократии?.. Мы не можем не признать противодействие коренных национальных групп еврейской в борьбе за государственную власть в высшей степени законным и справедливым именно в

силу относительной слабости этих групп по сравнению с еврейской в экономическом отношении».

А вот что говорит по поводу равноправия евреев Ренан^[44]: «До наших дней еврей вкрадывается повсюду, требуя равноправия; но в действительности не равноправия он хочет, ибо сохраняет везде свои уставы. Он требует тех же гарантий, которыми пользуются все, и, сверх того, требует исключительных для него законов. Он хочет пользоваться преимуществами нации, не будучи таковой и не принимая участия в исполнении национального долга. На это ни в коем случае и никогда не может пойти ни один народ. Нации представляют собою военные учреждения, мечом основанные и мечом живущие; они представляют собою крестьян и солдат. Евреи ничем не содействовали их установлению. Тут именно и кроется крупное недоразумение, лежащее в основе всех еврейских притязаний. Иностранец, которого терпят, может быть полезен стране, но при том условии, чтобы он не завладел страню. Несправедливо требовать себе одинаковых прав с членами семьи, дом которой не вами выстроен, подобно птицам, устраивающимся в чужом гнезде, подобно тем улиткам, которые забираются в раковину другой породы».

Таким образом, помимо всех прочих соображений, еврейское равноправие в России недопустимо и немыслимо из чисто экономических соображений.

Евреи и еврействующие добиваются теперь другого: если нельзя равноправия, то снимите, по крайней мере, для евреев черту оседлости. Легкомысленные люди поэтому и говорят: в самом деле, отчего же и не снять черту оседлости? Теперь жида сидят скопом на одном месте и достаточно уже объели и выжали из несчастных малороссов и белорусов крови, – лучше евреев рассиропить, и тогда они будут менее опасны и

чувствительны для России. Так ли? Чем на большее пространство будут раскинута евреи, тем больше они используют народонаселение. Народонаселение России, страдавшее прежде в одной части России, с расселением евреев будет предметом эксплуатации все, и все и всюду будет страдать. Поэтому расселение евреев по всей России будет преступлением по отношению к России и явным попустительством к эксплуатации России паразитным народом.

Иной вопрос о том: а как же быть с малороссами и белорусами? Неужели так-таки, на вечные времена малороссы и белорусы обречены на съедение жидами?

Пора подумать о справедливости: за что же несчастные малороссы и белорусы служат почвой для жидовского кровопийства. Нужно дать и им передохнуть и оправиться от съедающего их паразита. Малороссы хотя имели Гонту и Железняка, но несчастные белорусы все время идут, согнув выю под жидовским ярмом. А что же можно сделать для них? Одно из двух: или евреи Малороссии и Белоруссии могут найти себе исход на все четыре стороны, или же пускай переселяются в Польшу. Польша принесла нам жидов, Польша успела сродниться с братьями-«поляками Моисеева закона», Польша давно знает их натуру, Польша уже успела выработать способ борьбы с теми евреями, которые для нее являются не братьями-«поляками Моисеева закона», а паразитами их нации.

Кроме Польши евреи могут найти себе исход в Финляндию. Финляндцы полагают, что они представляют собой нацию высшей культуры. Отлично. И мы согласимся с этим. Поэтому и евреи, как лица высшей в культурном отношении нации, легко могут переселиться в Финляндию, ибо финнам вовсе не страшна будет борьба с евреями, как нации, стоящей выше евреев.

В последнее время мы встречаем весьма энергичные жалобы со стороны обрезанных и необрезанных евреев на чрезвычайно частые несправедливости и ограничения прав евреев, живущих в России. В самом деле, то ограничивают процент поступления евреев в университеты, то ограничивают процент поступления на фармацевтические курсы, то ограничивают поступление в гимназии и т. д. и т. д. Справедливо ли делать эти ограничения и назначать процентные отношения? Очевидно, раньше евреи имели эти права и только впоследствии стали их обижать и ограничивать. Поэтому не лучше ли восстановить те законы, при которых евреи вступили в Россию, и их уже держаться, не ограничивая, но и не расширяя их. Посмотрим же, каковы были эти законы?

В 1114 г. совет князей собрался в Выдубичах и постановил: «Выслать жидов из Русской земли со всем их имуществом и впредь не принимать их, а если они тайно войдут, то вольно их убивать и грабить».

В 1727 г. Екатерина I издала такой закон: «Жидов как мужска, так и женска полу, которые обретаются на Украине и в других Российских городах, всех выслать вон из России за рубеж немедленно и впредь их никакими образы в Россию не впускать и того

предостерегать во всех местах накрепко, а при отпуске их смотреть накрепко ж, чтобы они из России за рубеж червонных золотых и никаких Российских серебряных монет и ефимков отнюдь не вывозили; а буде у них червонные и ефимки, или какая Российская явится, и за оные дать им медными деньгами».

В 1740 г. императрица Елизавета Петровна издала такой закон: «Как-то уже по неоднократным предков наших указам, по всей нашей империи жидам жить запрещено. Но ныне нам известно учинилось, что оные жида еще в нашей империи под разными видами жительство свое продолжают, от чего ни иного какого

плода, но токмо нашим верноподданным крайнего вреда ожидать должно. А понеже наше матернее намерение есть от всех чаемых нашими верноподданными и всей нашей империи случиться могущих худых последствий крайне охранять и отвращать, того да всемилостивейше повелеваем: из всей нашей империи, как то великороссийских, так и то малороссийских городов, сел и деревень всех мужска и женска пола жидов, какого бы кто звания и достоинства ни были, со всем их именем немедленно выслать за границу и впредь оных ни под каким видом в нашу империю ни для чего не впускать»^[45].

Вот те основные законы, в силу которых существуют на Руси евреи. Оказывается, что они на Руси запрещенный плод, контрабанда. А если это так, то, значит, они на Руси не имеют ровно никаких прав, а потому и об ограничении и угнетении их говорить не имеют никакого права.

Логическая последовательность требует: во избежание обвинений в нарушении их прав в Русском государстве применить к ним этот закон, который существовал во времена Федора Алексеевича и Екатерины I.

Тогда, по крайней мере, не будут они жаловаться, что их обижают и несправедливо ограничивают их права.

Из всего рассмотренного общий вывод следующий:

1. В религиозном отношении евреи – народность самообольщающаяся, жесточайшая, человеконенавистническая и людоедская, полагающая своим идеалом господство над всеми народами и бесчеловечное их истребление и истязание.

2. В нравственном отношении – высокобезнравственная, оправдывающая всякие

недостойные поступки по отношению к лицам другой нации.

3. В социальном отношении евреи - народность паразитная и преступная, проявляющая по отношению к членам всех других наций всякие низкие преступные деяния, как допустимые и должные.

Во имя блага державной русской нации совместное сожительство евреев в России недопустимо и непозволительно.

Но что же с ними делать?

1. Самое коренное разрешение вопроса - новый исход евреев, куда им угодно вне России.

2. Менее желательный исход - ассимиляция их в России, но с непременным условием перехода в православие.

3. Еще менее желательный - исход их в Польшу и Финляндию. Переселение их в Польшу имеет за себя оправданием братское содружество этих народов: поляки - евреи католического закона, евреи - поляки Моисеева закона. Они друг друга знают давно. Они сражались плечом к плечу против их общего врага - России. Им будет легче сожительство. Для Финляндии евреи тоже не будут в тягость. Финны - нация, как они думают, высокой культуры, а потому для них не будет опасно сожительство с паразитной нацией. Высококультурная финская нация не позволит себя эксплуатировать паразитной еврейской нации.

А.А. Столыпин предлагает еще одну меру: изыскание научным путем мер вымирания этой паразитной и вредной для мира народности. Будущее покажет, насколько он прав.

Достоин внимания заседание Государственной думы 2 ноября 1911 г. В этом заседании, обсуждавшем вопрос о равноправии русских в Финляндии, между прочим, П.Н. Крупенский внес важное предложение о допущении евреев в Финляндию на правах евреев в

черте оседлости в России. Это предложение встретило жесточайший отпор со стороны всех партий. Положительным решением Дума допустила бы по отношению к Финляндии «насилыцину», «жестокое оскорбление чувства брезгливости финского народа», «прививку яда», «издевательство над человечеством», «зло», «наглое издевательство», «величайшее зло»...

Итак, для Финляндии евреи являются существом со всеми вышеуказанными качествами. Ну а для России «все эти качества терпимы», допустимы? Нельзя ли хоть капельку подумать о несчастной Белоруссии, которая стонет под еврейским игом...

Предложение П.Н. Крупенского было не фарс, а гражданский подвиг, указавший на возможный «исход» еврейского ига и хотя некоторое облегчение от него для русского народа. Так поняли и серьезные члены Государственной думы предложение П.Н. Крупенского.

Так, член Госдумы Червинский, между прочим, заявил, что «задача каждого государства – эмансипироваться от евреев, а не устраивать еврейское равноправие», а член Госдумы Воейков думает, что «нужно ограничение прав евреев в Финляндии и распространение его на всю Россию».

Таким образом, предложение П.Н. Крупенского в Думе было понято, но не было поднято. Будем надеяться, что П.Н. Крупенский выждет и дождетсся момента, когда его аналогичное предложение еврейского «исхода» встретит в Государственной думе больше гражданского мужества и большей заботливости о благе державной нации, находящейся в пределах своей державы у своей паразитной подчиненной народности.

Основы русского национализма

В основе исповедания русской национальной партии лежат следующие три положения: самодержавие, православие и русское единоедержавие. На первый взгляд, эти три положения, особенно же первое, кажутся несколько отсталыми и устарелыми. Однако эти положения взяты были не случайно и не по капризу, а на основании исторических данных.

Весьма знаменательно, что верховоды из жидов и других инородцев в тяжелые годы 1904-1906 на митинговых собраниях в своих речах обдавали полным презрением историю России, ее прошлое, ее характер. Мало того, митинговые ораторы из жидов грязью забрасывали историю России и во весь голос кричали, что история – это анахронизм. Это делалось недаром. Нигилизм 90-х гг. был злостнее нигилизма 60-х гг. Новейшие нигилисты из жидов отлично знали историю России и важное ее значение в государственной жизни и потому усердно поливали ее своими зловонными помоями. Нигилисты же из армян делали это по своей глупости. Это было панургово стадо в руках жидов.

Между тем история России имеет весьма поучительное значение в ее настоящих исторических судьбах. И кто хоть немного потрудится освежить ее в своем уме и немножко подумать, тот ясно увидит, что самодержавие, православие и неделимость империи – не пустые звуки и не проявление захватного деспотизма и насилия, а всецело и по существу вытекают из свойств и характера самой нации и основываются на исторических судьбах ее.

Эти три основных положения бытия Русского государства исповедовались еще во времена Московской Руси. Современник царя Алексея Михайловича Юрий Крижанич утверждает следующие основы государства: «вера православная, самовладство совершенно (самодержавие), нераздельность королевства и обережение от чужевладства, запертие

рубежев и недопущение празнующего и бездельного жития». Исключив ныне устаревшие два последних пункта, мы имеем три основных пункта нашей национальной партии: самодержавие, православие и единоедержавие.

Тот же Крижанич полагал, что самодержавие – это философский камень, который вылечивает все политические болезни. Этот камень есть только у России, поэтому, если какой-нибудь народ страдает, как Польша, неизлечимой политической болезнью, для него единственное средство спасения – союз с Россией... «У ляхов и у чехов, и у задунайских словенцев сия речь господарь знаменует домовного отца, и всякий отец или челяди и дому господин, хочь богат, хочь убог, слывет тамо господарь. А русский язык не простых людей, но владателей зовет господарями. И тем ее означает, еже, что есть челядный отец или господарь в своем доме, то должен быть краль во своем кралевстве»^[46]. Потому русские так доверчиво и относятся к своим царям, но в то же время требуют, чтобы они так же внимательно заботились о своем народе, как отец о своей семье.

1

Прежде всего, начнем с самодержавия. Наши предки – скифы, сарматы и славяне были храбры, воинственны и отважны, и тем не менее они платили дань. В одном месте – варягам, а в другом – жидкам-хазарам. Почему? Потому что они были страшно свободолюбивы, не любили никому подчиняться, жили разрозненно и проявляли склонность к ссорам. Древние греческие и арабские писатели прямо указывают, что славяне были бы непобедимы, если бы не их взаимная разрозненность и склонность к разъединению.

Греческие писатели Прокопий и Маврикий утверждают, что славяне питают необыкновенную любовь к свободе. По мнению Шлецера^[47], древние славяне имели от природы пламенную любовь к свободе. Маврикий говорит: славяне никакой власти не терпят и друг к другу питают ненависть, оттого не знают порядка и не сражаются соединенными силами. Между ними постоянно царит раздор. Все они питают друг к другу вражду, и ни один не хочет повиноваться другому... Руководителями их были князьки, которых было много, и они-то, по-видимому, были первой причиной раздоров и несогласий, чем особенно пользовались греки^[48].

Многие племена славянские питали древнюю вражду друг к другу, чему служит доказательством презрительный отзыв Нестора о древлянах, вятичах и проч. Это чувство было общее всем племенам и, по всей вероятности, было взаимным (А.С. Хомяков^[49]). То же утверждает и А.Д. Нечволодов^[50].

И действительно, разрозненность славян губила наших предков, губит и потомков даже до сего дня.

Сербы и болгары были освобождены от турецкого ига, и что они сделали? Прежде всего бросились друг на друга и стали резать друг друга! За что же Россия проливала кровь своих детей? Поляки как в австрийском, так и в германском парламенте являются самыми ярыми врагами всех славян... Поляки и мазепинцы неистово пожирают в Австрии маленькую частицу несчастных русских галичан и угорцев. А какое чувство благодарности у этих славян за сделанное им русскими добро – то лучше всего показывают поступки болгарских стамбуловцев и каравеловцев по отношению к России за пролитую кровь сотен тысяч ее сынов за свободу Болгарии... А чего стоят бесстыдные выходки Милана Обреновича по отношению к России... А лучше

ли был гнусный поступок сербов на съезде славянских журналистов в Белграде летом 1911 г...

Если так низка психология современных западных славян, то, к нашему счастью, психология восточных, русских современных славян иная. Им свойственны: благодушие, всепрощение, милосердие, сострадание и самопожертвование. Во многих случаях эти черты доходят до крайностей, даже унижающих, а не возвышающих. Из христианской любви к ближнему русский народ шел на спасение поработенных славян, зная заведомо, какую он за то от них получит благодарность. Вот что говорит наш великий психолог-романист Достоевский^[51]:

«Народ не забыл свою великую идею, свое православное дело, не забыл в течение двухвекового рабства, мрачного невежества... а православие и православное дело вовсе не какое-нибудь *fanatisme religieux*, а это именно есть прогресс человечества, и всеочеловечение человеческое так именно понимается русским народом, ведущим все от Христа, воплощающим все будущее свое во храме и Христианской истине и не могущим представить себя без Христа...

Мы дивимся, как русский народ не забыл в крепостном рабстве, в невежестве и угнетении своего великого «Православного дела», не озверел окончательно и не стал мрачным замкнутым эгоистом... Но, вероятно, таково свойство его... подниматься духом в страдании, укрепляться духом в политическом угнетении и среди рабства и унижения соединяться в любви и христианской истине. Вот потому-то, что народ сам был угнетен и перенес многовековую крестную ношу, потому-то он и не забыл своего «Православного дела» и страдающих братьев своих и поднялся и духом,

и сердцем с совершенною готовностью помочь всячески угнетенным славянам...»

Итак, одним из выдающихся черт характера восточных славян являются: свободолюбие, разрозненность и склонность к вражде. Много этому способствовало и то, что восточное славянство жило разрозненно, отдельными родами, разбросанными по всему лицу великой Русской земли. Много способствовало и то, что славянская земля, славянский народ был слишком велик и, в силу своей мощи и величия, слишком самонадеян, беспечен, небрежен к общему делу и слишком благодушен. Только когда грянет гром, стрясется великая беда над всеми, тогда он объединялся и тогда уже становился сильным, мощным и страшным. А обычно каждый жил своим родом и никому не было никакого дела до всего народа.

Интереснее всего, что сами древние славяне понимали и признавали свой этот недостаток – разрозненность, свободолюбие, личную независимость и склонность к ссоре и вражде, видели свою немощь и беду в этом и иногда даже пытались поправить дело.

Такой исторической попыткой является призвание новгородцами славянских варягов Руси на княжение (П.И. Ковалевский^[52]). Вот что по этому поводу говорит летописец: «В 862 г. новгородцы изгнаша варяги за море и не даша им дани и почаша сами в себе володети; и не бе в них правды, и вста род на род, бысть в них усобице, и воевати почаша сами на ся...» Вот какое было самоуправление у наших предков. Подумали, подумали новгородцы и решили достать себе правителя извне. «Поищем себе княже, иже бы володел нами и судил по праву...» Послали послов к балтийским славянам, вендам или славянским варягам и заявили им по правде: «Земля наша велика и обильна, лишь порядка в ней нет, придите володеть и управлять

нами». Прошло достаточно времени. Скончался Рюрик, не стало и Олега. Игорь был замучен древлянами. Царила Ольга. И вот она объезжала государство. Прибыла в Новгород, и что же она там нашла? Население жило хорошо и богато, но ее поразили раздоры между собой разных «концов» этого города: непримиримые и драчливые (Т.И. Мятлева).

Итак, неспособность к разумному государственному самоуправлению являлась органической славянской чертой. Не то же ли нам показывает история Польши, Чехии и проч. Как только государственная власть попадала в руки народа, так сейчас начиналась государственная суматоха, смятение и беспорядочность, сила, мощь и величие славянского государства падали, и народ спешил под чужую мощную руку и искал себе порядка в самодержавии. Это особенно резко сказалось в наше смутное время самозванщины.

Таким образом, единая самодержавная власть в России вытекает прямо из характера национальных свойств русского народа. Из органической неспособности славян к объединению самих в себе и самоуправлению. И является естественным последствием и исходом из печального национального бытия и существования. Самодержавие в России является таким образом органической национальной потребностью, без которой Россия существовать не может. В Русском самодержавии зиждется целость, крепость, мощь и величие России. Порукой тому является история России.

Призванные новгородцами «князья составили связь между областями, – дружина поддерживала ее, духовенство составляло святости закона» (А.С. Хомяков^[53]).

Пришли славяно-варяжские князья. Объединили русских славян и стали самодержавно править. И вот те же славяне, которые до сих пор платили дань жидкам-хазарам, под скипетром самодержавия создали великий народ, а о хазарах осталось только одно воспоминание. Самодержавие, сплотив разрозненные части Руси, создало силу и мощь государства. Самодержавные Святослав, Владимир, Ярослав создали величие Киевской Руси... Но вот настало время удельного княжения. Настала государственная рознь и взаимная вражда. Настало раздробление и падение власти и самодержавия. Россия падала и пала под ударом татарской орды... Сам народ, опять разбитый и разъединенный, не мог вновь встать и окрепнуть. Мелкие князья напоминали собой ссорившихся князьков доваряжского периода; сии препирались друг с другом и только ослабляли Россию. Пришедшие монголы поработили Россию не потому, что наши предки были маловоинственны, не храбры и не способны к войне, а именно потому, что Россия была разбита на мелкие части и владельцы этих частей не желали помочь друг другу объединиться и составить единое, целое, мощное. Не было самодержавия, и создать его сразу было невозможно. Такое самодержавие стало создаваться только мало-помалу, и строителями самодержавия и собирателями Руси явились московские князья. Постепенно они собирали вместе разбитое, разбросанное и расстроенное и создали великое целое – Московскую Русь; и это все достигалось путем созидания и усиления самодержавия и единодержавия при содействии православия... Так созидалось и создавалось самодержавие... В момент самозванства пала верховная самодержавная власть, – пало и величие России. Ее терзали, ее попирали и поляки, и шведы, и южные варяги-казаки, – и тот только ее не обижал, кто не хотел. Опять понял народ, что земля наша велика и

обильна, но порядка в ней нет. Без самодержавного царя быть ему нельзя. И избрали они себе царя самодержавного, царя православного, царя, обладающего на то наследственным правом, помазанника Божия по наследственному праву. «В страшное время междуцарствия русское государство было спасено самим народом, который сделался, так сказать, хозяином положения и решителем судеб России. Если бы он изверился в самодержавии и пожелал разбить целость русской земли и полноту верховной власти, то, конечно, никто бы ему не мог препятствовать... Но учение православной Веры глубоко проникло в наш семейный и общественный быт. Под его влиянием сложились и вошли в Русскую Жизнь идеалы родительного единодержавия в семье и единодержавия в государстве. По учению нашей Церкви и по сознанию православного народа Царь есть избранник Божий, чтобы быть отцом и вождем народа»^[54].

С воцарением дома Романовых на Руси ведется не только конечное объединение разрозненных отдельных частей Русской Земли, но и присоединение соседних наций, нужных ей для ее величия, мощи и славы. Началось созидание Российской империи.

Наибольшей силы и напряжения достигло самодержавие при великом Петре, и наибольшей славы и величия достигла Россия именно при великом Петре. Велико было самодержавие и Екатерины II, и величие России тогда же было велико. Мощно было самодержавие при Александре III, и Россия в этот момент достигла наибольшего внутреннего благосостояния и благоденствия.

Никто не станет сравнивать и приравнивать Киевской Руси к Московскому государству и Московского государства к Российской империи. Эти три степени России обязаны трем фазисам состояния

самодержавия. При этом важно отметить и то, что всякий раз с падением самодержавия падала и Россия. Нам могут указать, что при Иоанне Грозном самодержавие достигло патологических границ деспотизма, что самодержавие тогда приняло патологическую форму, причем, однако, Россия не возвысилась, а пала, – но то так было именно потому, что патологический деспотизм и есть одно из проявлений падения, а не возвышения самодержавия.

Всякое нарушение самодержавия немедленно влечет за собой подрыв благосостояния нации и крепости государства. Враги нашей Родины, как внешние, так и внутренние, прекрасно знают это и всеми способами стараются извратить исторические факты нашего прошлого и подорвать в глазах особенно легковверных русских величие и значение этого принципа в нас самих.

Но народ и по опыту, и по инстинкту сознает силу и мощь самодержавия, и потому сам народ, например в Смутное время, даже бесчинствующие казаки, требовали избрания царя, царя самодержавного, царя православного, царя единодержавного, ибо самодержавие, православие и единодержавие нераздельны, поддерживают друг друга и взаимно дополняют. Государственное самодержавие в том виде, как оно утвердилось в России, возможно только у православных народов и немыслимо во всей полноте у католиков, ибо у последних оно сталкивается с церковным самодержавием Римских пап, верховная власть которых, по религиозным верованиям католиков, выше всех земных властей. Фанатизируемые папским духовенством католические массы веруют, что их «святой отец», папа, есть наместник Иисуса Христа, глава всех верующих христиан, владеющий ключами рая и ада, прощающий грехи всех живых и умерших и предающий вечным мучениям всех, не покоряющихся

его воле. Понятно, что при таком положении дела подданные государя по приказанию папы, безусловно, слушаются своего государя-папы и будут исполнять приказание папы. Естественно, что истинное самодержавие в таких случаях немыслимо.

Из всего вышеизложенного вытекает, что русский народ по своим национальным свойствам своеобразен и отличен от других западных народов. В силу своей разрозненности и неспособности к единению и самоуправлению русский народ не может государственно существовать без самодержавия. Только при самодержавии, действующем от имени народа и в интересах величия, славы и могущества русского народа, Русское государство может проявлять силу, мощь и величие. Почему следует естественный вывод, что русское самодержавие вытекает из свойств самой русской нации и является его органической потребностью. Отнять в государственном строе России самодержавие – значит поставить ее в антинациональные условия бытия, противные его существу. Вот почему и националисты не устанавливают самодержавие, ибо оно в этом не нуждается, а указывают на то, что самодержавие составляет сущность и основу бытия Русского государства, и нарушение этой основы повело бы если не к гибели, то к великим потрясениям и разрухе его. Национальная партия самодержавие ставит не целью и не задачей своей пропаганды, ибо то было бы выше ее сил и пожеланий, а только лишь отмечает, что самодержавие, православие и единоедержавие – суть основы бытия Русского государства, и национальная партия во всех деяниях исходит из этих трех положений как основных свойств и качеств русской нации.

Православие. Религия – прирожденное свойство духа признания и исповедания чего-то Высшего, чего-то отвлеченного, вне нас существующего, но слишком нам близкого, нас выполняющего и возвышающего. Эта способность во многом обуславливается воспитанием и колеблется в связи с его содержанием и направлением, но по существу она прирожденна и составляет свойство и особенность нашего существа. Атеизм или отрицание божества не есть отрицание религии. Помимо религии божественной может быть религия естественная, политическая и социальная. Чистый атеизм – абсурд.

Все люди на свете очень похожи друг на друга, но все они имеют и свои отличительные, личные и индивидуальные особенности. Такие отличительные личные черты бывают как физические, так и духовные, религиозные. Эти индивидуальные отличительные черты обычно стоят в наличной связи и соответствии с физическими особенностями организации человека. Что применимо к отдельному лицу, то в такой же мере может быть применимо и к более крупной единице нации.

Из всех религий в цивилизованном мире главнейшую роль в настоящее время играет христианство. Догмы Христа «Возлюби ближнего твоего...» легли в основу стремлений и помышлений современного человечества. Эта любовь Христа покорила себе сердца современного человечества и нашла себе примирение с современнонаучным принципом – борьбой за существование – в словах Христа: «Воздадите Кесарево Кесареви, Божия Богови».

В жизни церкви Христовой явились, однако, обстоятельства, которые резко раскололи ее на две части, или на два исповедания: православное и католическое. Одна ветвь Христовой церкви пошла по одному пути, другая – по другому. Одна проповедовала именно первую половину формулы Христа «Божия –

Богви», а другая постаралась захватить и кесарево. Первая разрабатывала, воспевала проповедь любви, милосердия, всепрощения, сострадания и самопожертвования, а другая, исходя из положения «решить и вязать», начала стремиться к кесаревому и достигла положения не только «вязания», но и «веления». Первая церковь была церковью христианской любви, а вторая – воинствующей.

«Православная церковь, – говорит И.П. Корнилов^[55], – есть учреждение чисто церковное. Римская же церковь, утратившая свой первоначальный строго церковный характер и принявшая форму папизма, есть учреждение церковно-политическое».

Церковно-католическая власть несовместима с самодержавием, тогда как православие и самодержавие только дополняют друг друга. «Что вредно православию, – сказал известный литовский епископ Иосиф Семашко, – то вредно и России».

«Папская власть не признает полного светского единовластия, – говорит И.П. Корнилов, – и непременно рядом с ним и даже выше его ставит себя. Папизм имеет глубокое влияние на семейную и общественную жизнь и на нравственную сторону воспитания, внося дух фанатизма, вражды и нетерпимости к православной Церкви и другим христианским исповедникам... Католическое духовенство позволяет себе нередко противодействовать верховной государственной власти и даже, злоупотребляя влиянием на умы и совести своей паствы, восстанавливает ее против светского правительства... Клерикалы, иезуиты, ультрамонтаны, паписты, повсеместно рассеянные и организованные в сильные политические отрицательные партии, повсюду враждуют с государственной властью и Христианскими церквями, не признающими папского главенства...

Благодаря учению православной церкви, в истории русского народа не было ни религиозных войн, ни борьбы светской власти с духовною за преобладание. Самодержавие и православие в России идут рука об руку и поддерживают друг друга. С ослаблением в народных массах православной Веры будет непременно ослабевать авторитет Царского самодержавия и отцовской власти и начнется разложение древних государственных и семейных основ и постепенная замена их другими. Русская государственная власть и передовые российские люди, которые дорожат судьбою своего Отечества, счастьем и самобытностью своего народа, должны прежде всего быть верными слугами православной Церкви и поддерживать властью, словом и примером эти жизненные, религиозные и нравственные основы, на которых утверждены русское государство и русская семья... Латинское духовенство, отличающееся религиозною нетерпимостью, воспитывает это качество в народах, исповедующих папизм... Если бы поляки исповедовали не папизм, а православие, то историческая судьба Польши была бы иная».

«Церковь католическая смотрела на себя как на Царство Божие, - говорит профессор П.Н. Ардашев^[56], - которое на земле должно воплотиться во всемирную монархию во главе с папой, по отношению к которому все нации должны были стать подданными, все светские государи - вассалами, в смысле подданных феодальных отношений. Дело шло об осуществлении не одного лишь морального, духовного единства на почве единой веры, но также и единства материального, светского, путем подчинения всех мирских властей единой верхней власти, власти «папы»... Папа Григорий VII не только подчинил себе французских и итальянских государей, но даже добрался до киевского Переяслава

Ярославовича с предложением признать себя вассалом святого престола да «заслужить постоянное представительство верховного апостола перед Богом».

Таким образом, католическая церковь являлась церковью объединяющей, но не национальной, а космополитической, причем тот космополитизм касался не только духа церкви народов, но и их материального благосостояния, ибо папы брали дань с королей... Эдуард III Английский первый воспротивился этому материальному и политическому подчинению главе католической церкви, перестал платить дань папе и основал автономную национальную церковь Англии.

В XIV в. Филипп Красивый вместе с представителем французской нации точно так же проявляют протест против средневекового папского космополитизма и составляют национальную обособленность и в церкви, причем национализм был главным противником космополитизма.

В XIV же в. Виклеф является первым противником католического космополитизма на национальной почве в Германии, а в XV в. такое же движение идет в Чехии. Особенно же резкий протест против католицизма в Германии возник при Лютере, причем произведенная им церковная реформа стала чисто национальной, и созданное лютеранство или протестантизм воплотился почти исключительно в немецкую религию.

Итак, воинственный политикующий католический космополитизм в Европе потерпел жестокое крушение, и крушение то создано пробудившимися национальными правлениями, и созданные тогда новые оттенки религии стали чисто национальными религиями.

Воинствующий католицизм не ограничивал поля своей деятельности Западной Европой, – напротив, он с начала возникновения России и до последних дней 1911 г. не покидал своих настойчивых и энергичных

попыток завоевать славянский восток. Этому стремлению его в славянстве много способствует и то, что именно в славянах Польши и русской Галиции он нашел наиболее покорных ему рабов. Еще при святом Владимире папы старались навязать России католицизм, но очень неудачно. Затем такое же тяготение папства проявилось при Романе Галицком, при первом нашествии монголов, Данииле, даже при Иоанне Грозном, и особенно в Смутное время междуцарствия (1589–1613).

Вот этапы поступательного движения папства в России от святого Владимира до Иоанна IV.

При святом Владимире, когда он захотел ввести в Русской земле христианство.

При сыне Владимира – Святополке: Святополк был женат на дочери польского короля Болеслава Храброго, который восстанавлял его против отца и при этом стремился к введению в России католичества.

В 1075 г. князь Изяслав сам обратился к римскому папе Григорию VII за помощью, причем папа стал обращаться в Россию, как бы полномостный владыка: он обратился к Святославу с заявлением, что берет Русскую землю под свое покровительство и назначает Изяслава великим князем. Но это заявление имело такое же значение, как последние вмешательства профессоров германских и английских университетов в финские дела в России.

Роману Галицкому папа Иннокентий III прислал проповедника Бернарда Клервоского, обещая ему королевский престол и меч Петра.

В 1218 г. при Коломане латинское духовенство приняло из Галича православного епископа и духовенство и стало царить в Галиции, – но царствию его наступил скорый конец.

В 1158 г. папа Александр III попросил у князя Полоцкого позволение обратить в латинство язычников

ливов и, получив разрешение, крестил.

В 1227 г. по повелению папы образовался крестовый поход из знатных рыцарей, воинов и многочисленных искателей приключений в Швеции. Его вел Ярл Биргер в сопровождении местных епископов и множества духовных лиц против язычников финнов и православных русских.

В 1242 г. Ливонские рыцари с целью распространения латинства пошли на новгородские земли и были жестоко наказаны Александром Невским на Ледовом побоище.

В 1246 г. латинский монах Плано Карпини от имени папы Иннокентия IV предложил Васильку Романовичу принять латинство, но все его старания остались тщетными.

В 1250 г. Иннокентий IV прислал письмо Александру Невскому и новгородцам, требуя их перехода в католичество, причем Карпини утверждал, что покойный отец Александра, будучи в Орде, решил принять католичество и не исполнил своего решения только потому, что умер дорогой в Россию. На это посол получил в ответ: «Слышите, посланцы папства и прелестницы преокаянные! От Адама и до потопа, и от потопа до разделения языков, и от разделения языков до начала Авраамля, и от Авраамля до приятия Израиля сквозь Черное море, и от начала царствия Соломона до Августа царя, и от начала Августы и до Рождества Христова, и до Страстей, и до Воскресения Его, и от Воскресения Его и на небеси Восшествия, и до царствования Великого Константина, и до первого собора, и до седьмого собора: сия вся сведаем добре, а от вас учения не принимаем...»

В 1253 г. Иннокентий IV проповедывает новый крестовый поход епископам и духовенству, причем презрительно смешивает русских и татар. Этот поход был, однако, для латынян неудачен: сын Александра

Невского Василий предводительствовал псковитянами и новгородцами, разбил рыцарей и опустошил их страну.

В 1256 г. новый поход шведов и датчан на новгородские земли, – но и здесь последовала латынцев неудача: Александр не только разбил их, но и завоевал Финляндию.

Иннокентий VI старается склонить Даниила Галицкого на принятие католичества, но все его предприятие Даниилом разрушается.

В 1341 г. шведский король Манус пошел крестовым походом на «русских язычников». Захватив Орешек, он не избил всех жителей только потому, что те приняли католичество и обязались и других жителей страны обратить в эту веру. Но новгородцы взяли обратно Орешек и жестоко отомстили шведам. Так папские попытки возобновлялись и при следующих царях до Иоанна Грозного включительно, особенно же в Смутное время. В царствование дома Романовых католицизм, и особенно иезуитизм, действует подпольно, подлогами и мошенническим образом, вроде ксендза Варцинского, Ледоховского и проч.

Папы действовали с большим натиском и жестокими приемами иезуитов (цель оправдывает средства) и через поляков, и через венгерцев, и через литовцев, и при помощи ливонских рыцарей, и даже при содействии свейского короля. Приемы папских «апостолов» вроде ксендза Варцинского в Москве в наши годы не отличались духом любви и милосердия, а, напротив, очень часто – духом ненависти, жестокости, кровожадности, как это было во времена Гонты, гайдамаков и проч., а также ныне в русской Галиции, а также нередко сопровождалось подлогами и обманами, как это проделал ксендз Варцинский... И это проповедь учения Христа?!

И тем не менее католицизм воинствующий не завоевал земли русских славян и не завоюет. Он даже

не победил той горсточкой русских, которые в Галиции стонут под игом окатоличенных поляков, венгерцев, немцев и даже жидов. Почему же такой неуспех дан на долю католицизма в стране русских славян?

Очевидно, в Риме успех католицизма обуславливался не натиском пропаганды, а характером народа, которому он проповедуется. Ибо если даже в то или другое время насильственная проповедь католицизма и будет иметь успех в народе, к тому не предрасположенном, то придет время, когда этот насильственно окатоличенный народ опамятуется, придет в себя и с ожесточением скинет иго, насильственно ему навязанное. Так было в Англии, так было в Германии, так было и в Богемии. Католицизм силен там, где он в духе и характере народа. Католицизм силен был в Италии, в Испании, во Франции. Но и здесь трудно сказать, что больше действовало: католицизм ли, нашедший себе почву в романской расе, или даровитая романская раса, нашедшая себе формулу в католицизме. И я убежден в последнем. Еще до христианства Древний Рим, Рим цезарей, проявил всемирное господство. Цезари – воплощение мировой власти, власти, обладающей миром. Военная власть цезарей пала. Грубый цезаризм пал, но его место занял цезаризм духовный. Цезари воплотились в папе, и обладание миром во втором Риме перешло в папские руки в форме католицизма. Был цезарь-цезарь, и стал цезарь-папа. Вскоре итальянский католицизм стал слабеть, и его место заняла вторая ветвь романской расы в форме папы Наполеона I с Третьим Римом в Париже. Этот папизм также ослабел и сменился Четвертым Римом с папой – французским социализмом. Естественно, что такой папизм немыслим при другом самодержавии. И когда явилось самодержавие Наполеона I, то папизм пал пред ним и воплотился в его власти. Ныне власть французского и

итальянского социализма стремится создать новый Рим, новый католицизм, новый папизм, новую мировую власть. Но и эта власть окажется бессильною и немощною, ибо она основывается на исключительных национальных чертах и насилии. И эта грубая мировая власть должна будет мириться перед великой всечеловеческой любовью и самопожертвованием славянского русского мирового обладания.

Каждый человек стремится к тому, что ему симпатично и что его привлекает. Одни люди по своей натуре мягки, сердечны, уступчивы. Другие, напротив, воинственны, повелительны и склонны к господству. Что говорится об отдельных людях, то можно сказать и о нациях. Эти особенности наций послужили основой к тяготению к той или другой вере. Романские народы, в которых почти равномерно царят и возвышенные чувства, и блестящее мышление, увлеклись и воплотили в себе католическую религию, и вошли в сферу воздействия воинствующей церкви. Хладнокровная, преимущественно холодно, логически отвлеченно-мыслящая германская нация увлеклась другим – холодным протестантизмом. В нем она нашла удовлетворение стремлениям холодного рассудка к господству, преобладанию и неуступчивости.

Славянская раса, мягкая, нежная, сентиментальная, с возвышенными чувствами и благородными мыслями, нашла себе удовлетворение в православной церкви. Она всеми своими силами увлеклась любовью, состраданием, милосердием, самопожертвованием и всепрощением учения Христа. Припомним наши кровопролитные войны за свободу Греции, Румынии, Сербии, Болгарии. А затем наше всепрощение вполне примирилось и с греческой непошлинной коринкой и ее тяготением к лагерю наших врагов, и с присоединением Румынии к тройственному союзу, и с Миланом Обреновичем, и с каравеловыми и

стамбуловыми. Русская нация находит себе удовлетворение не во внешней благодарности, а в самой себе, в своей религии, в своем сознании исполненного нравственного братского долга. Это чувство малопонятно неславянской или, точнее, нерусской нации...

Православие есть та нравственная формула, в которой душа русского находит себе удовлетворение, и само уже православие в дальнейшем утверждает и укрепляет прирожденные, присущие нации черты. Да, впрочем, это черты не одной только русской национальности, но и всей славянской нации. В православии нашли себе удовлетворение и болгары, и сербы, и черногорцы. Чехи же довольствовались католицизмом и создали нечто более им присущее, гусизм. И только поляки вовлечены воинствующей церковью. А нашли ли они там удовлетворение? Не в неудовлетворенности ли этой чуткой, отзывчивой и сентиментальной нации воинствующей церковью лежит то, что они беспрерывно мнутятся и переживают не религию веры, а религию политики... И лучшие из поляков много прозревают в этом. Недавно Немоевский, рассматривая холмский вопрос, совершенно справедливо заметил: для кого мы здесь больше работаем - для себя или для папы? Совершенно правильно. Тут больше преследуется кесарево, нежели Божие. И можно от всей души пожелать: да скорее поляки прозреют и пойдут по пути более близкому их духу, мариавитизму.

Православию и русской нации свойственны: мягкость, доброта, сочувствие, сострадание, любовь, милосердие, самопожертвование и всепрощение. Те же черты свойственны полякам. А их жестокость, агрессивность и бессердечие - черты не их нации, а воинствующего католицизма, все равно как безмерный эгоизм и эгоцентризм, бессердечие,

человеконенавистничество, безграничная эксплуатация, безнравственные принципы и злодейство евреев развились у них под влиянием их «бога» со всеми вышеуказанными свойствами.

Прежде чем принять христианскую православную веру самому и русскому народу, святой Владимир изучил тщательно все остальные христианские и нехристианские религии и только по достаточном обсуждении их достоинств и соответствия народному духу и характеру принял ту, которая явилась наиболее подходящей. Он выбрал православную. И не ошибся. «Наша старая Русь, – говорит А.С. Хомяков^[57], – создана самим Христианством. Таково сознание Нестора, таково сознание св. Иллариона и др.» Небезынтересно и то, что православие принято русскими без всякого принуждения и не потребовало насилия и жестоких мер, как это было в Германии и других местах. «Церковь создала единство русской земли и дала прочность случайности Олегова дела».

Православие, никогда не искавшее и не добивавшееся в государстве власти и господства, всегда шло в уровень с судьбой народа и нередко служило русскому народу на великую пользу. В моменты удельного периода, когда народ страдал от междоусобиц князей, еще больше в период монгольского ига православная религия служила единственным утешением и отрадой для страдальца – русского народа. Еще большую и важнейшую пользу для государства принесло православие в тяжелое «Смутное время России», когда государство не имело главы и было раздираемо внешними врагами и внутренними смутьянами. Троице-Сергиева лавра явилась спасительницей России. Она защищала не только свои святыни, но и всю Русскую землю. Все натиски поляков на эту твердыню разбивались, как о

каменную скалу. Незабвенным для русских останется также и имя Авраамия Палицына. Если для нас дорогие имена князя Пожарского и Минина, то рядом с ними мы должны поставить и славное имя Авраамия Палицына.

Православная религия в минуты невзгод в нашем Отечестве нередко служила не только опорой и щитом, но и живительным источником национальных начал и движений.

«Греческое вероисповедание, – говорит А.С. Пушкин^[58], – отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколь пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своего папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно налагало суеверные преграды просвещению».

«Духовенство, – говорит А.С. Хомяков, – обращаясь к христианскому чувству народного единства, постоянно стремилось к единению под духовною рукою Москвы. Епископы, иноки, пустынные обращали все свое внимание и всю силу своих убеждений к этой цели, и как ни темно было понятие в значительной части народа о вере, в нем было то христианское смирение, которое любило голос своих пастырей и охотно следовало их призыву» (с. 237).

Киреевский^[59] говорит: «Управляя личным убеждением людей, Церковь православная никогда не имела притязания насильственно управлять их волею или приобретать себе власть светско-правительственную. Она никогда не только не искала насильственного управления над людьми, – говорит Хомяков, – но и не могла его искать, ибо для такого управления она должна была бы отделиться от людей, т. е. от своих членов, от самой себя». По мнению Киреевского, «церковь всегда оставалась вне

государства и его мирских отношений, высоко над ними, как недосягаемый светлый идеал, к которому они должны стремиться и который не смешивается с их земными пружинами.

Большая часть сельских миров приняла христианство без всякого отношения к его святости, но их кроткие нравы и семейно-общественный быт, согласуясь с его требованиями, осветили его благодатным огнем и прониклись его духом. Сознание этого проникновения выражают они в том, что не знают другого имени, кроме имени христиане (крестьяне), и, обращаясь к своему собранию, приветствуют его словами «Православные». Под благословением чистого закона развились общественные добродетели, которыми и до сих пор удивляются даже иноземцы, несколько беспристрастные и которым, может быть, ничего подобного не представляла еще история мира. Благородное смирение, кротость, соединенная с крепостью духа, неистощимое терпение, способность к самопожертвованию, правда на общем суде и глубокое почтение к нему, твердость семейных уз и верность Преданию – подают всем народам утешительный пример и великий урок, достойный подражания.

Вся история нашего просвещения связана тесно с обителями и монастырями. Высшее духовенство любило науку и художество... Монастыри, собирая богатые книгохранилища, тогда еще редкие, по всей Европе, служили рассадниками всякого знания».

Если принять православие нравственно высоко, то и здесь могут быть увлечения и крайности, к которым мы должны относиться с должной осторожностью и разумной критикой. Таким увлечением является, например, крайнее учение Л.Н. Толстого, вылившееся в его проповеди о непротивлении злу.

Все сказанное мной имеет великое национальное значение в России. Православие должно иметь все

преимущества господствующей религии не потому только, что она есть религия державной русской нации, а потому, что православие есть религия национальная, это религия существа русской нации, почему, как религия национальная, она и должна являться религией государственной, религией державной. При всей нашей веротерпимости мы должны стойко и незыблемо отстаивать положение: все религии в России имеют право на исповедание и проповедь в пределах своей церкви, если эти религии не являются вредными для человечества и государства, – и одно православие, как религия державной нации и национальная, имеет право на открытую пропаганду во всем государстве как выражение национальных свойств державной нации.

3

Единодержавие, или неделимость земли Русской. Третье положение русского национализма, единодержавие, состоит в исповедании той идеи, что Русская земля ни при каких условиях не может быть ни разделена, ни уменьшена в объеме, ни расчленена на составные части, из которых она произошла. Она может быть увеличена в объеме. К ней могут быть произведены приращения, но уменьшение недопустимо и немыслимо. Точно так же немыслимо расчленение ее на отдельные части в виде штатов, автономий, федераций и проч. Всякий сепаратизм и всякие подразделения – праздные, глупые и преступные мечтания. Россия есть неделимое и нерушимое целое, и в ней мыслимо только лишь единодержавие.

Нынешний состав государства и нынешнюю территорию земли Русской мы получили от наших предков русских. На завоевание этого пространства и этих народов Россией пролито море крови ее верных

сынов. Миллиарды денег были истрачены на все войны, которыми Русское государство строилось. Масса забот, масса стараний, безмерные нравственные страдания бывших на поле битвы были затрачены нашими предками. Более тысячи лет русский народ созидал Россию, покоря соседние народности и включая их в состав своего государства. Историческая работа Русского государства заключалась в действии его центральной силы, причем политическая власть распространялась изнутри на наружные окраинные части. Эти окраины подчинялись мощи русского народа. Рядом с этим культура русского народа сообщалась воссоединенным народам и тем самым уподобляла их русским и вводила их в состав единого целого. Россия не только покоряла, но и уподобляла, ассимилировала эти народности. Русский народ есть создатель и собиратель Руси. В России русский народ является господствующей и державной нацией. Только русский народ, и он один, имеет право рассуждать о состоянии России, и на нем лежит великий долг охранять целокупность и несокрушимость земли Русской, полученной им по завету и кровию его предков. И кто смеет думать о расщеплении земли Русской?.. Все это дает нам завет хранить и укреплять приобретенное нашими предками. И мы не смеем решиться отделить и отщепить завоеванное от целого и единого нашей Родины. Тем более ценны и важны для нас единство, единоедержавие, цельность и неделимость России, что почти все эти завоевания сделаны с целью ограждения окраин государства от хищнических набегов соседей или с целью охраны государства от внешних врагов. Отщепление той или другой части государства ведет и к ослаблению мощи нашей Родины, или к уменьшению ее защиты от внешних посягательств.

В последнее десятилетие, особенно же в 1904-1906 гг., очень энергично и нагло злословили у нас об

автономии и поляки, и финны, и эсты, и латыши, и армяне, и грузины, и якуты, и чукчи, и многие, многие другие. Заговорили об автономии даже евреи, не остались без претензий цыгане. Всю Россию их языки распластали на части, и превратилась она в федерацию, или в нечто собирательное.

Эта сепаратистическая дерзость была так нагла, что сначала ей даже почти не возражали. *Tempora mutantur* – и ныне эти сепаратисты присмирели.

Я позволю привести несколько мнений, которые с достаточной ясностью доказывают права объединения и неделимости земли Русской. Вот что пишет в 1795 г. императрица Екатерина II по поводу заметки прусского министра Герцберга: «Этого дурака, Герцберга, стоит побить; он столько же знает историю, сколько мой попугай. Он смеет говорить, что Россия не имела никакого права овладеть Полоцком. Ему следовало бы сказать, что она не заявляла своего древнейшего права на Полоцк, который еще Владимиром дан был в удел своему старшему сыну Изяславу, родоначальнику князей Полоцких. Литву он отдал другому сыну своему Святославу, не имевшему потомства... В 1386 году, пятый сын Ольгерда, Ягеллон, или Иаков, приняв латинскую веру и женившись на Ядвиге, королеве Польской, сделался польским королем. Он и соединил Литву с Польшей. Этому не знает глупый и невежественный министр. Этот самоуверенный неуч и тут тяжел, как Померанский бык, и не подозревает, что не только в Полоцке, но и во всей Литве все дела во всех судах в XVII столетии производились на русском языке. Что в литовских архивах все акты писаны русскими буквами на русском языке, что годы обозначались от сотворения мира по греческому церковному счислению и непременно с показанием греческих церковных индиктов. Это доказывает, что в XVII в. греческая вера не только в Полоцке, но и во всей

Литве была господствующей и что ее исповедовали князья и великие князья. Все церкви, в особенности соборы, строились так, что их алтари были обращены на восток, по обычаю Восточной Церкви...» (Письма Екатерины II). Дальше она продолжает: «При разделе Польши я не получила ни одного вершка Польской земли, но взяла то, что сами поляки называли и называют Червонной Русью, т. е. воеводства Киевское, Подолию, Волынь с ее столичным городом Владимиром, основанным Владимиром I в 992 г. Что касается Литвы и Самогитии, то они никогда не были Польшею... Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляют свои имения в управление евреям, которые сосут кровь из подданных и платят за то очень мало, – вот вам живой портрет поляка...» Вот прекрасный ответ сепаратистам по поводу чаяний и помышлений польских.

Достоинно также внимания письмо нашего славного историка Карамзина императору Александру I по поводу отделения той же Польши^[60] (с. 26).

Не менее правдивый голос в том же роде принадлежит и другому верноподданному по поводу того же предмета, К.П. Победоносцеву: император Александр «мечтал о восстановлении Польши, не зная истории, которая сказала бы ему, что Царство Польское означает рабство и угнетение для всего русского народа». Вот что писал по этому поводу прусак Гарденберг лорду Кастиври: «Чем больше я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мы должны уступить на счет политического вопроса потому, что я здесь вижу гораздо большие выгоды, чем опасность для спокойствия Европы вообще и для соседей России в особенности. Сила России скорее ослабеет, чем увеличится от этого нового польского королевства, под скипетром одного с нею государя находящегося.

Собственно Россия потеряет области весьма значительные и плодоносные. Соединенные с герцогством Варшавским, они получают конституцию, совершенно отличную и гораздо более либеральную, чем конституция империи. Поляки будут пользоваться привилегиями, каких нет у русских. Скоро дух нации станет в совершенной оппозиции, зависть между ними помешает единству, родятся всякого рода затруднения. Император Российский и вместе король Польский будет гораздо менее страшен, чем государь империи Российской, присоединяющий к России большую часть Польши, которую у ней оспаривают как провинцию... Одним словом, в моем уме образовалось самое глубокое убеждение, что, препятствуя императору восстанавливать королевство Польское под своим скипетром, мы работаем против нашего собственного интереса».

А.С. Хомяков^[61] говорит следующее: «Россия принесла в свое великое лоно много разных племен: финнов прибалтийских, приволжских татар, сибирских тунгусов, бурят и проч., – но имя, бытие и значение получила она от русского народа (т. е. от членов Великой, Малой и Белой Руси). Остальные должны с ней слиться вполне: разумные, если поймут эту необходимость; великие, если соединятся с этою великой личностью; ничтожные, если вздумают удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвещение – жизнь России».

Позволю себе сделать еще одну выдержку и притом довольно объемистую ввиду большой важности лица, написавшего эти строки.

«Народы, подвластные большому государству и происходящие не от господствующего в оном, но от других племен, желают всегда для себя независимости и отдельного политического существования: утверждаясь на праве составлять особые государства и

называя оное правом народности. С другой же стороны, стремится всякое большое государство к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножая силы собственные его, а не силы какого-либо другого, соседственного большого государства: основывая сие стремление и старание на праве безопасности и называя оное правом благоудобства.

Перевес на сторону права народности или на сторону права благоудобства должен определяться третьим правилом, или третьим соображением, состоящим в том, что право народности существует истинно для тех только народов, которые, пользуясь опытом, имеют возможность оное сохранить, и что право благоудобства принимается в соображение для утверждения безопасности, а не для какого-либо тщеславного распространения пределов государства. Таким образом, племена, подвластные большому государству, не могущие по своей слабости пользоваться самостоятельной политической независимостью и должныствующие, следовательно, непременно состоять под властью или покровительством кого-либо из больших соседственных государств, не могут ограждаться правом народности, ибо оно есть для них мнимое и не существующее. К тому же маленькие народы, между большими находящиеся, служат всегдашним поприщем военным действиям, разорениям и губительным воздействиям всякого рода. А посему полезнее для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ и переставая беспечно мечтать о деле невозможном и несбыточном...

Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Бессарабия, Крым, Грузия, весь Кавказ, земли киргизов, все народы Сибирские и разные другие племена, внутри государства обитающие, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могут самостоятельной независимостью и всегда принадлежали или самой России, или же, по временам, если не России, то Швеции, Дании, Пруссии и вообще какому-нибудь сильному государству. Да и на будущие времена, по слабости своей, никогда не могут составлять особых государств; а посему и подлежат все они праву благоудобства, долженствуя при том навеки отречься от права отдельной народности. Вследствие сего подводятся все вышеназванные страны со всеми племенами, в них обитающими, под право благоудобства для России и объявляются, в удовлетворение оному и на основании оногo, на вечные времена оставаться имеющими в составе Российского государства.

Государства бывают или неразделимые, или федеративные. Россия есть государство единое и неразделимое. Неразделимыми называются те, в коих все части или области, государство составляющие, одну общую Верховную Власть, один образ правления, одни законы имеют и признают, и в коих ни одна область не имеет права частно для себя издавать законы и постановления. Федеративными же называются те государства, в коих области, их составляющие, хотя и признают общую над собой Верховную Власть и обязываются совокупно действовать во всех отношениях внешних, но при всем том право свое сохраняют законы делать и постановления издавать для собственного своего внутреннего гражданского и политического образования и устраивать свое правление по частному своему усмотрению. До какой степени федеративное образование государства было

бы для России пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют. Жители оных различное происхождение имеют, к различным державам некогда принадлежали; а потому ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро тогда потеряет не только свое могущество, величие, славу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами.

Она тогда снова испытает все бедствия и весь неизъяснимый вред, нанесенный древней России удельною системой, которая также не что иное была, как род федеративного устройства государства; и потому если какое-нибудь другое государство может еще сомневаться во вреде федеративного устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может; она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за свою ошибку в прежнем ее государственном образовании. А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к такому устройству государства вести бы могло.

Вследствие всего здесь сказанного, объявляется Российское государство единым и нераздельным,

отвергающим при том совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства».

Обращаясь к отдельным частям империи, автор дает такое назначение. Для западных и юго-западных губерний, Литвы и Белоруссии: «Присоединив оные опять к своему составу, возвратила Россия древнее свое достояние, тем более для нее близкое, что колыбелью Российского государства могут быть почтены: в северной стороне – Новгород с окружающими его губерниями, а в южной стороне – Киев с губерниями Черниговскою, Киевскою, Полтавскою, Подольскою и Волынскою – сим древнейшим средоточием Российского государства. Из сего явствует, что никакого истинного различия не существует между разрядами, коренной русский народ составляющими, и что малые оттенки замеченные должны быть слиты в одну общую форму. А посему и постановляется правилом, чтобы губернии Витебскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую истинными россиянами почитать и от сих последних никакими особыми названиями не отделять... Когда в прошедшем столетии часть Финляндии была Россиею приобретена (то писалось в 20-х гг. прошлого столетия. – *Авт.*), тогда введены были в оную законы, правление и язык российский, так что народ, в оной обитающий, в скором времени почти совсем обрусел. С приобретением остальной Финляндии в нынешнем (прошлом. – *Авт.*) столетии была старая Финляндия к новой присоединена, и обеим дарованы законы и правление особое от прочих областей Российских. Присоединяя к сему соображению решительное отвержение всякого федеративного устройства и непременно введение политической единообразности, обязывается Верховное правление ввести во все части Финляндии те законы и тот образ правления, которые

для самих губерний Российских предоставляются. Что же касается до языка, то надлежит ввести в Финляндию русский язык, устраивая нужные для сего училища и принимая другие к той же цели ведущие меры по усмотрению Верховного правления... Латыши, эсты, литва и ляхи должны быть поставлены в те же условия, как и жители остального государства».

Интересно замечание автора относительно колонистов: «Обратить старательное внимание на введение между ними русского языка... и на предбудущее время не составлять из них новых особых волостей, но вводить их в состав русских волостей, уже существующих, дабы они удобнее и скорее могли обрусеть». Относительно евреев: «Тесная между евреями связь дает им средства большие суммы накоплять или собирать для общих их потребностей, особенно для склонения разных начальств к лихоимству и ко всякого рода злоупотреблениям для них, евреев, полезных... По причине же большого их числа не может честная торговля всем доставлять достаточное пропитание, и потому нет тех обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли, в чем им равнины еще более способствуют, говоря, что обманывать христиан не есть преступление... посему разоряют они ужасным образом край, где жительствовают. Принимая все сии обстоятельства в полное соображение, явным образом усмотреть можно, что евреи составляют в государстве свое собственное, совсем отдельное, государство и при том ныне в России пользуются большими правами, нежели сами христиане... Такой порядок вещей не может далее длиться... Ежели Россия не выгоняет евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненные отношения к христианам... Из всего выше изложенного явствует, что беспрестанно должно непременною целью иметь в виду, чтобы составить из всех населяющих

Россию племен только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства российского государства все были русские... А для сего потребно, чтобы на целом пространстве российского государства господствовал один только язык российский, и чтобы ныне существующее различие в названиях народов и племен исчезли, и чтоб все сии различные имена были уничтожены, и везде в общее название русских воедино слиты, чтобы одни и те же законы, один и тот же образ управления по всем частям России существовал и тем самым в политическом и гражданском отношении вся Россия на целом своем пространстве являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия».

Как вы, читатель, думаете, кто бы это писал? Несомненно, человек начала прошлого столетия. Несомненно, человек властный и повелевавший... Все это писал глава революционеров декабристов П.И. Пестель, повешенный за свой заговор, и писал он в Наказе для Верховного правительства, которое заговорщики имели в виду ввести. Этот наказ под именем «Русской правды» издан в 1906 г. еврейской фирмой «Культура» как Поучение для действовавших тогда последователей революционной партии.

Я решительно ничего не имею против того, чтобы современные русские революционеры усвоили эти мудрые слова П.И. Пестеля^[62].

Таковы были наши революционеры начала XIX в. Не таковы они в начале XX в. Почему? Революционеры начала XIX в. имели перед собою примером Францию. Французская и русская революция XX в. различны как по форме, так и по существу.

Французский революционный конвент беспощадно казнил смертью всех желающих разделения Франции на областные автономии, всех стремившихся устроить

ее на федеративном начале, то есть уничтожить государственное единство. С начала и до конца основным лозунгом Французской революции было – единая Франция. Когда явилась опасность иностранного вмешательства во внутренние дела Франции, когда под видом подавления революционной смуты соседние государства задумали воспользоваться ею для корыстных целей, французские революционеры восстали за неприкосновенность и целостность Франции и энергично призывали на защиту отечества весь народ, воодушевляя его своими речами.

У нас мы видели и видим совершенно противоположное. Русские революционеры воспользовались войной на Дальнем Востоке для своих разрушительных целей, радовались поражениям России, рукоплескали японским победам, находились в сношениях с японцами, получали от них деньги на революцию и всячески помогали им, смущали русский народ, препятствовали правительству отстаивать целостность, честь и достоинство России и злодейски не дали довести войну до конца. Лозунгом нашей революции является не единая Россия, а наоборот – разграбление и уничтожение России, созданной тысячелетней работой русских царей и русского народа, обращение одной половины ее в систему инородческих автономий и в подчинение еврейско-инородческому игу другой половины. В противоположность французским, российские революционеры казнят строго всех стоящих за единство и целостность России, всех, стоящих за русскую национальность. Они объявили своим лозунгом войну с бюрократией. Но и из бюрократии от бомб и браунингов революционеров погибли и погибают только исключительно русские по духу люди. Ни один из русских изменников-бюрократов и из инородцев,

которыми кишит наша бюрократия, не подвергся казни революционеров.

И это вполне понятно, потому что наша российская революция – не русская, а антирусская, инородческая. Потому что революция эта есть не что иное, как бунт инородчества во главе с еврейством против России и русского народа как внутренних ее «двунадесяти языков», против ее национального, то есть государственного, единства и целостности (А.П. Липранди^[63]).

Все вышеизложенное укрепляет нас в незыблемом положении: Россия должна быть единой и нераздельной. Во главе государства должен стоять русский народ во всех его трех разветвлениях. Те из инородцев, кои имеют культурное право на самостоятельное существование, в такой только мере могут стать равноправными, в какой мере они станут русскими. Народности с низшей культурой должны слиться с русскими, и тогда они получают все права русских граждан.

Наши права на господство в Русском государстве будут – права крови. Державная господствующая нация достигла такого своего состояния путем пролития моря крови своих детей и потери сотен тысяч своих граждан. Данную территорию и всякую соподчиненную нацию она получила путем упорной борьбы. Если бы она не победила, то была бы побеждена и ее судьба была бы та же, в какой пребывают соподчиненные нации. Затем – права исторического бытия. Русский народ не имеет права забывать свою историческую судьбу и должен отстаивать свое положение и назначение. Права имущественного, ибо Россия затратила миллиарды на свое строительство, проценты которых она платит и ныне. Далее – право самосохранения своего целого, своей мощи, своей силы, своего единства, своего бытия.

Право культурного бытия и культурного превосходства над прочими нациями. В этом отношении даже патентованный кадет Петр Струве отдает России должное. Выделяя Польшу и Финляндию, по долгу службы он говорит, что «кроме Финляндии и Польши, приобщение к русской культуре означает подъем на высшую степень»^[64]. Наконец, право победителя и право собственности: кто не сохраняет, тот теряет.

4

Да позволено будет остановиться на одной невыгодной особенности характера русского народа.

Русские отличаются застенчивостью, добродушием, снисходительностью, кротостью и смирением. Все это добродетели. Но А.С. Хомяков^[65] прав, говоря: «Всякая добродетель имеет свою крайность, в которой она становится несколько похожей на порок. Мы впадаем иногда и в ту крайность, которая, без сомнения, лучше самохвальства; но все-таки не заслуживает похвалы и унижает нас в глазах западных народов. Наша сила внушает зависть. Собственно, признание в духовном и умственном бессилии лишает нас уважения, вот объяснение всех (злостных) отзывов Запада о нас. Неуважение к нравственному и духовному историческому закону унижает неизбежно наш народ в глазах других народов. Нам случается впадать в эту крайность». Достоевский идет даже дальше. Он отмечает в русском человеке самоосуждение и самоумаление и даже признает ту черту не заслуживающей порицания. Л.Н. Толстой самопожертвование доводит до непротивления злу... Все это, быть может, и симпатично в теории, но в практике, политической Жизни державного народа

кротость, смирение и самопожертвование часто бывают не только излишни, но и вредны.

Так и в вопросе господства русской нации в пределах Русского государства сплошь и рядом мы являемся излишне уступчивыми и излишне кроткими. Сказав, что «Россия для русских», мы сейчас же стараемся смягчить эту фразу тысячами оговорок, которые нередко низводят основную мысль к нулю.

Нет, в деле единодержавия мы должны точно и определенно сказать и стоять на том: Россия едина и неделима. Все составные части ее не есть отдельные части, а нераздельные части единого тела, и нет между этими частями никаких границ. Русская нация есть единая державная и господствующая нация, и только она одна имеет право господства в государстве. Всякий инородец тогда только сможет пользоваться всеми правами русского, когда он станет поистине духом русским человеком. Все русские и инородцы, помышляющие злое Русскому государству, не имеют права на пользование правами русского гражданина.

В этом отношении нельзя не согласиться с мнением М.О. Меньшикова^[66], который говорит следующее: «Самое имя национализма обязывает заботиться о восстановлении нации во всем значении ее титула, а этот титул как дарственный противоположен понятию о рабстве. Подобно другим независимым народам, русский народ именует себя государственным, а государ-ствование есть полнота свободы. Не с целью умаления, а с целью укрепления величества народного националисты настаивают на законном укреплении свободы, ибо беззаконие – одинаково вверху или внизу – есть, прежде всего, слабость».

«У нас, русских, есть две страшные силы, – говорит Достоевский, – стоящие выше всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная неразделимость

миллионов народа нашего и теснейшее единение его с монархами». Мы укажем на третью силу, еще более укрепляющую первые две, – православие.

«Задача России на окраинах, – говорит А.П. Липранди^[67], – не в том, чтобы всегда быть наготове к подавлению мятежных вспышек инородческого сепаратизма, а в том, чтобы именно этого не требовалось, – ergo – чтобы, как показывала Екатерина II, «исчезла грань инонародия, и области русские были русскими не одним именем, а душою и сердцем». Это есть окраинная инородческая политика, которой Россия искони держалась и единственно которая отвечает смыслу ее истории и государственности, ограждая права и значения русского народа.

И обеспечение ее единства и целостности отнюдь не обозначает собой «угнетения» инородцев, вообще умаления в чем бы ни было их благополучия. Это не означает вовсе, что финны, латыши, литовцы, поляки, армяне, грузины, татары и т. д. должны стать русскими. Это означает лишь, что в части России суть Россия ergo – не могут быть Швецией, Ливонией, Литвой, Польшей, Арменией, Грузией и т. д. «Русская национальность, – говорит М.Н. Катков, – не требует, чтобы все живущие на ее территории народы были одного племенного происхождения, чтобы все они были одной веры. Но нельзя допустить, чтобы к нам приходили завоеватели с притязаниями на власть, с презрением к народу, принявшему их в свои недра. Какого бы ни были происхождения русские граждане, они не должны иметь иного Отечества, кроме России. Нельзя требовать, чтобы все были ревностными русскими патриотами, но должно, чтобы русские подданные не имели иного патриотизма, кроме русского. Государственное единство допускает широкий простор для всякого разнообразия, но оно не может терпеть

никаких государств в государстве, не может допустить, чтобы какие бы то ни были части страны могли организоваться в смысле особых политических национальностей. Единое государство, значит, единая нация».

5

Национальная партия и благо народа. Русский язык, несомненно весьма богатый, в некоторых отношениях представляет еще недостатки и требует дальнейшей разработки и совершенствования. Доказательством тому служат иностранные слова и ныне употребляемые в русской речи и русской литературе, и притом такие слова, без которых мы никак не можем обойтись. За примером недалеко ходить. Мы употребляем слова «нация», «национальный», «национализировать» и проч. Эти слова, бесспорно, нерусские, и в русском языке вы не найдете слов, которые в точности могли бы их заменить.

Возьмем слово «нация». Какое русское слово его может заменить? «Народ»?.. Нет. Слово «народ» или шире, или уже слова «нация». Говорят: «Русский народ». Прежде всего, под этот термин подходят все жители России, состоящей более чем из 150 национальностей. Таким образом, в этом отношении слово «народ» будет шире понятия «нация». С другой стороны, «народ» обозначает простую массу народонаселения, противопоставляемую второй части понятия о нации – аристократии. В таком случае понятие «народ» значительно уже понятия «нация».

Мы надеемся, наступит время, когда русские создадут свое собственное слово, которое заменит собой слово «нация», а до тех пор приходится пользоваться этими словами.

Всякая нация делится на две неравные части: народ и аристократию. Народ – земледельцы, рабочие, мелкие и средние землевладельцы, городская мелкая и средняя буржуазия (мещанство, ремесленники и проч.), громадное большинство сельского и городского духовенства и значительная часть служилой и вольно профессиональной интеллигенции. Это масса государства, которая составляет его жизненную силу, его почву, его энергию, его гений. Это те люди, которые почти исключительно дают войско. Это те люди, которые дают государству хлеб. Это те люди, на которых держатся фабрики и заводы. Это те люди, которые дают государству доход и средства.

Аристократия делится на три отдела: аристократия ума – высшее духовенство, ученые, профессора, министры, журналисты, писатели, художники и проч.; аристократия рода – княжеские фамилии, дворянство и проч.; аристократия финансовая – крупное купечество, промышленники, фабриканты, заводчики, крупные землевладельцы, финансисты и проч.

Ну а аристократия разве не из народа? Очень даже из народа, хотя часто забываешь об этом. И если бы народ не пополнял, не обновлял ее, то она давно бы уже выродилась. Если высшие сословия и интеллигенция – соль земли, то простой народ есть хлеб ее. Сама интеллигенция и высшие сословия – плоть от плоти и кровь от крови народа. Это тот же народ, но только культивированный и вышлифованный, причем и своей шлифовкой он обязан поту и крови того же народа. А если эта отборная частица народа получила свое бытие от народа, то и она должна отдать свою жизнь народу, чтобы извлечь его из темноты, душевного мрака, бедноты и несчастной доли и поднять его до себя. Ибо этот народ много-много выстрадал, и нередко по нашей вине... «Россия для русских, – но и русские для России...»

Говорят, закрепощение русского народа началось со времен царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. На деле оно началось от начала Руси. Император Петр I желал надлежаще устроить государство, дать ему мощь и величие, вместе с тем значительно отягчил положение простого народа усилением крепостничества. При его преемниках эта тягота была усилена и значительно расширена. Екатерина II приказала уничтожить унижительное звание раба, но это не помешало ей, как говорит Пушкин, закрепостить миллион вольных малороссов и прочих. Император Александр II дал свободу крестьянам. До тех пор крестьяне были равны со всеми людьми только перед Богом. Александр II сравнял их с остальными гражданами и перед законом. Александр III посвятил свою жизнь устройству жизни этих несчастных и по праву может называться царем крестьян и даже больше царем-националистом, нежели царем-миротворцем. Только император Николай II дал народу права гражданства и призвал его, наравне со всеми сословиями, к участию в законодательстве и закономерной деятельности государства, оставаясь по национальным свойствам народа самодержавным царем.

Тем не менее и ныне наш народ остается темным, бедным, невежественным. То совершенно бесправным, то дерзким нарушителем, не умеющим даже работать. Кто научит его уму-разуму, тот его возьмет в руки и поведет за собой.

Во все времена и во всех государствах интеллигенция всегда брала бедный люд и непросвещенный народ под свою защиту и покровительство. Было и у нас то же. Но лет двадцать пять - тридцать назад русская либеральная интеллигенция забыла о своем народе. Иногда на словах она являлась как бы его печальником, но на деле

это было не так. На деле она взяла под свое покровительство quasi-теснимых и угнетенных инородцев. С пеной у рта и с горячностью, часто наемной и достойной лучшей участи, она защищает теснящих русский народ жидов, поляков, финнов и проч. Причиной тому служит то обстоятельство, что Русское государство, вопреки интересам своего державного народа, дает высшее образование непропорционально большому числу инородцев перед своими детьми. Эти вскормленные на средства, труд и пот русского народа инородцы, пробравшись в кружок интеллигенции, захватили прессу, воздействуют и направляют русскую интеллигенцию и проявляют влияние даже на ход общественных и государственных дел. Это - социальное уродство. Это - общественная ненормальность. Это - государственное преступление. Но это факт. Русская либеральная интеллигенция идет против интересов русского народа. Если это так в большинстве, то меньшая часть интеллигенции - национальная партия - должна взять на себя великую и священную обязанность защиты интересов русского народа. Это ее доля. Национальная партия должна стать не только национальной, но и национально-демократической. Если многие из интеллигентов не пожелали стать националистами, как это мы видим теперь, то народ создаст свою интеллигенцию и с презрением отнесется к тем, кто пренебрегает своим делом. Всяк, кто получил образование, обеспечение и благосостояние на народные средства, обязан отплатить за это своему народу. И всяк, кто пренебрегает своим народом и своим долгом по отношению к нему, является бесчестным по отношению к народу.

Как же национальная партия может служить своему народу? Прежде всего, она должна изучить его нужды, его природные богатства, его условия жизни, а затем

научить народ пользоваться этими природными богатствами на благо и благоденствие этого народа. Если национальная партия сумеет разрешить эту задачу, то тогда за этой партией пойдут не только православные, но и католики, и магометане, и русские, и поляки, и армяне, и татары, – только не жидаы! Жидаы останутся всегда сами собой.

С другой стороны, и национальная партия тогда только будет национальной, когда она будет народной. Она будет заключать в себе не только одну интеллигентную часть нации, но объединит в себе интеллигенцию и народ – основу нации, – а также и другие национальности. Она по всей справедливости будет партией государственной. Таково ее будущее, и такой она может стать, но при одном условии: с народом, через народ и для народа.

Всякая политическая партия, желающая в государстве преобладания и господства, должна поставить своими задачами и целями такие положения, которые удовлетворяли бы запросам если не всего государства, то, во всяком случае, большинства. Если же задачи и цели партии не удовлетворяют потребностям державного народа, то все трудятся жиждущие... Возьмем для примера кадетскую партию, ее задачи и цели: защита сепаратизма, равноправие и покровительство еврейству, обещание разных свобод, граничащих с разнузданностью. Поставивши такой флаг, партия обеспечена. К ней примкнут евреи, все сепаратисты, все либеральничавшие чиновники и даже коммерсанты, воспитанные в безверии, национальном безразличии, презрительном отношении к Родине и нравственном анархизме. Партия готова. Партия довольно влиятельная и стойкая. Что за важность, что она возбуждает сомнение, недоверие и презрение честных людей. Эта партия жизненна, ибо в России найдутся изменники своей Родине и русскому народу. И

будет это до тех пор, пока русским народом не будут приняты меры к уничтожению современного ненормального положения государственной жизни.

Русский народ должен принадлежать к русской национальной партии. И это будет на самом деле, если эта партия не будет сонной и поставит на своем флаге жизненные интересы русского народа, и будет во главе иметь людей, заслуживающих доверия и умеющих оправдать обещание. Придет время, когда и инородцы познают важность этих интересов и незлобие русского народа и сольются с ним в одну государственную партию.

Главную основу государства, его мощь и силу составляет простой русский народ, народ-крестьянин, народ-труженик. Его-то интересы и должны стоять на первом плане в программе деятельности русской национальной партии.

В числе первых и важнейших вопросов в программе русской национальной партии должно стоять надлежащее воспитание и образование народа. Разумеется, в основу воспитания должны быть поставлены три основных положения русского национализма: православие, самодержавие и неделимость земли Русской. Это – мани, факел, фарес... Это – аксиома, вытекающая из существа русского народа.

Об этом и толковать излишне. Во главе русской народной школы должны быть поставлены русские люди. Преподавание всюду должно быть на языке державного народа, на русском. Русский язык должен быть всюду введен на суде и делопроизводстве. Первыми и важнейшими предметами преподавания в школе должны быть: Евангелие, родиноведение, история России, история всех народностей, населяющих Россию, и литература своего народа. Все эти истины должны неукоснительно соблюдаться Министерством

просвещения, и всякие уклонения в данном направлении жестоко караться. Государственная дума должна строжайше следить за закономерным выполнением данного положения.

Все эти требования настолько важны и непоколебимы, что о них говорить много не стоит.

Часть вторая

Национальное воспитание

Характер русского народа

Приступая к изложению предположения, каким должно быть воспитание и образование детей русского народа, я считаю необходимым хотя бы в кратких чертах указать на особенность души русского народа, дабы тем отметить, какие стороны жизни нужно особенно поощрять и развивать в школах для русских людей и какие нужно сдерживать и даже тормозить.

Великим психологом русского народа и историком его душевных качеств является Ф.М. Достоевский, и я с большой охотой буду его цитировать в данном отделе.

Вот что он говорит о душе русского человека: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отличать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то, что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа... простодушие и честность, искренность и широкий всеоткрытый ум, чистоту, кротость, незлобие – в противоположность всему измышленному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному, – и все это в самом привлекательном, гармоничном соединении...»^[68]

Русский народ в своем целом делится на две весьма неравные части: интеллигенцию и простой народ. Я мало ошибусь, если скажу, что количество простого темного народа, та масса, которую мы привыкли

называть народ, в десять – двадцать раз превосходит ту частицу, которую составляет интеллигенция, часть народа образованную, просвещенную и пользующуюся благами науки, искусства и благоденствия. Сущность и основу нации дает именно народ, его масса, ибо интеллигенция, или просвещенная часть русского народа, более чем наполовину состоит из инородцев нерусской нации. Поэтому простой народ дает характерные черты, определяющие нацию. И если мы хотим дать большую или меньшую характеристику душевных свойств русской нации, то мы должны иметь в виду именно преимущественно народную массу и только отчасти и с осторожностью – ее интеллигенцию.

«Русская нация – необыкновенное явление, – говорит Ф.М. Достоевский, – в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характер всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нем все наоборот. Все европейцы идут к одной и той же цели... Но все разъединяются между собою почвенными интересами, исключительным друг к другу до непримиримости и все более и более расходятся по разным путям. Идея общечеловечности все более и более стирается между ними. В русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, – в нем по преимуществу выступает способность высоко-синтетическая, способность всемирности, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все втягивается. Он сочувствует всему человеческому, без различия нации, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых

резких исключительностях других народов, тотчас же соглашается, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских наций, – идеях, которые сами собою, у себя дома, еще до сих пор у себя, к несчастью, не находят способа примириться, а может быть, никогда и не примирятся».

Мы должны преклониться пред народом и ждать от него всего: и мысли, и образа; преклониться перед правдой народной и признать ее за правду.

Обращаясь к нашим предкам, скифам, сарматам и славянам, мы видим, что они были воинственны, храбры, бесстрашны и неотразимы, но такими они являлись не в силу алчности и побуждения к грабежу, а просто из молодечества и прирожденной отваги. «Не для добычи и не для власти стремятся они к завоеваниям, – говорит Хомяков^[69]. – Не требуют они ни золота, ни земли, ни рабов. Власть их кротка, оброки легки. Они ищут победы не для плодов ее, а для того, чтобы побежденные признали их превосходство в боях. И эту жажду славы, рыцарскую, бескорыстную, встречаем мы при самых первых началах истории в племени, которого грубые нравы не озарились еще ни слабейшим лучом просвещения».

При таком бескорыстном стремлении к победе и славе русский народ обличается вместе с той необыкновенной скрытностью и даже излишней стыдливостью. Он не станет важничать и бахвалиться, а скорее станет себя осуждать. «Мы не отвергаем способности самоосуждения, любим ее и признаем ее за лучшую сторону русской природы. За ее особенность, за то, что ее на Западе нет» (Ф.М. Достоевский). Притом что мы сознаем в себе силу и мощь, у нас нет

щепетильности и обидчивости. Мы веруем в силу русского народа не менее, чем кто бы то ни было. Вместе с тем «в Русском человеке видна самая пылкая способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действия».

Русскому чужды насилие, наглость и нахальство. Он долго бывает сдержан и осторожен, но когда он сознает свою силу и решится на действие, то удержу его решимости нет предела. «В лице Петра I мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет в себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем самом созрели и сказались новые силы. И страшно, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля!..»

В силу исторических обстоятельств русские намного отстали в своих знаниях от Запада, – в силу тех же обстоятельств русский народ нес великую тяготу рабства. И то и другое поставило русских в фальшивое положение по отношению к иностранцам. Русский как бы стесняется и, с одной стороны, держит себя слишком сдержанно и приниженно, а с другой – боится показаться ниже, чем он есть. Это вынуждает его казаться иным, толкает на лесть и заставляет молчать, когда ему говорят нелестные слова о нем и его Родине.

Нет слов, в это время он сам себя стыдится и осуждает, но у него не хватает силы духа защитить свое личное достоинство и честь своей Родины. Гражданское самосознание и сознание своего достоинства у нас слишком еще низки, что является, естественно, последствием нашего многовекового рабства. Это влечет за собой, естественно, недостаточное уважение в другом человеке человека. Недостаточное исполнение своего долга и даже недостаточное уважение к чужой собственности.

Многовековые сатрапы и многовековые рабы дали потомков с атрофированным чувством долга и собственности. Одни потому, что имели рабов, всецело им принадлежавших, другие потому, что были рабами и составляли чужую собственность.

В силу особенности природы русского славянина к широкому человеколюбию и в силу многовекового рабства с его великой физической и душевной тяготой русский народ, живущий своим православием и находящийся в его любви и самопожертвовании свое единственное утешение, воспитал в себе чувство беспредельной любви к ближнему и самопожертвованию. На этом основывается его русский мировой дух на освобождение православных братьев славян от турецкого ига.

Сам зная по себе, что значит рабство, он всей душой нес свои копейки и себя самого в жертву для спасения православных рабов в Турции. И не оскорбляли его стамбуловцы, каравеловцы, обреновичи и другие освобожденные от рабства русскою кровью, но оставшиеся рабами и хамами в душе, – ибо русский народ проявил свою любовь и самопожертвование не ради благодарности, а по своему внутреннему православному делу.

По мнению Достоевского, «наш народ тих и разумен». Это значит, что ко всякому жизненному явлению он относится вполне осмысленно, сознательно и с наблюдением; но, познав и усвоив то или другое жизненное явление, он на него не набрасывается, а выжидает удобного случая и даже иногда является только благородным свидетелем, не принимая деятельного участия.

Англичанин Беринг, основательно изучивший Россию и русский народ, в своей книге «Русский народ» очень хорошо определяет его характер. Славянский тип, по его мнению, является понятием диаметрально

противоположным понятию варварства. Славяне миролюбивы, уступчивы, пластичны. Они отличаются большой остротой ума и раздражательными способностями, – зато им недостает оригинальности и инициативы (очевидно, Беринг мало наблюдал русских славян). В славянском характере замечается мало воли, но много идейности и чувства... русские крестьяне менее всего отличаются грубостью (brutality), – но зато часто автор наблюдал мягкость и доброту русского народа. Вместе с тем, по Берингу, нет второго народа, который был бы способен в такой высокой степени на короткое, но очень большое напряжение и усилие и вместе с тем вполне непривычного и приспособленного к регулярной напряженной работе. Беринг устанавливает, что русский способен «дать немного более, чем maximum, усилия и напряжения». Постоянная, усидчивая и систематическая работа русскому характеру не свойственна. Поэтому между русскими вы найдете очень многих, которых знания весьма разнообразны и разносторонни, но поверхностны. Важно и то, что если между русскими найдется достойный специалист, то он как бы стыдится, что он знает только свое дело и не знает всего остального... Отсутствие воли влечет за собой недостаток нравственной дисциплины... Вместе с этим русские отличаются удивительным богатством умственной жизни: они необычайно легко приспособляются к самым новым и неожиданным для них обстоятельствам. Поэтому едва ли другие нации сравниваются с русскими в понимании других наций. Богатство умственной жизни присуще не только русской интеллигенции, но и крестьянству, причем последнее способно на самый разнообразный труд. По Берингу, русские должны быть великолепные колонизаторы.

Весьма яркое и характерное проявление характера русского человека – это его склонность к великодушию и притом к великодушию даже с самопожертвованием даже жизнью без рисовки, без фигурирования, без расчета на то, чтобы это даже стало известно другим, – не говоря уже о том, что это делается без всякого расчета на благодарность и отплату. Таковы геройские подвиги Архипа Осипова, Фомы Данилова и многих, многих наших нижних чинов и простых людей. Это, так сказать, «эмблема России, всей России, всей нашей родной России, подлинный образ ее, – говорит Достоевский... – Дар великодушия есть дар вечный, стихийный дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты, он все-таки уцелел неповрежденным в сердце этого народа...» В своей великодушии русский человек все это делает и проявляет просто, твердо, не требуя ни наград, ни похвалы, собой не красуясь: во что верую, то и исповедую... Совершенно бескорыстно...

Принимая во внимание высшие качества душевных свойств русских славян, наши великие русские мыслители предсказывают нашему народу великое будущее.

«Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном и заключается спасение мира, что живет он на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их в согласном хоре к окончательной цели всем им предназначенной». Так мыслил Древний Рим, так мыслила Франция, так мыслила Германия. Та же судьба и нашей Родины.

«Грядущее покажет, кому предоставлено стать впереди всего движения, – говорит Хомяков, – но если есть какая-нибудь истина в братстве человеческом, если чувство любви, правды и добра не призрак, а сила живая, неумирающая: зародыш будущей жизни мировой

не германец, аристократ и завоеватель, а славянин, труженик и разночинец, призывается к плодотворному подвигу и великому служению».

«Кто знает, господа иноземцы, – говорит Достоевский, – может быть, России именно предназначено ждать, пока вы кончите; тем временем проникнутые вашей идеей, – понять ваши идеалы, цели, характер стремлений ваших; согласить ваши идеи, возвысить их до общечеловеческого значения и, наконец, свободной духом, свободной от великих посторонних, сословных и почвенных интересов, двинуться в новую широкую, еще неведомую в истории деятельность, начать с того, чем вы кончите, – и увлечь вас всех за собою...»

Уже прежние наши славянофилы утверждали, что Россия купно со славянством и во главе его скажет величайшее слово всему миру, которое он когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общественного единения, и уже не в духе личного эгоизма, которым люди и нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации из борьбы за существование, положительной наукой определяя свободному духу нравственные границы, в то же время роя друг другу ямы, произнося друг на друга ложь, хулу и клевету. Идеалом славянофилов было единение в духе истинной широкой любви, без лжи, без материализма и на основании личного великодушного примера, который предназначено дать собой русскому народу во главе свободного всеславянского единения в Европе... Поэтому если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем прекратить все раздоры, до времени стать поскорее русскими и националистами... (Достоевский). Стать русскими – значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали

уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же и он начнет нас самих уважать... Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу... Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, – единение в любви, гарантированное уже делом, – живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов.

Общечеловечность как одна из основных черт характера русского славянина явно выражается во множестве исторических фактов русского бытия. Россия вступает за поправленные права итальянских народов революционирующей Францией и шлет своих славных сынов на защиту справедливости. Великие и славные подвиги Суворова и его чудо-богатырей – мировые факты. Россия освобождает от турецкого ига Грецию. Россия спасает Румынию, Россия заступает за поправленные права австрийского императора. Российский народ проливает море крови, теряет сотни тысяч своих сынов и миллиарды денег за свободу болгар и сербов...

Все эти факты утверждают нас в мысли и о будущем величии России. Силой своей любви, милосердия, взаимопомощи, сострадания и самопожертвования Россия в будущем объединит все подвластные ей племена и станет на деле великой и славной Россией. Она объединит все славянские племена и станет всесоединенным единым великим государством. Она объединит и все остальные племена Европы и станет –

одно великое общечеловеческое государство. И произведет это объединение она не оружием, не физической силой, а силой своего русского национального гения: силой любви, милосердия, сострадания и самопожертвования. Семена исторического прошлого дадут свои плоды в будущем и создадут величие и славу единой России.

Нужно строго отличать «космополитизм» и «общечеловечение». Космополитизм есть объединение человечества путем поглощения национальностей. Это есть объединение путем насилия и истребления слабейшего. Тогда как общечеловечение или всечеловечество – объединение различных наций в одно целое с сохранением психического лица каждой нации, причем в основе объединения лежит мир, любовь, согласие и взаимопомощь друг другу.

Эту нашу мощь, эту нашу силу, это наше величие все западные и другие народы видят, чувствуют, но не понимают и ненавидят Россию. Они ее не знают, но боятся. Они ее не понимают, но, судя по себе, завидуют и ожидают агрессивности и завоеваний. Они ожидают ее победы и своего низвержения и потому боятся и ненавидят ее.

Прежде всего, мы имеем какое-то особенное влечение к инородцам и иностранцам. Уже Крижанич отметил эту склонность славян к иностранцам и считал ее источником многих бедствий. Он называет эту склонность чужебесием и находит «избытно бешено верование к инородникам».

Мы сами виноваты во многом. Прежние рабы (раб не только тот, кто служит рабом, но и тот, кто владеет рабами) и отсталые в знаниях, наши предки не могли не преклониться перед научным и социальным величием Запада, с тем они стыдились своего рабства и невежества, молчали пред издевательством над ними за глаза и даже сами нередко поддерживали и терпели

это презрение и издевательство. Более умные и честные, по крайней мере, стыдились себя и своей низости, но более глупые и с добавлением хамства сами приставали к хору заграничных шакалов и не стыдились позорить свою Мать-Родину и свой народ.

«Не хотели нас европейцы почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае. И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем больше они презирали нас самих... Они удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами, никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что хотим быть не русскими, а общечеловеками... Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации... Что же нам делать? Во-первых, и прежде всего стать русскими. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то, прежде всего, надо стать русскими, т. е. самими собою... Стать русскими - значит перестать презирать народ свой...» И этого немцы и другие западные народы страшно боятся. Они боятся, что Илья Муромец проснется, и потому страшно рады всем нашим неудачам. Они всеми силами желают втянуть нас в союз с собой, чтобы воспользоваться для себя нашей мощью и тем самым ослабить нас. Они понимают наши недостатки, наше смирение, доверие, доброту, сострадание и самолюбие и очень удачно играют на этих струнах русской славянской души. Наши враги как внешние, так и внутренние пользовались закрытыми глазами дремлющего богатыря и нашептывали ему сладкие, но ложные речи. Не видя дела, он верил им. Следовал их лукавым дружеским советам. Шел, неясно видя впереди. Часто ранил себя. А друзья - шакалы и гиены издавали радостный вой...

Но русский богатырь проснулся. Илья Муромец открыл глаза... *Tempora mutantur et nos mutamur in illis...*

Высказав и указав на добрые, положительные стороны характера и свойств души русского славянского племени, наш долг - отметить, оттенить еще ярче и правдивее отрицательные стороны наших братьев, дабы надлежащим воспитанием возможно было исправить и вытравить то, что наложено нашими условиями жизни и тысячелетним рабством.

Уже Крижанич отметил у славян русских простоту, бесхитростность и доверчивость. Этим пользуются другие народы и различными хитростями и обманами прельщают славян... Вмешивают нас в свои войны и сами в наши войны вмешиваются, обещают нам помощь, а на деле приносят поражение... Но чаще бывает так, что они выжидают окончания военных действий, а затем какая-нибудь держава выступает посредницей при заключении мирного договора, и, разумеется, это посредство оказывается не к нашей выгоде... И это говорили более 300 лет назад... Как мы безумно и несчастно верны себе... Дипломатические отношения России с иностранными государствами ничего не приносят ей, кроме вреда и унижения... В дипломатических сношениях с Россией западные государства не смотрят на нее как на равную величину, поэтому не уважают ее, стремятся не к обоюдной, а только своей выгоде... Если жизненные потребности России приведут в столкновение с иностранными державами, то следует твердо и открыто выставить свои требования и в случае отказа добиться их исполнения вооруженной силой (Крижанич)... Становится невероятно больно на душе, как вспомнишь нашу дипломатию в Персии, Китае, а также Воронцова-Дашкова на Кавказе... Боже, доколе мы будем терпеть все это...

Живя на беспредельной равнине и обладая землей, сколько кому было нужно, русские славяне селились не вместе, не купно, не сплоченными поселками, а родами,

и каждый из этих родов составлял самостоятельную единицу. Старший в роде – глава и повелитель. До других родов никому нет дела, да и другим родам до этого нет дела. Русские славяне любили свободу и были независимы. Подчиненность и зависимость были для них невыносимы. Они не переносили власти над собой. Всякое усиление одного рода вызывало сомнение, недоверие, зависть и противодействие в других родах. Нет слов, в случаях беды, опасности и массовых неудач род роду помогал, но в обычной жизни между родами существовала рознь, несогласие, недоверие, склонность к ссорам и междоусобицам. Свои не могли властвовать над многими родами. Власть посторонних как бы уничтожала взаимную зависть и могла сдерживать роды в подчинении и повиновении, да и то недолго и до тех пор, пока эта власть была не слишком крута. В противном случае отдельные роды объединялись, восставали против власти и изгоняли ее. Таковы были новгородцы, таковы были киевляне, таковы были и все русские славяне. Бывали случаи, что они сами извне призывали эту власть, только бы не свой оказался чем-нибудь лучше, чем-нибудь сильнее, чем-нибудь превосходительнее.

Эта национальная рознь свойственна не только русским славянам, но и всем славянам, что подтверждается тысячелетней историей славянского народа.

Вот с этой рознью, с этой взаимной враждой, с этим несогласием, завистью и недоверием нам нужно бороться всеми силами и способами. Путем воспитания мы должны добиться взаимного доверия, единения, душевного согласия и совокупного действия во всех делах. Нужно твердо помнить, что единение не только не есть насилие над свободой и независимостью, а напротив – повышение свободы и укрепление независимости.

Далее, тысячелетнее рабство во времена Киевской Руси, удельного княжения, татарского ига и крепостного права убило в народе сознание собственного достоинства и поселило чувство недоверия к себе, отсутствия инициативы или начинания, отсутствие заботы о будущем, безразличие к настоящему, отсутствие интереса и уважения к собственности и т. д.

Естественным последствием отсутствия сознания собственного достоинства является отсутствие уважения в другом человеке человека. Отсюда следует то грубое, то непочтительное отношение ко всему близкому и окружающему.

Иначе и быть не могло. Раб не мог уважать раба. Они оба были безличны. Раб не мог уважать рабовладельца, - он его боялся. Рабовладелец не мог уважать раба, его собственности. Да едва ли мог рабовладелец уважать и рабовладельца.

Из такого положения людей между собой вытекает следующее: отсутствие сознания и исполнения своего долга - к Богу, ближнему, природе и собственности. Этот недостаток, к огорчению, слишком резко выражает не только в бывших рабах, но и бывших рабовладельцах.

Из того же рабства вытекает отсутствие чувства собственности, а последнее порождает непонимание надлежащей работы количеством и качеством: лень и недобросовестное исполнение. Подобное положение дела вызывало принуждение, взыскания, унижения и наказания. С другой стороны, рядом с этим существовало отсутствие чувства обиды, самолюбия, оскорбления личности, как в себе, так и в других, а также заискивание, лесть, обман, лживость и самоунижение. К сожалению, эти последние свойства присущи не только простому народу, тысячелетним рабам, но и образованным русским, прожившим среди

рабства и вынесшим в прошлом иго и отчуждение от знания и умения.

Душевная пустота, отсутствие чувства собственности, недостаток стремления к лучшему, апатия, безнадежность породили порок забытья и искания наслаждения в алкоголе. Прежде для русских славян было «пити - веселие», теперь пьянство являлось заполнением той пустоты, той бессодержательности, той безнадежности и бессознательности отчаяния, каковые явились последствием отсутствия в них всего человеческого, всего духовного.

В последнее время обвиняют русский народ в озверении, склонности к жестокости, разрушительности и даже убийствам. Это - неправда. Это неверно. В момент революционного движения 1905 г. простой народ действительно проявил и бесчеловечность, и жестокость, и разрушительность. Но это было не его собственное душевное проявление, а навеянное, это был момент опьянения анархией и алкоголем, а во главе этого направления стояли жестокие сыны Иеговы. Никогда без участия и руководства злейших и человеконенавистнейших сынов Иеговы наш народ не дошел бы до такого озверения...

Говорят, что и теперь парни деревни являются образцовыми варварами, разбойниками и разрушителями. Если это и верно, то только отчасти. Но прежде всего нужно заметить, что революционное время еще не кончилось и науськивание поклонников Иеговы при содействии нашей заблуждающейся молодежи и многих развращенных народных учителей тоже еще не закончилось. Семена, рассеиваемые кадетами, дают плод и будут еще некоторое время давать плод, но пусть эти лжеучителя помнят, что плод этот для народа слишком горек, народ им этого не

забудет и проклятие его падет как на лжеучителей, так и на их потомков.

Русский народ сам по себе не жесток и не изувер. Он забит, он угнетен, он апатичен, он не смел, он осторожен, он нерешителен, он безличен, он недоверчив, – но это было. А ныне русский народ просыпается со всеми своими добрыми русскими славянскими качествами. В добрый путь!..

Национальное воспитание

До настоящего времени в огромном большинстве случаев в деле воспитания и образования наших детей мы руководствовались тем, что давали нам просвещенные государства Европы и Америки. Во многих случаях это совершенно правильно и справедливо. Эти страны в области знания часто оказываются впереди нас. Они имели возможность больше работать в этом направлении и имеют за собой большой опыт. Поэтому весьма естественно, что мы должны присматриваться к тому, что у них делается, учиться у них и стараться заимствовать у них то, что нам окажется пригодным и полезным. Но целиком переносить все ихнее к нам едва ли будет и разумно и полезно.

В деле воспитания и образования должно считаться со свойствами и качествами данного народа. Русский народ – совершенно своеобразный и особенный. Поэтому в деле воспитания детей русского народа нужно с Запада заимствовать только то, что для него полезно. И в этом отношении требуется большая осторожность.

В деле воспитания юношества мы должны строжайше руководствоваться особенностями и основными качествами нашей нации – поощрять то, что

мы в ней находим ценного и достойного дальнейшей культивировки, и бороться и уничтожать то, что является в нации неудовлетворительным, недостаточным, бесполезным и вредным. Одни из этих свойств являются прирожденными, другие - наносными, заимствованными, образованными под влиянием жизненных неблагоприятных условий, действующих столетиями и тысячелетиями. Нет слов, эти особенности слишком стойки, слишком крепки. Но если наследственность является великим фактором в деле организации человека, то и воспитание не менее важно и сильно. И как наследственность действует веками и долгим временем, то и воспитание дает благие последствия только при выдержке, настойчивости и систематической последовательности. Почему в успехе воспитания никогда не должно отчаиваться.

Россия представляет собой великое государство, в котором господствует великая и многочисленная русская народность и в которой заключается множество малых и мелких народностей, ей соподчиненных, как: польская, финская, армянская, грузинская, татарская и т. д. и т. д. По отношению к русской народности должно быть принято незыблемым и основным положением следующее: воспитание и образование детей граждан русской народности должно производиться в духе русской народности и быть чисто русским национальным; образование и воспитание детей русских граждан других культурных народностей, соподчиненных русской народности, должно производиться в духе патриотическом, то есть в духе уважения и преданности своей Родине и той народности, которая составляет основу государства; что же касается наций некультурных, как лопари, самоеды, чукчи, юкагири и проч., то они все должны воспринять чисто русское национальное воспитание и стать нераздельной частью русского народа.

Для большего удобства дальнейшего изложения я позволю себе говорить отдельно о воспитании и образовании.

Воспитать – значит внедрить в человека известные душевные качества, как питать, напитать – значит ввести в организм и его питательные соки – физические, материальные вещества.

Воспитать в национальном духе – значит внедрить в человека такие душевные, духовные и даже физические свойства, кои присущи и свойственны той или другой народности.

Каждая народность живет в условиях известной природы, следовательно, прежде всего, ее дети должны быть так воспитаны, чтобы они смогли легко, свободно и без опасности переносить все условия данного климата: севера, юга, приморья, гор и проч.

Далее, воспитание должно быть в духе той религии и государственных устоев, в которых живет та или другая народность. Воспитание должно соответствовать истории, характеру и особенностям данной народности.

Воспитание бывает семейным или домашним, школьным и общественным. Народность, начинающая жить в своем духе, как, например, русская, должна выяснить все простейшие приемы воспитания и домашнего, и школьного, и общественного.

1. Семейное воспитание. Всякое произвольное действие вначале бывает вполне сознательным, но затем, вследствие повторности, оно может стать настолько привычным, что совершается нами вполне механически и бессознательно. Таковы наши процессы: ходьбы, письма, танцев и т. д. То же всецело относится и к душевным движениям и чувствованиям. То же должно быть сказано и о семейном национальном воспитании. У наций, которые сознательно только начинают жить, только устанавливаются формы

проявления национального воспитания, затем они проводятся в жизнь, прививаются ко всему обществу и путем повторности из поколения в поколение становятся столь прочными, что совершаются уже бессознательно, механически, как нечто должное, как нечто органическое.

Этого нельзя сказать о русской нации, только вступающей в фазис сознательного национализма. Она находится еще в этом отношении в младенческом состоянии, и потому в ней неувидительны проявления и странные, и непонятные, и нелепые.

В семье, ведя друг с другом разговоры, мы невольно воздействуем друг на друга, невольно воспитываем друг друга. Такое воспитательное воздействие в семье особенно важно по отношению к детям и членам семьи с неустановившимися национальными взглядами.

Я глубоко убежден, что все русские религиозны, все искренно исповедуют православную веру, но только это исповедание заключается внутри их самих, и они ее как бы стесняются проявить вне себя, как бы таят ее внутри своей души. Это исповедание веры не книжника и фарисея, а мытаря. Такое тихое, задушевное исповедание веры православной имеет многое за себя, оправдывая тем русскую славянскую кротость, смирение и искренность. Но имеет это и против себя, особенно в семейном отношении. Молодые члены семьи, не видя или видя редко и слабо исповедание веры во внешности, могут принять это за религиозное малодушие и безразличие и сами станут относиться к религии слишком слабо и безразлично. Поэтому важно, чтобы каждый из нас открыто и без стеснения исповедовал свое православие на глазах своей семьи и тем был бы ее примером и руководителем.

Мы все уважаем наши православные храмы и благоговейно относимся к ним. Но этого мало. Мы должны стремиться к тому, чтобы составить у себя

церковный приход, чтобы каждый из нас стал деятельным членом этого прихода, дабы принимать участие не только во взаимной общей молитве, но и во взаимном общении для дел взаимопомощи, милосердия и сострадания. В этом приходе мы объединимся и положим первое начало к взаимообщению для поддержания наших общих дел не только духовных, но и мирских. Здесь мы можем помочь друг другу в ведении хозяйственных дел, устройстве приходских школ, школ ремесленных для данной местности, – ибо никому не могут быть так известны семейные нужды, как приходу, – устройстве богаделен, рабочих домов, приютов и т. д. Такое единение будет первым воспитательным противодействием нашему национальному недостатку – славянской розни. Единение прихода создаст ту православную церковь – собрание верующих, какая была у древних христиан и на Древней Руси. Это еще более сблизит верующих братьев и положит основу образованию истиной православной церкви. Такая церковь не только объединит взрослых, но даст пример и молодым членам семьи жить в мире, согласии, взаимной любви, поддержке и взаимопомощи и поставит противовес нашему национальному разъединению.

«Внутренняя задача русской земли, – говорит Хомяков, – есть проявление общества христианского православного, скрепленного в своей вершине законом живого единства и стоящего на твердых основах общины и семьи».

Создавая церковный приход, мы не должны стесняться и конфузиться внешних нравов нашей церкви и всегда быть примером нашей семьи, осеняя себя крестным знамением во всех случаях, когда это может быть уместным. Если прежнее фарисейство может быть несимпатичным, то и слишком скрытое

мытарство может послужить неудобным примером религиозного безразличия для молодых членов семьи.

Явное и открытое исповедание нашей православной веры обязывает нас и к другому нашему человеческому и гражданскому долгу: явному и открытому исповеданию любви и беспредельной преданности нашему Отечеству.

У нас, русских, при существующем ныне национальном безразличии, сплошь и рядом бывает так, что попавший к нам инородец, исполненный великой наглости, начинает порицать нашу нацию, наши порядки, нравы, обычаи и проч., причем исходным пунктом для него является один какой-нибудь факт, из которого затем производится слишком смелое и неприличное обобщение. И мы, из любезности и деликатности, не только молчим, но даже ему поддакиваем, хотя в душе коренно не согласны с этим. При этом мы совершенно забываем, что таким своим отношением мы сознательно и в здравом уме начинаем чернить и позорить нашу Мать-Родину...

Но этого мало. Мы не только сами совершаем гнусный факт, но мы развращаем членов своей семьи, своих детей. Мы гасим в них уважение к Родине и даем право и повод и им относиться к своей народности и Родине легкомысленно и непозволительно дерзко. Мы совершенно не сознаем, что это поступок с нашей стороны великой гнусности. Наша любезность и наша вежливость переходят в подлость. Мы должны иметь всегда мужество спокойно и решительно дать понять нашему невежественному и дерзкому гостю, что его поступок нарушает всякие пределы порядочности. И если он имеет наглость проявлять дерзость по отношению к нашей народности, то и мы должны иметь еще большую решимость, чтобы его осадить. Это будет не мужество и не геройство, а только нравственный долг. Такой поступок будет наилучшим уроком для

наших детей и навсегда укоренит в их уме и душе долг и обязанность смело и твердо отстаивать честь и величие нашего народа и нашей Родины.

Да и помимо таких случаев мы должны всегда твердо помнить, что мы – русские, и обязаны относиться ко всему русскому с уважением и любовью и не допускать огульных обвинений и порицаний без отпора и надлежащего ответа.

Тогда и наши дети научатся любви, уважению, почтению и преданности к Родине. Скажут, любви нельзя научиться. Да, чувству любви не научишься, но способу проявления этой любви приходится и должно учиться.

Кто не уважает своей Родины, тот не уважает себя, тот не имеет права на уважение к себе со стороны других лиц.

В этом отношении заслуживает строгого осуждения еще одно печальное явление в нашей жизни. Сплошь и рядом мы наблюдаем, что люди так называемого высшего общества позволяют себе публично в России говорить по-французски, по-немецки и проч. Почему так? Или русский язык есть хамский язык, который они считают допустимым только при разговоре с людьми, стоящими ниже себя?.. Еще простительно, если это делают прожигатели жизни или пустые барыни, совершенно непростительно, если это делают люди серьезные, позволяющие себе говорить о нации и национальности. Не будет ли это просто игра в национализм? И можно ли в таком случае ожидать успеха в деле всего родного русского? Не должны ли именно эти люди показать пример, что прошлое забыто и мы вступили в действительно новую русскую жизнь... Не пора ли бросить мысль о том, что они стоят выше суда общественного... Тогда только и будет толк от нашего дела, когда наше слово и наше дело не будут расходиться между собой. Где вы найдете в Германии

общественное собрание, где бы немцы говорили по-французски, или в Англии, где бы англичане говорили по-французски... Истинный англичанин даже вне Англии не станет говорить иначе, как по-английски. А наши клубы во что обращаются...

Значит ли это, что мы должны замалчивать обо всем, что в России делается дурно? Ничуть. Всякий организм имеет язвы и болезни, но это не значит, что он разлагается. Его легко исправить и излечить, только не следует скрывать болезнь и заглушать ее. Из того, что между интендантами оказалось 200-300 воров и мошенников, вовсе не следует, что слово «интендант» равнозначно с казнокрадом и взяточником, и между интендантами есть люди честные, чистые и порядочные. Пусть и дети наши знают, что и в России, как и во всяком государстве, есть люди бесчестные, враги своей нации, которые позволяют себе мошенничать, обкрадывать государственные и общественные средства и являются изменниками Родины и обидчиками бедного люда, солдата. И из-за того, что между железнодорожниками множество воров и мошенников, вовсе не следует, что все они воры и мошенники, а есть между ними много честных людей. Пусть и это наши дети знают, как знают и то, что между этими служащими много инородцев, которым не дорога ни русская народность, ни Русское государство, они даже при этом забывают об обязательном для них патриотизме. Разумеется, подобные случаи должны служить нам уроком - не пускать в русские дела зря инородцев, а тем более большими скоплениями в одном и том же учреждении.

Но, вполне признавая наличность существования этих общественных язв и давая им надлежащую оценку, не следует уже слишком и кричать о них и не трубить на всех перекрестках, заглушая то доброе и славное, что дает нам жизнь. Ибо нередко выходит так, что мы

видим только на нашей Родине одно худое и слепы ко всему доброму и славному. Здоровый, мощный и крепкий организм должен быть весел, бодр, исполнен веры и надежды в будущее, любви к настоящему и внимания к прошлому. Не должно в прошлом питаться одним неудачным, но оценивать в нем и то доброе, что составляет обратную сторону медали. Примером тому служит Цусима.

Нет слов, это болезненное место нашей народности. По вине небрежности и, может быть, того хуже погиб наш несовершенный флот и тысячи бывших на нем наших братьев, моряков. Нет слов, это болезненная рана нашей народности. Но как жалко и еще более – больно то, что мы видим в Цусиме только одно поражение и совершенно замалчиваем о величайшем героическом подвиге этих наших славных русских братьев-моряков, сознательно положивших свою жизнь за Родину. Ведь все они знали, что идут на флоте негодном и на верную смерть. Все они знали, что не вернуться и не увидят свою любимую Родину, и при всем том не только не было списавшихся с этой эскадры из-за боязни за свою драгоценную жизнь, но были весьма многие, которые, зная предстоящее будущее, все-таки просились на эту эскадру, бросая свои покойные и почетные места, дорогие семейства, детей, жен. Они славно погибли за свою Родину.

Цусима – великий и славный подвиг, достойный нашей великой Родины. Но об этой героической Цусиме мы молчим, а говорим о Цусиме жалкой и невежественной.

Недостойно и непростительно замалчивать доблестные поступки славных сынов нашей Родины, но является еще более преступным возводить ложь на государственные учреждения Родины, извращать правду деяний высших ее учреждений, оставлять это без возражения и лишать возможности сделать это

другим. А между тем это у нас практикуется, и практикуется избранниками нашей Родины в нашей Государственной думе. Я не буду говорить о речах таких депутатов, как Гегечкори, Чхеидзе и др., цену речей которых мы все знаем. Но бывают случаи, когда и люди порядочные делают неправду и не отвергают ее.

Зачем же напрасно бросать тень на ведомство. Ведь это влияет на дух служащих. Это убивает бодрость, энергию, желание работать... Это прием левых деморализовать государство... Не так мы должны вести наши общественные и семейные дела...

Особенно возмутительно, неприлично, недостойно и преступно очень часто наблюдаемое при детях, а иногда и вместе с детьми высмеивание школьных учителей. Так могут поступать только люди без ума и без сердца. А таких людей ах как много у нас! Прежде всего, они забывают, что они развращают своих же собственных детей. Школа для детей, особенно тех семейств, где воспитание падает именно на школу, а не на семью, есть храм науки и нравственности. Ее всегда должно ставить высоко в уважении детей. Начальники и преподаватели – это учителя добра и нравственности. К ним мы сами, по долгу совести, чести и любви к нашим детям, должны относиться с уважением и благодарностью, – тому же учить должны и наших детей. Ведь эти люди отдают свою жизнь на воспитание наших же детей. Вы скажете – они продают свою жизнь, свою душу... Тем хуже. Это им дается нелегко. Нужда их заставляет на это дело. И не затруднять их жизнь мы должны, а облегчать. Что, у них есть недостатки – а мы ангелы? Не забывайте, что они люди, они наши братья, они из нашей среды. Если у них есть недостатки, то все эти же недостатки – и у нас. Поэтому осмеивать учителей и начальные школы, особенно при детях, неприлично, недостойно и преступно. Осмеивая учителей, мы осмеиваем перед детьми себя. Учителя

заменяют у детей нас самих. Они делают для наших детей то, что мы должны были бы делать для них. Поэтому наш долг - поддерживать в наших детях уважение, почтение и любовь к преподавателям. Унижая их в глазах детей, мы доказываем еще худшее положение наше, тех лиц, кого они замещают. Если даже между учителями окажутся люди недостойные (а где их нет?), то и тогда мы должны поступать без участия и ведома детей. На это должен быть приход. Все родители, дети которых подвергаются злостному или вредному воздействию учителя, должны собраться вместе, безусловно, без ведома детей, обсудить дело и заявить об этом лицам, управляющим школой. Нет той администрации, которая ныне стала бы потворствовать злу в школе. Бывают учителя нетерпимые в школе, политиканствующие и стремящиеся развратить детей. Это зло немедленно и без колебания должно быть изгнано из школы, но дети об этом не должны и знать.

Наш долг - поддерживать авторитет руководителей и преподавателей школы, ибо они заменяют нас в деле воспитания детей. Подрывая авторитет и значение руководителей и наставников школы у детей, тем самым мы не только унижаем себя, но и губим наших детей.

Вот почему, желая воспитать наших детей в национальном духе, мы в своей семье сами должны быть для них примером уважения, преданности и любви к своей Родине и ко всему родному.

2. Особенно важное значение в деле воспитания юношества имеет школа. Школой мы должны пользоваться во всей силе для проведения национального воспитания. «Наши желания и упования, - говорит Д.И. Менделеев, - которыми определяются все наши действия, слагаются именно в школьный период жизни, и будут они без планомерных школ противоречивыми, сбивчивыми, разрозненными,

эгоистичными и больными... Школа представляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государства, смотря по основным предметам и по принципам, вложенным в систему школьного образования, особенно среднего... Основное направление русского образования должно быть жизненным и реальным... Между тем, настоящие дела, которыми живет и народ, и страна, не в фаворе в нашей школе, ни в литературе, а юноши по сей час, на древний манер, полагают, что вся суть жизни сводится только на философские представления и на слова да мероприятия политического свойства... Весьма печально, что русский реализм вовсе не пускается в школу и не воспитывается... Мы сеем и жнем, одолевая невзгоды природы, торгуем и промышляем просто по преданию и сметке обыкновенно без всякой школьной подготовки, зря...»^[70]

Поэтому весьма естественно пожелание нашего ученого, чтобы в нашу русскую школу вложено было образование, соответствующее «народному желанию и благу России, понимаемому в том смысле возможно общего народного благоденствия, который заложен в нашей истории и должен естественно развиваться будущими поколениями...».

Все русские школы, низшие, средние и высшие, должны быть обязательно строго национальными.

В допетровские времена все школы находились в ведении церкви и духовенства, а потому были и национальны, и религиозны, и высоконравственны.

Император Петр I в инструкциях земским комиссарам и магистраторам и в Духовном регламенте обращает внимание как на обучение полезным знаниям, так и на религиозное и нравственное просвещение народа, причем церквям и духовенству поручалось следить за этим делом.

Но с того же времени начинается заведение и домашнего воспитания и образования преимущественно в домах дворянства и аристократии. Для этого выписывались воспитатели из Франции, Швейцарии и проч. Какого рода это были духовные руководители, усматривается из Наказа императрицы Екатерины: «Учители чужестранцы, обучающее наше юношество в домах, конечно, больше вреда, нежели пользы нам приносят, потому что несравненно большая часть негодных, нежели хороших сюда приезжают... Мадамы, так же и мамзели пользуются преимуществами учить и воспитывать наше юношество, без одобрительного свидетельства о своем поведении, а в самом деле многие из них не только худого, но и бесчестного поведения...»

Тем не менее и при Петре I, и при Екатерине II школы отличались духом патриотизма и были строго национальны. По требованию И.И. Бецкого школа должна была готовить для самостоятельной жизни и полезной общественной деятельности людей бодрых духом и телом, любящих свой народ и свое Отечество, преданных учению православной веры и верных своей власти и законному правительству. А так как воспитание питомцев в духе православия и любви к России может быть вверено только людям, которые сами глубоко и искренно преданы этим основным русским культурным началам, то на такое великое дело призывались не иноверцы и не иностранцы, но исключительно русские православные люди.

В царствование императрицы Екатерины II произошел возврат русских областей Белоруссии и Литвы. И вот мудрая царица вполне основательно предусмотрела, что только школы русские и православные могут укрепить наших братьев и в вере православной, и в преданности Родине и престолу. Жизнь скоро оправдала предначертания царицы.

Население, совращенное прежними владельцами, поляками, в унию и католицизм, теперь массаами стало переходить вновь в православие.

«С кончиною Екатерины II и с воцарением Павла I резко и круто изменился весь строй и направление государственной политики, - говорит И.П. Корнилов^[71], - и русская, исключительно национальная политика заменилась разорительною для России политикою вмешательства в посторонние интересы...» И в западных губерниях взамен русской культуры и русского просвещения и училища на коренной Русской земле снова стали открываться в значительном числе при латинских и униатских монастырях и костелах политически враждебные нам польские школы. Особенно же великий вред русской школе, русскому народу и Русскому государству нанесен был в царствование императора Александра I, когда всемогущим владыкой явился в деле просвещения Адам Чарторыйский.

Оторванная от Польши Белоруссия и литовские губернии были присоединены к России, но далеко еще не закреплены. Русская власть пошла по дороге обрусения путем введения русского языка и русской школы. Бесспорно, это два важных и мощных деятеля. Но еще сильнейшим деятелем является вера. Русские в силу своей всегдашней веротерпимости не хотели производить религиозного давления и насилия на совесть и исповедание своих братьев. Совсем иначе посмотрели поляки и во главе их Чарторыйский. Они не постеснялись и не постыдились произвести самое сильное и самое жестокое давление на совесть и веру белорусов и литовцев. Целые легионы иезуитов и других монахов были пущены на наших братьев, и при помощи агрессивной воинствующей церкви и школы с польским языком они вполне успели замутичь все то,

что сделано было в царствование Екатерины II. Мало того, сторонниками трех поляков: Чарторыйского, бывшего Виленским попечителем учебного округа, Чацкого - Харьковского округа, и Коллонтая - Киевского округа, Русский край был ополячен гораздо, неизмеримо больше, чем под властью самих поляков. Министр просвещения граф Завадовский, ярый националист при Екатерине, теперь стал совершенно послушным рабом трех поляков и всех помещиков. В западных губерниях бесстыдно и беспощадно вводился католицизм, польские школы и польские воззрения на жизнь, а в России космополитизм и полный религиозный индифферентизм. Такое направление было настолько сильно, что даже царствование Николая I бессильно было исправить и ослабить общее течение. К сожалению, царствование Александра II в этом отношении было скорее продолжением направления Александра I, чем Николая I, и только Александр III ясно и определенно повел чисто русскую национальную политику.

С этой поры можно было точно и определенно сказать, чего Россия хочет и что она преследует в деле воспитания и образования народа.

Теперь незыблемым должно быть установлено положение, на которое указал И.П. Корнилов: «Школа должна служить своему народу и государству и потому должна быть национальной и патриотической. Она должна утверждать в своих питомцах и слушателях твердые религиозные верования и национальные нравственные убеждения, которыми преисполнен и живет русский народ и на которых основан весь строй его многовековой религиозной, семейной и государственной жизни. Всякое русское дело, особенно воспитание детей, надо делать надежными русскими руками и не очень полагаться на услуги, иногда самостоятельных, чужих людей». Естественно, как от

католического патера нельзя ожидать беспристрастного суждения о православной вере, так и от человека, равнодушного к судьбе русского народа и государства, нельзя ожидать, чтобы он с воодушевлением и искренностью воспитывал во вверенных ему детях любовь к России и верность православию и самодержавию, этим коренным русским началам, для него совершенно чуждым и непонятым. Это доказали немцы в Эльзасе и Лотарингии, русские в Белоруссии и Литве при Екатерине II, и поляки также при Александре I. Все это указывает, какое важное значение имеют национальность и вероисповедание при выборе педагогического персонала и как необходимо для единодушной и согласной деятельности и для неуклонного русского направления воспитания, чтобы начальники и наставники в русских учебных заведениях были люди преданные и верные России и ее историческим основам. Оберегая целость и нераздельность государства, русское правительство усердно должно прежде всего оберегать основную государственную силу, то есть русский православный народ, и устранять то, что вредит его благосостоянию и нравственности и что ослабляет его и унижает перед иноверцами и инородцами. Православный русский народ есть тот могучий организм, силами которого создалась Россия и поддерживается ее единство и могущество.

Школьное воспитание национальным должно быть в физическом, нравственном и умственном отношении.

1) Физическое национальное воспитание. В этом отношении Россия представляет весьма широкий круг деятельности. Физическое воспитание должно состоять в том, чтобы организмы детей с детства развивались крепкими, мощными, гибкими и ловкими, способными удачно противодействовать всем неблагоприятным воздействиям природы страны. Природа России, как мы

знаем, слишком разнообразна. Она предоставляет все климатические разновидности от полюса до тропиков и от востока до запада. Поэтому детские организмы нужно воспитывать так, чтобы они прежде всего были крепкими и мощными. В этом отношении весьма важную и серьезную роль должна играть гимнастика и, по-моему, лучше всего военная гимнастика, насколько она применима в детском возрасте.

Военная гимнастика, кроме физического воздействия, будет в детях с раннего детства воспитывать военный дух, уважение к военному званию и желание отличиться в данном направлении и послужить во славу и благо своей Родины. Такое воспитание помимо нравственного влияния важно и в практическом отношении. Оно с детства приучит людей ко всем внешним приемам, облегчит им прохождение воинской службы, а при некоторых условиях может даже и сократить этот срок. Но мне скажут: в этой гимнастике нет ничего национального, нет ничего народного. Я с этим не согласен. В военной гимнастике будет выражен прирожденный русским воинственный дух. Вспомним наших предков славян, ходивших на Царьград и на Кавказ... Вспомним наших рыцарей-запорожцев, в своих утлых ладьях всегда бывших грозой всему черноморскому побережью. Вспомним Ермака Тимофеевича, давшего нам

Сибирь. Хомяков говорит: «Не было у запорожцев ни кораблей, ни возможности строить корабли. На легких челноках, часто на однодеревках и душегубках, пускались они в бурное море, исстари страшное мореплавателям, и тысячами налетали на берега вечных врагов имени христианского... От Батума до Царьграда гремела их гроза. Трапезунд, Синоп и самые замки Босфора дрожали перед ними. Турецкие флоты, смело гулявшие по Средиземному морю и нередко грозившие берегам Франции, Италии и Испании,

прятались в пристани перед лодками запорожцев. Не из хвастовства, но по истинной правде говорим мы: свидетелями нам самые Турецкие летописи и еще теперь не забытые предания. Не было в целой Европе ни одного народа, который мог бы похвастаться такими дивными подвигами мужества на морях, и опять без хвастовства можем сказать, что люди отважные ничем не уступают своим южным братьям». И много других было славных походов русских воинов, составивших силу, славу, честь и мощь России, припоминаются нами и дают нам право и возлагают на нас обязанности воспитывать и наших детей физически и нравственно в воинственном духе. Наш историк Карамзин говорит следующее: «Слава была колыбелью русского народа, а победа вестницею бытия его. Римская история узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ее легионы. Историки Византийские говорили о наших предках, как о чудесных людях, которым ничто не могло противиться и которые отличались от других северных народов не только своею храбростью, но и каким-то рыцарским добродушием... Мужество есть важное свойство души; народ, им отличенный, должен гордиться собою...»

Вот почему я полагаю, что военная гимнастика для русских есть вполне национальный метод воспитания по духу, почему эта гимнастика должна быть введена во всех низших народных и средних школах России.

К окончанию срока учения в народных школах она должна быть усвоена вполне, чтобы уходящие из школы дети составляли свои взводы, а совместно с другими детьми деревни – роты, батальоны и полки. Военные упражнения должны практиковаться и после школы, даже до периода отбытия воинской службы, неправильно названной воинской повинностью. Такие учреждения, не имея в себе никаких отрицательных сторон, создадут России развитых, крепких, мощных, красивых и ловких молодых людей и славно

воспитанных солдат, для которых военная служба будет состоять только в изучении специальных военных приемов. Даровых же учителей по селам в лице отставных солдат, особенно бывших на войне, можно найти сколько угодно. Этому способу воспитания я придаю очень большое значение. Но в настоящее время в форме «потешных» мы имеем уже осуществление приводимой мной мысли. Только это – начало, и начало, еще весьма непрочное установленное. Потешные стали у нас «в моде» прежде всего потому, что это учреждение покровительствуется верховной властью. Это учреждение у нас существует на началах вольного дарового труда. В дальнейшем это учреждение должно стать органическим, неотъемлемой частью всякого воспитания и как таковое основываться не на началах благотворительности, а на началах обязательности и государственности.

«Учителя и наставники всей русской молодежи, – говорит наш моряк А. Беломор^[72], – поголовно должны преследовать одну главнейшую задачу своего великого дела – воспитать в русских людях всех сословий страстную и несокрушимую волю доказать в новом неизбежном столкновении с Японией на азиатском континенте непреодолимость русской мощи... Главнейшее условие свободы граждан – сознание совместно всех и каждого отдельно своего гражданского долга перед Родиной. А первый долг – защита Родины до последнего издыхания всеми возможными материальными и духовными средствами. В вооруженной армии, в воссозданном флоте, в их силе и крепости тлеет искра истинной свободы русского народа...»

Рядом с обучением учеников строю должно учить их и стрельбе. В последнее время на стрельбу в цель как воспитательное средство в Англии, Германии, Японии и

проч. обращено особое внимание. И это весьма естественно почему, - оно развивает не только меткость глаза, но и мускульное чувство рук и организма и готовит дельных воинов.

А вот что говорит полковник Полторацкий^[73] о Швеции. Ученики всех четырех классов гимназии каждую осень в течение нескольких недель занимаются под руководством офицеров строевыми упражнениями, а весь год систематически упражняются в стрельбе из ружья Маузера 6,5 калибра. Шведская гимнастика, твердо поставленная во всех без исключения шведских учебных заведениях - низших, средних и высших, - кроме благотворного влияния на физическое развитие, является прекрасным дисциплинирующим средством, так как требует строжайшего порядка на уроках и безукоризненной точности начальных положений перед каждым движением, самих движений и окончательных положений... А так как на всех уроках шведской гимнастики поминутно приходится строиться, равняться, становиться «смирно», рассчитывать на ряды, смыкаться и т. д. и все это делается отчетливо и быстро по военным командам, то все шведы с ранних лет в сущности проходят на уроках гимнастики превосходную школу первоначального фронтового обучения и по своей дисциплине и выправке в общем значительно превосходят наших кадет.

Добавив к этому широкое развитие в Швеции спорта, особенно зимнего, нельзя не сознаться, что в своей гражданской школьной молодежи Швеция имеет прекраснейший материал для выработки будущих офицеров. Все эти молодые люди приходят в армию дисциплинированными, физически развитыми и закаленными, и умеющими стрелять, а по своей научной подготовке не оставляющими желать ничего лучшего.

Не менее, если не более важно в школе, в воспитательном отношении и ручной труд, ручные работы.

На съезде по вопросу «о нравственном воспитании» в Англии в 1909 г. было высказано, что ручной труд у шведов занимает в школе видное место в ряду предметов, воспитывающих характер. Истинная цель его - не ремесленные навыки, но влияние на умственный и нравственный облик ученика, восстановление равновесия и гармонии между его физическими и духовными способностями. Развивая физическую ловкость, сметливость, сообразительность, ученик в то же время напасается уверенностью в своих силах, умелостью верно ценить свои знания, когда они должны быть приложены «к делу», любовью к созданию своих рук. Ручной труд поощряет в нем стремление к творчеству, научает самостоятельности и находчивости в трудном положении, внушает ему уважение к всякого рода работе и искореняет предрассудки людей, живущих умственным трудом, в отношении их к ремесленникам. А это служит, в свою очередь, важным фактором в деле сближения классов и уничтожения социальных перегородок ^[74].

Я в этом отношении иду гораздо далее и расширяю ручной труд на степень всякого профессионального труда. По моему мнению, профессиональный труд имеет громаднейшее воспитательное значение.

Профессиональное образование и знание вселяют уверенность в личной материальной обеспеченности, создают сознание личной независимости, господство над окружающей природой, чувство самоуверенности и собственного достоинства, личной обеспеченности, уважение к собственности, поддержку, взаимную помощь и добрые отношения к соседу и согражданину.

В образование народа должны быть введены такие начала, которые самому народу показали бы всю важность и всю необходимость образования их детей именно по программе национального воспитания и образования. Наш великий народный гений, покойный профессор Менделеев, давно уже проповедовал ту великую истину, что образование нашего народа должно быть реальным. Это значит: нашим детям нужно дать точные и серьезные знания той природы, которая вокруг нас и у нас под ногами. Это важно для того, чтобы мы умели использовать и употребить на свои нужды всю окружающую нас природу. Для чего рядом с изучением окружающей нас природы нашим детям нужно дать и познания, как ею пользоваться, и показать на деле эти самые способы пользования.

До сих пор Государственная дума настойчиво проводила всеобщее обучение грамотности в народе. Это хорошо. Но этого очень мало. Умение читать, писать и считать – хорошо. Но это умение хорошо, если есть что считать. Грамотность должна быть не целью, а средством для приобретения познаний. Сама же по себе грамотность часто бесполезна, скоро забывается, и потраченное на нее время пропадает.

Наш народ слишком беден. Но этого мало, он видит, что другие люди живут на такой же земле, как и он, но они умеют извлекать из нее такую пользу, что они богатеют. А он не знает, как это сделать. Долг, важнейший долг национальной школы – просветить его в этом отношении. Дать народу познание ближайшей природы: чернозема, глины, леса, озера, реки и проч. и дать сведения, как использовать его злаки, траву, разведение скота, птицеводство, глиняное производство и т. д. и т. д.

Поэтому национальная партия всеми своими силами должна заботиться об устройстве школ для народа не грамотности только, а профессиональных школ по

потребам природы, и притом таких школ, где бы они на деле научились все это делать лично. Эти познания дадут насущный кусок хлеба простому человеку. Они поднимут его благосостояние. Они дадут ему широкий круг мышления. Они укажут путь правильной жизни. Они породят любовь к собственности. Они создадут идею о Родине. Они разбудят любовь к Родине. Они откроют глаза на пользу, проводимую национальной партией. Они дадут в руки национальной партии весь народ. Они заставят инородцев уважать и быть благодарными той стране, которая дает им благо и благополучие.

Такая профессиональная школа привлечет к себе не только русских, но и татар, и армян, и грузин, и всех других инородцев и объединит их, и свяжет общими интересами и ассимилирует русской культурой.

Повсюдное введение профессиональных школ соответственно природным богатствам на месте – дело нелегкое. Но зато важное и серьезное. Для края лучше иметь одну профессиональную школу, чем десять школ грамотности.

Для того же, чтобы эти школы были истинно полезны, нужно, чтобы комитеты изучили природу, нужды и потребности каждой местности. Разумеется, для этого национальные отделы должны войти в сношение с земствами, городами, учреждениями и проч.

Если местные нужды могут быть удовлетворены местными средствами – благо. Если нет – дело Центрального комитета исходатайствовать в министерствах устройство ферм, птичников, огородов, мастерских и проч. Ныне времена иные, и министерства постепенно теряют свою прежнюю закваску – делать наоборот тому, о чем вы просите.

Изучение народных богатств, народных нужд и способов их исправления – дело не новое. Еще

Крижанич во времена Иоанна Грозного^[75] указывал на это и требовал поднятия народного благосостояния, дабы избавиться от инородчиков и остаться национальными. Он требовал изучить природные способности, таланты и нравственные качества народа по сравнению с другими народами, – природу, среди которой населению приходится жить, ее богатства и недостатки, жизнь народа с точки зрения богатства и бедности, – способы наилучшего пользования как талантами народа, так и богатствами. Земледелец кормит и богатит и себя, и ремесленника, и торговца, и боярина, и краля. Но по недостатку предприимчивости, отсутствию необходимых для того знаний и другим причинам земледелие у нас недостаточно развито. Необходимо назначить особых чиновников, «углядников», на обязанности которых лежало бы исследовать почву, определять ее плодородие и указывать населению наиболее выгодные в каждой местности способы пользования землей. Эти же «углядники» должны подыскать наиболее подходящие места для постройки мельниц, крутяных заводов и т. п. Далее, правительство должно снабжать население земледельческими орудиями по низким ценам и даже отпускать их в кредит. Должно способствовать развитию других отраслей хозяйства: пчеловодства, шелководства, табаководства, виноградарства, виноделия и проч. Добиться экономической независимости России, чтобы не было надобности покупать за границей такие товары, которые могут быть производимы с успехом внутри страны. Правительство должно взять на себя борьбу с праздностью, установляя за нищенство и тунеядство суровое наказание до ссылки в Сибирь включительно. Правительство должно поощрять домашнюю кустарную промышленность и содействовать развитию новых

отраслей промышленности: производства бумаги и шерстяных изделий, изделий из кожи, металла и проч. А для этого есть и надлежащее средство: «отказаться от употребления заграничных изделий...» У нас иностранцы являются хозяевами положения, они прекрасно знают условия рынка и пользуются этим знанием, обесценивают наши товары и навязывают нам по высоким ценам ненужные и малоценные вещи... Иностранцам торговцам должна быть торговля «запрещена совершенно»^[76].

Это говорилось 300 лет назад. Увы, это можно сказать и сегодня...

Для успешнейшего выполнения этого дела требуется: тесная связь Центрального комитета национальной партии с ее отделами; связь отделов с земскими и городскими учреждениями; изучение отделами естественных богатств различных мест; изучение отделами местных нужд и потребностей; главное – устройство профессиональных школ. Но этого мало. Рядом с изучением, познанием и умением различных производств народ должен иметь под рукой мелкий кредит, дабы он немедленно мог применить на деле свои познания.

При таких условиях профессиональные школы дадут народу знания, благосостояние, спокойную трудовую жизнь и уважение и преданность тем лицам и той партии, которая поведет это дело и будет им руководить.

Такая система привяжет весь народ к государству, без различия веры и нации, и толка. Такая система будет способствовать ассимиляции народностей малокультурных, как лопари, чуваша и проч. Такая система объединит государство, такая система сама собой, без всякого насилия, национализирует государство.

Партия, ведущая такую систему, не по названию, а на деле будет партией национальной, но для того она, безусловно и непоколебимо, должна быть партией народной.

Государство – это народ. Его благо должно стоять на первом месте. Благо народа – благо государства. Партия, заботящаяся о благе народа, есть партия национальная, а партия национальная неизбежно должна быть партией народной.

Чисто национальным в деле физического воспитания юношества будет также спорт. Россия и в этом отношении представляет многообильную и плодотворную почву. В России есть места приморские, приозерные, приречные, горные, степные и т. д. и т. д. Во всех этих местах должно развить и воспитать соответствующий спорт. Особенно у нас плохо развита любовь к мореплаванию, катанию в лодках под парусами на реке и озерах, плавание, рыболовство и т. п. Недостаточно развиты также путешествия в горах Кавказа, Урала и проч., верховая езда на юге России, езда на оленях, собаках и проч. на севере, на лыжах, буерах, коньках и проч. Разумеется, лучше, если каждый из этих видов спорта развивается и прививается там, где тому благоприятствует природа, но весьма полезно предпринимать по праздникам образовательные поездки в различные части России, чтобы на месте знакомиться и совершенствоваться в тех видах физических упражнений, которые на месте почему-либо малодоступны. На этих путешествиях жидется соревнование и совершенствование не только организма, но и видов спорта или упражнений.

Насколько народный спорт может быть важен в государственном деле, показывает факт, приводимый профессором А.Г. Елчаниновым^[77]. При осаде Троице-Сергиевой лавры нашему славному тогда полководцу

Скопину-Шуйскому не хватило конницы, чтобы парализовать действие поляков, обладавших наибольшим количеством конницы. И вот «эта борьба со столь опасной нам польской конницей облегчена 4-я тысячами лыжников, оказавших нам неоценимые услуги...».

Особенно же полезны в смысле национального воспитания народные игры. Их нужно проводить в жизнь очень настойчиво и старательно и стараться развивать и совершенствовать. Из народных игр иногда создаются целые системы гимнастических упражнений, которые затем становятся достоянием и богатством всего мира. Такова шведская гимнастика, таково и чешское сокольство. Россия наша очень велика, имеет много своеобразных игр как чисто русских, так и инородческих. Как те, так и другие – это наши русские родные. Мы должны их знать и изучать, и, быть может, от этого создастся нечто наше русское, самобытное. Нужно из всего и всюду брать то, что нам полезно и пригодно.

Полезны также танцы, песни и музыка. Песни часто воспроизводят историю прошлого, геройские подвиги наших предков и проч. Музыка, пение и народные танцы в народных школах должны быть обязательными. Это развивает любовь к своему, родному, это связывает с народностью. Россия имеет много прекрасных мелодий малороссийских, польских, грузинских, армянских и т. д. Есть много также и народных инструментов, как балалайка, гусли, кобза, гармоника, зурна и проч.

Изучение музыкального инструмента также не лишено значения. Прежде балалайка считалась принадлежностью приказчиков, дворников и лакеев в обществе горничных, сидящих на завалинке с неразлучными семечками, а ныне в руках господина

Андреева – это инструмент, восхищающий культурные народы.

Никоим образом не следует пренебрегать музыкой и пением наших братьев инородцев. Ведь они тоже наши братья по Родине. Чем больше мы будем заимствовать друг у друга, тем станем ближе друг к другу, и натянутые формальные отношения должны уступить место доверию, взаимной поддержке, уважению и братской привязанности.

Не следует в деле воспитания детей забывать и других наших братьев славян: чехов, болгар, сербов, галичан и проч. Есть и у них много такого, что нам может пригодиться. Припомните время после войны за освобождение Болгарии. В России, кажется, не было ни одного деревенского мальчика или девочки, кто не умел бы мурлыкать «Марицу». И как это роднило нас с болгарями... Не менее нам близки и наши братья поляки... Пора начинать забывать прошлую вражду нашу и учиться уроками истории покойнее и рассудительнее. Если прежде славянские племена могли враждовать между собой, то теперь – время опомниться. Пред нами восстал враг, грозящий не отдельным славянским племенам, а всему славянскому племени. Пора нам сомкнуться и составить одно целое...

Многие из физических приемов воспитания служат и нравственному воспитанию. Песни, музыка и танцы много способствуют физическому воспитанию, но еще больше – нравственному и эстетическому, и этическому. В них проявляется дух народа, его нравы и жизнь, его история, его подвиги, его герои. Из этого воспитания будет черпаться материал и содержание для будущих поэтов, музыкантов, скульпторов, живописцев, историков и даже натуралистов.

Особенно важны в этом отношении экскурсии с целью изучения природы, исторических памятников,

нравов, обычаев, спорта и т. и.

2) В нравственном воспитании на первом месте должна стоять наша православная религия во всех ее разветвлениях. Православная религия есть то начало, которое объединяет нас, русских, в одно нераздельное целое и отделяет от западных народов. Нет слов, между нами и нашими братьями поляками лежит прошлое, но не это прошлое нас так сильно разделяет, как фанатический римский католицизм. И наши братья много заблуждаются, считая, что они своей борьбой с нами в Холмщине служат себе. Нет, они служат больше Риму, чем себе. Один из поляков, господин Немоевский, вполне подтверждает мое предположение. Вот что он говорит: «Вопрос о Холмщине далеко не так прост, как кажется с первого раза. За что мы воюем на этот раз: за Варшаву, или Рим, за Польшу, или католицизм? Отстаивая это дело, мы своими руками делаем новый раздел Польши». Не таково отношение к нам наших братьев чехов-гуситов... Русский народ всегда отличался крайней веротерпимостью и рядом с православием свободно давал жить и католикам, и протестантам, и магометанам, и евреям, и язычникам, только не старообрядцам. К счастью, ныне старообрядцы получили право гражданства. Православная религия, как господствующая, имеет право на пропаганду вне пределов своей церкви, остальные же религии пользуются свободой исповедания и правом проповеди в пределах своей церкви.

После Бога, отца и матери наибольшая любовь должна проявляться к своему народу и своей Родине. В этом отношении руководители школы, преподаватели и воспитатели должны, безусловно, быть русскими, нелицемерно проникнуты сами и приучать к тому детей любовью, уважением, преданностью и самопожертвованием к Родине.

Вот что говорится в генеральном плане Московского воспитательного дома, составленном по приказанию Екатерины II И.И. Бецким: «Буде начальники сего дома хотят, чтобы дети научились добродетели, должно им, прежде всего, учителей и приставников учить добродетельными и примера достойными. Нужно, чтобы приставники были из Российских. Можно ли, чтобы сии дети признавали иностранных родителями своими и оказывали им, как долг велит, любовь и дружбу?.. Всякое дело, особенно воспитание детей, надо делать надежными русскими руками и не очень полагаться на услуги, иногда сомнительные, чужих людей». «Наши учебные заведения, – говорит И.П. Корнилов, – должны жить одною жизнью со своею церковью, государством и народом. Верховная власть, управляющая судьбами государства, и православная церковь должны управлять и народным образованием, указывать ему твердое и определенное направление и ограждать от всяких вредных и враждебных направлений. Педагогические персоналы наших училищ должны состоять из благонадежных православных русских людей и лишь из таких иноверцев, которые известны не только своею педагогическою опытностью и знаниями, но и любовью и преданностью России и которые могут служить живым укором для наших народоотступников, считающих разные исторические начала грубостью и отсталостью... Для подъема в России учебно-воспитательного дела необходимо, чтобы персонал воспитывающих и обучающих состоял из надежных русских православных людей. Школы – суть учреждения национальные. Русские школы должны свято хранить и культурно развивать те живущие в нашем народе православные и славянские начала, на которых зиждется русская семья, общество и государство. Только русские наставники в состоянии выполнить такую национальную задачу школ».

На международном съезде в Англии в 1909 г. по вопросу о нравственном воспитании швейцарец Латур и другие высказали следующее.

Никакие системы, никакое программное преподавание морали и Закона Божия не заменяли личного влияния одного человека. Судьба будущего каждой нации в руках отдельных лиц; лица эти – учителя народных школ, которые сеют то или иное нравственное начало в сердца детей. Учителя могут быть благодетелями человечества, но могут и погубить целое поколение. Потому следует, безусловно и без всякого колебания, отвергать всякого кандидата на роль воспитателя, если существует малейшее сомнение в его нравственных качествах, его характере и пригодности для обязанностей нравственного воспитания...

Начальники школы, воспитатели и преподаватели, позволяющие в школе проповедовать противное державной и господствующей русской народности, как бы они ни были умны и образованны, нетерпимы в школе и немедленно беспощадно должны быть удалены из нее.

«Всякий народ, – говорит наш славный оратор Плевако, – создавший путем многострадального и трудового исторического подвига свое собственное имя, свое Отечество, воплощает в величайшие святыни своей жизни – в религию, государственность и право отпечаток своей духовной личности... Россия создана русским народом. Ему, вложившему во все устои своего строя народное мирозерцание, принадлежит право требовать, чтобы охрана этих устоев поручена была не тем, кто только знает, а тем, кто верует, кто насквозь пропитан началами народности, т. е. теми особенностями, под преломление которых принимаются культурной нацией блага общественного развития».

Республиканская Франция ставит обязательным положением, чтобы заведующий и обучающий персонал народных школ принадлежал к французской нации. По закону 30 октября 1886 г. это требование абсолютно. Публичная народная школа республиканской Франции, провозглашающей универсальный идеал всеобщего братства народов, не допускает аспирантов учительского звания из членов религиозных конгрегаций потому, что часть этих конгрегаций принадлежит не к французской нации, а к немецкой, итальянской и проч.

Знания всегда могут быть пополнены, а любовь, преданность и самопожертвование Родине не пополняются впоследствии. Германский учитель не потому победил Францию, что все эти учителя были образованны, а потому, что его все учителя были национальны и патриотичны. Таков должен быть учитель и русский. Если он не таков, ему нет места в школе. Лучше невежество, согретое любовью к Родине, чем образование, связанное с презрением и неуважением к нации.

«Всякое государство, – говорит Хомяков, – обязано отстранять от воспитания все то, что противно его собственным основным началам». Как только Эльзас и Лотарингия были присоединены к Германии, французские учителя были удалены из школ и заменены немецкими. При императоре Александре I как только поляк Чарторыйский получил власть в Литве и Белоруссии, так немедленно все русские учителя были немилосердно изгнаны из школ и заменены поляками. С большим удовольствием я позволю себе привести здесь слова великого нашего педагога И.П. Корнилова относительно требований, какие должны быть предъявлены русской школе: «Во-первых, наши учебные заведения должны жить одною жизнью со своею Церковью, государством и народом. Верховная власть,

управляющая судьбами государства, и православная Церковь должны управлять и народным образованием, указывать ему твердое и определенное направление и ограждать от всяких вредных и враждебных влияний. Духовные и светские власти и представители местных обществ должны вести учебные заведения в определенном законном направлении... Во-вторых, школы должны служить не одному только умственному и научному образованию, но в равной мере и религиозно-нравственному и физическому воспитанию. В-третьих, педагогические персоналы наших училищ должны состоять из благонадежных нравственных русских людей и лишь из таких иноверцев, которые известны не только своею педагогическою опытностью и знаниями, но и любовью и преданностью России...» Далее тот же автор говорит: «Для подъема в России учебно-вспомогательного дела необходимо, чтобы персонал, воспитывающий и обучающий, состоял из надежных русских православных людей. Школы суть учреждения национальные. Русские школы должны свято хранить и культурно развивать те живущие в нашем народе православные и славянские начала, на которых зиждется русская семья, общество и государство. Только русские наставники в состоянии выполнить такую национальную задачу школ».

Проповедуя, однако, народную любовь и преданность русским детям, никогда не следует оскорблять и детей других наций, входящих в состав нашей Родины. Нужно относиться к ним дружески и любовно, как к братьям, и не давать заметить нашего господства победителя. Это они знают и без нас хорошо. Но, зная это, они должны видеть с нашей стороны такие отношения, какие существуют между братьями одной семьи. Само будущее должно установить отношения уважения к более сильному и

защитнику, а не чувство злобы и ненависти покоренного и попираемого.

История России должна быть известна всем ученикам, но история не формальная, а история духа русской нации, ход ее развития, разрастания и совершенствования. Каждый ребенок должен знать все, прежде всего о своем селе, своей губернии, русской нации и народностях всей России, а затем о наших братьях-славянах, а там уже обо всем свете.

Наш первый долг - проникнуться всем своим русским сердцем и во всю глубину своей души своей страной, и наш второй долг, столь же важный, - умение ценить славу и подвиги предков и достойно увековечить их словом и делом (А.Г. Елчанинов).

Между тем у нас, русских, познания истории своей Родины очень и очень недостаточные и неосмысленные. Еще А.С. Пушкин это отметил: «Россия слишком мало известна Русским; сверх ее истории, ее статистики, ее законодательство требуют особых кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

К тому ли еще ведет незнание отечественной истории... К сожалению, находятся люди, которые умышленно задерживают умы этих невинных детей и направляют их на путь анархии и революции.

Великое воспитательное воздействие на детей в школах оказывают художественные произведения живописи, скульптуры и проч., а также и памятники русской старины, музеи, предания, нравы и обычаи народа, с которыми должно знакомить детей как по оригиналам, так и по копиям. Весьма важно также

знакомство с памятниками народным героям и известным историческим событиям, только не такими памятниками, как Александру III на Знаменской площади или Гоголю в Москве. Нужно иметь гражданское мужество требовать, чтобы это издевательство было снято и вместо них поставлены действительные памятники, достойные имени народных героев.

До сих пор мы воспитывали наших детей героическими подвигами греков и римлян, как будто бы у нас нет своих героев. У нас не только не меньше героев, а напротив, имеется гораздо более видных и более достойных нашего почитания. Но ставить за образец наших народных героев в школах, где могут быть дети инородцев, следует так, чтобы они являлись великими и в глазах наших детей, и в глазах детей инородцев.

3) Общественное национальное воспитание должно состоять в проведении в жизнь во всех местах государства и во всех слоях общества духа любви, преданности и блага русской национальности и Отечества. Этому должна служить вся государственная администрация, все государственные и общественные учреждения, пресса, литература и все гражданские стороны жизни.

Основным и незыблемым положением должно служить следующее: все высшие государственные должности и все места начальников учреждений должны быть заняты людьми русскими, искренно проникнутыми духом национализма.

Еще в царствование Алексея Михайловича Крижанич писал: «Лучше отдавать высшие должности самым худым людям из своего народа, чем самым лучшим из иностранцев, – лучше тиран из народа, чем сладчайший Давид из инородников». Ибо невозможно, чтобы человек любил чужой народ больше, чем свой.

Всех русских людей должно невидимо спаивать одно чувство – поддержать друг друга русского и подать ему руку помощи. Это не должно говориться, но это должно пониматься и приводиться в жизнь столь же твердо и неуклонно, как это делают поляки, немцы, армяне, евреи и т. д.

Лица с антинациональным направлением из русских нетерпимы на должностях, ибо они будут служить не на пользу, а во вред Родине. Особенно такие лица нетерпимы в ведомстве просвещения. Точно так же недопустимо сослужение в одном ведомстве многих лиц из инородцев одной и той же национальности, для которых интересы личные ближе, чем интересы государства. Образцом тому может служить Владикавказская железная дорога, виновники Цусимы и многие другие учреждения, даже в настоящий момент переполненные поляками, немцами, евреями и проч.

Как ни странно сказать, а должно, что, находясь в младенческом состоянии национального самосознания, мы должны твердо решиться иметь гражданское и национальное мужество отстаивать открыто свое национальное достоинство против наглых и открытых выпадов, оскорблений и унижений, изливаемых инородцами и русскими вырожденками или продажными людьми на нашу Родину и на наш народ. По мере того как мы становимся скромнее и сдержаннее, наши враги становятся наглее и дерзче. И это естественно. Кто не умеет себя защищать, тот невольно дает прямой повод к нападению. Уже Карамзин ясно формулировал нашу слабость – стеснение открыто защищать и отстаивать себя. «Мне кажется, – говорил он, – мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут». Результаты этой нашей слабости уже успели сказаться во всех областях. Посмотрите, как поляки, чехи и

другие славяне уважают своих поэтов, своих ученых... А у нас... Еще недавно русские диссертации отличались необыкновенно обильным количеством цитат и полным перечислением всех имен русских и иностранных... А теперь, с входом в профессорский состав значительного количества инородцев, иностранные цитаты и имена так же обильны, а русские сплошь и рядом замалчиваются, особенно если писания ученых не имели красного оттенка.

На днях я взял прекрасную книгу нашего выдающегося молодого военного ученого профессора А.Г. Елчанинова^[78] и нашел в ней следующее место: «В нашей военной Академии мы занимались более 50 лет одним иностранным военным искусством, и только незабвенный Д.Ф. Масловский проложил, всего менее 25 лет назад, дорогу изучению военного искусства русского. Мы доходили до взглядов, что война портит войска, до отрицания боевых достоинств кавказских войск, потому что они не имели педантства того времени... Мы увековечили шефами в частях множество иностранцев, а в то же время имя Петра Великого дали всего 1 полку и то лишь в 1904 г., а имена Елизаветы, Екатерины, Александра I не носят у нас ни одна еще часть, не говоря уже о многих простых смертных, – вождях-героях, даже бывших при жизни шефами тех или других частей. В последнее время мы тронулись в этих отношениях сильно вперед, но все же надо еще многое сделать, дабы вернуть наши ратные силы, нашу военную науку – на исконный, сложивший Россию, народный наш русский путь...» Вообще, вся книга проникнута глубоким знанием дела, настоящим пониманием сущности его и беспредельной любовью и преданностью России... И эта книга нам говорит, что и в военном ведомстве что-то неладно и оно требует большой чистки в духе русской дистилляции...

И какой бы мы области ни тронулись – всюду одно и то же – падение национального духа и низкопробный индифферентизм и интернационализм.

Вот почему важно, чтобы и наука, и пресса наша открыто и громко исповедовали национальный символ веры и давали сдержанный, покойный и веский отпор наглым нападкам врагов нашей народности и нашей Родины, особенно тех, кто состоит на службе и питается на счет нашей же Родины.

Нужно, безусловно, твердо установить, чтобы промышленность, торговля, труд и кредит были национальными. Как промышленность, так и торговля могут быть национальными двояко: первое – промышленность и торговля могут находиться в руках лиц данной нации, и второе – промышленность и торговля должны служить интересам данной нации. Весьма важно, чтобы и то и другое в государстве находилось в руках державной, господствующей русской нации. Нет слов, и соподчиненные нации могут вести промышленность и торговлю, но поощрение государства должно касаться только лиц державной нации, никаким образом не поддерживая иностранцев и враждебных инородцев, как, например, евреи.

Особенно же важна национализация капитала^[79]. «Капитал, как промышленный, так и торговый, это – живое воплощение экономической и социальной власти, и поэтому передача его инородцам равносильна передаче им командующего положения над державным народом на всем поле его личной, хозяйственной, политической и духовной жизни. Кто владеет капиталом, тот в наш капиталистический век владеет всем: фабриками, заводами, магазинами, землю, монополией минеральных богатств, всеми источниками дохода и обогащения, жизнью и благополучием масс, владеет нашим трудом и заработком, командует нашей

волей, располагает печатью, формирующей нашу психику. В его руках общественная мысль и воля, участь каждого гражданина, судьба государства и народа. Он есть настоящий властитель мира. Деньги – это узел мировой жизни...»

Нужно ли добавлять, что государственный кредит, то есть капитал, даваемым государством в кредит, должен исключительно и безусловно идти в руки державной нации и ни под каким видом не в руки инородцев, особенно жидов. Капитал, даваемый государством жидам, есть капитал, направленный против интереса и пользы государства, а потому Государственная дума должна всеми своими силами стремиться к тому, чтобы на будущее время государственный кредит был исключительно и безусловно национальный, то есть в руках лиц державной нации. Что же касается прошлого, то должно стремиться к неукоснительному постепенному изъятию русского капитала из рук жидов и других инородцев.

Зато мелкий кредит лицам русской нации должен быть возможно расширен и поддержан, что даст возможность поднять экономическое положение трудящейся массы и общее благосостояние империи.

Трудно перечислить все условия жизни, при которых должно поддерживать русское национальное достоинство. Каждый из нас должен это делать всегда и при всех случаях.

С точки зрения пользы Родины важно, чтобы земские и общественные учреждения чутко относились к потребностям народа, особенно в деле воспитания детей. Весьма важно, чтобы народные школы превратились в национальные профессиональные школы. Так, в областях, где преобладает земледелие, основой народной школы должно быть изучение почвы, ее обработки, наилучшего ее использования, а уже

пособием и средством к этому познанию должна быть грамота и изучение книг как касающихся сельского хозяйства, так и познаний Родины.

Там, где есть глина и где занимаются горшечным производством и проч., дети должны начать свои занятия с глиняного производства и рядом с этим заниматься грамотой как пособием к изучению производства, а также познанием Родины. Таково же должно быть отношение и к другим видам производства.

Для этого должны быть в земстве надлежащие учителя, образцы и средства. Грамотность должна быть не целью, а средством к познанию.

Национальное образование

Образование, как и воспитание, должно быть для русских строго национальным, а для инородцев – строго патриотичным.

По отношению к предметам преподавания школы всех стран более или менее сходны. Но в отношении религиозном, национальном и политическом каждая школа, каждый учитель должны служить своей церкви, своему народу, своему государству. От русских людей, воспитанных инородцами, нельзя ожидать ни основательного знания своей страны, ни разумной любви к своему Отечеству, ни понимания его истинных интересов. А потому и во главе школ и преподавания должны быть надежные русские люди.

Я позволю себе остановиться еще на одной стороне наших школ. «Русские школы, – говорит И.П. Корнилов, – еще в недавнее время заботились преимущественно о внешнем порядке и дисциплине, и о формальном исполнении учебных программ; но в отношении воспитания воли, наклонностей, убеждений и

национального чувства они отличались индифферентизмом. Вследствие такой внешней постановки школьного дела у нас обращалось весьма мало внимания на вероисповедание, национальность и даже на образ мыслей лиц, которым вверялось воспитание».

Тот же великий наш педагог возлагает на преподавателей и руководителей еще один важный и существенный долг, чтобы они, «руководя физическим, нравственным и умственным воспитанием своих питомцев, оберегали бы еще не окрепшие и развивающиеся природные силы, не утомляли их непосильными трудами». Увы, это требование и доселе тщетно. Сколько раз приходилось наблюдать, что дня два почти нет никаких занятий, а затем сразу назначаются со всех предметов действительно непосильные задания. Да и вообще наши русские школы страшно грешат тем, что дают и требуют много излишних и ненужных мелочей и не умеют сосредоточить учеников на главном и важном. Это грехи не только средних, но и высших школ. Из наших высших технических школ часто выходят ученики с богатейшими теоретическими познаниями, не умея провести в дом электрического звонка. Наш долг в будущем должен состоять в исправлении двух главнейших ошибок: отягчения наших школ излишней теоретичностью и изучения ненужных мелочей. Non multum, sed multa^[80].

Разумеется, первым предметом образования должен быть Закон Божий – Новый Завет и его высоконравственные повеления в духе православной церкви. Я делаю на этом особенное ударение. Не подлежит никакому сомнению, что между славянской расой и православием лежит органическая связь. Огромное большинство славян исповедует

православную веру потому, что православная церковь есть церковь любви, сострадания, милосердия, всепрощения и самопожертвования. Это те качества, кои присущи и свойственны славянской народности. Католическая церковь – церковь воинствующая. Она противна духу славянской народности. Если вдуматься хорошо, то, быть может, поляки много страдают именно потому, что католицизм представляет дисгармонию с духом их мягкой, нежной, чувствительной народности. Если свойства русской народности откликнулись на особенности православной религии, то, с другой стороны, и православие в течение тысячелетия во многом отозвалось на чертах характера и духа славянской народности, православие усилило, укрепило и осватило славянскую любовь к ближнему, его желание помочь страждущим и угнетенным, его стремление к состраданию и самопожертвованию и т. д. Посмотрите на историю России последних столетий, и вы увидите великие ее жертвы сотнями тысяч ее детей за благо угнетаемых братьев – миллиардами денег, проценты за которые мы платим и теперь... Все это воинствующей церковь называется сентиментализмом и глупостью, а православная церковь эти жертвы освящает, как проявление любви и самопожертвования «за друга своя»... Православие в России – не случайность, а религия ее духа народного, духа, восприявшего православие как наиболее удовлетворяющую религию; оно же укрепляет и поддерживает основные народные черты.

Кроме того, при преподавании Закона Божия нужно особенно резко и настойчиво оттенить заветы Нашего Великого Учителя в Его Евангелии и возможно меньше останавливаться на Ветхом Завете – завете жестокости и человеконенавистничества^[81].

А затем, как ни странно может показаться, я самым важным предметом образования в национальном отношении считаю географию Родины в самом широком смысле слова или познание естественных, исторических и духовных свойств и богатств родной страны. Каждый мальчик и каждая девочка, сознающие, что они – живое мыслящее существо, в то же время должны сознавать и то, что они русские. А чтобы достойно носить это имя, они немедленно же должны знать, что такое Россия, каковы ее достоинства, естественные сокровища и история и почему почетно имя русского. Поэтому при первом же пробуждении познавательной деятельности и наступления времени, когда нужно учить, – учить должно прежде всего познавать свою Родину. Изучение должно начаться с познания ее языка и ее естественных богатств. Изучение природы должно происходить среди самой природы, путем мелких экскурсий. Поле, луг, лес, река, ручеек, озеро, болото, горки, овраги, огород, сад – все это те предметы, при посредстве которых познается вначале Родина. Этим способом невольно усвоятся формы воды и суши, почва, геологическое строение, сельскохозяйственные формы и т. д. Засим само собой следует промышленность фабричная, заводская, кустарная как данной местности, так и соседних мест и всего государства. Отсюда само собой возникают сведения о торговле, путях сообщения, сбыте, производительности и т. д.

Рядом с этим должны быть сообщаемы и исторические данные: как эта часть России досталась нам, какие на ней шли перевероты, какие исторические моменты она переживала и как в них участвовала, какое теперь ее отношение к излому и частям, рост и проч. Весьма важную роль в этом отношении играют памятники старины: старые церкви, постройки,

памятники, учреждения и все то, что имеет тесную связь с историей прошлого данной местности и всей России.

Так постепенно возникают сведения о богатствах страны, ее производительности, народности, истории, культуре и развитии, а с познанием всего этого дети, безусловно, любят и свой народ, и свою Родину.

По тщательном и всестороннем изучении Родины должно переходить к изучению Отечества. Естественно, что это последнее будет столь же легким и столь же интересным, как и изучение Родины. Важным пособием при этом могут быть рисунки, чертежи, карты, описания жителей, их нравы, обычаи, история, время и способ присоединения к России и т. п.

Важное значение познания Родины в духе национального развития понимал и хотел провести в жизнь сподвижник нашего императора-националиста, бывший под конец своей жизни министром просвещения П.С. Ванновский. В жалкий период существования наших средних школ вступил в министерство П.С. Ванновский. Он первый начал выбрасывать из школы ненужный балласт, и он первый ввел в школу отечествоведение. Плачевно окончилась его попытка. Он пал... Пал странно и грустно... Его не напутствовали добрым словом... Я глубоко убежден, что именно потому он и пал, что был сподвижником императора-националиста... Он пал потому, что хотел провести в жизнь его заветы... Он пал потому, что хотел произвести на пользу Родине самый живой и самый важный для государства и народа образовательный переворот...

Кто же мог поддержать и провести его начинания?.. Карьеристы – его приближенные? Ненавидевшие своей изменнической душой Россию инородцы, либеральничающие русские или люди в футлярах?.. Люди живые, родители, общество сразу поняли и

оценили предприятия П.С. Ванновского, но они были рабами и не смели подать своего голоса...

Изучение географии или отечествоведения особенно сильно развито и установлено во всех тех государствах, где особенно велика сила национализма. Таковы Германия, Япония, Италия и проч. Не стыдно и нам взять пример с тех стран и приняться за тщательное и всестороннее изучение своей Родины. Только знание и познание Родины вселит в детях любовь к ней, желание ей добра и решимость на самопожертвование.

Изучение Родины должно производиться как в низших народных, так и в средних и высших школах России.

В низших деревенских школах каждый ученик вместе с грамотой должен знать прежде всего свое село, свою деревню: ее почву, ее обработку, леса, злаки, глину, животных, историю местности в связи с историей народа и т. д. Усвоив это, он должен в таком же порядке изучить соседние деревни, уезд, всю губернию и соседние губернии, и всю Россию. Только после этого он может приступить к изучению всеобщей географии. Пускай он не знает Азии, Европы, Испании и т. д., но знает свою Голодаевку, Малмыжский уезд и Костромскую губернию... Важно, чтобы все дети умели чертить на доске и на бумаге наброски карты своей деревни, с ее речкой, ручейками, лесами, дорогами, расположением деревни и полей, с указанием соседних границ... Так познаются иногда великие будущие ученые и государственные деятели...

Насколько важно внедрять в душу детей познание окружающей их природы и хозяйственного производства, видно из инструкции, данной во Франции учителям народных школ. Прежде всего, учителя обязаны вдохновлять детей народа «любовью к жизни среди полей». Школа должна заняться «подготовкою

ребенка к интеллигентному усвоению дела, от которого он будет жить, и дать ему вкус в его будущей профессии; в этом отношении учитель никогда не должен забывать, что наилучшее средство заставить ребенка полюбить свою работу – это заставить его понять ее... Цель начального сельскохозяйственного обучения – это приохотить наибольшее число детей наших деревень к элементарным знаниям, необходимым для плодотворного чтения книг по современному земледелию, для плодотворных занятий в агрикультуре; это – вдохнуть им любовь к жизни среди полей и желание не менять ее на жизнь города или завода, – это проникнуть их той истиной, что занятие земледельца, самое независимое из всех, есть более прибыльное, чем множество других, для работника трудолюбивого, интеллигентного и обученного». Средствами же для этого должны служить: уроки, наглядная культура в школьном огороде или саду и экскурсии по полям и лугам и т. п. В школьном саду или огороде должно быть заведено следующее: овощи, ботанический питомник, цветы и показательное поле... Учитель при этих занятиях должен оставить свое основное занятие – обучать малышей первоначальной грамоте, превратившись на этот раз уже в плантатора (И. Чистяков^[82]). Французское правительство в этом отношении смотрит далеко не односторонне. Оно приказывает своим народным учителям прививать детям любовь к труду, соответственно местным условиям природы. Так, в 1898 г. оно издает циркуляр, требующий обучения детей народной школы прибрежных местностей знаниям, связанным с занятиями и промыслами рыбака и моряка. «Учитель может и должен приспособить свое обучение к той среде, где он его дает...»

Точно так же и в средних школах должно начинаться изучение географии не с общих понятий: земной шар, полюсы, меридианы и проч., а с познания своей губернии: ее природы, истории культуры, промышленности и проч. в полнейших подробностях и со всеми особенностями. При изучении истории Родины нужно начинать не с Синеуса и Трувора, а с истории данной местности в связи с ее положением и природой и только по усвоении этого переходить к систематической истории России. Во всех этих случаях, возвышая и относясь с гордостью и любовью ко всему родному русскому, нужно стараться не задевать и не оскорблять нежное чутье детских сердец инородцев... Нужно, чтобы и в них воспитывались в душе уважение и преданность русскому Отечеству.

Для удобства изучения и для более удовлетворительного внедрения и полноты знаний я бы поставил обязательными следующие требования: каждый учитель народной школы обязан составить полную и подробную географию своей деревни. Сюда должно войти все то, что требуется для географии: описание местности, природы, почвы, особенности промыслов, сообщение, промышленность и торговля, сношения, исторические памятники и пути и т. д. Эти очерки должны лечь в основу его преподавания и проверяться ежегодно совместно с учениками. Весьма важно, чтобы учитель эту свою географию области деревни прошел с учениками на деле, воочию, путем личного ознакомления со всем, а затем и учеников своих вовлекал в составление таких очерков с рисунками, графиками и проч., - и не брезгал пользоваться ими при составлении своего очерка. Все такие очерки, охватывающие и флору, и фауну, и исторические памятники, и исторические события, и все остальное необходимое, должны каждым учителем по одному экземпляру, им составленному, быть

представленными инспектору народных училищ. По рассмотрении и проверке последним эти очерки должны передаваться им учителю географии и истории уездного училища, а если в уездном городе есть гимназия, то целому комитету из учителей географии, истории, русского языка и физики.

На этих учителей возлагается труд проверки этих данных и составления по ним очерка данного уезда с чертежами, картами, если можно, photographиями, рисунками и проч. Было бы желательно, чтобы при проверке данных принимали участие и ученики уездных школ с обязательством составлять географические очерки уезда. Должно также, чтобы при этой переработке сельских данных производилась оценка дарований труда и добросовестности сельских учителей и каждому воздавалось по трудам его. Этим способом могут быть отмечаемы и выдвигаемы даровитые натуры.

Составленные таким комитетом очерки уезда передаются попечителю учебного округа, который поручает комитету из учителей гимназии географии, истории, естественных наук, словесности и физики пересмотреть все эти очерки уездов и по ним составить географию губернии. Эти географические очерки губернии должны лечь в основу преподавания географии ученикам гимназии данной губернии, причем эти ученики должны предпринимать экскурсии со своим учителем в важнейшие места губернии для ознакомления с оными и составления очерков.

Составленный географический очерк губернии передается комитету из профессоров университета и выдающихся преподавателей гимназии округа для составления географии округа, как Кавказа, Сибири, Туркестанского края, Финляндии и т. д. Эти очерки округов передаются в министерство, которое поручает

достойным специалистам составление описания Российской империи во всей ее полноте.

Географические очерки округов России должны быть печатаемы по новым данным через каждые три года и рассылаемы по всем народным училищам для бесплатной раздачи всем ученикам народных училищ. Точно так же каждые пять лет должна издаваться география России и рассылаться по уездным училищам для бесплатной раздачи всем ученикам этих училищ.

Проверка отпечатанных данных должна производиться всеми учителями народных училищ ежегодно, - ежегодно должны быть сообщаемы эти сведения по высшим комитетам, последними должны производиться надлежащие изменения и дополнения, чтобы в новых изданиях географии были внесены все эти изменения. Невнесенные изменения, указанные преподавателями, должны падать на ответственность составителей, попечителей и министерства.

Так должно быть поставлено отечествоведение в России, - тогда только мы узнаем Россию и станем ей полезными.

Язык в школе, в суде, в государственных и деловых сношениях в Русском государстве должен быть безусловно и непоколебимо русский. Это язык господствующей державной нации, и этот язык должны знать все соподчиненные народы. Этот пункт весьма большой важности, и уступок здесь не должно быть никаких.

«Язык и его произведения, - говорит Петр Струве^[83], - самое живое, гибкое, самое тонкое и величественное воплощение национальности, таинственно связанное с ее таинственным существом». Вот почему, когда на стволе государственности развился язык как орган и выражение национальности и ее культуры, смерть государственности не убивает

национальности. «Язык, чтобы быть послушным и художественным оружием нашей мысли, должен быть не только частью нашего знания, но и частью нашей жизни, частью нас самих» (А.С. Хомяков).

К цельности и достоинствам нашего языка должно отнести и то, что наш язык из всех славянских наречий является «самым славянским», а кроме того, он является языком народным. «Язык словесности, язык так называемого общества во всех почти землях Европы мало принадлежит народу. Французский, напр., язык – создание городов... Одна только Россия представляет явление великого народа, говорящего языком своей словесности» (А.С. Хомяков).

«Можно ли отрицать, что Русскому, потому что он Русский, и в той же мере, в какой он Русский, дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все настроение народной жизни откроется яснее и полнее, чем французу, хотя бы последний овладел вполне русским языком и такую массу материалов, какую никогда не располагал ни один русский ученый», – говорит Ю.Ф. Самарин^[84].

Вот почему, если мы желаем, чтобы все культурные или слабокультурные соподчиненные нам нации приобщились к нашей культуре и обрусели, мы должны обязательно и неукоснительно обучить их русскому языку, дабы в каждом поколении этот язык стал их родным и наша русская культура стала их культурой. Вот почему непозволительно и преступно допускать, чтобы в Русском государстве соподчиненные России нации осмеливались национализировать другие соподчиненные нации. А между тем это делается. Финны осмеливаются офинивать карелов и лопарей. Поляки осмеливаются ополячивать литовцев и белорусов, немцы осмеливаются онемечивать эстов и литвинов... Этого не должно быть. Преступление со

стороны народностей производить это. Преступление со стороны русской администрации допускать это. Национальная партия обязана следить за этим и при всяком удобном случае вносить запрос в Государственную думу.

А вот что говорит по этому поводу декабрист П.И. Пестель^[85]: «Когда в прошлом столетии часть Финляндии была Россией приобретена, тогда введены были в оную законы, правление и язык российский, так что народ, в оной обитаемый, в скором времени почти совсем обрусел...» Это было в XVIII столетии. В XIX столетии присоединилась новая часть Финляндии, и вот что о ней говорит Пестель: «Что же касается языка, то надлежит ввести в Финляндию российский язык, устраивать нужные для сего училища и принимать другие к той же цели ведущие меры по усмотрению верховного правления». Точно так же он строго стоит за введение русского языка у колонистов и всех остальных инородцев.

Я полагаю, что преподавание во всех школах должно непременно вестись на русском языке. Исключение может быть только в двух случаях:

1. Если инородцы необыкновенно тупы, глупы и дики. Это люди, стоящее на самой низкой степени развития. Таковы, например, на Кавказе сваны, в Сибири якуты, тунгузы и проч. Вот у этих совершенно некультурных людей в первый год школьной жизни можно допустить как пособие родной язык, но затем быстро свести его на русский и на русском уже продолжать дальнейшее образование. Что же касается таких наций, как поляки и проч., то стыдно даже допустить мысль, чтобы и у них можно было бы допустить польский язык как пособие.

2. Инородческий язык можно допустить в школу у культурных наций, например у поляков при

прохождении ими их Закона Божия, истории и литературы, но рядом с этим могут слушать курсы и дети русских семейств.

Во всех остальных случаях и всегда в России должен царить русский язык.

Насколько, однако, мы небрежны к своему родному языку, показывает случай, обнаруженный ревизией сенатора Нейдгарта.

В 1905 г. общество Варшаво-Венской железной дороги, ссылаясь на закон 6 июня 1905 г. о расширении прав польского языка, заменило в делопроизводстве дороги русский язык польским, хотя законом такая замена вовсе не оправдывалась. Министерство путей сообщения не приняло немедленно мер к восстановлению нарушенного порядка, напротив, оно скорее склонно было даже поддержать новый порядок. Но решительно восстал против польского языка в железнодорожном производстве генерал-адъютант Скалой, по должности командующий войсками Варшавского военного округа, представивший свои соображения в пространном письме начальнику Генерального штаба. Отрицая возможность каких-либо в этом отношении льгот, автор письма категорически свидетельствовал, что «они будут объяснены уступкой и только дадут местному населению края под влиянием агитаторов идею самосознания, подогреют польские национальные надежды и притязания и послужат поддержкою польскому брожению».

Так мог и должен был говорить представитель русской власти в крае, всячески обособляющем себя от всего русского, сепаратизм которого в том же 1905 г. вспыхнул ярким пламенем.

Письмо генерала Скалона повело к немедленному образованию при Министерстве путей сообщения комиссии, в которой представитель командующего Варшавским военным округом в совершенно

определенной форме отрицал всякую возможность допущения льгот польскому языку. Однако комиссия тогда (в сентябре 1905 г.) к окончательным заключениям не пришла, вследствие чего министр путей сообщения через полгода решил возобновить ее занятия. Но к этому времени произошло нечто совершенно непонятное. Инициатор вопроса, генерал Скалой, уведомил министра путей сообщения, что он признает излишним назначение в комиссию представителя от Варшавского военного округа, а командированный в нее представитель варшавского генерал-губернатора (то есть того же генерала Скалона, совмещающего с должностью командующего войсками должность главного начальника края), основываясь на полученных инструкциях, единственный из всех представителей правительства находил желательным введение польского языка в делопроизводство частных железных дорог.

Несмотря на столь неожиданный оборот дела, министр путей сообщения полгода спустя послал на заключение варшавского генерал-губернатора проект представления Совета министров о полном восстановлении самовольно нарушенного Варшаво-Венской дорогой порядка, то есть устранения польского языка из ее делопроизводства. Это было в октябре 1906 г., и только в марте 1908 г. вследствие повторных просьб об ответе генерал Скалой сообщил о полном своем несогласии с проектами, нарушающими, по его мнению, права польской нации на пользование родным языком, ибо не подлежит ни малейшему сомнению, что язык есть первый признак жизни всякой национальности.

Полное противоречие во взглядах генерал-адъютанта Скалона отчет объясняет тем, что первоначальная переписка по этому вопросу шла через

штаб военного округа, а последующая – по генерал-губернаторской канцелярии.

Мы советуем всем правителям ответственных областей империи помнить, что язык есть первый признак жизни всякой нации и так как они призваны повсюду служить интересам Русского государства и русской нации, то и должны отстаивать язык этого народа, дабы сохранить русскую государственную жизнь на всякой инородческой окраине.

Подобное отношение наших высоких администраторов к национальному и государственному долгу я считаю с национальной точки зрения в высшей степени преступным. Таких людей должно предавать суду и судить сугубо.

В образовании и воспитании детей играют важную роль системы, которые царят в наших средних школах. Систем этих две: классическая и реальная. Классическая, говорят, готовит тупиц, реальная – безбожников и анархистов. Таков опыт прежней нашей жизни. И первая для родителей – ужас, и вторая – не меньший. Но все-таки, как ни ужасен второй исход, а мы, родители, капельку вздохнули, когда из средних школ убрали греческий язык и поослабили римский. О, в доброй памяти у нас тот кошмар, когда латынью и греками давили нас, забивали и убивали. Проклятие и ныне висит над Деляновым, Аничковым и др., избивавшими младенцев русских гораздо успешнее, чем Ирод – царь в Иудее. И вот в этом году вновь переполох. Еще почти на днях был съезд представителей классицизма в средних школах Министерства просвещения. И, насколько видно из газет, не без милостивого внимания Министерства народного просвещения. Невольно у каждого дрогнуло сердце – неужели?.. Ответа нет, и дай Бог, чтобы его не было.

Этот ужасный кошмар заставляет нас взглянуть на вопрос о классическом образовании с другой стороны.

Что такое классицизм? С одной стороны – литературный термин, а с другой – система образования.

С литературной точки зрения классическими называли литературные творения золотого века латинской литературы.

Вскоре это понятие стали расширять. Сюда отнесли произведения и всех древних римских писателей. Сюда отнесли и греческих, и византийских писателей. Классицизм – учение и направление, производимое этими писателями. Вскоре это учение стали называть гуманистическим и гуманитарным, ибо оно всесторонне якобы развивало ум и волю и создавало человека, гражданина. Классическая система имела за себя те важные преимущества, что латинский и греческий языки являлись языками мертвыми и законченными и дети, изучая их, упражнялись в изучении точности, определенности и законченности.

Благо.

Мы не будем входить в разбор этих понятий и в полемику. Скажем только, что «человек» ныне умер, а из него народились французы, немцы, испанцы, итальянцы и т. д. и та нация, которая своих детей будет готовить «человеками», обрекает себя на съедение, ибо этих «человеков» съедят французы, испанцы и т. д. Погибнет и та нация, которая будет учить своих детей точности, определенности и законченности на латыни и греках, а не на математике, физике, химии и технике.

Но нет ли здесь недоразумения? Почему же французы, немцы, англичане, испанцы, итальянцы и проч. так настойчиво, так усиленно, так трудолюбиво, так продолжительно изучают латынь? Никакого. И вот почему.

Французы, немцы, испанцы, итальянцы и проч. имеют свою историю, свою культуру, свои предания, свою религию, свой язык из Рима. Кто желает получить

прочное образование, точные знания, истинное просвещение, уважение к своему прошлому, любовь к настоящему и желание славы и величия в будущем своей Родине, тот должен весьма и весьма тщательно изучить основу и корни своего прошлого. Римская культура, история и религия есть основа для всех этих народов – есть корень и почва, из которых произошли эти нации. Все эти нации есть производное Рима, воспринявшего культуру Византии. Изучая этих классиков, романские народы изучают свою древнюю родную культуру, историю, религию и язык. Они изучают точность, определенность и законченность своего родного, своего национального. Романские и германо-романские нации не только должны, но и не могут не изучать своих классиков, ибо это их народное, национальное.

Ну а для чего же нам, славянам, изучать этих классиков? Что они для нас составляют? Ровно ничего. Да если бы это так было, – а то при нашем усердии не в меру они являются для нас лишней, тяжелой, подавляющей обузой. Латиняне и греки, в том виде, как их нам преподносили, являются для нас излишними, опасными и вредными. Они могут составлять предмет любознательности в будущем, как китайский, индийский и другие языки, но как система воспитания – это великое зло.

Для нас, русских славян, должны быть и свои классики. Для нас должна быть своя родная, национальная, древняя основа, свой собственный родной классицизм, дающий нам и нашу историю, и нашу древнюю культуру, и нашу родную веру, и наш родной язык. Такой классицизм у нас есть, и мы должны изучать его так же тщательно, так же старательно, так же усердно, так же продолжительно, как романо-германские народы римский классицизм.

Наш русский классицизм заключается в литературных произведениях церковнославянских и церковно-славянском языке. Наши предки - скифы, сарматы и славяне - народы древние, не моложе западных народов. Наша культура - современница европейской культуры и была никогда не ниже, а выше ее. Только татарское иго затормозило культуру наших предков, а ныне мы не только догоняем европейцев, но во многом обгоняем их. Наша история - история скифов, сарматов и славян. Наша религия - религия этих же народов, и само православие русских по духу и проявлению иное, чем православие хитрых, коварных, жестоких греков. Наш язык - древнеславянский язык. Наша литература - древнеславянская литература. Она не нова. Еще Константин-философ, святитель Кирилл в Херсонесе нашел Священное Писание на славянском языке, а это было до святого Владимира.

Вот почему каждый, получающий образование и мнящий быть образованным русский должен тщательно изучать историю наших предков, нашу древнюю скифскую и сарматскую культуру, наши славянские верования, предания, обычаи и наш церковнославянский язык. Вот наш русский - славянский классицизм. Познай самого себя.

Изучение этого классицизма поставлено у нас в высокой степени неправильно и неудачно. Мы доньше наших детей давили латынью, а церковнославянский язык проходилась кое-как. На этот предмет отводилось 2-3 часа в неделю в течение одного года. Чтение на этом языке идет в высокой степени слабо и недостаточно. Чтение Священного Писания производится на русском языке.

А между тем церковнославянский язык - язык богатейший, выразительный и благозвучный. Это наш родной язык. Это тот язык, который создал языки и великорусский, и малорусский, и болгарский, и

сербский и др. Славянские творения заключают в себе нашу веру, нашу жизнь, нашу культуру, нашу историю. Кроме религиозных, мы имеем на этом языке произведения исторические, поэтические и научные. Наши дети должны тщательно и усердно изучать эти произведения для усвоения языка и для познания своей собственной древней жизни.

Наш великий народный гений М.В. Ломоносов в основу изучения русского языка ставил изучение церковнославянского языка. И это совершенно правильно.

В настоящее время изучение Слова о полку Игореве, былин и проч. идет кое-как. Чтение Евангелия производится на русском языке. Изучение древней литературы проходится поверхностно, по ничтожным отрывкам.

Так ли это делают французы, итальянцы и проч. со своими классиками? Так ли поступали и у нас с римскими и греческими классиками? Нет, совершенно наоборот. Какая же для наших детей от изучения латинского языка польза? Та же, что и для детей французов и итальянцев, если бы их заставили изучать чуждых им классиков. Кроме вреда – ничего.

Я вновь повторяю: наш классицизм – свой русский славянский, родной, национальный. Это – церковнославянский язык и произведения на нем. В них наша история, наша культура, наши предания, наша вера и наш родной язык. Мы должны обратить внимание наших детей на раскопки могил в России, ибо в них памятники нашей старины. Мы должны заставить наших детей, прежде всего и серьезнее всего, изучить свое прошлое на нашем древнем языке. Священное Писание должно читаться на церковном языке.

Нельзя любить, не зная и не изучив предмета. А изучив славянский язык, наши дети будут любить свой родной русский язык и перестанут стыдиться говорить

в «обществе» на своем языке. Они будут любить свою историю, свое прошлое, свою культуру, свои былины, свою литературу, свою Родину.

Только таким путем мы поставим Россию на почву национализма, искусственно и нарочито подавляемого вековым ложным классицизмом. Русский классицизм – славянский, а не романский.

Язык, несомненно, тесно связан с национальностью и кладет на нее свой резкий отпечаток. «В сокровищницу родного слова, – говорит К.Д. Ушинский, – складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верований, воззрений, следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни...»

«Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя, таким образом, от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии оно сблизилось, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (А.С. Пушкин).

Важно обратить внимание на изучение иностранных языков, но не вести его так нелепо, как это делали раньше, начиная учить едва ли не грудных младенцев, что, несомненно, по справедливому замечанию Н.И. Пирогова, позорит национальное чувство. Нашим детям нужны французский, немецкий и английский языки. Изучение детьми новейших языков должно

производиться не по бессмысленным примерам существующих грамматик, а по живым примерам из текущего преподавания.

Преподаватели французского, немецкого и английского языков должны узнавать, какой урок предшествует его уроку, и соответственно тому на свой урок заготавливать слова и примеры по предшествующему уроку географии, истории, словесности и проч. Таким образом, предшествующий русский урок по русской географии до некоторой степени будет повторяться на французском, немецком и английском языках. При этом самое изучение иностранных языков послужит к большему утверждению познания Родины и, во всяком случае, будет полезнее и интереснее, чем современное изучение с бессмысленными примерами.

Изучение народной истории должно быть особенно тщательно и предшествовать изучению всеобщей истории. Вместе с изучением истории собственного народа все русские дети должны знать так же хорошо историю тех народностей, которые входят в состав нашего обширного Отечества.

Все дети должны знать историю русского народа как Отче наш, а историю народностей русского государства как Символ веры. Нужно знать прежде всего историю своего народа, затем - народностей нашего государства, затем - историю наших братьев славян, затем - историю наших врагов и, наконец, историю всех народов. Но ни один предмет не требует такой осторожности в выражениях при преподавании, как история. Ни под каким видом не позволительно допускать выражений, могущих оскорбить слух и дух детей инородцев. Эти детские сердца и без того слишком чувствительны. Не следует замалчивать и героев-инородцев. Все герои заслуживают уважения следующих поколений и сближают людей между собой.

Между тем в настоящее время с положительностью можно сказать, что 90 процентов образованных русских не могут даже перечислить народностей России и плохо знают историю Польши, Финляндии, Грузии, Армении и проч. Знания дают силу, невежество – бессилие. Несомненно важнее также, чтобы каждый русский знал историю России, всех народностей, в нее входящих, чем истории Цвингли, Карловингов и проч. Позорно знать весь мир и не знать Родины.

Не менее важно для нас преимущественное изучение литературы нашей нации и ее народностей. В литературе познается дух народов и его жизнь. Стыдно и непростительно не знать того, что написали и что имеют народности, составляющие нашу родную страну, если эти писания достойны познания; поэтому прежде нужно изучить нашу родную русскую литературу и литературу поляков, грузин, армян и финнов, а потом уже приступить к литературе всеобщей. Странно, но верно. В этом отношении мы можем встретиться со многими неожиданностями. Так, все кричат о высокой культуре финнов. На деле эта страна – страна высокого благосостояния народа, созданного на плечах России, – литература же и наука ниже многих других народностей, входящих в состав России.

Было бы важно, чтобы и всеобщая история по мере возможности проходила в связи с историей Родины, а не была отделена от нее какой-то непроницаемой стеной.

Все преподавание в средних школах должно быть проникнуто одним – познанием России и возможностью принести пользу своим знанием своей Родине. Так, изучение в реальных училищах химии и проч. должно быть тесно связано с знанием, где в России имеются те или другие элементы, где фабрики, вырабатывающие те или другие продукты и проч.

Могут ли быть высшие школы – университеты, академии и проч. национальными?

Наука всемирна. Наука универсальна. Наука одинакова для всех. Наука – это свет мира. Наука – это светоч народов. Да, истины науки неизменны, но ее проявление у различных народов не одинаково. Наука влияет на нации, но и нации небезразлично относятся к науке.

«Народность мысли, определяя как бы специальное ее значение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания, – говорит Ю.Ф. Самарин^[86]. – Это кажется бесспорно, но еще не все. Заключая в себе возможность односторонности воззрения или пристрастия, народность познающей мысли в то же время представляет нам ручательство за постепенное освобождение от пределов ею же полагаемых.

Призвание народности в деле науки представляется в двояком виде: с одной стороны, сродство мысли познающей с мыслью, проявившею себя исторически, заключает в себе одно из существенных условий постижения внутреннего смысла и побудительных причин, вызвавших эти проявления; с другой, – непричастность народного воззрения к предубеждениям и односторонностям, налагающим свое клеймо на воззрения других народов, дает возможность общечеловеческому воззрению постепенно расширяться и освободить себя от тесных рамок, временно его ограничивающих...

Народность есть больше, чем объект мысли, – сама мысль должна получить от нее свое образование, ибо как в истории общечеловеческие начала проявляются не иначе, как в народной среде, так и в области науки

мысль возводит эти начала в сознание через ту же народную среду.

Каждый народ должен себя рассказать, объяснить, раскрыть и определить свое отношение к другим народностям, до него сошедшим со сцены и уступившим ему право первенства. Он один может исполнить свою задачу, и если он ее не исполнит, то для потомства останется навсегда многое неразгаданным и темным в его истории. Затем произнести над ним исторический приговор, собрать воедино и оценить сумму его приобретений, показать, что он делал и чего он не мог сделать. Определить его значение в отношении к последующим судьбам человечества может только другой народ, который примет от него умственное наследство».

Таким образом, тесная связь между наукой и народностью стоят столь цепко и незыблемо, что едва ли это можно как-нибудь подорвать и опровергнуть. В сущности, сама наука создается народностью и тем она полнее, чем народность была созидательнее.

«Наука, конечно, вечная, незыблема для всех и каждого в основных законах своих, – говорит Ф.М. Достоевский^[87], – но прививка ее, плоды ее именно зависят от национальных особенностей, т. е. от почвы и народного характера... Из русского человека цивилизация не могла сделать немца, и русский человек остался все-таки русским... Знание не перерождает человека, оно только изменяет, но изменяет не в одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натуре человека. Оно не сделает русского не русским, оно даже нас не переделало. Вся нация, конечно, скорее скажет свое новое слово в нации и жизни, чем маленькая кучка, составляющая до сих пор наше общество...»

Вышеуказанным ясно доказывается, что наука, несомненно, влияет на нацию, но и нация оказывает нередко очень серьезное влияние на науку. Из этого вытекает, что между наукой и нацией существует сродство и взаимоотношение, и отрицать национальное начало в науке совершенно невозможно.

Как отдельные лица слишком индивидуальны, так и составные начала - нации - также индивидуальны и кладут свой оттенок на науку, внося в нее то, что составляет лучшую сторону индивидуальности той или другой нации. Возьмем ли мы религию, историю, правоведение, медицину, математику - отношение различных наций ко всем отраслям знаний далеко не одинаково, и каждая из наций вносит в эти отделы науки свои индивидуальные особенности, которые пополняют и обогащают науку.

Все прекрасно знают, что немцам преимущественно свойственна философия и точные науки, французам - блестящие математические изыскания и все прекрасное, англичанам - практическая сторона дела во всех науках, славянский ум - ум всеобъемлющий и дающий поразительные успехи во всех областях знаний, но малопрактичный и не скрупулезный.

«В русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, - в нем по преимуществу выступает способность высоко синтетическая, способность всемирности, общечеловечности, - говорит Достоевский. - В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому, вне различия нации крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть человеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктивно угадывает общечеловеческую черту даже в самых

резких исключительностях других народов; тотчас же соглашает, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, соперничающих идеях двух различных европейских наций, которые сами собою, у себя дома, еще до сих пор у себя, к несчастью, не находят способа примириться между собою, а может быть никогда и не примирятся...»

Не ту же ли специализацию мы видим и в области религии? Каждая нация выбрала религию, присущую и соответствующую духу своей нации. Таковы романские народы с их католичеством, немцы с холодным протестантизмом и т. д. Таким образом, русский славянский ум – ум высокосинтетический, тогда как английский ум можно назвать высокоаналитическим. Та и другая особенности в высокой степени важны для нации: первая в момент изучения, а вторая в момент обобщения уже изученного. И понятным становится Достоевский, когда говорит: «И страшно, до какой степени сильна воля русского человека! Никогда никто не отрывался от родной почвы, как приходилось иногда ему, и не поворачивал так круто в другую сторону вслед за своим убеждением! И кто знает, господа иноземцы, может быть, России именно предназначено ждать, пока вы кончите; тем временем проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цели, характер стремлений ваших; согласить ваши идеи, возвысить их до общечеловеческого значения и, наконец, свободной духом, свободной от всяких посторонних, сословных и почвенных интересов, ринуться в новую, широкую, еще невиданную в истории деятельность, начав с того, чем вы кончите, увлечь вас всех за собой».

Таково значение национальной индивидуальности в области жизни и науки.

Не менее восторженно отзывается о русском народе и А.С. Хомяков^[88]: «Грядущее положит, кому предоставлено стать впереди всего движения, но если есть какая-нибудь истина в братстве человеческом, если чувство любви, правды и добра – не призрак, а сила живая и неумирающая, зародыш будущей жизни мировой – не германец, аристократ и завоеватель, а славянин, труженик и разночинец призывается к плодотворному подвигу и великому служению».

Обращаясь к различным отделам наук, нельзя не указать, что отделы наук политических, социальных, исторических, даже многих естественных не могут обойтись без национального воздействия и только точные математические и физические науки как бы стоят вне национального взаимоотношения. Но и здесь универсальность и международность относительны. Наука может быть универсальной, но методы, системы, способы, приборы, особенно же литература и имена вполне могут быть и бывают на деле национальными. Наука – достояние всех, методы и системы часто бывают преимуществом нации, а имена – славой и гордостью нации. Русская наука во всех своих отраслях имеет имена, приобретшие мировую известность. Где та образованная школа за границей, которая не знает имен Лобачевского, Менделеева, Боткина, Л. Толстого, Суворова и многих, многих других. А между тем мы отличаемся полным забвением к своим светилам науки. Часто это делается по русской халатности и непростительному безразличию, а часто и потому, что в генералы от науки забрались инородцы, которым неохота возвышать имена русских знаменитых людей. Мы, русские, отличаемся особенно богатым знанием литературы и имен ученых, очень часто на своих лекциях уснащаем ими наши речи, но или совершенно обходим имена своих ученых, или приставляем их к

концу. Совершенно обратное тому делают французы, немцы, англичане и проч. Посмотрите, с какой завидной и почтенной любовью и с каким почтением единодушно поляки возвышают своих ученых и художников. Еще с большей настойчивостью, иногда даже с нахальством выдвигают и произносят свои микроскопические знаменитости евреи. А наши действительно великие, но скромные ученые замалчиваются и мало кому известны. Будем же твердо помнить слова Карамзина: кто себя мало уважает, тот не может рассчитывать и по отношению к себе на уважение от других.

Этого у нас впредь не должно быть.

Забывать своих великих людей и великих тружеников – значит не уважать себя и непочтительно относиться к своей Родине. Это стыдно.

Раньше мы кратко рассмотрели особенности характера русских славян. Это я сделал с той исключительной целью, чтобы при воспитании было обращено особенное внимание на те свойства характера, которые достойны или поощрения, или сглаживания. Я не считаю возможным указывать здесь рецепты для исполнения этой педагогической задачи. Это дело наших славных отечественных педагогов, но от указания этих особенностей я не считал себя вправе откланяться.

Наши предки, скифы, сарматы и славяне занимали великую Восточно-Европейскую равнину и были на ней раскраплены отдельными родами на полной свободе и приволье. Они были храбры, воинственны, бесстрашны и вольны, как вольный ветер. Они не допускали никакого насилия над собой. Они были подчинены своему старшему в роду, но больше никто не тревожил их свободы. Если на них нападали соседние хищники, то русские славяне за ограждение своего спокойствия готовы были даже платить дань другим хищникам. Но плата дани не была рабством. Дань – это отчасти

отступное, как это нередко делали греки нашим же предкам, вовсе не будучи их рабами; дань – это плата соседям за ограждение родовой безопасности.

Но русские славяне особенно опасались попасть под власть своим же единоплеменникам, ибо в последнем случае дело не ограничивалось бы данью, а переходило бы в подчинение, рабство. Последнее свободолюбивым русским славянам было нестерпимо.

Тем не менее жизнь брала свое. Условия бытия осложнялись. Племя увеличивалось. Возникали взаимные ссоры и рознь. Приходилось самим между собой враждовать. А тут еще платить дань соседям. Думали, думали и решили призвать власть и признать власть. Были призваны славяне же, венды, и были признаны державной властью. Так было на севере.

На юге, кажется, было несколько иначе. Тут, кажется, явились защитниками свои же соседи, Аскольд и Дир. Но затем, осевши на месте, они стали повелителями. И в том и другом случае явилась самодержавная власть. И в том и в другом случае славяне разделились на две части: одни занимались воинским делом с самодержавной властью защитой от врагов, нападением на соседей и собиранием добычи. Это были вой, это была дружина. Другие работали дома: добывали хлеб, готовили платье, заботились о лошадях и оружии и т. д. Волей-неволей эти работники лишались уже своей вольной волюшки. Они подчинялись приказанию самодержавной власти и ее дружины. Они на них работали и мало-помалу превратились в рабов.

Этих рабов было несравненно больше, чем воев, ибо рабы должны были работать и на себя, и на воев. С другой стороны, и положение рабов было иное. Они терпели и от своей дружины, и особенно много терпели они от набегов соседних князей с дружиной. Во время удельного княжения положение поселян-рабов значительно ухудшилось. Во время татарского ига это

положение стало невыносимым. Нелегко было поселянам и в Смутное время. Дом Романовых регулирует это рабство и превращает его в крестьянство. Великий Петр издает особые на этот счет законы. Великая Екатерина уничтожает формально самое имя раба, но это, как замечает А.С. Пушкин, не мешает ей закрепостить миллионы свободных людей Малороссии и Новороссии. И только на наших глазах оковы рабства были сняты императором Александром.

Тысячелетнее рабство, однако, не могло не наложить своего клейма как на рабов, так и на рабовладельцев. Оно лишило их сознания собственного достоинства, сознания своего долга, уважения в человеке человека, чувства собственности, оценки значения собственности, прелести труда, взамен они приобрели лень, унижение, лень, лишение чувства обиды, порочное воззрение на жизнь, лишение жизнерадостности и т. д.

Все эти важнейшие элементы душевной жизни человека в русском славянине были подавлены тысячелетним рабством и только ныне могут быть восстановлены путем воспитания и путем восстановления всех этих начал, природой заложенных в душе человека.

Между тем и самодержавная власть со своей дружиной делала свое дело. Она собирала разделенные отдельные части русского славянского племени воедино. Она строила из него единое целое. Она построила его и ограждала от внешних врагов. Условия жизни показали, что для целостности и благополучия целого требуется покорение соседей и присоединение их к основному целому. Так началось увеличение государства, расширение его пределов, умножение его населения и поднятие его силы, мощи и величия. Особенно много в этом отношении сделал дом

Романовых, в котором выделяются такие мировые личности, как великий Петр и великая Екатерина, и такие великие народники, как великий царь Александр III.

И вот ныне Россия представляет собой величайшее государство в мире, занимающее $\frac{1}{5}$ часть тверди земной.

Великая по пространству, Россия велика и по своей мощи. К союзу с этой державой стремятся все государства мира. Многие соседи ищут ее защиты и покровительства. Многие народы своим бытием обязаны ее заступничеству. Ее литература - первая в мире. Ее художество и искусство поражает мир. Ее наука не уступает успехам в других странах. Ее величие вызывает в соседях удивление, зависть и скрытую ненависть.

Мы, русские, с полным правом можем сказать, что мы имеем честь быть членами великой и славной русской нации. Вот почему все руководители школ и все воспитатели должны, под великой ответственностью за неисполнение, вселять и поддерживать в наших детях убеждение и мнение, что Россия есть великое и мощное государство и русские с честью являются ее достойными сынами.

Такое положение России и русских создается настоящим положением России и тысячелетней ее историей.

Все, что составляет ныне Россию, создано ее достойными сынами. На этом должны зиждиться почтение и преклонение пред прошлым России и великая честь быть гражданином ее в настоящем. Все народности, входящие в состав России, есть ее подданные. Они могут быть равноправными нам только постольку, поскольку заслужат этого своей преданностью и готовностью служить России, как ее настоящие, истинные дети.

Не стесняться должны русские своего имени перед всем светом, а гордиться. Вне России мы имеем право на почет и уважение к себе, ибо, находясь на границе Азии, мы приняли на себя великое иго монгольское и тем спасли Европу от ужасов этого ига. Мы пострадали за это и во многом отстали в науке и знании. И тем не менее мы сбросили это иго. Покорили себе своих бывших владык и успели догнать непрерывно шествующую по пути знания Европу, не уступая ей в своих познаниях.

Разве это не дает нам права гордиться нашей нацией?

Мы имеем право гордиться нашей нацией внутри своего государства. Ибо мы смело можем сказать в глаза всем нашим подданным, что победили их, но не уничтожили. Мы сохранили им их религию, их язык, их нравы и обычаи и требуем одного: да помнят они, что в России державная господствующая нация – русская нация и кто желает от России стать равным русскому, тот должен стать духом русским. Мы не признаем в России рабов, но кто осмелится в России идти против России, тот лишен будет всех прав, которыми пользуются ее достойные сыны. Разве Лорис-Меликов не достиг положения верховного владыки?!. Разве Чарторыйский не повелевал судьбами Белоруссии и Литвы?!. Им дано было больше, чем они имели на то право. Но пускай помнят и то, что польским революционерам и армянскому Дашнакцутюну больше нет места в России.

Пускай все руководители и преподаватели в наших школах внедряют в наших детей эту идею. Это их долг.

И пускай наши дети знают, что они дети славной русской нации, державной в Российской империи, а дети прочих наций да знают, что они наши братья и для них честь стать равными с нами.

Сознание достоинства быть русскими должно создать новое условие в деле воспитания – сознание своего долга, долга русского гражданина. Каждый мальчик и каждая девочка русской семьи, будь то дети светлейшего князя или простого крестьянина, должны исповедовать ту идею, что, имея честь быть русскими, они должны свято, открыто и неукоснительно признавать самодержавие, создавшее великую Россию, православие, всегда объединявшее и поддерживавшее ее сынов, единое самодержавие, составляющее нынешнее величие России и благо народа, составляющего сущность и основу нашего государства. Этот долг надлежит исповедовать как в самом себе, так и вне себя открыто и никогда не стесняться защищать эти положения, как не должен ни секунды задумываться защищать свою мать, ибо наша Родина есть наша мать. Руководители и преподаватели русских школ и сами должны исповедовать этот символ национальной государственной веры и в своих питомцах утверждать его, и не за страх, а за совесть.

Тысячелетнее рабство в нашем Отечестве естественно и невольно породило и воспитало в народе подавленность и мрачность настроения и мысли, то, что называется пессимизмом. С этим направлением и с этим настроением нужно бороться, и бороться в высшей степени ожесточенно. «Рост великого организма требует соответствующей температуры в окружающей атмосфере, – говорит З.К. Столица, – требует света и тепла, способствующих развитию организма, – проявлению, упражнению и применению его жизненных сил. Лишенный этих условий организм задерживается в развитии, болеет. Таким-то светом и теплом является для человека радость жизни, согревающая его и дающая расцвет всем его жизненным силам, – особенно силам духовного характера... Искоренять дурную привычку можно насаждениями соответствующей

хорошей привычки»^[89]. А так как нашим детям присущ чаще пессимизм, то руководители и преподаватели должны заботиться о насаждении в детях оптимизма. Для этого должно в вопросах веры устранять от всех уроков жестокости и человеконенавистничества Ветхого Завета и развивать уроками любви, радости и милосердия Нового Завета. В деле любви к Родине сообщать детям побольше примеров геройских подвигов наших предков, создавших нашу Родину и создавших ей величие и силу. Нужно побольше знакомиться с природой и богатствами нашей Родины, которые рисуют во всем величии ее мощь и силу и создают в гражданах ее самоуверенность и самоуважение.

Сознание собственного достоинства и долга порождает дальнейшее – уважение человека к человеку. Ибо кто сознает, что он человек и русский и имеет право гордиться этим, тот должен признать и в другом русском то же право на уважение. Если ты желаешь, чтобы тебя уважали, уважай в другом равного себе, тогда и ты получишь ту же плату. Кто не уважает другого, тот унижает сам себя и понижает и даже теряет право на уважение к себе.

На эту черту характера воспитатели и учителя должны обратить особенное внимание. Недостатком уважения друг к другу много страдают русские и англичане. Первые по недостаточному уважению к самому себе, вторые – по преувеличенному уважению к себе и гордости. И то и другое несимпатично.

Надлежащая установка в детях сознания собственного достоинства и чувства долга избавит их от присущих ныне многим русским недостатка гражданского мужества защиты чести и величия своей Родины и нации от присущих многим русским лести, самоунижения и недостатка самозащиты от наглости и

нахальства близких нам инородцев и иностранцев. Все это отголоски многовекового рабства, пережитого русским народом, и образовательной отсталости, последовавшей во время задержки роста России в период монгольского ига.

Повышением сознания собственного достоинства и чувства долга повысится также и уважение, и любовь к народу. Свободный труд в закабаленной Руси превращается в принудительную работу, а рабство и его последствия – пользы труда на пользу владельца и проч. – едва ли могло поселить в работающем любовь и уважение к труду. Напротив, изнурительные принудительные работы на пользу владельца влекут за собой отвращение и ненависть к труду. Отсутствие значительного заработка устранило возможность собственности, сознания ее цены и значения, а потому стремления к созиданию собственности. Еще более тому способствовали беззащитность собственности от посягательства владельца и его управляющих. Почему у народа атрофировалось не только чувство собственности, но и побуждение к ее образованию, а иногда даже ненависть к чужой собственности, созданной трудами раба на пользу владельца. Этим объясняется, почему наши рабочие исполняют свою работу по найму безучастно к интересам владельца и без всякого внимания участия к его собственности.

Поэтому долг руководителей и преподавателей школы, наравне с поднятием чувств достоинства и долга, стремиться к развитию в детях уважения и любви к труду, бережливости, сбережению, собственности и приобретению. Этим самым поднимается и уважение к труженикам, рабочим, мастеровым и проч. Нужно раз навсегда установить, что все это наши братья, равные перед Богом, законом друг к другу. Наличие собственности определит ее ценность и поведет к ее сбережению, как у себя, так и у

других. Это поставит в надлежащие отношения нанимателя и нанимаемого, даст им доверие друг к другу и поведет к взаимопомощи. В числе величайших недостатков как русского славянского племени, так и вообще славянского племени служит наша взаимная рознь, склонность к вражде, ссоре и самоунижению. Это великое наше горе. Оно подмечено у наших предков греками и арабами более тысячи лет назад. Оно в нас держалось в течение этой тысячи лет. Оно зиждется в нас и ныне. Оно видимо как в нашей жизни, так и в политических партиях. Как только появится человек выдающегося ума, деятельности, убеждения, так все и накидываются на него, как звери.

Стыд, великий стыд. Пора покончить с этим. Пора побороть этот недостаток. Пора объединить и примирить русских славян...

Разумеется, то, что держалось более тысячи лет, не может быть уничтожено в один день... Придется с этим недостатком бороться и бороться долго, настойчиво и неустойчиво. Против прирожденного есть одно могущественное средство борьбы - воспитание. И вот теперь на наших педагогах лежит великий долг и тяжкая ответственная обязанность - побороть и уничтожить эту взаимную нашу рознь, недоверие и самопоедание. Наши враги как внешние, так и внутренние отлично знают этот недостаток и всеми мерами стараются его продержат и раздуть.

Какие средства и меры придумают наши педагоги, я не знаю. Но мне кажется, и в данном случае поднятие самосознания, чувства долга, признание перед Родиной своих обязанностей, сознание своих племенных недостатков и стремлений к их исправлению во многом поможет нашим преемникам и облегчит труд педагогов.

Мне кажется, условия современной жизни много могут помочь и облегчить труд исправления нашего кровного прирожденного недостатка. В самом деле.

Рабство пало. Все мы равны и в труде, и в правах. Нет насилия, и нет безгласия. Все это дает возможность и почву к доверию, взаимоприятию и взаимопомощи. Теперь мы можем не опасаться ни завладения нами, ни помыкания, а потому легко и свободно можем приступить и к совместному труду, и к доверчивой совместной жизни. Уважение к себе дает почву для уважения и доверия к другому, а любовь к Родине обязует к поддержанию единения, общения, единства и взаимоуважения.

Пусть каждый ежеминутно помнит: не судите, да не судимы будете. Пусть каждый помнит, что наша Родина требует единения, а не розни. Пусть каждый помнит, что достоинства одного не затмевают достоинства другого и каждый из нас – сын одной матери, служащий для нее и равный всем.

Единение – сила, – эти слова да будут нашим девизом, а рознь и ссоры – великое несчастье и покрывающий нас позор.

Этот ужасный наш национальный недостаток вытекает из прирожденных отрицательных свойств нашей нации. В силу этого недостатка мы должны сомкнуться и объединиться.

Но есть и другой недостаток у нас, вытекающий из положительных свойств нашей нации. Этот недостаток подмечен Достоевским и возведен в достоинство. Все зависит от того, когда и как проявится он. Это – всечеловечие. Это – особенная способность русской славянской нации к обобщению всех вопросов науки и жизни. Всепримирение и обобщение действительно свойственно нам. Это ведет к тому, что мы можем жить и господствовать между 150 племенами соподчиненных нам народов. Это ведет к тому, что мы можем жить и между иностранцами и принимать самые непримиримые их интересы.

Это свойство русской славянской нации может повести к тому, что со временем она сможет послужить объединительницей всего европейского мира, к чему стремилось и стремится католичество, но только не путем агрессивности, а путем любви, смирения и взаимопомощи.

Но это свойство еще не вполне развито. Оно еще не культивировано. Оно в зачаточном и эволюционном состоянии. Оно – достояние всей нации, а $\frac{9}{10}$ нации находится еще в латентном состоянии. Но это свойство всечеловечения легко может переходить в космополитизм, что и было с нами в 60—70-х годах. Но между этими двумя состояниями великая разница: космополитизм – насильственное поглощение нации человечеством, всечеловечие – объединение всех наций в одной при их основной неприкосновенности. В этом отношении русским славянам предстоит тройкий труд: объединение своих подданных племен, объединение славян и объединение остальных европейских народов.

Но это дело отдаленного будущего. А пока русские должны стать прежде всего русскими. Россия для всех русских, и все русские – для России. Великая задача наших педагогов – настойчиво культивировать в русских детях их русские национальные черты и устранять все, что будет их увлекать на почву космополитизма.

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным.
Ее куют ударом мечным:
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

1920 г. Максимилиан Волошин

Психология русской нации

Что такое нация?

Нация – большая группа людей, объединенных между собой единством происхождения, единством исторических судеб и борьбы за существование, единством физических и душевных качеств, единством культуры, единством веры, единством языка и территории.

Национальный – присущий, свойственный нации. Национальность – совокупность свойств и качеств, характеризующих данную группу и отличающих ее от других наций.

«Человеческий род делится на части, объединенные каждая стадным чувством, общностью языка и общими физическими признаками, как видимыми признаками их единокровия. Этими свойствами являются: общая литература и идеалы, одинаковые законы и привязанность к определенной территории... Расовый инстинкт является расширением семейных уз... Расовый инстинкт связывает между собою отдельных единиц одной и той же нации, но разобщает нации одну от другой»^[90].

Остановимся на отдельных признаках и проявлениях нации и посмотрим, насколько каждый из этих признаков обязателен для определения нации.

1. *Единство происхождения.* Единство происхождения показывает, что все лица данной нации происходят от одного корня, от одного рода, быть может, от одной семьи. Всякая нация состоит из нескольких народностей, проявляющих единые существенные свойства и отличающихся незначительными оттенками в отношении языка, выговора, фигуры, нравов, обычаев и проч. Так,

например, между русскими, поговору, можно легко отличить петроградца, москвича, ярославца, уфимца и т. д. Еще большая разница между великороссами, малороссами и белорусами. Тем не менее это одна нация, один народ, происходящий от одного славянского корня, имеющий в основе своего рода одних предков – скифов и сарматов.

Вся эта великая русская нация состоит из множества отдельных единокровных племен, которые существовали сотни лет и развивались под влиянием особых местных условий, почему и представляют некоторую ничтожную разницу между собой.

Если рассмотреть отдельно эти племена, эти народности, то окажется, что и в этих племенах проявится некоторое разнообразие. Отдельные роды, живущие на дальнем расстоянии друг от друга, выработали в течение сотен лет и тысячелетий свои особенности, нисколько, однако, не изменяя своих коренных национальных духовных и физических свойств. Так, например, в Малороссии мы можем находить различные отличительные оттенки в языке, нравах, обычаях полтавцев, черниговцев, киевлян, екатеринославцев, запорожцев и проч. Тем не менее все эти мелкие поселения явно показывают, что все они малороссы, все они русские, все они славяне. В ничтожной разнице их свойств виновны внешние условия жизни, которые не смогли, однако, вытравить из них никаких родовых унаследованных свойств, характеризующих данную нацию.

Идя дальше, мы останавливаемся перед единицей нации – семьей. Естественно, что основой нации является пара – муж и жена, муж, жена и дети.

Муж и жена дали детей. Эти дети получили от своих родителей наследственно свойства физические и качества душевные и неизбежно, в силу мирового закона, явились во всем им подобными. В силу того же

естественного закона свои духовные, физические качества они передали своим детям, третьему поколению, которое было подобно как своим родителям, так и своим прауродителям.

Таким образом, нисходящие поколения в силу естественного закона наследственности сохраняют подобие и все свойства своих предков и дают направление свойствам и качествам развивающейся от них нации. Из этого следует, что основные национальные свойства данного народа сохраняются наследственно и являются органическими. Почему они и представляются столь стойкими и незыблемыми.

Такому сохранению наследственных родовых свойств много способствует и другое обстоятельство.

Обычно первые роды жили отдельно, в более или менее замкнутых пространствах. Такое положение родов вело к тому, что семьи совместно живущих родов бранились между собой, то есть давали потомство со свойствами и качествами, присущими основному роду, чем и закрепляли свои родовые национальные свойства.

Наследственность в данном случае является консервативным началом национальных свойств, проводя их из семьи в род, из рода в племя, из племени в народность и нацию. Она является деятелем, объединяющим отдельных лиц нации и создающим основной признак нации – единство происхождения ее членов.

Откуда взялись наши предки – скифы, сарматы и славяне, – трудно сказать. Возможно, и даже весьма, что наша прауродина – подножие Кавказа, где еще в мифические времена скифский князь Прометей похитил у богов огонь и осветил светом разума и познания жизнь своих собратьев. Эти первые шаги наших предков показывают, что великий русский народ еще в колыбели своего бытия имел представителей, своим умом приближающихся к богам и давших начало такой

великой стихии, как огонь, без которого невозможна никакая культура. Такое величие нации в ее колыбели находит себе подтверждение и в дальнейшей жизни нации, породившей такого великого гения, как Петр Великий, равного которому не видел мир. А будущее еще покрыто мраком неизвестности, но его нужно считать тысячелетиями...

Каждый родившийся на свет уже в своем рождении несет на себе физические и душевные свойства своих предков, ибо он их получил по наследству. Он несет в себе все исторические судьбы их прошлого, ибо они выработали и физические и душевные свойства его предков и его самого. Он становится с первых дней своей жизни рабом преданий, сказаний, поверий и велений своего племени и своей нации, ибо он в них растет и воспитывается. Он становится рабом языка своей нации, ибо первые звуки его речи будут речью его нации. Поэтому, естественно, он станет их защитником, их пособником, их охранителем, - ибо он явится защитником, пособником и охранителем только самого себя. Эти качества и свойства являются его органической принадлежностью. Каждый такой отдельный человек органически связан и с территорией своей нации, ибо она во многом влияла в выработке тех особенностей, которые характеризуют нацию. Эти все органические принадлежности лица являются основой и его прав на все эти лежащие в нем качества и привилегии.

Таким образом, единство происхождения является для нации важным ее проявлением - важным, но не неизбежным. Существуют ныне нации, которые имеют не один основной корень, и тем не менее они составляют нацию *sui generis*. Таковы итальянцы. Они между своими предками имеют римлян, этрусков и проч., и это не мешает им ныне составлять единую нацию. Хотя, вероятно, этой неодинаковостью коренных

национальных свойств итальянцев объясняется та резкая разница, которую представляют итальянцы во внешности, характере, языке и нравах в различных провинциях Италии.

Во всяком случае, единство происхождения нации не является ее патогномическим исключительно важным проявлением, обязательно необходимым для нации.

2. Единство исторических судеб и борьбы за существование. Каков бы ни был сам по себе предмет, но его бытие во многом зависит от среды, в которой он живет и существует. Это одинаково важно как для неодушевленных, так и для одушевленных предметов и человека.

Каков бы ни был сам по себе человек, но на созидание его как единицы, как неделимого, помимо унаследованных им свойств, влияют также среда: климат, почва, природа и люди. В понятие среды должно входить и питание, и воспитание, и образование, и свойства окружающей природы, и все те деятели, которые составляют окружающий мир. Иной организм и характер создается у жителя полей, чем у жителя гор, лесов, взморья и проч. Точно так же иной человек создается в климате жарком, умеренном и холодном. Несомненно, влияние природы в созидании человека играет весьма важную роль – роль почти столь же важную, как наследственность.

Что говорится об отдельном человеке, то должно сказать и о семье, роде, племени, народности и нации.

Если велико влияние в созидании нации природы, климата, почвы, то еще больше это влияние в воздействии окружающих людей, питания, воспитания, образования и международных отношений. Разумеется, для воздействия на отдельного человека требуются десятки лет, для воздействия же на семьи и рода –

сотни лет, а для воздействия на племена, народности и нации – тысячелетие.

Тем не менее воздействие внешней обстановки и среды на человека, семью, род, племя, народность и нацию слишком велико. Почему и замечено, что единство исторических судеб и единство борьбы за существование составляет один из важных факторов в образовании особенностей нации. Это воздействие не может уничтожить наследственность, но может значительно ее видоизменить. Зато совокупность единств наследственности и исторических судеб и борьбы за существование создает великую крепость нации.

3. Единство физических и душевных качеств. Совместное воздействие наследственности и окружающей природы, в широком смысле слова, создает в массе людей одинаковую физическую внешность и одинаковые духовные качества. Это то, что, по мнению Бауэра и других, составляет национальный характер. Естественно, этот национальный характер или эти национальные особенности могут видоизменяться во времени и пространстве. Особенности русских IX и XIX вв., бесспорно, могут различаться между собой, но несомненно и то, что основные особенности нации остаются неизменными. Лучшим тому доказательством служат второстепенные отличия великороссов, малороссов и белорусов. Великороссы больше всего оставались под игом монгольским. К их крови достаточно добавилось крови ассимилированных ими финских народов. Поэтому, естественно, тип великоросса представляет собой некоторую своеобразность^[91]. Малороссия подверглась игу польскому. Малороссы ассимилировали большое количество печенегов, половцев, торков, берендеев и

прочих, и это, в свою очередь, не могло не отразиться на их физическом и духовном образе. Наконец, белорусы находились и отчасти ныне находятся под иггом польским. Они поглотили в себя значительную долю литовской и латинской крови, что опять-таки не могло не сделать их несколько своеобразными.

Тем не менее эти три народности не отдельные нации, а только разновидности одной великой русской нации со всеми основными свойствами, присущими этой нации.

Еще более удивительно, что полутысячелетнее стремление онемечить и вытравить русские основные черты у русских Галичины, Буковины и Угорской Руси доныне остаются тщетными и эти несчастные страдальцы доселе остаются коренными русскими.

Это единство духовных и физических сил – великое начало в деле национального бытия и составляет важнейший признак нации.

4. *Единство культуры.* Народ, живущий около 2 тысяч лет, имеет свои нравы, обычаи, песни, сказания, литературу, науку, искусство, промыслы, производство, торговлю, хозяйство, политику, быт и проч. Все это составляет культуру. Единство наследственного происхождения, единство исторических судеб и борьбы за существование, единство физических и духовных сил – все это дает одинаковые результаты условий жизни, одинаковую культуру. Поэтому весьма естественно, что нация, имеющая свою историческую судьбу и борьбу за существование, свой физический и духовный облик, будет иметь и свою собственную культуру. Так оно и на деле.

5. *Единство веры.* В огромном большинстве случаев исповедание веры является предметом выбора самой нации, соответственно нравственным свойствам и духовному влечению нации, и только в редких случаях оно является путем насильственного навязывания.

Исповедание православия русскими произошло не потому, что так того хотел князь Владимир, а князь Владимир принял и ввел православие на Руси потому, что оно соответствовало нравственному духу русских славян. (Основные нравственные черты русских славян: смирение, любовь, милосердие, сострадание и самопожертвование. Те же начала христианства проповедовала и православная религия. Поэтому русские приняли православие именно потому, что в их натуре лежали основные начала православного христианства.) Поэтому же православие было принято всеми русскими без борьбы и насилия. Только под тяготением страшного материального и нравственного гнета и ига поляков и их верных слуг – иезуитов часть белорусов и ничтожная часть малороссов должны были перейти в католицизм. Поэтому для русских православная вера является твердыней и важным признаком их самостоятельного национального бытия, ибо ничтожная часть русских католиков является подневольными католиками.

Тем не менее вера не может служить вообще важным национальным признаком, ибо мы видели, что многие нации исповедуют различные религии, как немцы, армяне и прочие, и это им нисколько не мешает принадлежать к своим нациям.

б. *Единство языка.* Язык вырабатывается не только в доисторический период бытия нации, но еще в период ее формирования. Поэтому он является весьма ранним проявлением данной нации и, несомненно, охватывает всех ее членов. Могут быть, однако, редкие случаи, когда часть нации отрывается от своего целого, живет в своеобразных условиях, почему жизнь ее идет иным путем, чем ее целого, и язык получает иное проявление, тем не менее корни его как для целого, так и для части остаются общими. Вот почему язык является важным проявлением нации и служит ее серьезным

отличительным признаком. Нация может исчезнуть. От нее остаются только ничтожные отпрыски, и тем не менее своеобразный язык этих мелких остатков свидетельствует о самостоятельности бывшей нации. Таких примеров мы имеем очень много на Кавказе. Так, удинов насчитывается всего только сотни, и тем не менее, по мнению очень компетентных ученых, этот остаток по языку является представителем исчезнувшей нации. Еще больше таких примеров мы имеем в Дагестане. Там нередко отдельные аулы являются представителями исчезнувших наций, и самостоятельность этих наций свидетельствуется полной самостоятельностью языка. Таковы, например, дидойцы и другие дагестанцы.

Несмотря на такую важность и серьезное значение языка для нации, есть, однако, нации, которые потеряли свой язык и живут языками тех народов, среди которых они селятся. Таковы евреи. Древнееврейский язык непонятен современным евреям, они пользуются особым жаргоном или языками тех народов, среди которых живут. И тем не менее они составляют нацию, и нацию очень крепкую и стойкую.

7. Единство территории. Каждая нация должна иметь свою родную территорию, на которой она возникла, развивалась, получила свои особенности, сжилась с ней и породнилась. От этой основной нации могут отрываться части, переселяться в другие места, но их родина всегда для них остается родиной. Оттуда они получают поддержку, одобрение и усиление. Миллионы русских переселились в Америку, и тем не менее они остаются русскими, считают Россию своей Родиной, живут ее верой и языком, радуются ее радостями, гордятся ее успехами и скорбят о ее несчастьях и неудачах.

Тем не менее есть нации, которые существуют как таковые и не имеют своей родной территории. Таковы

армяне, таковы цыгане, таковы евреи.

Однако территория имеет важное значение для нации. Те же армяне всеми силами стараются создать себе территорию. Десятки тысяч их переселились из Турции в Закавказье, чтобы там создать в известных местах сплошное поселение и свою родную территорию. Не стесняются они и в средствах для выживания с занятых мест русских переселенцев, туземцев-грузин и туземцев-татар. И все это делается с единственной целью – создать себе территорию. Это видят все. Это знают все. Не видит и не знает этого только одна кавказская администрация, страдающая особенным дальтонизмом глаз и совести...

Цыгане не стремятся к созданию своей территории, так как они не слишком культурны. Цыгане – номады. Им территория и государственность не нужны...

Евреи лишились своей родины, территории. Лишившись территории как таковой, они нашли себе объединителя в своей религии. Их святой закон является им и религией, и родиной, и объединителем...

Тем не менее это их не удовлетворяет. Недостаток родины, недостаток своей территории для них великое несчастье. Различными способами они пытались создать себе родину, то путем засилья, то путем переселения. Но ни тот ни другой прием им не удается.

Путем засилья они хотели создать себе родину то в Белоруссии, то в Галичине, то в Угорщине, то в Румынии... Но всюду их замыслы предугадываются и расстраиваются.

Не менее неудачными являются и попытки евреев переселиться на новые земли: Уганду, Канаду, Палестину...

И тем не менее евреи без родины, без территории – нация.

Говоря о нациях, не имеющих своей территории, мы должны оговориться, что хотя они и нация, но тем не

менее они являются *неполноправными нациями*. Живя в чужом государстве и на чужой территории, эти нации существуют в этом государстве на положении *иностранцев*, и в случае противонационального поведения по отношению к державной нации они могут и должны быть выселены из данного государства. Их присутствие в государстве терпимо. Но если они вздумают производить недопустимые поступки, то державная нация без церемонии может попросить их оставить территорию. В этом отношении особенно важно иметь в виду такое положение евреев, которые не имеют права даже частного личного обладания землей и подлежат ограниченной черте оседлости.

Между тем эта именно неполноправная нация позволяет себе выходки, опасные для ее положения.

Недавно в еврейском «Рассвете» было напечатано:

«Их заставляют заучивать наизусть стишки вроде «Птичка Божия не знает», описывать зиму и лето, рассказывать про полевые работы и прочее, между тем как их надо было бы обучать специально языку купли-продажи, ремесла, разговору с заказчиком, простейшей торговой корреспонденции. В Одессе, в бойком торговом ряду на Александровском проспекте, где и христианский средний класс покупает мануфактуру и готовые платья, почти все приказчики евреи, почти все они говорят по-русски прескверно, и от этого ничуть не страдают интересы ни их, ни хозяев.

Дети в еврейской школе должны изучать и русский язык. Но *дети в еврейской школе отнюдь не должны изучать арифметику, географию и прочее на русском языке. Языком образования, языком культуры должен стать еврейский. Русский язык должен изучаться постольку, поскольку он практически нужен в житейском обиходе.*

При перемене системы останется тот выигрыш, что хоть этот *прикладной* язык дети будут знать как

следует. Они не сумеют декламировать: «Птичка Божия не знает». Но они сумеют написать: «Г. Иванову. Милостивый государь! Причитается с вас за пару брюк 8 рублей, каковые доверяю получить подателю. С почтением портной такой-то». Скромно полагаю, что это важнее».

Не подлежит никакому сомнению, что эта выходка евреев – дерзость. Если бы эта дерзость была проявлена поляком, финляндцем и проч., то это была бы дерзость нации, об отношении к которой нужно было бы подумать, ибо сдвинуть нацию с ее территории не так легко. Но в данном случае была дерзкая выходка со стороны неполноправной нации, живущей в стране на положении иностранца, а потому в будущем ей нужно подумать, что подобные дерзости не всегда могут быть безнаказанными. Если до поры до времени к подобным неприличным выходкам державная нация относится со спокойным презрением, то в будущем она может попросить этих иностранцев оставить страну, на пребывание в которой они не имеют права.

Таким образом, определение нации производится совокупностью проявлений, а не отдельными какими-нибудь признаками.

«Нация» – слово иностранное. Русский язык не имеет слова, которое точно передало бы значение слова «нация». Слово «народ» или шире слова «нация», обозначая народонаселение государства, или уже слова «нация», обозначая низший слой народонаселения государства, простой его класс. Мы надеемся, другие работники на ниве русского национализма изобретут слово, могущее заменить настоящий барбаризм.

Национализм – это проявление уважения, любви и преданности, до самопожертвования в настоящем, – почтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы, величия, мощи и успеха в

будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит.

Национализм складывается из двух проявлений – национального чувства и национального самосознания.

Национальное чувство есть прирожденная принадлежность физической и душевной организации. Оно инстинктивно. Оно обязательно. Национальное чувство прирождено нам так же, как и все другие чувствования: любви к родителям, любви к детям, голода, жажды и т. д.

В основе национального чувства лежит проявление высшего мирового закона – закона тяготения или закона притяжения. Самым простейшим проявлением его служит притяжение и отталкивание частичек мирового эфира. Таким образом, оно современно мирозданию. Проявлением этого чувства является соотношение небесных тел друг с другом, стремление животных к подобным себе и т. д.

В человеческом обществе прообразом его является любовь к родителям, семье, деревне, округу и, наконец, ко всему своему народу. Любовь к Родине имеет свое проявление в душевных заболеваниях, в форме болезненной тоски по Родине (ностальгия).

Таким образом, национальное чувство – явление животное, стадное, органическое и прирожденное.

Но кроме унаследованности в образовании этого чувства играют немалую роль и окружающая среда, воспитание.

Каждый новорожденный воспринимает впечатления от близких окружающих предметов. Так создаются его первые познания. Так создается первый познавательный материал.

Ребенок знакомится с матерью, отцом, домашними, домом и всем окружающим. Но этого мало. Предметы его чувствования, предметы его восприятия становятся ему близкими, становятся ему дорогими, его

любимыми... Эта любовь к отцу, матери, семье, дому есть первое проявление национализма. Национализм маленького ребенка ограничивается домом и домашней обстановкой.

С течением времени ребенок растет, знакомится с деревней, городами, людьми, природой и проч., и все это ему становится милым, дорогим, родным. Еще проходит время, юноша и девушка изучают историю страны. Они переживают все ее несчастья, страдания и потери и соболезнают всему тяжелому, зато успех, величие, слава и победы несказанно радуют их. Герои нации его родные. Все прошлое нации ему настолько дорого и мило, что дороже настоящего, ибо оно создало настоящее и служит основой для будущего. Юноша гордится своей нацией и готов отдать за нее свою жизнь, как его предки отдавали ее за будущее нации.

Так создается национализм путем воспитания.

Но такое созидание совершается не у одного человека, а у многих лиц данной нации, почему все эти лица дороги друг другу, являются близкими и родными. Они все сродни - национально сродни. Они все объединены одной любовью ко всему своему, ко всему родному, как прошлому, так и будущему и настоящему.

Таким образом, воспитательный национализм не есть явление личное, индивидуальное, а общее коллективное. Это делает национализм сильнее и могущественнее.

Национальное самосознание есть акт мышления, в силу которого данная личность признает себя частью целого, идет под его защиту и несет себя саму на защиту своего родного целого, своей нации. Профессор Казанский говорит, что национальное самосознание есть вид общественного самосознания народа. Оно есть сознание солидарности наших личных потребностей и задач с известной народностью, то есть с известным культурно-историческим общественным телом. Это есть

сознание единства основных начал жизни и необходимости взаимного содействия для преследования общих целей, которое проникает весь народ и отдельных его членов^[92].

Национализм в большей или меньшей степени присущ каждому человеку, и чем больше он развит у человека, тем большая цена этому человеку. Вот что говорит по этому поводу завзятый западник В. Белинский: «Человеческое слово – великое дело, – но тогда, когда он француз, немец, англичанин, русский. Без национальности человечество было бы мировым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения»^[93].

Национализм, несомненно, развивается произвольно и бессознательно. Тем не менее у различных лиц и в различные времена он развит бывает не одинаково. Бывают случаи, когда национализм вспыхивает очень ярко во всех слоях общества, и бывают жизненные моменты, когда он подавлен. Во времена монгольского ига национализм в России был подавлен, напротив, после Смутного времени он вспыхнул и оживился. Во времена крепостного права рабам было не до Родины и не до нации, напротив, после 17 октября национализм вспыхнул очень ярко во всей России.

Наивысший, чистейший и наиболее яркий национализм развивается в тот момент, когда все члены нации пользуются одинаковой свободой и одинаковым правом. Такое положение порождает и одинаковую любовь, и одинаковую преданность, и одинаковую гордость, и одинаковое самопожертвование Родине.

В самом деле, можно ли было требовать одинаковой любви и самопожертвования во время крепостного права от крестьян и помещиков. Дворяне-помещики

жертвовали собой за свое господство и за свое владычество, а крестьяне... крестьяне за владычество помещиков и свое рабство. Поэтому национализм крестьян-рабов был очень слаб.

Вот почему во всех государствах вспышки революции всегда шли рука об руку со вспышками национализма, ибо в то время граждане получали одинаковую свободу и одинаковые права, почему все они проявляли и одинаковую любовь к нации и Родине.

У нас после 17 октября 1905 г. произошла резкая вспышка национализма. Высочайший манифест даровал желанные свободы и равные права.

Но что дано верховною властью, то постепенно, шаг за шагом, стало урезываться современной бюрократией. Новое вино было влито в старые мехи. Свободы остались на бумаге, права - в воображении. Национализм стусевывается. Надвигаются угрозы, заставляющие подумать о многом...

Кроме того, в последнее время и у нас в России выдвигается новое вредное начало - капитал. Капитал состоит в руках евреев, банков и кулаков. Для банковских деятелей, спекулянтов, кулаков, составителей синдикатов нет ни нации, ни Родины, ни государства. Для них - только капитал. Для капитала нет ни чести, ни гордости, ни блага нации. Капитал интернационален и космополитичен. Еще недавно пролетарии проповедовали космополитизм. В настоящее время пролетарий разумный стал строго национальным, например в Германии. Русский пролетарий - раб евреев и других проходимцев, а потому и космополитичен, потому он и космополитичен, что является рабом евреев и других космополитов-капиталистов. Известна одна нефтяная фирма, которая очень щедро субсидирует пролетарское движение русских рабочих. Интересно: потому ли она скапливает миллионы, чтобы поддерживать пролетарское

движение, или потому мутит пролетариев, чтобы копить себе миллионы?

Прежние помещики, имея рабов, своей кровью защищали Отечество. Нынешние капиталисты не желают жертвовать своей кровью. Они не прочь на боевом поле видеть дворян и крестьян, но не для защиты нации, а для защиты своих капиталов. Не в интересах евреев и капиталистов поддерживать национализм. Напротив, они всеми способами стараются затушить, ослабить и унизить его. Господами являются капиталисты, а вся остальная масса превращается в рабов. Возможно ли ожидать оживления национализма при нарождающихся синдикатах и других орудиях порабощения?..

Все вышесказанное рисует собой тот вид национализма, который представляет собой *естественный национализм*, или *народный*. Но кроме этого естественного национализма существуют и другие виды и формы национализма, каковы: бюрократический национализм, державный и подъяремный национализм, фальшивый национализм, проявляемый наружно париями, по своему существу антинациональными, сепаратистский национализм и др. Мы остановимся здесь на рассмотрении только двух первых форм.

Бюрократический, или правительственный, или чиновничий национализм. Каждое государство, пока его народы находятся на низкой ступени культуры, ведется главой государства и его правительством. В этом случае правительство является проводником, вершителем и исполнителем сознательного национализма. Оно является опекуном несовершеннолетних, головой взрослых граждан, и на нем лежит долг вести дела государства в интересах той нации, которая создала государство и держит его, – нации державной. К сожалению, эти правительства, эти

чиновники очень часто забывают о нации и ее интересах, а всю свою деятельность направляют на свои личные интересы и интересы своих присных. Их деятельность, их государственная политика сплошь и рядом являются не только не национальной, но прямо-таки антинациональной. К несчастью, бывают случаи, когда и правители увлекаются и заблуждаются настолько, что действуют не в интересах, а во вред своей нации и своего государства. Россия знает у себя таких правителей. В этом отношении остаются незабвенными слова великого русского гражданина и славного историка Карамзина, который осмелился сказать и написать императору Александру I: «Не клянутся ли государи блюсти целостность своего государства?» - когда тот решил было не только восстановить Польшу, но и придать ей часть Малороссии, Белороссии и Литву... И до сего дня мы оплакиваем ложные и вредные шаги этого государя по отношению к Финляндии... Я не стану распространяться о зверском правлении Бирона.

Но даже в царствование великого царя-националиста Александра III было много чиновников, футлярный национализм которых жил на их пользу, а не на пользу государства.

Только 17 октября 1905 г. дало нам право быть самими господами себе, блюсти свои национальные интересы и проверять деяния правительства с точки зрения национальной политики. Вот прошло уже 10 лет, и мы видим, что многие из правителей слишком слабо выполняют волю монарха. Они слишком медленно спешат с осуществлением тех свобод нации, которые дарованы императором. Трудно сказать, что ими руководит в этом случае. Из желания не осудить я позволю себе сказать, что причина такого правительственного направления, скорее всего, кроется в том, что новое вино налито в старые мехи. Людям

старого воспитания трудно отказаться от своей власти и тяжкого для граждан произвола. Напрасно они думают, что народный контроль представителей народа – Государственная дума – пустое слово. Нет, это выражение воли народа.

Точно так же и постепенно усиливающийся произвол слишком является тяжелым для народа и грозит возникновением тех черных дней, кои всем нам слишком памятливы.

Воля монарха в даровании свободы зиждилась не только на великой любви его к народу, но и на глубоком знании и понимании этого народа. Истинным истолкователем этой воли являлся поставленный монархом великий мученик за Родину и славный национальный гений П.А. Столыпин. Это был не только исполнитель народного национализма, но его создатель и направитель... А ныне по многим отделам государственные дела опять во власти бюрократизма, ныне не только не полезного, но вредного и опасного.

Национализм державный и подъяремный. Очень немногие государства составлены из одной нации. В огромном же большинстве случаев государство составляется из нескольких наций, причем одна из этих наций является господствующей, державной, а другие ей соподчиненными, подъяремными. Господствующей, державной нацией является та, которая основала, создала и держит государство. Она осталась победительницей – она и господствует. Ее победили бы, и она подчинилась бы. Так это было и с нами во времена монгольского (в Великороссии) и польско-еврейского ига (в Малороссии и Белороссии). В России *державной господствующей нацией является русская нация.* Все остальные нации, составляющие Русское государство, являются ей соподчиненными^[94]. Такую державность русской нации дают: права крови, пролитой ее сынами,

права исторических судеб, права имущественные, права самосохранения, права культурного превосходства и, наконец, права победителя. Все это ставит русских в России в такие условия, что они в ней хозяева и господа, а все остальные нации, сохраняя неприкосновенными все свои основные национальные особенности, должны, однако, согласовать свою жизнь так, чтобы не нарушать интересов, а даже способствовать национальным интересам державной нации. Всякие нарушения, противодействия и вред по отношению к державной нации нетерпимы и недопустимы, ибо такое противодействие идет во вред самому государству.

Всякий инородец, сохраняющий свою веру, свой родной язык (в доме), свои традиции, но всю свою душу отдающий на пользу державной нации, ведущей государство, является истинным сыном России и пользуется всеми правами русского гражданина. Он является равным любому члену державной нации и приемлется ею, как таковой. Разве Цицианов, Чавчавадзе, Мадатов и многие другие были чем-нибудь обижены сравнительно с другими детьми России? Нет, они были, есть и будут любимы и почитаемы наравне с нашими кровными, такими как Скобелев, Макаров, Кондратенко и др.

В России соподчиненных наций более ста пятидесяти. Одни из них стоят высоко в культурном отношении, другие на самой низкой, почти первобытной ступени бытия. Отношение державной нации к этим соподчиненным нациям не одинаково. Одни нации, культура которых высока, как поляки, грузины, армяне, финляндцы, некоторые магометане и проч., имеют полное право на сохранение своих национальных особенностей в таком виде, чтобы они не задевали интересы державной нации, чему судьей является державная нация; другие, напротив, не имеют такого

права. Сохраняя им свободу исповедания их веры, свой домашний язык и свои предания, державная нация должна их приобщить к себе и ассимилировать их, даровав им взамен все права русского. Таковы нации: лопари, карелы, самоеды, сваны, карачаевцы, дидойцы и многие другие.

Происхождение славяно-русской нации. Откуда произошло народонаселение Европы и, в частности, славяне? С давних пор колыбелью народов считается Азия. Оттуда уже размножившееся человечество двинулось в Европу, частью через Волгу, частично по западному побережью Каспия, частично через Дарьяльское ущелье. Это мнение долго царило и имело под собой серьезные нравственные основания.

Дальнейшие научные изыскания, особенно раскопки, показали, что и в Европе мы имеем явные доказательства пребывания первобытного человека не только четвертичного периода, но даже третичного. Это доказывается не только найденными при раскопках скелетами, указывающими на наличие переходного человека (антропитека и даже питекантропа), но также и обстановкой, и предметами каменного и глиняного века. И этот первобытный человек оставил свои следы по всему лицу европейской земли. Таким образом, возможно, что кавказское племя человека получило свое происхождение не из Азии, а в самой Европе и является человеком *sui generis*.

В последнее время появляется еще новое учение, которое производит кавказское племя не только от Европы, но прямо-таки от Кавказа. Колыбелью европейца считают Кавказ, именно в области Эльбруса^[95]. Существование множества пещер в Осетии, Кабарде, Чечне, а также дольменов в Черкесии, Абхазии и проч. подтверждает присутствие там в отдаленные времена первобытного человека.

Довольно богатые раскопки в Осетии, Кабарде, Дагестане и прочих регионах также несомненно показывают не только первобытную культуру, но именно самостоятельную и своеобразную культуру, не позаимствованную ни у ассирийян, ни у вавилонян, ни у других древних народов. Таково мнение наших ученых Уварова, Филимонова, Самоквасова, Антоновича и др., таково же мнение и иностранных ученых, например Ломбарда, Ренке, Миллера и др. Эта кавказская первобытная культура родственна не азиатской культуре, а европейской, так как такая же культура найдена и у этрусков.

Далее, мифы и предания опять-таки много говорят за пребывание первобытного человека у Эльбруса. Предание об открытии впервые огня приписывается первобытному человеку Кавказа и притом нашему предку – скифу. Собственность богов – огонь – был похищен Прометеем, за что Зевс, на растерзание орлам, приковал его цепью к горе Кавказа – Эльбрусу. И этого мудрого и отважного «скифского царя» оплакивали девы Колхиды, Меотийских болот и жители скалистых гор Кавказа...

Таким образом, несомненно, у Эльбруса на Кавказе была колыбель человечества и отсюда уже двинулись потоки человеческих племен на всю Европу. Отсюда получила начало кавказская раса, и не из Азии вышло арийское племя.

С Кавказа проистекли две главные ветки кавказского племени: кельто-славяне и германцы. К кельто-славянам относятся все славяне, за исключением части болгар, итальянцы, французы, бельгийцы и проч., к германской расе – немцы. Существует, однако, мнение, что германцы получили происхождение на севере.

Разница между этими двумя племенами слишком велика, как в физическом, так особенно в нравственном

отношениях. Кельто-славяне короткоголовые, германцы длинноголовые. Кельто-славяне смуглы, германцы имеют белую кожу и светлые волосы и т. д.

Львиную долю поверхности Европы заняли славяне, значительно меньшую – кельты. Германцы же были окружены теми и другими.

У самых Кавказских гор жили два главных народа: аланы и киммерийцы. Их земли простирались от Каспия по Русскому морю и за Дунай. Киммерийцы – это нынешняя Кабарда. Они стояли в близком соседстве со скифами и сарматами и были близки им по национальным свойствам. Некоторые авторы столь близко ставят эти два народа, что считают их за один народ, в различные времена переименовывавшийся то в киммерийцев, то в скифов и сарматов.

Рядом с этим киммерийским племенем стоят и аланы. Аланы, по некоторым сведениям, предки славян, в ветви роксоланов, или россоланов. Но в то же время аланы предки и осетин, оссов. Часть аланов под давлением сильнейших киммерийцев, или касогов, должна была уступить свои земли этому сильнейшему неприятелю и укрыться в горные ущелья – в нынешнюю Осетию. Там они и доныне сохраняют свою первобытную культуру. Таким образом, существует тесная племенная связь между киммерийцами и скифами и сарматами, с одной стороны, скифами, сарматами и славянами – с другой стороны, и аланами и славянами – с третьей.

Многим влияниям подверглись эти народы в течение тысячелетий. Много перемен произошло и в физических чертах, и в характере этих народов, но корень и происхождение их одно. Они близки друг другу и родственны между собой.

Славянское племя, получив свое начало на Кавказе, с незапамятных времен заняло равнину, на которой ныне помещается Россия. И известна была эта земля

еще задолго до Рождества Христова. Существуют письменные данные, которые говорят, что скифы жили еще в ассиро-вавилонский период. Вот одна из надписей этого времени: с севера пришли (в местность нынешнего Вана) послы. Они были с большими бородами, в длинных белых рубахах, в странной обуви из древесной коры и не умели говорить ни на каком языке. На вопрос «Кто они?» те отвечали - *люди*. Солнце они называли *со*, снег - *зим*, тепло - *тепи*, пастух - *пашка*, нос - *неза*, один - *эк*, два - *да*, три - *тре*, четыре - *чети*, пять - *пичь*, я - *я*, не - *не*, имею - *има* и т. д.

Несомненно, это речь славянская. Но славян тогда не было. Были скифы. Значит, скифы - предки славян и были на земле современниками ассиро-вавилонян.

Размножившиеся предки славян аланы двинулись в великую Русскую равнину еще за 100 лет до Рождества Христова. Они поселились по побережью Азовского и Русского морей, а также между Днепром и Дунаем. Разумеется, в Славянской долине при ограниченном их количестве они расселились слишком разбросанными группами. Здесь они под именем скифов и сарматов были хорошо известны Додору Сицилийскому, Страбону и другим ученым. Большая часть этого племени поселилась в горах Карпат, под прикрытием лесов.

Разумеется, равнинные славяне, разбросанные на большом пространстве, не могли представлять крепкой силы и, подвергаясь новым натискам варваров, много страдали от них и иногда невольно смешивались. Иным было положение карпатских славян. Они находились под защитой труднодоступных гор. Они находились под защитой труднопроходимых лесов. Поэтому неудивительно, что они жили в большей безопасности и значительно размножались. С течением времени их стало так много, что пришлось им искать новые места для поселения. Целые славянские потоки полились

отсюда и на Балканский полуостров, и на Эльбу, Везер и Неман, и на Дунай, Буг и Днестр и на помощь днепровским славянам.

К.Я. Грот говорит: «Славяне, первобытная родина которых в Европе, несомненно, охватывала значительную часть Карпатской области, после передвижения в первые века христианской эры германских племен на запад в Италию, остались господствующим в этих землях оседлым народом, неудержимой волной разлившимся по всему Балканскому полуострову, по берегам Адриатики, на запад – в края Альпийские, а на севере составлявшим одно сплошное целое с северо-восточными соплеменными ветвями»^[96]. Карпатские славяне дали ветви, образовав «на севере и севере-западе земли польские с остатками родственных им славян прибалтийских и полабских, на западе – земли чешско-славянские с их передовыми и сторожевыми чешскими аванпостами, на юго-западе и юге, от восточных Альп и берегов Адриатики до Черного, «Русского» моря, широко раскинувшаяся к югу земли словенцев, хорватов, сербов и болгар».

Что касается русских славян, то еще задолго до образования Киевского княжества в Русской равнине намечается три главных пункта: Тмутараканская Русь, Киевская Русь и Новгородская Русь^[97].

В этой местности преемственно жили скифы, сарматы и славяне. Несомненна тесная родовая связь этих народов, точно так же племенно связанных с аланами.

Что же собой представляли русские славяне?

«Они были рослы, статны, красивы, имели светлорусые волосы, серые остро-проницательные глаза. Взгляд у них был скорее воинственный, чем свирепый. Наиболее знатные отличались бритыми подбородками и

длинными усами. Остроконечные шлемы покрывали их чубатые подстриженные кругом головы. Сверх кольчуги на них накинута плащи, углы которых застегивались пряжкой на правом плече. Их вооружением были стрелы, копья, секиры и мечи с широким обоюдоострым лезвием, а щиты, суживающиеся книзу, были так длинны, что прикрывали почти все тело»^[98].

Они проявляли воинственность, храбрость и неустрашимость, энергию, подвижность, выносливость, терпеливость, презрение к лишениям, способность приспособления к меняющейся обстановке, веселый нрав и презрение к удобствам жизни и лишениям. Это был народ, по мнению современников, в своем природном варварстве во многом стоявший выше просвещенных греков. Правосудие у него запечатлено было в умах, а не в замыслах, воровство у него было редко и считалось важнее всех преступлений, золото и серебро скифы столько же презирали, сколько прочие смертные желали оно.

В пище и одежде были умерены, не знали дорогих тканей, а покрывались только шкурами. Их воздержанность сохраняла правоту их нравов, потому что они ничего чужого не домогались. Они в победах ничего не искали, кроме славы. Они не были ни злобны, ни лукавы.

Известный историк Иловайский говорит: «Из всех способностей, которыми природа щедро оделила славянское племя, наиболее драгоценными являются предприимчивость, мужество и способность созидательная – изобретательность, трудолюбие и терпение. Славянорусское племя уступает немецкому в сосредоточенности, устойчивости и силе характера, но даровитость славян обуславливалась излишнею впечатлительностью и излишнею подвижностью».

Особенно же резко выделяются у русских славян доброта, чистосердечие, искренность, прямота, сочувствие и благожелательность. На первый взгляд является противоречием сочетание: воинственность и кротость. Однако это факт. Наши предки, как и потомки, были воинственны, храбры и львами мужества с врагами и примером доброты и сострадательности к побежденным, даже к немцам.

В труде русские славяне проявляли упрямство и иногда медлительность. Открытая беспредельная равнина выработала в них удаль, а лесная жизнь – осторожность, хотя нередко вела и к беззаботности.

Мать являлась воспитательницей детей, и она их воспитывала в духе мужества, храбрости и воинственности. Нередко неприятель между павшими славнейшими воинами находил женщин, защищавших честь своей Родины с мечом в руках наравне с мужчинами. Матери учили детей не забывать нанесенных их родным и ближним обид.

Славяне все гостеприимны. Целомудренность также присуща всем славянам, как мужчинам, так и женщинам.

Будучи свободолюбивыми, славяне не любили подчиняться другим, откуда вытекала та несчастная национальная рознь и ссора, которая так много причиняла бед и русским, и всем славянам. Только общая великая беда заставляла их объединяться, и тогда это была страшная сила.

Русские славяне были очень религиозны и до принятия христианства обожали стихии и дивы природы. У них было много больших и малых божеств.

Таковы были основные черты наших предков. Тысячелетняя жизнь, полная борьбы, гнета, ига и потрясений, не могла не отозваться и на характере русского народа.

Кое-что доброе изгладилось и придавлено, кое-что недоброе прибавилось. А так как наша Родина слишком велика и характер бедствий был очень различен, то не диво, что в этой Великой Нации мы усматриваем некоторые второстепенные черты характера, несколько отличающие одну часть племени от другой. Но эта разница слишком ничтожна и не мешает основному национальному единению. Разница столь ничтожна, что положить границу между одной и другой частью нет возможности. И Великороссия, и Малороссия, и Белороссия, и Червонороссия, Галиция, Буковина, и Угорская Русь едино суть – Великая Россия.

8. *Деятели, образующие нацию.* Единицей человеческих обществ^[99], населяющих земной шар, является *нация*. По мнению Фуллье, только через посредство нашей национальности мы принадлежим к человечеству, и народ является естественной единицей, более или менее централизованной. Гумплович говорит, что раса – это единица, создавшаяся в течение истории в процессе общественного развития и путем этого развития.

Если нация есть единица, если нация есть лицо, то она должна иметь свое собственное место и свою собственную душу. Она должна представлять собой образованное вещество и ему соответствующую душу или сочетание проявлений, соответствующих количеству, качеству и своеобразному сочетанию начал, образующих единицу.

Допуская бытие вещественной и духовной своеобразной единицы, мы должны вместе с тем допустить, что эта национальная единица образовалась под влиянием известных условий земного бытия. Какие же условия больше всего и сильнее всего воздействуют на устройство этой единицы?

Такими важнейшими условиями и даже причинами являются главным образом две группы явлений: наследственность и среда. Каждый из этих деятелей имеет важное значение, но сильнее действует все-таки наследственность.

Что такое наследственность? «По своей сущности наследственность есть тождество, повторение одного существа во многих»^[100]. Посредством акта рождения, из которого вытекает наследственность, существо производит себе подобных. Наследственность является в нашей жизни той охранительной и сохранительной силой, которая стремится во что бы то ни стало закрепить основные черты организации предка во всем его следующем поколении. На первый взгляд может показаться, что под влиянием наследственности человечество не может не только совершенствоваться, но и видоизменяться, ибо каждый сын будет являться фотографическим снимком своего отца. Но в образовании будущего потомства принимают участие два начала: отец и мать. Дитя этой пары сочетает сходные черты родителей и вычитает качества противоположные и различные.

Такое сочетание различных вещественных и духовных начал ведет к созиданию чего-то совершенно своеобразного и отличного от свойств родителей, сходного и с отцом, и с матерью, но не тождественного. Этим дается основание образованию *личности*, особой индивидуальности человека.

Позволю себе добавить, что природа способствует одолению здоровых качеств над нездоровыми, болезненными, почему весьма естественно, что человечество шествует к совершенствованию и возрождению, а не к упадку и вырождению.

Таким образом, наследственность является началом не только сохранительным, но и совершенствующим и

способствующим развитию и движению вперед основных свойств, присущих данной нации.

Не следует, однако, понимать наследственность в форме непосредственной передачи физических и душевных свойств от родителей к детям. Национальная наследственность разумеет и восприятие потомками духовных даров, духовных богатств, духовных творений последним поколением от всех предшествующих поколений. Только эта общность данного поколения с чувствами, убеждениями, верованиями и интересами, созданными наследственными накоплениями, придаст душевному складу нации сходство и большую прочность и устрояет крепкую силу нации.

Небезынтересно и то, что это духовное наследство в полной силе возможно к унаследованию только лицами той же нации и недоступно лицам другой нации. «Различные элементы цивилизации какого-нибудь народа, будучи только внешними знаками его психологического склада, выражением известных способов чувствования и мышления, свойственных данному народу, не могут передаваться без изменений народам совершенно иного психического склада. Передаваться могут только волнения, поверхностные и не имеющие значения формы»^[101].

Как физическая, так и душевная наследственность настолько сильны, что в нациях их свойства и качества не могут совершенно уничтожаться влиянием среды и только одна наследственность, включающая новые национальные начала, может вытеснить проявления древней наследственности и создать новую нацию. «Новая среда, моральная или физическая, действует глубоко только на новые расы... Одна только наследственность достаточно сильна, чтобы бороться с наследственностью» (Лебон).

Значение национальной наследственности осложняется еще и тем, что наши сознательные поступки вытекают из существа бессознательного, создаваемого в особенности влиянием наследственности. Сюда относятся все бесчисленные оттенки, составляющие душу нации. Кроме открыто признаваемых причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными причинами есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения.

Лебон совершенно прав, говоря: «Умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию; они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели».

Среда. Средой называется все окружающее человека со дня его рождения и до смерти. Со всем этим человек соприкасается, и все это на него воздействует. Поэтому весьма естественно, что среда не может не влиять как на образование отдельного человека, так и на целую нацию. Несомненно, что человек, уже рождаясь на свет, в силу наследственности несет в себе зачатки и основы своего будущего «я». Но несомненно, что и окружающая обстановка не может не оказать влияние на формирование личности и особи. Насколько сильно влияние среды на человека и нацию, доказывается уже тем, что Элизе Реклю самую «наследственность усвоенного характера считает за повторное влияние среды»¹.

Несомненно, среда – понятие слишком сложное. Сюда входят воздействие окружающей природы, воздействие человека – воспитание и воздействие преданий и всей культурной исторической жизни данной нации.

Факторы природы будут: климат, поверхность земли, влажность, богатство даров природы и проч.

Климат оказывает влияние на человеческое бытие, хотя это влияние не слишком напряженно. Несомненно, слишком холодный и слишком жаркий климат не благоприятствуют ни богатству природы, ни большой плотности народонаселения. Так, на севере лапландцы, эскимосы, чукчи и прочие слишком разбросаны, представляют чрезвычайную редкость народонаселения. Живут они бедно, и самая жизнь слишком дика, тупа и ограничена. То же можно сказать и о жителях Экватора и тропиков.

«Разгоряченной палящими лучами солнца головой легко овладевает гнев и бешенство. В этих странах мстят со зверским остервенением, и во время великих народных движений, в войнах за независимость или завоевательных фанатики-туземцы проявляют неустрашимость, доходящую до крайних пределов возможности, даже до невозможного» (Элизе Реклю).

Самое счастливое положение жителей умеренных, теплых и прохладных стран. Тут и богатейшая природа, и густое народонаселение, и наивысшее умственное развитие человека, и наиболее плодотворные плоды его цивилизации.

Несомненно, что разница во влиянии климата теплого, умеренного и прохладного также сказывается. Теплый климат способствует лени, склонности к бездеятельности (итальянцы, абхазы, мингрелы и проч.) и фантазированию, прохлада, напротив, «увеличивает крепость и силу тела, содействуя более сильному питанию и более равномерному распределению

вещества во всей совокупности органов, отсюда большая способность к усиленному труду» (Фуллье).

Данные условия климата влияют и на человека, и на нацию. Это влияние не сильное, но, бесспорно, дает свои последствия.

Влияние оказывает также и *поверхность земли*, на которой живет данная нация. Жители равнин имеют дело только с составом почвы и все свои силы употребляют на ее использование. Иное положение горца. Помимо пользования составом почвы и труда на обработку даров природы, горец должен бороться и с самой высотой поверхности. Отсюда у него затрата энергии большая, и путем повторности или наследственности эта энергия из горца вырабатывает тип более подвижный, более деятельный, более предприимчивый. Немало к тому содействует также и бедность окружающей природы.

Часто горные места представляются в форме небольших долин, замкнутых величайшими горами, препятствующими общению человека с соседними долинками. Почему жители этих замкнутых поселков проявляют слишком низкий уровень развития, крайнюю отсталость и жизнь первобытного человека. «Предоставленное своим собственным скудным средствам, уединенное население этих замкнутых долин не может, конечно, выработать такую сложную цивилизацию, как это делается низменными равнинами. Оно должно довольствоваться первобытными ремеслами, возделыванием своей небольшой площади пахотной земли, разведением своего скота и охотой за горными животными» (Элизе Реклю). Наилучшие доказательства тому мы видим в некоторых наших замкнутых котловинах Кавказа, где можем найти культуру первобытного человека в полной ее сохранности.

Условия жизни горца создают в нем энергию, а бедность природы – отхожий промысел в виде набегов на соседей, живущих в более счастливой обстановке. Так это долго и было на нашем Кавказе, причем Элизе Реклю отмечает, что «горцы являются часто грабителями, но не завоевателями».

Жителей обширных *равнин* можно разделить на две категории: кочевников и земледельцев. Кочевники проявляют страсть к грабежу, хитрость, склонность к опустошению и разрушению. Свобода передвижения и склонность к хищничеству развивают в кочевнике силу и ловкость.

Равнины, особенно плодородные, создают для земледельцев и оседлых жителей благосостояние, народное богатство, жизнь тихую и мирную, равнины малоплодородные заставляют жителей применять много труда, заботы и предусмотрительности. Жители этих последних мест приучаются к усиленному напряжению, самодеятельности, как победители природы, и неприязни к жителям равнин плодородных. Эти народы настойчивы, упорны в труде, малоспособны и завистливы. На этом, возможно, зиждется озлобление и высокомерие немцев по отношению к русским и французам.

Жители *лесистых мест* неизбежно развивают в себе усиленную энергию борьбы, отвагу, воинственность, жестокость и дикость. Таковы были наши древляне, таковы и нынешние немцы.

«Вообще можно сказать, что люди, живущие на вольном воздухе, обладают более твердым духом, ясным умом, смелой поступью, радушнее и благороднее, чем люди, прячущиеся в лесах» (Элизе Реклю). «Лесные страны когда-то создавали охотничьи племена, обыкновенно варварские и деспотические» (Фуллье).

Страны с сухим климатом способствуют развитию жестокости, тогда как жители болотистых мест являются подавленными, угнетенными, малоспособными, апатичными, малоподвижными. Таковы наши белорусы и литовцы.

Жители *приречных стран* предприимчивы, проявляют склонность к торговым предприятиям и развитию умственных операций. Таковы были киевляне, новгородцы и проч. Жители *приморских мест* находятся у морских богатств, которые даются, однако, при напряженном труде и сопряжены с большим риском и опасностью. Поэтому они отличаются предприимчивостью, большой решимостью, выдержкой, сильным характером, силой воли и пренебрежением к жизненным опасностям. «Моряк отличается серьезным отношением к жизни, и его спокойные глаза всегда сохраняют отражение смерти, к которой он был столько раз близок» (Элизе Реклю).

Итак, физические условия в виде внешней природы, несомненно, влияют на национальный характер и национальную душу людей, но при этом ближайшее воздействие оказывается только на второстепенные черты характера. Если же физические условия влияют и на основные черты национального характера, то только в течение векового и многовекового воздействия, и с этой точки зрения Элизе Реклю права, что и сама наследственность есть следствие многовекового воздействия среды.

Питание и воспитание. Если душа есть отправление (функция) мозга, если душа есть выражение энергии, то она должна находиться в тесной зависимости от химического состава и соотношения молекул, составляющих нервные единицы и самую нервную систему. С этой точки зрения *пища и питание* не безразличны для химического состава нервных единиц, а следовательно, и для их отправления – душевной

жизни. Подобное соотношение не только было подмечено и доказано, но уже и использовано на благо человечеству в медицине, особенно же в нервной патологии. Уже с раннего детства мы одним деткам советуем давать поменьше мяса, а побольше молока, другим – наоборот^[102] и т. д. Если питание организма влияет на душевные и нервные отправления у деток нервнобольных, то питание должно играть роль и в душевной жизни всех детей, а также и в жизни взрослых людей.

Это положение вполне подтверждается наблюдениями над жизнью и питанием многих народов как в первобытном их состоянии, так и в культурном и законченном в смысле просвещения состоянии. Уже Пифагор высказывал то мнение, что излишек мясной пищи придает человеку и расам нечто суровое и дикое, тогда как растительная пища ослабляет энергию и жизнедеятельность. Древние варвары и краснокожие, потреблявшие много мяса, были воинственны, свирепы и дики, тогда как народы, питавшиеся растительной пищей, как египтяне и финикияне, вели образ жизни тихий, мирный и трудолюбивый. Лесные жители были свирепы и дики, как под влиянием своего образа жизни в лесу, так, несомненно, и под влиянием питания преимущественно плодами своих трудов. Этим, возможно, объясняется варварство, жестокость, свирепость и скотоподобность современных немцев ввиду употребления в пищу ими чрезмерного количества мяса, а еще больше спиртных напитков и необузданного пьянства. Разве у русских не увеличилось хулиганство с усиленным пьянством худой памяти финансового царствования графа Витте и других и не уменьшилось под влиянием запрещения продажи напитков во время нашей славной войны?..

Эти факты указывают на несомненное влияние питания на душу нации, хотя, разумеется, это влияние не особенно важно и непродолжительно.

Здесь уместным будет сказать, что *питье спиртных напитков* всегда и при всех условиях вредно как для отдельных людей, так и для нации, ибо оно, несомненно, влияет губительно на народы, вызывая в них падение и вырождение в умственном отношении и падение нравственности, в виде жестокости, озверения, хулиганства, разбоя и разврата. Лучшим примером тому служат русские во времена царства монополии и во время войны, когда они прекратили пьянство, а главное – немцы, доказавшие, что у тупых наций, хотя бы подражательно стоявших и на высоте просвещения, пьянство поддерживает и развивает зверство, грабительство, разбой, чуть не людоедство. Невоздержанность к спиртным напиткам присуща особенно северным народам. На севере России пили гораздо больше, чем в Малороссии. «Трезвость южных народов еще в древние времена резко отличалась от невоздержанности северян... Причем у кельтов пьянство носило менее мрачный характер, чем у германцев» (Фуллье).

Воспитание – искусственное созидание в наших детях таких физических и душевных идеалов, какие мы считаем наивысшими и наилучшими. При этом мы забываем два важные условия: 1) каждая личность и каждое поколение идет дальше нас вперед и 2) каждая личность и каждое поколение своеобразны и отличны от нас. Поэтому всякая наша попытка и всякое наше стремление создать и внедрить в будущие поколения наши идеалы есть уже покушение на их личность и попытка к задержке и подавлению их самобытности. Мы стремимся в наших детях сдержать избыток задатков низменного, усилить начала прекрасные и поднять слабо развитые начала доброго и разумного. Но разве

то, что мы сегодня считаем разумным, прекрасным и добрым, и завтра будет таким? Совсем нет. Нравственные начала и нравственные понятия не есть математическая непреложная истина. Они изменчивы и очень изменчивы. Поэтому всякое насилие, всякая искусственная навязанность в деле воспитания, особенно систематическая и назначенная казенно на долгое время, нередко влекут за собой подавление личных качеств, задержку развития и совершенствования особи и поколения, равенство и приравнение, а следовательно, рабство, нравственный гнет и задержку развития и совершенствования нации. Наилучшим тому доказательством служит воспитательная классическая система Толстого, Деянова и Аничкова. Много вреда принесли русским гнет и иго удельно-вечевого княжества. Много принесло вреда русским монгольское иго. Много задержало развитие русского народа бюрократическое иго XIX в. Но едва ли не большее еще рабство создало в России иго воспитательное по системе Деянова и Аничкова. Это рабство падало на души лучшей части русского народа, его просвещенной части, и притом на души юные, только представляющие собой нежные ростки душевных проявлений.

Воспитание делится на две части - собственно воспитание и образование, но они так тесно связаны между собой, что их трудно отделить одно от другого.

Основное положение при применении воспитания к детям должно состоять в том, чтобы оно прежде всего соответствовало национальной душе и национальному характеру детей, а затем чтобы оно соответствовало требованию и запросам данного поколения. Наконец, это воспитание должно быть личным, индивидуальным, то есть соответствующим особенностям и задаткам данной особи. Воспитание трафаретное, прописное, министерское, дидактическое, а вместе с тем ныне и

деспотическое приносит нации вред и должно быть всячески исправляемо и пополняемо.

С этой точки зрения образование родительских кружков при средних учебных заведениях имеет весьма важное и серьезное значение. Нет слов, педагоги – люди, вполне имеющие право и на уважение, и на доверие, и на руководство. Но они специалисты и на все смотрят со слишком узкой, своей точки зрения. Они могут вносить и вносят погрешности именно пребыванием в своей непогрешимости. Родители – элемент новый. Это тот свежий воздух, который врывается в затхлую атмосферу. Они вносят в педагогический совет заявления о потребах жизни, о нуждах общества, о современной необходимости. Никто не станет требовать, чтобы педагоги исполняли все то, о чем заявляют родители, но ни один честный педагог не станет отрицать важности, пользы и необходимости прислушиваться к тому, чего требует жизнь и современная обстановка бытия.

Мы должны в утешение себе добавить, что не одни мы подверглись классическому эксперименту. Тот же искус испытали и наши друзья французы. Вот что говорит известный писатель Поль Бурже: «Наша воспитательная система создает только ограниченных буржуа без инициативы и без воли или анархистов, два типа одинаково опасных – цивилизованного человека, бесплодно вращающегося либо среди бессильной пошлости, либо увлеченного безумием разрушения...»

Тэн говорит так: «Наши школы не дают своим ученикам такой подготовки, более важной, чем всякая другая, не снабжают его необходимой твердостью здравого смысла, воли и нервов, а наоборот, вместо того, чтобы образовать ученика для предстоящих ему условий жизни, школа лишает его необходимых для этого качеств. Отсюда вытекает то, что его вступление в жизнь, его первые шаги на поприще практической

деятельности часто сопровождаются рядом неприятных поражений, вызывающих у него чувство огорчения и оскорбления, долго не исчезающее и порой искалечивающее его навсегда»^[103].

«Но такая система воспитания, – говорит Фуллье, – несет гораздо большую опасность: она внушает тому, кто ее получил, отвращение к условиям своего общественного положения... Вместо того чтобы подготовить людей для жизни, школа приготавливает их только к занятию общественных должностей, где можно достигнуть успеха, не проявляя ни малейшей инициативы и не действуя самостоятельно... Приобретение таких познаний, которые затем не могут быть приложены к делу, служит верным средством к тому, чтобы возбудить в человеке недовольство...»

Я так долго остановился на великом вреде в деле уродливого воспитания ложных, ненациональных и даже антинациональных воздействий классической системы потому, что ни одна из наций не пострадала так от него, как наша родная русская нация^[104]. Ибо в России это воспитание проводилось министерским деспотизмом, а русский министерский деспотизм был лютее деспотизма персидских сатрапов. Эта гибельная система русского классического воспитания достойна внимания потому, что и ныне еще не улеглась склонность у некоторых лиц вернуться к столь милой рабовладельческой системе, которая еще так недавно царил у нас. Еще до сих пор мы не добились того, чтобы наша система воспитания была национальной, то есть реальной и профессиональной. Голоса таких авторитетов, как Менделеев и др., могут ли значить что-нибудь для наших бюрократических сатрапов.

Между тем воспитание в деле образования национальной души и национального характера, после наследственности, играет самую важную и самую

существенную роль. Воспитание спасает и укрепляет нацию, если оно национально, и губит нацию, если оно антинационально.

Прошлое нации. Настоящее – дитя прошлого и родитель будущего. Всякая нация в настоящем есть плод ее прошлого и основана для созидания будущего. Поэтому весьма естественно, что нация в настоящем есть только последствие всего предшествующего ее периода – и это прошлое, ее история, бесспорно, имеет весьма важное значение в образовании нации. Несомненно, на характер русской нации оказывали влияние беспредельная равнина, ровный умеренный климат, плодородие земли, прекрасные речные пути сообщения, но несомненно также и то, что на национальной душе русского народа сильно отразилось и иго удельно-вечевое, и иго татарское, и иго бюрократическое, и иго классическое и т. д. Поэтому весьма естественно, что прошлое нации является весьма важным деятелем в создании ее настоящего, причем в этом созидании принимали участие как природа и окружающие обстоятельства, так и сама нация.

Приспособление путем подражания, просвещение, веками совершенствующееся, воспитание в духе национального бытия, окружающие нравственные влияния, законодательство, экономический строй страны и взаимоотношения с соседними нациями не могут не воздействовать на национальный характер и душу нации. Веками среда воздействует на человека, как и человек на среду. Социальный подбор благоприятствует бытию одних лиц и служит к гибели других. Этим самым он воздействует и на свойства самой нации.

Социальный подбор при столкновении лиц ведет к гибели слабейших и торжеству сильнейших. То же бывает и с нациями: слабейшие в борьбе падают,

сильнейшие господствуют. История есть летопись этой борьбы, но история – повествование постепенного роста, развития, совершенствования и видоизменения данной нации, поэтому прошлое есть важнейший деятель в созидании настоящей нации.

Душа и характер нации. Прежде чем касаться душевных свойств той или другой нации, следовало бы установить ее физические качества, ибо не подлежит сомнению, что душевные свойства во многом зависят от физических качеств и во всяком случае стоят с ними в тесном соотношении. Лебон говорит: каждый народ обладает душевным строем столь устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и его искусство^[105]. Некоторые полагают даже, что сила характера зависит от длины мозга, тогда как умственная сила связана с шириной передней части мозга. Поэтому германцы должны отличаться большой энергией, инициативой и индивидуальностью, тогда как французы и русские – большим умом, обилием и высотой талантов и вообще мыслительными дарованиями (Фуллье).

Изучение физических свойств наций составляет предмет особенной науки антропологии и отняло бы слишком много места в данной работе. Поэтому я ограничиваюсь только изучением душевных свойств нации.

Что такое душа? Мы воздержимся от теологического определения этого понятия и ограничимся естественно-научным. С последней точки зрения, согласно некоторым мнениям, душа есть проявление отправления нервной системы, по другим, душа есть энергия центральной нервной системы. Спрашивается, что же такое душа нации? По Лебону, жизнь народа, его учреждения, его верования и искусства суть видимые

проявления невидимой души нации... Душа народа – моральные и интеллектуальные особенности, составляющие синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения... Тот запас идей и чувств, который приносят с рождением на свет все особи одной и той же расы, образуют душу расы. К этим проявлениям души относятся язык, учреждения, убеждения, верования, искусство, литература и прочие проявления цивилизации.

Невидимая в своей сущности, эта душа очень видима в своих проявлениях, так как в действительности она управляет всей эволюцией народа... Умершие поколения передают нам свою физическую организацию, они внушают нам также свои мысли. «Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели».

Эта душа нации имеет основные особенности: неизменные, как и анатомические, признаки видов и легко изменяемые или второстепенные. Чем выше нация, тем большее разнообразие в душевном строе ее особей, напротив, низшие нации представляют значительное равенство. Основные определенные проявления души нации настолько прочны и неизменны, что, как выражается Лебон, неизменная душа нации сама тклет свою собственную судьбу. Но есть много членов нации, которые представляются типичными носителями бессознательных особенностей нации. Такими типичными представителями особенно являются художники. «Очень впечатлительные, почти бессознательные, мыслящие преимущественно образами, очень мало резонерствующие, художники являются самым верным зеркалом того общества, где они живут. Их произведения самые верные документы,

на которые можно указывать, чтобы воспроизвести истинный образ какой-нибудь цивилизации» (Лебон).

Вот в общих чертах то, что ученые считают душой нации.

В этой душе нации самое видное и важное место занимает *характер нации*. Характер образуется сочетанием в различной пропорции различных элементов, которые психологи обозначают ныне именем «чувств». Наиболее видными из этих чувств являются: настойчивость, энергия, способность владеть собой, непобедимое упорство, способность жертвовать собой для идеала, ненарушимое уважение к закону. Все эти способности – проявления воли.

Фульье говорит, что самой основной чертой национального характера является воля. Под волей он понимает «общее направление наклонностей, врожденное или приобретенное». К этим же основным свойствам национальной души относится и нравственность, понимая ее в смысле «наследственного уважения к правилам, на которых покоится существование общества. Иметь нравственность для народа – значит иметь известные твердые правила поведения и не отступать от них...». Умственные качества нации под влиянием воспитания могут изменяться, но качества характера являются неизменными. Это те неизменные основные элементы, которые позволяют различать психический склад высших народов (Лебон). «Влияние характера – самый могущественный фактор в жизни народов, между тем как влияние ума в действительности очень слабо» (Лебон). «Ум, – пишет Шьо!;, – лишь побочная форма психической эволюции. Основной тип ее есть характер. Ум, когда он слишком развит, скорее ведет к его разрушению».

Если национальный характер является слишком прочным и основным проявлением национального

существования, то весьма естественно, что две установившиеся нации не могут слиться вместе. «Вопреки установившимся историческим видимостям, психический склад рас, когда он уже образовался, обладает столь же устойчивыми признаками, как и анатомические признаки видов... Психические организации, построенные по совершенно различным типам, не могут достигнуть полного слияния. Вековые столкновения рас имеют главным своим основанием непримиримость их характеров. Ничего нельзя понять в истории, если не имеешь постоянно в виду, что различные расы не могут ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаковым образом, ни, следовательно, понимать друг друга» (Лебон). Народы гибнут по мере того, как портятся качества их характера, составляющие основу их души.

Умственные проявления, несмотря на их величие, важность, красоту и практическое значение, не создают еще цивилизации и не поднимают еще нации до высоты цивилизованного народа. «Можно легко сделать бакалавра и адвоката из негра, но этим ему дают чисто внешний лоск, без всякого воздействия на его психическую природу... Этот негр может получить сколько угодно дипломов, но никогда ему не подняться до уровня обыкновенного европейца» (Лебон). Наполеон I сказал: поскобли русского и в нем увидишь татарина. Мне кажется, пример для Наполеона стоял ближе. Последняя война показала, что, несмотря на успехи в науке, на создание многих отделов науки, немцы оказались чистокровными варварами, разбойниками, грабителями, тупыми и грубыми животными и лесными хищниками. Их ум оказался весьма сильно униженным в семье человеческих существ, и татарин-русский оказался неизмеримо высшим человеком, чем цивилизованный немец. И если поскоблить немца, то в нем окажется подлый хищник и стервятник.

Мы указали, что при встрече двух наций между собой или при следовании одной нации после другой никогда нации не обезличиваются, а остаются самобытными. Но они не являются и безразличными по отношению к позаимствованиям даров других наций, только эти заимствования усвоятся не в чистом их виде, а видоизмененными соответственно свойствам и характеру данной нации. Некоторые нации отличаются особенно быстрой способностью видоизменять и приспособлять эти заимствования. Этим свойством отличаются индусы, персы и прочие народы.

В этом отношении особенно заслуживает внимания приспособление к национальным свойствам религиозных догматов. Прежде всего нация воспринимает те религиозные верования, которые соответствуют национальным особенностям данной нации. Так, например, при Владимире Святом русским предлагались религии: католическая, магометанская и иудейская, но он избрал именно ту, которая вполне соответствовала национальным свойствам русской славянской души. Восприняв ту или другую религию, нация не исповедует ее всецело, в том виде, как восприняла, а приспособляет ее к своим нравам и обычаям. Так, православие греков гораздо жестче и нетерпимее, чем православие русских. Еще более мы видим видоизменение воспринятой религии, соответственно национальным особенностям, у чехов, немцев, англичан и прочих народов.

Таким образом, душа наций существует. Если душа отдельного человека есть совокупность отправления центральной нервной системы, то душа нации есть совокупность объединяющих данную нацию душевных проявлений, выработанных веками путем наследственности, воспитания, среды, подражания, истории, литературы, творчества, общественных учреждений и проч.

Психология русских славян

Какова должна быть душа русских славян в зависимости от обстановки?

Если окружающая природа воздействует на образование характера человека и нации, то можно думать, что уже беглый взгляд на природу данной местности до некоторой степени даст данные для суждения о том, какой характер, какая душа должна быть у народа, живущего в данной местности? Такое предположение, действительно, часто может быть оправданно. Теперь спрашивается, какая же душа может быть у славян, населяющих пространство земли, именуемое Россией?

Россия в собственном тесном смысле занимает величайшую в мире площадь, граничащую с севера Белым и Словенским (Балтийским) морями, с запада рекой Вислой до Карпат включительно, с юга Русским, или Черным, морем и с востока Уральским хребтом.

Эта величайшая в мире площадь представляет беспредельную равнину, весьма плодородную, ограниченную четырьмя морями и прорезанную большим количеством судоходных рек. Климат этой страны умеренный, без крайнего холода и без крайнего жара. Великие горы являются только по границам. Болотистых мест очень мало, слишком сухих – почти нет.

Какая душа может создаться у нации, живущей в таком месте?

Возьмем прежде всего центр. Беспредельность пространства дает свободу выбора населению и склонность к свободе и независимости. Изобилие плодов земных – благодущие, доброту, спокойствие и снисходительность. Обильные пути сообщения

способствуют благосостоянию и развитию общительности, гостеприимства и взаимопомощи. Открытое небо и обширное пространство дают прямоту, откровенность, отсутствие лукавства и независимость мнения. Богатство и разнообразие природы – отсутствие напряженного труда, свободу для мышления, возможность развития умственного кругозора, основы для развития умственного и культурного. Избыток плодов земных и путей сообщения – сношения с иноземцами, обмен плодами трудов, обогащение познаний, расширение умственного кругозора, основы для созидания культуры. Слишком большое племя и беспредельное пространство – важная основа к безбоязненности соседей и склонность к неподчинению себе подобных, – а отсюда нередкие неприятные уроки от сплоченных соседей в виде разорений, пленений и грабежей. Благосостояние жизни, величие и беспредельность природы и отсутствие неблагоприятной среды развивают склонность к мечтательности и религиозности, религиозности добра, снисходительности, всепрощению, любви, милосердию, взаимопомощи и самопожертвованию.

Легко и обильно вознаграждаемый труд способствует развитию лени, отсутствию упорного настойчивого труда, осмотрительности, предосторожности, предусмотрительности. Свобода и благодушие развивают веселость, склонность к поэзии, фантазированию и воображению, – но все это не в бурной, а в тихой и мирной степени.

Таким образом, положение страны, климата и почвы вполне способствовали у русских славян развитию характера доброго, мирного, любовного. Но земля эта слишком велика, и эта ее великость создавала в различных местах несколько отличные условия бытия.

Так, приморские жители жили в условиях иных, чем равнинные. Тут требовались усиленный труд, риск, борьба, предприимчивость и предусмотрительность. Это и отразилось на приморских славянах. Они были очень подвижны, предприимчивы, воинственны, стойки, великие борцы, славные воины и решительные предприниматели. Возьмем ли мы славян у Варяжского, Словенского морей, - они были хорошо известны и Ганзе и Любеку, и Пермской земле, и Швеции... Возьмем ли мы жителей Тмутараканской Руси - пред ними трепетало все русское побережье и сам Царьград платил им дань. У этих славян, а следовательно, и в крови всех славян не было недостатка в храбрости, отваге, смелости, воинственности, пренебрежении к смерти и т. и. качествам великого воина; только у приморских славян эти качества находили применение, - а у равнинных славян они пребывали в скрытом состоянии.

Иной характер должен был развиваться у приречных славян. Они занимались торговлей. И тут требовались предприимчивость, сообразительность, решительность, отвага и большой рассудок, а также готовность всегда отстаивать свое добро. Но наряду с этим торговля способствовала обогащению, благосостоянию и жизни более мирной. Воинственность этих жителей являлась оборонительной, а не наступательной и потому отличалась от воинственности пограничных жителей, которая являлась более острой и более напряженной.

Далее, на пространстве значительной части Северо-Западной Руси было много болот и земля была малоплодородна. Жители этой местности жили в плохих условиях, работали много, а питание было недостаточное. Такие условия не могли не создать в них забитости, подавленности, излишней тихости, нерешительности и более низкого умственного уровня.

Благо и то, что болота и леса мало привлекали пришельцев и белорусы могли жить под прикрытием природных труднодоступных условий.

Иные условия бытия были в нынешней Малороссии и Великороссии. Великороссы имели по соседству финские племена – тихие, легко поддающиеся влиянию и быстро ассимилирующиеся, – причем действительно они легко слились с великороссами, – но вместе с тем влили в них достаточно своей лимфатической, низшей качественно крови. Иное положение было в Малороссии и Таманской Руси. Южная Русь представляла собой великий путь переселения народов из Азии в Европу. Множество тюркских и татарских орд прошло через Южную Русь. Великую борьбу пришлось претерпеть южнорусам. Немалая толика тюркской крови влилась и в славную славянскую кровь. Все это не могло не отразиться на составе крови и на строении национальной души южноруса. Затем Тмутараканская Русь в лице своих предков скифов и сарматов стояла в тесной связи и родственной и общественной с антами и аланами (оссами) и с кимврами (кабардинцами). Не может быть, чтобы это тесное отношение не оказало влияния на физическую и духовную жизнь южнорусских славян.

Дальнейшая судьба великороссов и малороссов опять неодинакова. Одни подпали под иго татарское, другие – под иго польское. От первого великороссы избавились начинанием и напряжением московских князей, а малороссы сотни лет, не имея во главе владыки, сами всей массой, нация своим разумением и своей волей вели борьбу с поляками.

Все эти условия жизни, значительно различные у великороссов и малороссов, не могли не создать некоторых отличий в характере и душе этих двух разновидностей великой русской нации. И нужно сказать правду, что прилив крови финской у

великороссов не пошел им в особенную пользу, – тогда как прилив крови азиатских хищников у малороссов в значительной мере должен был возбудить и энергировать покойный и мирный дух славянской нации.

Вот приблизительная картина того, какова должна была бы быть русская славянская нация при естественных условиях ее существования.

Посмотрим же, какая она на самом деле.

Психология русских славян. Жители Европы почти все относятся к арийцам. Много оснований допускать, что все они имеют своим исходным пунктом происхождения Кавказ, почему, независимо от последних научных данных, их относят к кавказскому племени. Можно допустить, что, постепенно размножаясь, они двигались отсюда на север (русские и литовцы), северо-запад (кельты и германцы) и на юго-запад (греки и римляне). Только часть этих арийцев попала в Азию и осталась в виде индо-арийского небольшого племени. Но существует и другое мнение. Всех жителей Европы делят на длинноголовых и короткоголовых. К длинноголовым относят германцев и англосаксов, к короткоголовым – кельтов, куда относятся народы славянской расы (русские и другие славяне) и латинской (французы, итальянцы и проч.). То ли мы примем деление или другое – безразлично, но несомненно то, что кельты и славяне представляют большое сходство между собой как физическое, так и душевное и обе эти нации резко отличаются от германской расы. Эта расовая разница слишком велика, настолько велика, что стала предметом борьбы за существование. «Войны, происходившие до сих пор, оказываются простою забавою по сравнению с грандиозною борьбою, подготовляющейся для будущих веков. Люди будут истреблять друг друга миллионами из-за одной или двух сотых разницы в черепном

показателе». Это было сказано лет двадцать назад. Пророчество исполнилось. Германцы напали на кельтов и славян, напали дико, грубо, нагло, по-зверски, - и были жестоко проучены и наказаны. Мы надеемся, что кельтам и славянам нечего делить между собой и для их мирной культурной жизни достаточно места на земном шаре, - ну а германцев они будут держать так, как всегда того заслуживает дикий хищник, хотя бы и прирученный.

Для того чтобы вполне правильно познать психологию настоящих теперешних русских, нужно знать их прошлое, их предков - скифов, сарматов и древних славян. А что мы знаем о них? Почти ничего или очень мало. Приходится ограничиваться настоящим.

Душевная жизнь человека складывается из трех областей: чувствительной, мыслительной (куда относится умственная деятельность и чувствования) и произвольных поступков (отношения людей между собой, научная жизнь, творчество, литература, художество, законодательство, военная жизнь, промышленность, торговля и проч.).

Рассмотрим эти области отдельно.

Чувствительная область. Наука нам дала не особенно много в этом отношении. Есть, однако, одна работа, которая имеет то особенное значение, что она является сравнительно физической по отношению к славянской нации. Эта работа князя Вяземского. Вот данные его исследований.

В области *зрения* славяне любят яркие цвета, особенно русские. Любимые цвета - розовый, красный и голубой. Русские любят голубой и красный, болгары - розовый, красный и голубой, сербы - красный, синий и фиолетовый. В молодом возрасте славяне любят музыку громкую, быструю и веселую. Веселье и

жизнерадостность присущи славянской нации, особенно в Малороссии.

С годами, однако, любовь к бурной музыке ослабевает и они предпочитают музыку унылую, тихую, медленную и грустную, особенно женщины. Музыкальность значительно развита у малороссов. Их мелодии необыкновенно приятные и сильно действующие. Оттенок малороссийских напевов грустный и печальный. Веселые и радостные мотивы значительно реже, но зато они отличаются сильной бурностью и увлечением.

В области *вкуса* русские предпочитают сладкое, русские и сербы – кислое и соленое, а болгары – сладкое и кислое. Жареная пища предпочитается вареной. Русские любят сильные *запахи*. Особенно развито обоняние у болгар, быть может, потому, что природа богато их одарила пахучими растениями, как, например, казанлыкскими розами и прочее, затем следуют сербы и русские. Из русских особенно малороссы любят пахучие цветы и травы. Почти у каждого дома в Малороссии вы увидите гвоздики, мяту, канупир, любисток и много других цветов.

Славяне, особенно славянки, любят наряжаться. В этом отношении они следуют в таком порядке: русские, сербы и болгары. У малороссов очень развито вышивание, причем множество рисунков шитья составляют гордость малороссов. Рубахи малороссиянок и малороссов украшены обильным и очень красивым шитьем. Нужно отдать справедливость, что это шитье отличается сдержанностью, гармонией и очень тонким изяществом. Ничего резкого, ничего слишком бросающегося в глаза, ничего аляповатого вы в нем не заметите. Не лишены щегольства, изящества и сербки. Сербки и болгары гораздо больше увлекаются нарядами, чем русские, – русские предпочитают простоту, удобство и покой.

Умственные способности. Славянская нация в умственном отношении высокодаровитая нация. Несмотря на то что она была весьма долгое время в рабстве, лишена была всякого образования, прозябала во тьме и невежестве, ее цвет, люди просвещенные и образованные, поражали всех своим умом, своим дарованием, своим познанием и необыкновенным быстрым и ясным пониманием.

Прибавим, что умственная русская нация только начинает жить.

Русские отличаются быстротой и точностью восприятия, почему их представления отличаются ясностью, точностью, отчетливостью и правдивостью.

Сообразительность русская быстрая и точная, что объясняется живостью и быстротой сочетания и точностью восприятия. Точность определений в русском народе особенно выделяется в их прозвищах, даваемых людям, предметам и явлениям. Если русские дают прозвище, то оно так метко и так точно, что его очень трудно после того снять или замазать. Особенно точны и метки, а часто и ядовиты эти прозвища в Малороссии. Как речь, так и изложение русских отличаются ясностью, краткостью и соответствием действительности. Изложение русского уступает в блеске и красоте изложению француза, но зато оно точнее и солиднее. Французский блеск нередко обуславливается некоторым уклонением от действительности и личной прикрасой, тогда как русское изложение соответствует действительности и потому без прикрас. Изложение француза легко, остроумно и ведет к ясному выводу, – изложение русского всегда обоснованно и также ведет к выводу, но после более долгого обоснования.

Француз ограничивается изучением того, что лежит ближе, и стремится все это облечь в красивой форме, – русский обстоятельность изучения предпочитает

красоте и блеску; почему мнения француза нередко грешат поверхностностью и односторонностью, тогда как изложения русского безупречны в полноте изучения. Француз часто ограничивает изучение одними французскими источниками, относясь с некоторым пренебрежением к иностранному, тогда как русский ставит своим долгом всестороннее, ему доступное изучение, лишь бы не грешить верхоглядством. Поэтому представления русского отличаются ясностью, точностью и реализмом.

Несравненно большее отличие представлений русского от таковых же немца. Последние отличаются туманностью и сложнейшим изложением. Его восприятие медленное, как бы вымученное, сочетание очень длительное и крайне сложное, – изложение многословное и туманное.

Восприятие немца отличается тупостью, а сочетание – вымученностью. Еще Гете отмечает, что «характерной чертой германцев является их способность медленно воспринимать». Изложение немецкое часто столь темно, сложно и запутанно, что часто возникает мысль – понимал ли сам автор то, что он хотел сказать.

Течение мыслей и сочетание их у русских довольно быстрое и часто не лишено остроумия, но оно значительно уступает в остроте и находчивости французу, – стоя в то же время значительно выше немецкого. Нужно добавить, что из русских малороссы часто проявляют находчивость и остроумие. Их речи отличаются чрезвычайной простотой и нередко как бы наивностью, но за этой наивностью почти всегда кроется быстрая сообразительность, находчивость, остроумие. Малоросс всегда как бы «соби на уми». Вместе с тем речь малоросса почти всегда сопровождается юмором, причем этот юмор он начинает с себя и затем переносит на других. Юмор

малоросса добродушный и не обидчивый, но очень меткий и верный. Речь русского отличается серьезностью и строгостью. Если он даже весел, то его веселье не переходит в задор. Он смеется, но не насмехается.

Понятия русского, как действительное отвлечение от однородных фактов, отличаются краткостью, точностью и ясностью. Эти отвлечения от предметов настолько реальны и близки к представлению, что могут грешить скорее односторонностью, чем туманностью и расплывчатостью. Определения француза отличаются изяществом, грацией и эффектом. В самом остроумии француз преследует более блеск и эффект, чем личное отношение, или, как говорит Фулье, это не столько столкновение личностей, сколько столкновение идей, сопровождающееся блестящими искрами. Определения русского отличаются соответствием и определенностью, немца – путаностью и туманностью.

Суждения русского отличаются последовательностью, логичностью и реальностью. В своих посылках он предпочитает основываться на фактах и образах, чем на мнениях и отвлечениях. В выборе доводов он основательность их предпочитает количеству и очень осторожно относится к подобранным положениям. Сочетание положений совершается довольно быстро и в тесной связи. В подборе положений русский настолько осторожен, что предпочитает упрек в неведении упреку в неразборчивости. Неразборчивость может набросить тень злого умысла, тогда как неведение допустимо каждому.

Поэтому его *выводы* точны, верны и несомненны, соответственно положенным основаниям. Но одна черта особенно выделяет выводы русских: это какая-то нерешительность и некатегоричность. Русский как бы

боится, чтобы его не обвинили в преувеличении и самонадеянности. По своей скромности нередко русский делает вывод неполный, и нередки случаи, когда из данных автора ценные выводы делали другие авторы.

Нередко выводы автора сопровождаются оговорками и смягчением, совершенно излишними. В этом чрезвычайно резко сказывается национальная особенность русского славянства – *казаться ниже, чем есть*. Нередко выводы отличаются неожиданностью и новизной, – но чем они своеобразнее и ценнее, тем автор держит себя скромнее и сдержаннее.

Направление мышления русских славян исключительно *реальное* и совершенно лишено склонности к отвлеченности и метафизике. Многомиллионный народ с блестящей интеллигенцией почти совершенно не имеет философов метафизического и отвлеченного направления. Мало того, в силу своего нерасположения к отвлеченности и всему туманному русское общество избегает чтения немецких философов, и эти сочинения у нас не идут вовсе. Если эти книги иногда и попадают в частных библиотеках, то остаются или неразрезанными, или поставленными для того, чтобы хозяину не считаться невежей.

Значит ли это, что русские совершенно чужды философии и не способны философски мыслить? Ничуть. Напротив, натурфилософия Писарева имела такой успех, что она считалась опасной и заразной не только в 60-х гг. XIX в., – но даже и ныне запрещена для продажи и публичных библиотек. Не менее имели и имеют успех произведения Михайловского, Добролюбова и др. Только эта философия не метафизическая. Она касалась или областей естествознания, или социалистических идей. Славяне – враги метафизики. Это реалисты и практики в

самом широком смысле. Они живут живой жизнью, исповедуют живые мысли и питают отвращение к метафизике.

Что касается научной продуктивности русских славян, то, несмотря на слишком краткое существование русской нации, она бесспорно доказала свою великую умственную мощь, которая в будущем развернется неизмеримо шире и выше. Жизнь нации далеко не одинакова для всех наций. Малые нации живут недолго, большие нации имеют неизмеримо большую жизненность.

Россия, занимающая 1/6 часть тверди земной, включающая в себя более 150 наций, сама представляющая более 120 миллионов членов нации, несомненно будет иметь весьма длинное бытие. Ее жизнь не только еще не развилась, а только начинает развиваться. И в этом-то моменте она насчитывает в числе своих сынов - первоклассных ученых, первоклассных художников, первоклассных изобретателей и т. д. Поэтому весьма естественно, умственная мощь этой нации очень велика. Доказывается это уже и тем, что за короткий срок ее цивилизованного бытия она народила очень большое число великих гениев и между ними такого первоклассного и первейшего гения, как император Петр.

Что такое гений? Гений есть высшее и даже высочайшее проявление душевных сил у данного лица по сравнению с такими же лицами, равными ему по возрасту, общественному положению, национальности и географическому положению. Это есть высший расцвет умственных и душевных сил и мощи нации. Это есть краса и честь семьи и общества, государства и человечества. Гении не создаются, а рождаются. Ни воспитание, ни образование, ни другие условия жизни не могут из данного лица сделать гения, если он к тому

не имеет природных дарований. Если душа нации есть совокупность всех дарований, присущих данной нации, то гений есть воплощение в одном лице всех величайших дарований нации. Гений есть свет, вечно посылающий свои блестящие лучи на тьму земную и просвещающий ее вовеки. Но этот свет отличный от света других гениев. Свет гения одной нации имеет иной оттенок, чем свет гения другой нации. Вот мы имеем перед собой трех величайших гениев: Наполеон, Бисмарк и Петр Великий. Наполеон – гений Франции и ее воплощение. Бисмарк – гений Германии и ее воплощение. Петр Великий – гений России и ее воплощение. Несомненно, Бисмарк меньше Наполеона, как Наполеон несравненно меньше Петра Великого. Если гений есть воплощение нации, то его величина прямо пропорциональна величине нации. С этой точки зрения Петр Великий есть величайший гений в мире, как величайшая в мире нация русская.

Ни большего, ни равного Петру в мире не было. И не может быть, ибо Россия в мире величайшая держава. Французская нация велика, но она меньше России, – еще меньше чистая Германия. Если в начале своего расцвета Россия дала такого величайшего в мире гения, как Петр Великий, то мы можем надеяться, что наша великая нация еще не раз удивит мир. Целый ряд других гениев во всех родах науки и творчества показали, что умственные силы русской нации слишком велики и с этим величием русской нации может сравниться разве еще одна ее национальная особенность – это *скромность*.

Русская народная масса отличается чрезвычайно развитым *здравым смыслом*, то есть пониманием явлений и обстоятельств самолично, без постороннего толкования, причем в огромном числе случаев это понимание правильно и разумно. Этим объясняется все то, что в России на беспредельном пространстве и во

множестве медвежьих углов предрассудки и суеверия очень редко дают кровавые расправы. Здравый смысл является ярким показателем будущего умственного величия русской славянской нации, ее даровитости и надежды на великое ее будущее. Русская смекалка, или сметка, является также отличной чертой в народе. Этот народный *здравый смысл* видится не только в простом народе, но и в творчестве его представителей. Морис Беринг по этому поводу говорит: «Русский поэтический гений и русская поэзия не только связаны с почвой, но и основываются на глубоком здоровом смысле и проникнуты им, – проникнуты удивительной простотой, идущей прямо к делу и не терпящей вычурности лишних украшений»^[106].

Рядом с умственным проявлением человеческой души стоят *воображение* и *фантазия*. Воображение – восстановление в нашей памяти пережитых нами обстоятельств, воспринятых нами впечатлений, встречаемых нами людей, предметов и происшествий в действительном виде, в том виде, как они были. Фантазия – представление пред нами образов и происшествий, но в искусственном, нами произвольно изложенном и сочетанном виде. И та и другая из этих душевных способностей нам присуща и в границах именно умеренных.

Русские не лишены этих способностей и не ограничены в них в такой мере, как, например, немцы, – но они не слишком и предаются фантазии и не представляют такого избытка ее, как, например, испанцы и французы.

В нашей литературе нет ничего подобного «Похождению Рокамболя», или «Графу Монте-Кристо», а тем более многим уголовным испанским романам.

Но и наша литература не лишена произведений, окрашенных образами фантазии, причем эти

произведения блещут красотой фантазии и являются особенно привлекательными. Эта фантазия отличается реальностью, которая отличается от действительной природы только тем, что она выбрала из нее все прекрасное и изящное и обошла теневую сторону природы. Наилучшим примером тому служат изящнейшие изображения природы Малороссии в вечных и незабвенных произведениях Гоголя. «Русские поэты, – говорит Морис Беринг, – сделали то, что им дает единственное исключительное положение в мировой литературе: это извлечь поэзию из ежедневной жизни, которую они видели кругом себя, и выразить ее в стихах неподражаемой красоты. В русской поэзии есть такая простота и здравость изображения, какие нигде больше не встречаются, те же свойства мы видим и в русском народном творчестве... Если русский поэт и русский мужик просты, не любят необузданной фантазии и более всего любят правду, – если своей близостью к природе, своим даром видеть вещи в их действительном свете и выражать их с величайшей простотой, спокойно, без всякой искусственности и эффективности – они давали нам право назвать их *реалистами*, – то в таком случае реализм не есть знание определенной школы, теория ограниченного кружка людей или лозунг литературной партии, а *лишь естественное выражение русского характера и русской натуры*». В Гоголе Беринг отмечает сочетание фантастичности, любви к сверхъестественному и вместе с этим тонкой наблюдательности, соединенной с глубоким заразительным юмором и богатствами шутки. «Большинство представляет себе Россию как страну серого неба и однообразного пейзажа, подавленную безжалостно суровым климатом. Между тем рассказы Гоголя из жизни Малороссии пропитаны запахом Малороссии, полны солнца, веселья и мягкого

очарования. Солнечный смех и свет Малороссии перед вами на каждой странице рассказа».

Таковы умственные силы русской славянской нации – нации, начинающей только жить, но и теперь уже давшей большую плеяду гениальных звезд.

Характер русской нации. Своеобразный национальный характер русской нации до сих пор не определен самими русскими и совершенно не понят иностранцами. Вот что говорит Морис Беринг: «Русская натура и русский характер сбивают нас с толку, благодаря противоположности заключающихся в нем элементов. Так, например, в русской натуре есть большая доля пассивности, а наряду с нею есть что-то необузданное, – какой-то дух, ломающий все преграды и готовый на все, – есть также элементы упорности и несокрушимого упрямства. Поэтому опыт указывает на практическую сторону русского характера, которая влечет его ко всему реальному и внушает отвращение ко всему неестественному». Между тем характер есть именно та часть душевной жизни, которая наиболее определяет нацию и наиболее стойкой и неизменной является в отличительных особенностях наций.

Основным качеством славяно-русского характера является *доброта*. Если душа есть оправдание элементов центральной нервной системы, то и проявление *доброты*, как основного качества характера нации, должно быть выражением особенного химического состава и особенного молекулярного сочетания элементов нервной системы, отличного от тех, каковы существуют у немцев, французов, англичан и проч. Это основное качество в своих подразветвлениях отражается на всех остальных проявлениях душевной жизни нации. Какими условиями окружающей природы создано это качество у русских славян – трудно сказать. Влияло ли тут беспредельное пространство их степей с избытком плодов земных?

Играло ли в этом роль смешанное питание? Не оказало ли на всех славян влияние многовековое рабство, – все это покрыто пока неразгаданностью. Несомненно, однако, доброта русских славян является проявлением особенного состава и сочетания их нервных элементов.

«Прелесть русской жизни заключается в ее глубокой прирожденной сердечности и в отсутствии лицемерия. Русские снисходительны к недостаткам других и не только надеются, но знают наверное, что по отношению к себе они встретят ту же снисходительность» (Беринг). Эта доброта присуща всему русскому племени, присуща как преступнику, так и судье. Законы России более, чем каких-либо других стран, отличаются мягкостью, снисходительностью и прощением, – народные судьи (присяжные) рады всякому случаю, чтобы еще больше смягчить этот, и без того слабый закон. Такое *благодушие* нации нередко служит ей же самой во вред, но этот вред проходит мимо глаз нации и новые законы не строже. Сочетание добродушия и человечности и есть причина того *обаяния*, которое вызывает у иностранцев при встрече с ним каждый русский человек и все русское... Страна кажется на первый взгляд некрасивой, однообразной, лишенной блеска, климат – то слишком холодный и сырой, то слишком сухой и жаркий, народ кажется неповоротливым и тяжелым, везде много грязи, пыли, беспорядка, нищеты, – и, несмотря на все это, даже иностранец, поживший в России и знающий русский народ, никогда не освободится от непреодолимого влечения к ней, от влияния скрытого в ней очарования (Беринг).

Из доброты вытекает также и *благожелательность*. Далее из доброты сердечной вытекает еще одно русское свойство – *щедрость*. Русские не привыкли делать доброе дело в меру. Если он что делает, то делает во всю ширь. Бедный отдает последнюю

копейку, последнюю рубаху, последний кусок хлеба, – богатый тоже не задумается долго над даянием. Скупость и скардность не свойственны славянской натуре. Даже расчетливость ей противна. Немецкая расчетливость чужда славянской нации и возбуждает в славянах если не негодование, то отвращение.

Расчетливость французская стоит посередине между *славянским радушием* и немецкой скупостью. У славян именно и симпатично то, что они проявляют свою щедрость не «скрепя сердце», а от радостной души и с веселым сердцем.

Очень часто внешний вид русского далеко не соответствует его внутренней доброте и задушевности. Особенно это видно у малороссов. На первый взгляд они кажутся суровыми и необщительными, но очень скоро этот страшный на вид человек является детски добрым и расположенным.

Дитя доброты – *жалость*. Она у русских в их природе. «Чувство жалости – величайший дар русского народа. Неоценимый вклад, который русские авторы сделали в сокровищницу мировой литературы, – *это то, что дали нам одни только русские* и ни один другой народ. Поэтому если реализм может быть жизненным, не будучи жестоким, если сатира может быть столь беспощадной, если понимание в жизни всего смешного может быть столь широким без примеси злобы, то почва доброты, на которой все это выросло, должна быть действительно богатой и источники жалости, которые эту почву питают, должны быть действительно многоводны» (Беринг).

Русская жалость настолько коренное чувство нации, что проглядывает на каждом шагу нашей жизни. Преступники – эти враги общества, разрушающие его благополучие, подрывающие его благосостояние, покушающиеся на самую его жизнь, – известны в народе под именем «несчастненьких».

Где та война русских, где бы русский солдат, сейчас же после боя и в промежутке между ним, не проявил доброты и благодушия к неприятелю. Чем ответили наши солдаты на жестокие зверства и подлые издевательства прусского солдата, как не жалостью и прощением. А разве русские полагали разницу между ранеными русскими и раненым хищным животным немцем? И это после всех тех подлых издевательств, которые проявили варвары немцы к мирным жителям России, привезшим им деньги за лечение... Только органическая национальная черта может держаться и проявляться столь крепко и неизменно, как она проявилась у русских.

Сочувствие у русского тоже есть, - но оно проявляется только тогда, если ближний затеял нечто доброе, - на зло русский не идет в сотоварищи, - на злое нет у него сочувствия. Сострадание потому вызывает участие, что оно сопутствует страданию. Сочувствие может быть соучастником и доброго и недоброго, поэтому оно проявляется у русских славян частично, то есть по отношению к одному только доброму.

Сестрой жалости является *сострадание*, которое столь же крепко и столь же ярко у русских, как и остальные добрые черты. Русский не может пройти мимо несчастья ближнего, понимая под ближними каждого человека в самом широком евангельском смысле. Важно то, что у русского чаще наблюдается не сочувствие, а сострадание.

Дальнейшее проявление доброты, в котором она проявляется в деле или активно, - это милосердие. Едва ли требуется много доказательств на то, чтобы установить ту мысль, что русские люди добры не только на словах, но и на деле. Евангельское требование милосердия у русских славян выражается даже вопреки велениям разума. Достаточно указать на то, что нигде

нет столько нищих, как в России. Все знают, что нищенство в огромном большинстве случаев выражение не бедности, а промысла, – и тем не менее очень многие воздерживаются от того, чтобы своими подачками не поддерживать этого «врага бедности». Сколько в России учреждений проявления милосердия, причем русские не ограничиваются одним этим и благотворительствуют чем могут направо и налево. Милосердие русских настолько обычно и распространено, что оно считается делом повсеместным и самым заурядным.

Наивысшее проявление доброты по отношению к ближнему и человечеству – это *самопожертвование* или принесение себя в жертву за другого, других или Родину. Это чувство настолько присуще натуре русского славянина, что частные доказательства могли бы составить целую монографию. Нужно ли напоминать нам об Архипе Осипове и сотнях героев Кавказа^[107], которые жертвовали своей жизнью во славу Родины и веры православной. Нужно ли указывать нам на наших героев моряков, сознательно живот свой положивших под Цусимой и во многих других морях^[108]. Последнее самопожертвование нашего славного авиатора Н.П. Нестерова есть только один из тысячи случаев, на которые всегда готовы сыны Великой России. Но если и этого мало, позвольте указать на историю России, из которой явственно вытекает, что Россия целые моря крови своих сынов пролила и миллиарды денег затратила за счастье и свободу угнетенных и обиженных, – и притом все это совершалось ею совершенно бескорыстно. Кто освободил Грецию от ига турецкого кровью своих сынов? Кто спас Румынию от тех же турок? Сколько сотен тысяч наших братьев легло на поле брани и сотен тысяч семей осиротело для спасения от турецкого ига торгашеской и

нейтрализующей Болгарии? Кто спас Сербию? Сколько раз Россия спасала Пруссию от полного ее уничтожения? Не австрийский ли император Франц-Иосиф целовал руку нашего императора Николая I за спасение его трона от венгерского засилья? Чьими костями удобрен путь от Москвы до Парижа за избавление Европы от гениального узурпатора? И все это, повторяю, делалось бескорыстно и, еще более знаменательно, о чем я буду говорить ниже, без похвальбы, хвастовства и горделивости... *Бескорыстие русских резко бросается в глаза всем встречающимся с ними, - и это бескорыстие проявляется как в материальном, так и в духовном отношении.*

Требуются ли более веские доказательства того, что самопожертвование есть национальная черта русских славян?

Божественный Учитель принес нам на землю заветы любви, сострадания, милосердия и самопожертвования, и эти святые заветы воплощены в славянской русской нации.

В этом случае крепко подтверждается положение: «Человек таков, каков его Бог...»

Вот почему, вероятно, англичанин Беринг и позволил себе сказать:

«Русские гораздо человечнее и шире, чем народы всех европейских и восточных стран, и, будучи человечнее, их способность понимания больше, так как поразительная быстрота, с которой они все постигают, идет больше от сердца, чем из головы. Они самый человечный от природы народ в Европе, - или, выражаясь иначе, *в России больше доброты и гуманности, чем в какой бы то ни было стране.*

В силу этого свойства русской природы положение бедных людей здесь нельзя считать невыносимым, потому что отношение к ним окружающих до известной степени смягчается добродушием и добротой,

своиственным русскому характеру, а не усугубляется врожденной грубостью и жестокостью, которые мы видим в латинской и других расах».

Князь Вяземский обращает внимание на другое последствие доброты русской нации. «В силу этих особенностей характера исторически слагается в России особенно и монархизм – далеко отстоящий, за немногими исключениями, от того абсолютизма и деспотии, которые развились на западе». Если в России монархизм и проявляется грубо, жестоко, с великими несправедливостями и деспотизмом, то почти всегда виной тому были не монархи, а министры. Ведь только со времен Александра III двор и министры стали набираться из русских, а до того немецкая колонизация тесно захватила и двор, и министерство, и высшую бюрократию. А что такое немец, мы познали вполне в 1914 году.

Обратим внимание на другую сторону доброты.

Доброта и добродушие есть один из видов любви. Человек добрый склонен и в другом человеке видеть порядочного и доброго человека, поэтому доброта ведет к *доверию* к окружающим. И действительно, у русских доверие к людям, с которыми они имеют дело, слишком велико. Уроки неудачи не ведут ни к чему, и русские являются неисправимыми по гроб. Продолжением доверия является *откровенность*, которая нередко у русских переходит границу благоразумия.

Частые встречи добрых, откровенных и доверчивых людей ведут к *дружбе*. Нужно, однако, сознаться, что эта частая дружба бывает далеко не всегда прочной и продолжительной.

К проявлению доброты следует отнести также *забвение обид* и *великодушие*. Великодушие может проистекать из источника большей самомнительности и гордости или же, напротив, из христианского смирения.

У русских славян великодушие является плодом именно добродушия и смирения.

Близко к доброте стоят также характерные черты русской славянской нации – *смирение, кротость и незлобие*. Несомненно, проявление этих качеств присуще русским по природе, по существу, в крови нации, – но этому много способствовало также и многовековое подчинение, гнет притеснителя и рабство. К хорошим или нехорошим качествам души русского относится также *скромность*. Русские не только никогда не проявляют бахвальства, хвастовства, заносчивости, гордости, самомнения и эгоизма, а напротив, обладая всеми достоинствами, они как бы боятся их высказать и рядом со скромностью нередко проявляют *застенчивость* и *стыдливость*. Эти милые и симпатичные, чисто детские качества часто служат им во вред. Имея в своем составе множество инородцев, бесспорно несравненно глупейших и во всех отношениях ниже стоящих, русские часто, под тяготением нахальства и дерзости зарвавшихся инородцев, не решаются им возразить даже в тех случаях, когда наносится оскорбление их нации, их Родине, их религии, их положению, их имуществу и т. д.

Посмотрите и на опыт жизни. Как много высших административных мест занято тупыми, ограниченными и глупыми немцами, вопреки праву достойнейших русских, только потому, что у них много наглости, гибкая спина и заступницы тетеньки... Очень многие из баронов по своим душевным качествам недалеко от животных, имя которых созвучно с их титулом, – это, однако, не мешает баронам чваниться перед русскими. И достигли они своим пошлым чванством того, что ни один порядочный русский не пожелал бы носить этот опозоренный немцами титул.

Скромность, застенчивость, нерешительность и справедливость русских нередко переходят в

преступление перед Родиной и нацией.

Точно так же к отрицательным качествам русских должно отнести и очень часто встречаемое между ними *всепрощение*. При широко развитом и применяемом всепрощении мы дали полный простор распущенности, разнузданности и преступности.

Несомненным крайним и недопустимым развитием всепрощения является *непротивление злу*. Хотя это была проповедь и великого человека, однако она нашла себе оправдание у немногих даже русских. Слово гениального писателя очень всполошило иностранную публику, вызвало много толков, но едва ли приобрело хотя бы мало последователей.

По мнению Беринга, славянский тип является понятием диаметрально противоположным понятию варварства. Славяне *миролюбивы, уступчивы и пластичны*. Русские крестьяне менее всего отличаются грубостью, но зато Беринг часто наблюдал *мягкость и доброту* русского народа.

Нельзя не отметить также и русской *нестязательности* в материальном отношении. Склонность к хозяйственности и чувство собственности, с уничтожением рабства, у русских резко стали выделяться, но при этом никак нельзя заметить в них алчности, склонности к захвату и особенного стремления завладеть возможно большим. Склонность к приобретению есть, но в пределах умеренности.

Второй основной чертой русского славянского характера является *прямота, честность, прямотушие, искренность и чистота*. «Более всего заметно в русском *отсутствии лицемерия*. Русский человек нисколько не стесняется признаться в том, чего стыдятся в других странах. Такое явление объясняется тем, что все видели его недостатки, – да и сам он не безгрешен. Поэтому он открыто исповедует свои грехи. Поражающая нас *снисходительность* русских вытекает именно из этой

бесконечной способности к пониманию. Отсутствие лицемерия делает русских нетерпимыми по отношению ко всякой условности и ко всякому притворству».

Если и можно иногда заметить некоторую *изворотливость*, то это скорее у великороссов, – но никак не у малороссов, у которых составилось о себе такое мнение, что хохол «ни цоб, ни цаба», то есть ни направо, ни налево, а неуклонно прямо. Точно так же и честность в Малороссии чрезвычайно резко выражена. Очень долго малороссы не могли понять значения векселя, записки и расписки, – но евреи успели и в этом их просветить. Запорожцы исповедовали такую честность, что они считали за грех обманывать даже черта.

Жалость и излишняя снисходительность нередко являются для нации далеко не полезными и нежелательными. Они являются нередко причиной *распущенности, непонимания необходимости самодисциплины* и непризнания условных правил и предрассудков, которые создают силу и имеют то же значение, что цемент для здания... Оно ведет к неисполнению гражданского долга, нарушению прав и обязанностей, произволу и сознанию безнаказанности. Единственным спасением и выходом из этого грустного положения является то, что наряду с этой распущенностью у русских существуют *необыкновенные способности, упорство и добросовестность*, восстанавливающая равновесие. Наряду со Стесселями являются Суворовы, Кондратенки, Скобелевы, Ивановы, Рузские, Радко, Дмитриевы и проч. «Быть может, это смешение свойств, это смешение мягкости, распущенности и беззаботности с бесконечной выносливостью, вдохновенной энергией и безграничным терпением перед лицом препятствий, кажущихся

непреодолимыми, и делают русский характер столь трудным для понимания.

Нередко со снисходительностью стоит рядом *беспечность*. С другой стороны, распушенность, беспорядочность, взяточничество, безответственность и произвол администрации в частной жизни приводят в результате к качествам лучшего рода: жалости, человечности, гостеприимству и отсутствию эгоизма» (Беринг).

Еще предки славян – скифы и сарматы – проявляли *воинственность, отвагу, смелость, храбрость, неустрашимость и неотразимость*. Но эти черты проявлялись не с алчной целью, не для грабежа, а просто из удали, молодечества, прирожденной отваги и рыцарства. Таковы были скифы и сарматы. Такими были славяне и запорожцы. Такими остались русские и поныне. «Не для добычи и не для власти стремятся они к завоеванию, – говорил Хомяков. – Не требуют они ни золота, ни земли, ни рабов. Власть их кротка, – оброки легки. Они ищут победы не для плодов ее, а для того, чтобы побежденные признали их превосходство в боях. И эту жажду славы, рыцарскую, бескорыстную, встречали мы при самых первых началах истории в племени, которого грубые нравы не озарились еще ни слабейшим лучом просвещения»^[109].

Сознавая свою силу и мощь, наши предки славяне не пользовались внезапностью, хитрыми подходами и бесстыдными оговорками, а шли на врага открыто, предваряя его: «Иду на вы...» Высокое внутреннее *благородство* присуще этой нации.

При этой силе и мощи и имея плоды своих славных побед русские никогда не кичились своими доблестями. Не только хвастовства и бахвальства у них никогда не было, – но даже они не позволяли себе выставлять успехи своих побед. Совершая величайшие подвиги

храбрости и самопожертвования, они никогда не требовали награды или отличия. Они не видели в своих подвигах чего-либо особенного, а кротко и смиренно совершали его, как нечто должное для Родины и царя. Сколько случаев *удали, молодечества, геройства* в русских боях. И никто из этих удальцов не думал, что он удалец и герой. Думали ли о своем подвиге Крючков, когда убивал 11 немцев, или казак Дьяков, приведший в плен 3 немецких офицеров, 19 нижних чинов и 32 лошади...

Они узнали о своем геройстве только тогда, когда им другие сказали, что они герои. В том-то и величие русской славянской нации, что она совершает геройские подвиги и не считает их геройскими. Ибо это их геройство они считают чем-то обыкновенным для русских. Вспомним подвиги Дубасова, Скрыдлова, Нилова и других моряков. Разве это не герои? А разве не каждый молодой моряк готов на этот подвиг?.. Все они одинаковы и не гордятся своими подвигами. Ибо эти подвиги всем им свойственны. Случай выпал сегодня мне – я герой, а завтра другому – он герой. И гордиться нечем. Что сделал он, то сделаю и я, – и что сделал я, то сделает и он, – а может быть, он сделает еще лучше... Это нация героев, – поголовно героев, – а потому она и не гордится своими подвигами... За это и не любят иностранцы русских, потому что русская нация – нация великая, нация героев.

Воинственность присуща русской нации, но они пользуются этим своим свойством только ввиду необходимости.

Русская нация – *рыцарская нация*, только ее рыцарство не показное и не для показа, а внутреннее, духовное. Не для награды из рук красавицы они совершают свои рыцарские подвиги, и не для вознаграждения проявляет свое рыцарство эта великая рыцарская нация. Ее вознаграждение в сознании

содеянного дела, во имя защиты униженного и оскорбленного и во имя наказания наглеца и зверя...

Вступая в бой, не о смерти думают русские, а о победе, – а достанется ли слава и честь победы им живым или мертвым – это все равно. *С полным презрением они относятся к мысли о смерти.* С того момента, как русский военный надел свой рыцарский мундир, он принадлежит не себе, а Родине. Он умер для себя и живет славой и честью своей нации.

Третья основная черта русского славянства, отмеченная как иностранными, так и русскими писателями, – это слабость воли. Эта черта, однако, представляет вместе с тем и значительный повод к недоумению и неразумению русской нации, ибо рядом с этим ясно утверждается, что русские славяне отличаются *упорством и настойчивостью.* Как же так: слабость воли и настойчивость и притом упрямая, неуклонная настойчивость? Что такое воля? Две великие силы царят в нашем сознании: рассудок и чувство. Первый представляет довод за полезность или вред того или другого предстоящего действия, второй – его приятность или неприятность, симпатию или антипатию. Бывают случаи, что оба в своем выводе совпадают, – но бывают случаи, когда они коренным образом расходятся. Бывают случаи, когда решение «должно» совпадает с решением «хочу», – но бывают случаи, когда «хочу» и «должно» расходятся между собой. Тогда начинается борьба между выводами разума и тяготением чувства – и окончательный вывод, решение, поступает то в одну, то в другую сторону. Вот это-то избрание окончательного исполнения и есть воля. Таким образом, *воля есть диагональ между этими двумя душевными силами: мышлением и чувством или страстью*^[110].

В русской славянской нации, в общем течении ее жизни, несомненно, преобладают добрые чувства. Но силен у нее и рассудок. И вот в этой великой борьбе окончательное воздействие доброго чувства очень сильно тормозяще действует рассудок. Чувство уже давно стоит на стороне действия, но рассудок долго-долго тормозит это приведение в исполнение. Вот этот-то окончательный, конечный момент *решимости* и является замедленным и заторможенным. Таким образом, у русских славян очень часто проявляется *нерешительность, колебание* в приведении в исполнение. Но раз русский решил, он ведет дело твердо, долго, неукоснительно и доводит его до конца. В своих предприятиях, если они серьезны, славянин проявляет великое *трудолюбие, неутомимость* в работе, например в страдную пору, причем не признает ни *усталости, ни утомления*. В потребностях жизни русские проявляют высокой степени *выносливость, терпеливость*, с полным *пренебрежением* относясь ко *всяким лишениям; потребность и удобства жизни* в деле совершенно забываются. Чего не способен наш солдат вынести в войну? Голод и жажда, холод и зной – все это для русского пустяки, вполне удобопереносимые. И это неудивительно, ибо русский – обладатель Российской империи, в которой вы встретите все климаты и все удобства и неудобства жизни. Выходит, у русских не воля слаба, а решимость слаба – а воли у него достаточно. Достаточно и выдержки. Так славянин действует во всех серьезных делах. Иной он в несерьезных делах. Тут он часто бывает *изменчив и неустойчив*.

Ввиду преобладания чувственной стороны у русских должно иметь в виду, что чувственность вообще неустойчива и очень подвижна. Нервная возбудимость этих людей очень изменчива. Часто проявляется даже *страстность и легкая возбудимость*. Поэтому в обычной

жизни славян мы легко наблюдаем *быструю увлекательность, проявления подвижности,* изменчивость и неустойчивость. При общности проявления этого чувства в славянах можно наблюдать проявление быстрых симпатий и антипатий, дружбы, вражды, сварливости и склонности к быстро возникающей ссоре и перепалке. Но как восторженные порывы, так и проявление ссоры обыкновенно непродолжительны, быстро прекращаются и при общем незлобии скоро забываются. И сегодняшние петухи – назавтра друзья. Эти чувства симпатии и антипатии бывают обычно неглубоки и служат только проявлением обычного доброго и благодушного тона жизни.

Эти быстрые сильные проявления симпатий и антипатий у русских ведут к тому, что у них не замечается продолжительного *озлобления*, а особенно чуждо русским проявление мести. *Мстительность* в славянском народе является очень редко и нечасто служит предметом судебного разбирательства. Зато славянам присущи *вспыльчивость, усиленная раздражительность, недостаток сдержанности и запальчивость.* Все эти явления очень кратковременны, скоро проходят, почти всегда вызывают раскаяние и стремление к извинению и заглаживанию своей вины.

Бывают, однако, случаи, когда славяне, доведенные до высокой степени раздражения длительной несправедливостью, гнетом и притеснением, выходят из себя, озлобляются и жестоко отплачивают, являясь *беспощадными.* Мало того, такое душевное явление может быть массовым, как, например, в Отечественную войну. Но для такого состояния требуется очень много и очень сильное оскорбление самых дорогих чувств славян.

Недостаток волевой решимости у русских легко находит себе объяснение в том многовековом рабстве, которое неоднократно пришлось переживать

славянской нации. Только очень недавно народ получил равноправие и право своего голоса, но даже эти 10 лет человеческого бытия его дали себя знать и поставили его на положение сознательной и покойной решимости, что показала наша последняя война с немецкими варварами.

Быстрая смена настроений легко порождает у русских *легкомыслие* и *порывистость*, – к счастью, они в большинстве благодушного свойства. Рядом с этим нередко проявляется *молодечество* и *удаль*. И нигде молодечество и удаль не выражаются в такой сильной и вместе с тем симпатичной форме, как у русских. Жизнь удальца при этом не ставится ни во что. Это мы наблюдаем особенно часто во время войны, но нередки эти случаи и в мирное время. Насколько удаль и молодечество присущи русской натуре вообще, а не отдельным лицам, доказывают мессинские подвиги русских моряков. Там действовали не одни русские моряки, но и французы, и англичане, и итальянцы, – но никто из других народов не отдавался столь безграничному увлечению спасения несчастных, как русские. И это не отдельные лица из русских, а все бывшие там офицеры, гардемарины и нижние чины. Ждали ли они за это награды и отличия? Ничуть. Только одно доброе сердце и лихая удаль побуждали их забывать и о своей целостности, и о своем благополучии, и о своей жизни.

Вместе с этим состоянием душевной детской простоты и бескорыстной удали славяне проявляют особенное чувство *национальной гордости* своей бескорыстностью и самопожертвованием. Они стоят выше всякой благодарности и всякой отплаты и горды сознанием величия содеянного. На этой почве, под влиянием пьянства и неосмысленной свободы, точнее – разнузданности и распущенности, развилось весьма несимпатичное и вредное жизненное явление – это

хулиганство. Опыты военного времени и прекращение продажи спиртных напитков довели проявление хулиганства почти до нуля и тем самым показали, что хулиганство – явление наносное, неглубокое и легкоискоренимое.

Но большинство последних особенностей русской нации имеют второстепенное значение и легкоизменимы под влиянием изменившихся жизненных условий – на что указывает быстрое падение хулиганства. Все эти явления исчезли бы и еще быстрее, если бы в нашем обществе не было основных начал, противоборствующих введению в народе тех высших преобразований, которые намечены и обещаны нашим Великим императором. Без свободы не может быть ни ясного сознания, ни разумного действия и правильной человеческой жизни.

В некоторых случаях русский народ может проявить *чрезвычайное напряжение сил и энергии*. По своей напряженности это поднятие энергии может превышать всякую возможность, свойственную вообще европейцу, – но это напряжение длится недолго, и затем может наступить упадок. Это свойство присуще и галльской нации (Фулье), но в галлах оно выражается с меньшим напряжением и не может длиться столь долго, как у славян. Таким образом, у русских славян наблюдается в действиях какая-то порывистость, непоследовательность и склонность к вспышкам. Очень выступает также склонность русских обществ к горячей вспышке в начале дела, а затем наступает постепенное охлаждение и упадок различных обществ. В основе такой несостоятельности различных обществ лежит, скорее всего, та рознь, которая особенно резко выражается у всех славян. Несомненно, однако, что к постоянной, усидчивой, систематической деятельности русские еще не привыкли.

Не лишены русские и грустных качеств.

Тысячелетнее рабство во времена Киевской Руси, удельного княжения, татарского ига, крепостного права и бюрократического гнета убило в народе сознание собственного достоинства и поселило чувство недоверия к себе, отсутствие начинания, заботы о будущем, безразличие к настоящему, отсутствие интереса и уважения к собственности и прочее. На этом выросли неуважение в человеке человека, отсутствие сознания долга, чувства собственности, лень, недобросовестное исполнение работы, отсутствие чувства обиды, самолюбия, оскорбления личности как в себе, так и в других, а также заискивание, лесть, обман, лживость и самоунижение, а главное – ссоры, свара и вражда между собой. Последнее качество, впрочем, является для славян прирожденным.

Из второстепенных качеств русской славянской нации поражает удивительная ее *приспособляемость* или пластичность, как умственная, так и характера. Беринг по этому поводу говорит следующее: «Русская натура пластична: русский может понять все. Можно формировать его как угодно. Он, как сырая глина, податлив и мягок. Он пассивен. Он опускает голову и подчиняется воле судьбы и Провидения. Но в то же время было бы большой ошибкой думать, что все это признание слабости. Есть известное *упорство* в русском характере, *непобедимая настойчивость*, которая заменяет силу, – иначе Русское государство не существовало бы... Русские отличаются удивительным богатством умственной жизни. Они необычайно легко приспособляются к самым новым и неожиданным для них обстоятельствам...»

Равноправие. В связи со славянским свободолюбием почему-то ныне ставят требование о равноправии всех членов нашей семьи на пиру жизни. Посмотрим, насколько это равноправие находит себе оправдание.

Чем больше человечество просвещается и чем больше проникает в него цивилизация, тем больше и больше от низших классов населения предъявляется требование на равенство положения в государстве. Это требование совершенно правильно и естественно. Все люди – люди, и все люди, равные пред Богом, имеют право быть равными и перед законом, и на место в общественном положении.

Но это требование на право равенства должно иметь свой предел и свои основания, обеспечиваемые личными достоинствами и личными заслугами данного лица.

Нашим несчастным рабочим вбивают в голову, что они обойдены государством и что правящие и стоящие во главе общества круги их обсчитывают и обирают. Они, каторжные труженики, являются рабами и получают гроши, тогда как высшее сословие получает сотни и тысячи. Они работают на культуру, а высшие сословия пользуются этой культурой. Где же тут равенство?

Но прежде всего неравенство лежит в самой природе. «Овому убо дадеся пять талантов, овому два, – а овому и ни одного...» И это не слова только, а сама жизнь. Один гений, другой талант, третий средний человек, а четвертый идиот... Какое же они имеют право предъявлять равные требования на пиру жизни... Один работает неустанно, трудится с молодых лет и до гробовой доски не покладая рук, не зная, что такое жизнь и ее наслаждения, а другой заканчивает курс на третьем классе гимназии и лодырничает всю жизнь. Каким же образом они могут пользоваться равными правами в жизни?

Но этого мало. Равные права предполагают и равные основания для реализации прав. Самое воспитание должно поставить так, чтобы все подрастающее поколение являлось равноправным по

своим дарованиям. Между тем есть дети весьма способные, есть дети средние и есть дети отсталые. Каким же образом мы можем достигнуть равенства физических прав или дарований? Только одним: понизив дарования весьма способных и средних до уровня отсталых.

«Поднять интеллектуальный уровень последнего из крестьян до гения Лавуазье невозможно. Чтобы равенство царствовало в мире, нужно было бы понижать мало-помалу все, что составляло ценность известной расы, до уровня того, что в ней есть самого низкого... Легко уничтожить гениев, но нельзя их заменить» (Лебон)^[111].

Равенство царит в нациях только до тех пор, пока нация стоит на низкой степени умственного развития, – но по мере просвещения, цивилизации и культуры нация невольно распадается на слои и создает различные уровни отдельных обществ в нации. Неизбежный результат цивилизации – разделение общества на сословия и обособление. Сама жизнь ведет не к равенству, а к разности.

Республиканские учреждения и проявляют именно единственный недостаток, действительный для мечтателей об абсолютном равенстве в том, что они способствуют образованию могущественных умственных аристократий; напротив, цезаризм может только легко привести к равенству в низости, к покорности в рабстве (Лебон).

Общий вывод можно сделать такой: *каждый человек, как существо высшее в лестнице живых существ природы, имеет право на равенство, на степень использования этого права, обуславливая его личными качествами, и стоит в прямом соответствии с их ценностью.*

Поэтому едва ли другая нация сравнивается с русскими в понимании других наций.

Богатство умственной жизни присуще не только русской интеллигенции, но и крестьянству, причем последнее способно на самый разнообразный труд.

В этом отношении особенного внимания заслуживают и наши ученые. Между иностранными учеными сплошь и рядом наблюдается такое положение: один выскажет свое положение или теорию и никак не может ни уступить ее, ни отступить от нее. Другой высказывает – другое и опять-таки стоит на нем непоколебимо. Иначе поступает русский. Он тщательно изучит и обсудит и одно и другое – заберет у каждого то, что имеет смысл и значение, и найдет выход, который является примирением непримиримого. Такая объединительная способность, несомненно, составляет особенность именно русских национальных дарований.

Нельзя не указать на особенную склонность русских славян к *самокритике* и *самоосуждению*. Преклоняясь перед чужеземными авторитетами, русские свои произведения подвергают самой строгой и беспощадной критике. Но если бы критике, то это было бы очень хорошо. Критика есть тщательное изучение творения с целью указания его достоинств и недостатков. При таком отношении к делу кто же из авторов не выскажет благодарности критику? Кто же не рад будет указанию недостатков его творения, чтобы их исправить и поставить на большую высоту их достоинства и ценности? Но это не критика, а злое и злостное осуждение и унижение всего доброго у нас и хорошего. Это было оплевывание своего, родного. И такое самооплевывание касалось не только творений, но и лиц...

Так было. Но такое и продолжается. Только в других формах. Ныне в русскую интеллигенцию забралось много инородцев. И вот эти инородцы, почти всегда

стоящие ниже русских и часто едва достойные имени интеллигента, позволяли с великой злобой обливаться помоями все то доброе, все то хорошее, что не подходило под шаблон сепаратизма. Не меньшее зло причинила также и политическая партийность, причем в этом случае и русские несли свою грязную лепту, состоя у инородцев или на откупу, или на побегушках. Быть может, настоящая война образумит и этих нищих духом.

Резко выделяется также славянская черта *преклонения перед всем иноземным*. Уже Крижанич оттенил эту склонность славян ко всему иностранному и считал ее источником многих бедствий. Он назвал эту склонность чужебесием и находил «избытно бешено верование к инородникам». Мы сами виноваты во многом. Прежние рабы (раб не тот, кто служил рабом, но и тот, кто владел рабами) и отсталые в знаниях, наши предки не могли не преклониться перед научным величием Запада. Вместе с тем они стыдились своего рабства и невежества. Затем это преклонение и осталось, хотя в самой России явились авторитеты, перед которыми преклонялась Европа. Но привычка и многовековое рабство брали свое, и только в последнее время мало-помалу мы стали освобождаться от этого тяготения над нами немецкого засилья. Быть может, последняя война отрезвит и нас.

Не все, однако, *самоумаление* считают великим недостатком и даже пороком. Вот что говорит В. Белинский: «Высокою способностью самоотрицания обладают только великие люди и великие народы, – и ею-то русское племя возвысилось над всеми славянскими племенами»^[112]. «Мы не отвергаем способность самоотчуждения, любим ее и признаем ее за лучшую сторону русской природы, – за ее особенности, за то, что ее на западе нет. Сознывая силу

и мощь, у нас нет *щепетильности* и *обидчивости*. Мы веруем в силу русского народа не менее, чем кто бы то ни было. Вместе с тем в русском человеке видна самая пылкая способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствия всякого *самовозвышения*, вредящего свободе действий» (Достоевский)^[113].

Часто русские как бы стесняются и, с одной стороны, держат себя слишком сдержанно и приниженно, а с другой – боятся показаться ниже, чем они есть. Это вынуждает их казаться иными, толкает на лесть и заставляет молчать, когда ему говорят нелестные слова о нем и даже о его Родине. Замечательно еще одно. Во Франции, Англии каждый специалист гордится тем, что он специалист и царь своего дела. Не то в России.

Русский специалист стыдится этого. Он боится, чтобы его не признали человеком узким и необразованным, и спешит заявить себя всезнайкой. Поэтому вы в России найдете очень много людей с широким образованием, но с поверхностным знанием. К сожалению, сама система воспитания и образования в России является выразителем этой поверхностности и всезнайства.

Русский во внешности *приличен* и *прост*, чистоплотен, часто небрежен, редко неряшлив, враг немецкой прилизанности и далек от французского франтовства. В отношениях с людьми *вежлив* и *предупредителен*, но далек от немецкого высокомерия и французской изысканности. По отношению к *старшим* все славяне выражают *почтение* и *уважение*. Они несколько угловаты, не всегда *общительны*, но без хитрости и подвоха. Русский представитель порядочности, без хвастовства, – враг всего нечистого и открыто относится с презрением ко лжи и заискиванию.

В нем вы не заметите гордости и самомнения. Не редкость нерадение, изредка невежливость и невежество. Никогда не встретите тяготения, надменности и стремления к агрессивности, – русский скорее склонен к подчинению, а не к захвату. Встречаются люди с возвышенными чувствами и стремлениями, совершенно не замечая в них ничего возвышенного. При столкновении с неизбежным он идет покойно навстречу без растерянности и волнения. Тоска и уныние встречаются, но больше на севере и западе.

Нужно упомянуть еще об одном ценном нравственном свойстве славян – это об их *целомудрии*. Русские ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре не имеют особенного влечения к пошлости, разнузданности и порнографии. Если первое десятилетие XX в. и дало в России порнографическую плеяду писателей, то прежде всего творения этих писателей заслужили полное презрение со стороны всего порядочного русского общества. По-видимому, это влияние является частичным проявлением той общей разнузданности, которая наступила в России после 1905 г., как реакция на тяжкий бюрократический гнет, царивший до этого времени в России. В существе же своем славяне целомудренны и высоконравственны. Мы имели в своей истории целую громаду запорожцев, которые основным положением своего бытия имели недопущение женщин в свою Сечь. О некоторых запорожцах говорят, что они так были далеки от женщины, что не могли отличить «дивчины от цапли» (журавля). Если это была и крайность, то крайность, указывающая на значительный высокий нравственный уровень сообщества.

Учреждения и творчество. Государственный строй нации тогда только может быть прочным, если он соответствует национальным свойствам данной нации. Государственный строй России – самодержавная

монархия, и этот строй вытекает непосредственно из национальных свойств народа. *Самодержавие* есть национальный строй России.

Государственное самодержавие в том виде, как оно утвердилось в России, возможно только у православных народов и немыслимо во всей полноте у католиков, ибо у последних оно сталкивается с церковным самодержавием римских пап, верховная власть которых, по религиозным верованиям католиков, выше всех земных властей.

Кроме того, самодержавная власть в России вытекает прямо из характера национальных свойств русского народа – из органической неспособности славян к объединению самих в себе и самоуправлению, – оно является естественным последствием и исходом из печального национального бытия и существования. Самодержавие в России является органической национальной потребностью, без которой Россия существовать не может до поры до времени. В русском само-

Державин зиждется ныне целость, крепость, мощь и величие России [\[114\]](#).

Любовь и преданность русского народа к царю сливается с его любовью к Родине, и сказать, чтобы где-нибудь есть разграничительная черта для этих двух великих начал, едва ли возможно.

Не менее любовно и преданно русский народ относится и к своей православной религии, ибо эта *религия* является национальной религией. Религиозные верования составляли и составляют самый важный элемент в жизни народов и в их судьбах. Бесспорно верно утверждение, что «из изменений религиозных верований непосредственно вытекало большинство исторических событий» (Г. Лебон).

Наш Божественный Учитель принес нам на землю любовь, милосердие, сострадание и самопожертвование. Каждый народ приемлет ту религию, которая отвечает качествам его души. Русская славянская нация мягка, нежна, сентиментальна, с возвышенными чувствами и благородными мыслями, исполнена любви, милосердия, сострадания и самопожертвования. Она является православной христианской нацией не потому, что приняла греческое христианство, а потому, что она в душе христианка. Православная христианская религия в России является господствующей не потому, что она исповедуется русской нацией, а потому, что эта вера является национальной по духу русской державной нации^[115].

Наука. «Наука, конечно, вечна и незыблема для всех и каждого в основных законах своих, – говорит Ф.М. Достоевский, – но прививка ее зависит от национальных особенностей, т. е. от почвы и народного характера... Из русского человека цивилизация не могла сделать немца, и русский человек остался все-таки русским... Знание не перерождает человека, – оно только изменяет, но изменяет не в одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натуре человека. Оно не сделает русского нерусским. Вся нация, конечно, скорее скажет свое новое слово в нации и жизни, чем маленькая кучка, составляющая до сих пор наше общество»^[116].

Наука, несомненно, влияет на нацию, давая ей знание, расширяя умственный кругозор, способствуя использованию ее богатств, но душа нации от научных знаний мало и слабо изменяется. Больше влияние оказывает нация на науку. Прежде всего одни нации имеют склонность, тяготение и дарования к одной отрасли наук и другая – к другой. Соответственно тому, нации вносят в излюбленные свои научные области нечто свое личное, оттеняющее в науке дух нации. Так,

техника и механика разработаны почти исключительно англичанами и американцами. Много, очень много работали в этом отношении немцы, но их ум не создал ничего. Это только высиженные ремесленники и подражатели, без инициативы, без гения, без творчества. Французы – математики. Немцы – философы и притом слишком туманные. Русские? Русские имеют славные имена во всех областях науки, – их изобретательность и находчивость доказаны. Их научные работы только начинаются. Но они успели уже дать во всех специальностях работников, украшающих звездное небо науки. Принимая во внимание общечеловеческое направление русского славянского духа, можно думать, что русская наука не замкнется в рамки специальности, а даст целый ряд гениев во всех областях науки.

Быть может, одна философия, да и то понимаемая в смысле германского тумана, в России несколько отстает, так как русский ум отличается ясностью, точностью, определенностью и выкристаллизованностью и не способен творить ничего неопределенного. Дарвин, Бокль и другие натурфилософы одно время пользовались необыкновенной симпатией русского общества. Можно с уверенностью сказать, что едва ли в самой Англии их знали так досконально, как в России. Всеми этими знаниями мы были обязаны необыкновенно ясным и образным натурфилософским статьям Д.И. Писарева.

В своих творениях Писарев не только популяризировал Дарвина, но нередко шел дальше его. Здесь сказался русский славянский ум, ум высокосинтетический, тогда как английский ум можно назвать высокоаналитическим. Та и другая особенность весьма важны для нации: первая в момент изучения, а вторая в момент обобщения уже изученного. Это второе качество особенно присуще русской славянской натуре.

Русская наука во всех отраслях знаний имеет имена, которые приобрели мировую известность. Где та образованная школа за границей, которая не знает имен Лобачевского, Менделеева, Боткина, С. Соловьева, Суворова и многих, многих других. И только мы, русские, в области науки как-то обходим свои родные имена и бросаемся на всякое ничтожество, но только с иностранным именем... Но, кажется, и мы начинаем просыпаться.

Литература. Литература – фотография общества, и притом последовательная в его поколениях и сословиях. Русская литература стала развиваться очень недавно, а между тем за этот короткий срок ее бытия она заняла первенствующее место во всемирной литературе. Писатели, при всей личной национальной скромности, стали известны всему образованному миру и почитаются высокодаровитыми по своим заслугам, а не по протекции. Их своеобразность поразила и загипнотизировала мир. Должно добавить, что характеры русских типов далеко еще не всеми уяснены. Русская литература характеризуется реализмом, но реализмом не фотографическим, а одухотворенным. Все виды литературы в России имеют первоклассных представителей. Такие романисты, как Тургенев, Л. Толстой, Достоевский, Писемский и др., по праву занимают первые места во всемирной литературе. Русские поэты Пушкин, Лермонтов, Некрасов, А. Толстой едва ли уступят своим товарищам иностранным поэтам и романистам в славе и величии. Не во всех местах России одинаково развита склонность к поэзии. Грустный, мрачный и однообразный север дает поэзию тихую и мелодичную. Поэзия юга – поэзия радости и веселья.

Природа Малороссии и Кавказа дают иную окраску и иное содержание поэзии. Если природа юга дает счастье, радость и веселье, то история Малороссии

внесла в душу поэта много грусти и печали. Склонность к поэзии особенно наблюдается в Малороссии и проникает в жизнь. Каждый хохол считает идеалом завести у себя «и ставок, и млинок, и вишневый садок», – а в этом садку непременно у него кроме огорода и цветочки. Малороссиянки весной и летом любят украшать свои головы цветами и венками из цветов.

Кроме того, *любовь к природе* у славян очень резко развита, и если она в жизни проявляется не так сильно, как можно было бы требовать, то немалой тому причиной служат многовековое рабство и гнет, при которых славянам было не до красот природы.

Не лишена Россия великого юмора. Юмор Гоголя бессмертен и вместе с тем совершенно оригинален. Он так блестящ, увлекателен, искрист и поразителен, что подобного ему нет в мире, – и вместе с тем он так безобиден и приличен. И в юморе Гоголя звучит нередко нотка грусти и оттенок скорби. Его грусть и смех тесно связаны друг с другом.

Но в его грусти нет ни озлобленности, ни мрачности, – нет страха перед силами тьмы, леденящего ужаса, – нет мысли о пустоте, – нет отчаяния, ибо он верит в Провидение, исповедует покорность, свойственную славянской нации и исповедуемой ею религии Божественного Учителя.

Переход от юмора к сатире представляют необыкновенно оригинальные и замечательные произведения В. Буренина. Едкие до выжигания, необыкновенно сильные и беспощадно бьющие его творения вместе с тем являются легкими и незлобивыми и не оставляют в душе едкой гари. Гений Буренина едва ли имеет в себе нечто подобное в иностранной литературе. Нужно ли много говорить о великих сатириках русской литературы: Щедрине,

Атаве (Терпигореве) и др., имеющих право на первое место во всемирной литературе этого рода?

И во всех этих произведениях, и в содержании и в образах, мы видим и имеем нечто чисто русское: великое, всеобъемлющее, увлекательное, покоряющее, – но покоряющее не силой захвата, а лаской, любовью и мягкостью.

Живопись. Русская живопись также достойна величия своей нации. Произведения Верещагина, Крамского, Семирадского, Брюллова, Иванова, Куинджи и другие по праву занимают место в первом ряду великих творцов мировой живописи. Они внесли в мир не только величие творчества, но и оригинальность, присущую великой русской нации.

Музыка. Русская музыка точно так же является отражением великой души великой нации. Кто не знает и не ценит вне России творений Чайковского, Глинки, Даргомыжского и многих других!

И здесь ясно выражаются величие и своеобразность русской нации.

Архитектура. Эта отрасль творчества наименее разработана в России. Она только зарождается и начинает развиваться. Но и то, что есть, является необыкновенно великим и поразительным. В этом отношении особенно заслуживают внимания храмы Божии. Богатство, величие, красота и оригинальность архитектуры храмов Новгородской, Псковской, Ярославской и других губерний поражают не только иностранцев, мало знакомых с русским зодчеством, но и нас, русских, видящих его на каждом шагу. Нет слов, Исаакиевский и Казанский соборы в Петрограде и храм Спасителя в Москве величественны и достойны внимания. Но что бы это вышло, если бы эти величайшие и величественные храмы выстроены были в русском духе?.. Страшно жалко, что при этих многомиллионных затратах обойдено было самое

главное – душа русской нации, ее стиль, ее образ. Будем надеяться, что русский народ, в память великой мировой славянской победы, в память образования всеславянского царства, воздвигнет величайший храм и непременно в русском стиле, имея в виду Кремль, Василия Блаженного и сотни храмов чисто русских земель. От русской архитектуры в будущем мы ожидаем очень многого.

Англичанин Морис Беринг в русской литературе отмечает два главных типа, соответствующие действительной жизни русских людей и составляющие его характерную особенность. Эти типы – Люцифер и Иванушка-дурачок. Люциферы – это люди невероятной отваги, мощи, удали и молодечества, превосходящие все, что доселе дал мир, и тем не менее поражающие своей скромностью, отсутствием рисовки и даже мысли о том, что они сделали нечто необыкновенное. Это Архипы Осиповы, Фомы Даниловы, Дьяковы, Петеренки, Очечкины, Суворовы, Скобелевы, Кондратенки, Макаровы, цусимские герои и прочие с Петром Великим во главе. Иванушки-дурачки – это вся остальная русская масса, носительница кротости, смирения, самоунижения, человеколюбия, доброты, милосердия, сочувствия, сострадания и самопожертвования.

Русский поэтический гений и русская поэзия не только тесно связаны с почвой, но и основываются на глубоком здоровом смысле и проникнуты им, проникнуты удивительной простотой, идущей прямо к делу и не терпящей вычурности, лишних украшений. Русские поэты сделали то, что им дает единственное исключительное положение в мировой литературе: это извлечь поэзию из ежедневной жизни, которую они видели кругом себя, и выразить ее в стихах неподражаемой красоты. «В русской поэзии есть такая простота и здравость изображения, какие нигде больше не встречаются; те же свойства мы видели в русском

народном творчестве... Если русский поэт и русский мужик просты, не любят необузданной фантазии и более всего любят правду, – если своей близостью к природе, своим даром видеть вещи в их действительном свете и выражать их с величайшей простотой: спокойно, без всякой искусственности и эффективности, они давали нам право назвать их реалистами, – то, в таком случае, реализм не есть знание определенной школы, теория ограниченного кружка людей, или лозунг литературной партии, а лишь естественное выражение русского характера и русской природы»^[117].

Но мне кажется, англичанин просмотрел еще одну особенность русской нации, которая отмечена русскими глубокими мыслителями.

По Достоевскому, в русском характере больше всего высказывается высокосинтетическая способность всемирное™, всечеловечности. Он сочувствует всему человеческому, без различия нации, крови и почвы. У него инстинкты общечеловечности. Он носит в себе начало примирения кажущегося непримиримым. Самокритика одна из черт нации. В силу присущего русской нации человеколюбия она бескорыстно проливает свою кровь за счастье и свободу других поработенных народов.

«Грядущее покажет, кому предоставлено стать впереди всего движения, – говорит Хомяков, – но если есть какая-нибудь истина в братстве человеческом, если чувство любви, правды и добра не призрак, а сила живая, не умирающая: зародыш будущей жизни мировой не германец, аристократ и завоеватель, – а славянин, труженик и разночинец, призывается к плодотворному подвигу и великому служению». Эту идею ярче и определеннее приводит Достоевский.

Таким образом, русскому гению предназначается в будущем победа над всем миром, – но победа не с оружием в руках, а любовью, милосердием, состраданием и самопожертвованием.

Интересно то, что такое будущее кельтско-славянской расы, такое объединение и овладение миром предсказывается и другими народами и с совершенно иной точки зрения.

А. Фуллье говорит следующее: «Со времени средних веков наш (кельтский, французский) тип увеличился на одну сотую в сторону широкого черепа, – рост уменьшился, цвет сделался более темным. Таким образом, мы снова становимся все более и более кельто-славянами и «туранцами», какими мы были до появления галлов. Между тем как количество и влияние так называемого арийского элемента все более и более уменьшается среди нас, – явление, приводящее в беспокойство антропологов. Но оно происходит у всех других европейских народов, хотя на северо-западе с меньшею интенсивностью и быстротою. *Происходит, так сказать, общее и медленное обрусение Европы, включая сюда даже и Германию: это своего рода самопроизвольный панславизм или панкельтизм*»^[118].

Душевная жизнь складывается главным образом из двух важнейших факторов: рассудка и чувства. Наша жизнь, наша произвольная деятельность, наша воля есть диагональ двух духовных сил: разума и чувства. «Хочу» и «должно». Идеал современной культурной жизни: господство разума над чувствами. Чувства, страсти, эмоции должны подчиняться решению разума. Долг выше желания. Долг выше всякого чувства. Всякая субъективность преклоняется перед объективными требованиями.

Но чувства, эмоции, страсти двух сортов: высшие – добрые и низшие – нечистые, грязные, животные.

Вопрос в том, что выше в жизни: разум или доброта, справедливость или милосердие, сострадание или самопожертвование.

Проявление разума, знания и применение их у западных культурных народов выше, чем у русских славян. В этом отношении мы уступаем им. Мы слишком молоды. Наши практические приемы еще слишком юны. Наш широкий ум, бесспорно стоящий выше и шире ума практического западного специалиста, еще не приобрел всех тех познаний и не приобщился ко всей той полезности, которая создается хотя и узким, но утилитарным умом западного специалиста. Но этот западный ум - холодный, эгоистичный, человеконенавистнический. Он слишком подавляет добрые чувства. Он смеется над самопожертвованием. Он презирает милосердие и сострадание.

Живя умом, европеец не понимает бескорыстного самопожертвования русских при освобождении греков, румын, сербов, болгар, грузин... Вот это ему кажется смешным и глупым.

В русском славянине рассудок не является столь властным и деспотичным владыкой над чувством и эмоциями. Его доброта, милосердие, сострадание и самопожертвование не позволяют царить рассудку над страданиями человечества.

Добро людям у русских стоит выше рассудка. Добрые чувства становятся не только в уровень с требованиями холодного разума, но нередко превышают его.

И этого русские не считают позором. Это русский считает правильным и справедливым. Его идеал стремится не к пользе, а к добру. В этом отношении европеец не понимает русского.

100 лет назад великий народ на своем знамени поставил девиз - *свобода, равенство и братство*. Весь мир всколыхнулся под этим воззванием. Почти вся

Европа пошла за ним и под этим знаменем. И что же? Не прошло и полвека, как свобода превратилась в экономический гнет, равенство – в тяжелое рабство, а братство – в озверелое истязание друг друга. Почему такая неудача?

Почва и средства, которыми добивались эти заявления, не соответствовали этому заявлению. Почвой служило стремление к обладанию и властвованию, а орудием – оружие и пролитие крови.

Иное несет русская славянская нация... Она несет любовь, милосердие, сострадание и самопожертвование. На этой почве и этим орудием славяне победят мир. И сольются тогда в славянском море все человеческие национальные ручьи. Одержит ту победу славянство не огнем и мечом, а любовью, милосердием, состраданием и самопожертвованием. Так-то *возродятся в мире свобода, равенство и братство под славянским символом Креста – символом Божественного Учителя Христа.*

Александр III - царь-националист

Писать историю императора Александра III очень трудно. Он войн не вел, земель не завоевывал, особенными воинскими подвигами не отличался. А между тем это был Великий император, достойный наследник Петра Великого.

Величайшая заслуга Александра III состояла в том, что он был отцом своему народу. Этот царь знал свой народ, понимал его дух и нужды, жил его потребностями и любил его, любил горячей народной душой и всеми силами заботился о его счастье, благе, мощи, силе и величии. Это был поистине русский народный царь, царь-националист.

Существует такой рассказ: однажды в присутствии императора зашел разговор о том, какое прилагательное к его имени в будущем создаст ему история. Предлагали различные прилагательные и, между прочим, Справедливый.

- Нет, - сказал царь, - я был и буду императором *крестьян*. Некоторые из близких мне людей так называли меня в шутку и этим возбудили во мне особенное сочувствие к мужику. Я пробовал также доставлять средства к жизни низшим классам, и я нахожу, что это лучший способ двигать жизненную машину. Как только народ приходит к сознанию, что он обеспечен от голодной смерти, он благословляет Бога и любит своего монарха, представляющего земного Бога. Я искренне желаю заслужить имя *царя крестьян*.

Император был прав для того времени. Образованные классы России, воспитанные в духе нигилизма и интернационального либерализма, не

понимали своего царя и не любили. Царь был оценен теми, кого он воспитал, и только теперь русский образованный класс, проникнутый духом искреннего национализма, понимает своего покойного царя, любит его и высоко его почитает. И пусть он будет не царь крестьян, *а царь русского народа, царь-народник*. Из дальнейшего мы увидим, что он заслужил это имя и вполне достоин его.

Царь Александр III родился 26 февраля 1845 г. Его отец – император Александр II, царь-освободитель, и мать – императрица Мария Александровна, женщина необыкновенной доброты и любви к детям, но слишком слабая и болезненная.

Воспитание Александра было поручено бонне-англичанке, которую он очень любил всю жизнь, и, будучи уже императором, когда она умерла, он не постеснялся идти за ее гробом до места ее вечного упокоения.

Александр III был вторым сыном. Старшим его братом был наследник престола – Николай Александрович. Эти два брата представляли резкую противоположность, росли и воспитывались вместе, характерами дополняли друг друга, несомненно влияли друг на друга и крепко любили один другого.

Цесаревич Николай был тихий, кроткий, вдумчивый и склонный к дружбе и общению. Великий князь Александр, напротив, был живой, веселый, искренний, резкий, общительный, добрый, но вспыльчивый, прямой, откровенный и правдивый.

Император Александр III получил в наследство государство, истощенное славной победоносной войной, оскорбленное в своем прирожденном национальном чувстве унижительным Берлинским трактатом, разъедаемое внутренней смутой,

политической анархией и терроризмом и распущенное административным произволом.

Стоя в стороне в период времени, когда он был наследником престола, Александр III все это видел, наблюдал и обдумывал. Но вот он взошел на престол. Бок о бок с ним стояли: справа Победоносцев, слева Лорис-Меликов. Ангел и аггел. Россия национальная и Россия западничающая. Самодержавная Россия, требующая исправления прошлого для медленного постепенного исправления, укрепления и покойного течения, – и конституция, дающая быстрое развитие, могшее повести к полному банкротству.

Зная ум, характер и искреннюю любовь Александра III к России, можно с глубоким убеждением сказать, что если бы он видел спасение России в ее конституции, то он не только не колеблясь принял бы конституцию, но отказался бы даже и от престола. Как увидим ниже, счастье и благо государя воплощалось в счастье и благе его Родины. Его сильнейший эгоизм всецело выливался в благо для России. Эта черта присуща только великим монархам.

Первые шаги царствования Александра III в России были приняты либеральным обществом неодобрительно. Александр III избрал направление самодержавия. Его советниками стали такие непопулярные люди, как Победоносцев, Катков и др. Лорис-Меликов и его единомышленники удалились. Это возбудило почти всю интеллигентную Россию. А она была почти вся либеральна. Либеральны были министры, их департаменты, губернские учреждения, университеты, литература, общество... А народ? Народ спал. Все ошетинилось против молодого государя. Уста говорили лесть, а сердца были противны. Еще более вооружало против государя то, что это был человек уравновешенный, спокойный, выдержанный, убежденный, решительный и непоколебимый. Настал

конец «прогрессу». Как это обидно для либерального духа. И несомненно, огромное большинство интеллигентного общества чувствовало внутреннее недовольство. Не мог не видеть этого и тот, к кому такое недовольство относилось. Но он решил дать России покой, мир и благосостояние и не колеблясь объявил войну слишком преувеличенному либерализму, расшатанности и разнузданности. Решил и объявил. Вступил в войну и победил. Его победа была неполная...

Было введено земство, улучшена была забота о *народном здравии*. Особенное внимание было обращено на образование и школы, а так как земских школ было недостаточно, то учреждены были *церковно-приходские школы*, которым царь придавал особенно важное нравственно-просветительное значение. Заботу об этих школах он поручил духовенству, высказав надежду, «что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле, дабы совокупными трудами и примером собственной жизни воспитывать в детях страх Божий, преподавать им знание веры, вселять в сердца их любовь к Святой Церкви и преданность царю и Отечеству...». Много также государь заботился об уничтожении пьянства в среде крестьян, причем лучшими средствами для спасения народа от пьянства и безделья, голодовки и нравственных недугов почиталось введение разумного труда, ремесел и просвещения.

Не оставил без внимания и участия император Александр III и вернейших своих слуг – *старообрядцев*, дав и им *льготы и облегчив их существование*.

В заботах об отечественной *заводской и фабричной промышленности* значительно повышены были таможенные налоги и тем давалась возможность фабрикантам и заводчикам поднять и поставить на надлежащую высоту свою отечественную деятельность.

Но, оказывая помощь капиталистам, Александр III проявил особенную заботу и к фабричному рабочему люду. Учрежден был *фабричный инспекторат*, на обязанности которого лежала охрана здоровья и правильной неутомительной деятельности рабочих. Обращено было внимание на *количество рабочих часов*, отменены были работы для женщин в ночные часы, улучшены питание, гигиенические условия в помещениях для работы, лечение и т. п. Учрежден был *податной инспекторат* за правильным распределением и взысканием налогов; обращено было внимание на продажу алкогольных напитков, их доброкачественность и проч.

Желая поднять народное благосостояние, государь облегчал *крестьянам кредит*, улучшал подъездные пути, устраивал элеваторы, железные дороги и проч. Были изданы правила, которыми правительство *покровительствовало русским промышленникам* в разведении хлопка, производстве чугуна, железа, стали и других металлов, каменного угля, нефти, соли, лесных материалов. При помощи правительства на русских заводах из русского материала и русскими рабочими стали изготовлять такие предметы, кои раньше выписывались из-за границы за большие деньги: машины, огнестрельные орудия, боевые снаряды и т. и.

...Новый университетский устав принес несомненную пользу, тем более что в эту же пору в профессорской коллегии, под обаянием национального направления монарха, и между профессорами стала возникать партия русских националистов.

Нельзя не отметить, что это возникновение национализма в профессорской среде обязано всецело обаянию императора. Пишущий эти строки испытал на себе это влияние и с тех пор остался навсегда искренним глубоким приверженцем заветов великого императора-националиста.

Много ли мы успели в этом направлении – другой вопрос. Но национальное самосознание возникло главным образом в эту пору. Много оно имело противления, много неудач, – но об этом здесь не место говорить. Могу только сказать одно, что в то время не было националистов-карьеристов, которых теперь больше, чем можно думать.

Итак, первая задача молодого монарха была поднять материальное благосостояние своего народа, вторая – поднять его нравственный и умственный уровень. И император Александр III твердо и настойчиво шел к намеченной цели.

Император Александр III был человек необыкновенно доброй души, любил свою Родину и любил все человечество. Насмотревшись во время войны с Турцией на все ужасы войны, он возненавидел войну, даже со всеми ее успехами, славой и почестями. Он решил – войны не вести. Он начал бы ее только в крайности. Но если бы он начал ее, то уже довел бы до того конца, который он предназначил. Таков он был в намерениях и действиях. Это все знали, понимали и умели понимать и ценить.

Но помимо нелюбви к войне *Александр желал мира для блага, укрепления и счастья своей драгоценной России.* России нужен был мир. Ей нужно было окрепнуть и стать мощной, – и великий император решил это сделать.

Поэтому при вступлении на престол русский царь заявил иноземным державам, что он «призван охранять общий мир» и что «на России прежде всего лежит забота о самой себе и только долг защищать честь свою от опасности может отвлечь ее от внутренней работы». Но сказать и доказать не одно и то же. Недостаточно сказать: «Я хочу мира», а нужно иметь силу заставить других не нарушать этого мира. Европа знала силу и мощь России лучше самой России. Поняла она и

личность русского царя, и потому его слово, волей-неволей, было для нее свято.

Русский флот начинает созидаться и достигать по тогдашнему времени должной высоты. Появился флот и на Русском море, и своим появлением он обязан был всецело воле и велению императора Александра III среди европейских держав. 6 мая 1886 г. в Севастополе спущен был первый новый броненосец «Чесма». Особенно же важно то повеление императора Александра, чтобы *русский флот строился в России, русскими рабочими и из русских материалов*. Этот завет великого русского царя, однако, скоро был забыт.

До царствования Александра III Россия представляла собой страну, воевавшую за интересы других народов и ничего не делавшую для себя. Она воевала с венграми за австрийские интересы, с французами в Италии за австрийские и итальянские интересы, воевала с турками за греков, румын, сербов, болгар и проч. И только свои собственные интересы она оставляла в стороне. А между тем все эти войны стоили ей и людей, и денег, и материального расстройств. Профессор Ключевский был прав, говоря: «Если бы Россия хотя половину своего достояния, принесенного ею на службу за других, употребила на свою пользу, на благо своего народа, то культурный уровень и облик ее были бы иные и давно установились бы к ней нормальные отношения других народов»^[119].

Эту истину едва ли можно оспаривать и еще менее оспорить. К сожалению, уроки прошлого нас не научили.

Такое постоянное кровопускание, такая постоянная трата миллиардов за интересы других была веской причиной нашей бедности, нашей культурной отсталости, нашей полной зависимости от «заграницы». Правдивы следующие слова генерала Золотарева:

«Немцы не довольствовались тою данью, которую брали с нас, сбывая нам свои дешевые товары, наделяя нас подданными своих сограждан. Они смотрели на землю нашу, как на площадь своих будущих колонизаций, – на интеллигенцию, как на своих воспитанников, ближайших и верных помощников им в их планах – уничтожения русской народности, на простой народ, как на батраков, вечно готовых работать в поте лица на сытого немца, – на нашу армию, как на свою, готовую служить их эгоистическим целям»^[120].

Все это русский царь видел. Все это он понимал и решил, что так вперед не должно быть. Прежде Россия была для всех. Теперь *«Россия должна быть для русских»*. Это был девиз великого русского царя. Его понимают не многие в России, кто мог его понимать, тот действовал в единении с ним.

Это не значит, что Александр III замкнул свою Россию и уединил ее от Европы. Нет, он не чуждался Европы, он не чуждался ее знаний, он брал всюду все для России, но вводил это в Россию не калеча ни характера, ни нравов своего народа. А самое главное, *он устранил чужеземные попользования и чаяния на господство и пользование русским народом и Русскою землею.*

Желая охранить утечку русских денег за границу, по приказанию Александра III пересмотрен был таможенный тариф, на многие производства, могущие выполняться в России, наложены были большие пошлины. Но рядом с этим император поощрял постройку *фабрик и заводов русскими, из русских материалов.* Это сразу *подняло и русскую производительность, и русское благосостояние, и русское самосознание.* Многие производства достигли такой высоты, что наполнили весь русский рынок и с успехом вытеснили товары Германии, Англии и

Франции, отечественные изделия вывозились в Турцию, Персию, Китай и проч. Русский баланс ввоза и вывоза не только сравнился, но вывоз стал превышать ввоз, причем вывозилось не только одно сырье, но и обработанные товары.

Россия начала оживать, просыпаться и сознавать себя в самой себе. К великой радости должно сказать, что это воскресение, это пробуждение совершилось по державному желанию и по державному слову русского царя...

Александр III был возмущен тем принижением, в каком в прибалтийских губерниях находилась православная церковь, как нагло и открыто шла германизация народа, поставленного материально в тяжкую зависимость от дворянского сословия, – как враждебно эти круги относились к русской государственной власти и всеми силами старались приводить ее деятельность к нулевым результатам, благодаря тому, что как законодательство, так и судебная и полицейская власть всецело находились в руках немецкой партии, присвоившей себе политические права... При таком положении русская власть не только не могла влиять на точное исполнение законов, но даже не имела надлежащих сведений. Эксплуатация населения небольшой группой немецкой партии, захватившей власть в свои руки, велась самым бесстыдным образом. Коренное население лишено возможности не только отстаивать свои права, но даже искать себе правды и справедливости, так как суды были пародией на суд, совесть народа насилдовалась фанатизированными пасторами, а школы открыто онемечивались и воспитывали население в духе коренновраждебном всему русскому, причем, разумеется, русский язык был изгнан как из школы, так и из суда и административных учреждений.

В 1882 г. назначена была в прибалтийские губернии ревизия сенатора Манасеина. Много, много скверного раскрыл там этот честный русский деятель. Нет слов, многие законы и положения существовали там еще со времен Петра, оставившего их как свою милость завоеванному им когда-то исконно русскому краю. Но немцы так все расширили, дополнили и изменили, что терпеть дальше эти злоупотребления русской добротой, попустительством и деловой неряшливостью было невозможно. Нужно было решить раз и навсегда, что это Россия и таковой она должна быть навсегда.

Поэтому прежде всего восстановлена была в полной силе русская государственная власть, причем губернаторами назначены русские люди, исповедующие русские идеалы. В 1885 г. восстановлен был русский язык в школе, суде и администрации. Введены были русские суды. Попечитель учебного округа вел во всем округе дело воспитания в русском духе. В университете преподавание велось на русском языке. Начальниками округов назначены также русские люди. Привилегии и господство немецкого дворянства и немецкий деспотизм были уничтожены. Православные храмы были восстановлены по указанию императора, – права Церкви были поставлены на должную высоту.

Боже, боже, какой гвалт поднялся за границей... Бисмарк был обозлен до крайних пределов. Его национальные мечтания и вожделения были разрушены в корне и разрушены прочно. В немецко-еврейских газетах поднялся невероятный вой и изрыгание всяких мерзостей и гадостей... «Вековая немецкая культура рушится азиатами, варварами...» Чего только не говорилось... Более же всего издевательств сыпалось на голову русского царя.

Но царь был непоколебим. Он делал свое русское дело, и делал его так прочно, что мы даже до сих пор не успели разрушить содеянное государем...

Последнее его решение было самое ужасное. Русский царь приказал уничтожить в исконных русских городах немецкие названия и восстановить прежние русские. Так, Дерпт был переименован в Юрьев, а русская крепость Динабург в Двинск. Вот уж тут и слепые увидели, что русский царь решил в России заводить Россию...

Теперь русский царь, которого очень настойчиво и за границей называли именем русского царя, твердо, систематически и настойчиво повел дело обрусения России. Нужно сказать, что несчастная, всеми теснимая и обижаемая нация под собственный шум и гвалт о притеснении их - евреи - потихоньку и незаметно не только нарушили черту оседлости, но успели «ожидовить» столь русские города, как Москва и проч. Вспыхнуло русское моление и русский вопль об избавлении русских в России от нашествия двенадцати колен Израилевых. Пускай уж они доедают тех несчастных русских, которые обречены съедению еврейскому в черте оседлости... И император внял мольбе его подданных. Вышел строжайший указ - водворить всех незаконно проживающих в России евреев за черту оседлости. Евреи переселились из земли Халдейской в землю Ханаанскую. Которое это было переселение в их истории... К сожалению, опять не добровольное...

Особенно много было выселено евреев из Москвы. Целые тысячи их поселились в Варшаве. И вот здесь разыгралась история жалкая, грустная и, к несчастью, обычная для нас, русских.

Нет слов, русский царь, император Александр III был истинно и глубоко убежденный русский националист и беспредельно проникнутый русским национальным чувством. Ставил он и людей от себя, таких же чистых и честных русских деятелей, твердо и настойчиво проводивших веления своего царя. Но третьестепенные

и дальнейшие деятели вели дело часто далеко не в согласии с велением императора. И на этой почве часто разыгрывались жалкие и больные пьесы.

Всем известно, что губернии с польским населением почти на 30–35 процентов населены евреями. Сознывая свою национальную беспочвенность, эта нация пытается примкнуть к той нации, среди которой живет. Так было и здесь...

Важным фактором, поставившим Россию в политическом отношении на недосыгаемую высоту, являлась *взаимная любовь русского царя к своему народу и русского народа к своему царю.*

«Он был отцом своего народа, – справедливо говорил Сильвестр. – Как отец, обожая свой народ, готовый, подобно льву, защитить его, он успел оградить от всякого вредного иностранного проникновения великий поток славянской крови. Он был из тех, для кого дороже всего родная земля».

Член Парижского института Анатолий Леруа-Болье говорит следующее: «История назовет Александра III истинно *русским царем...*» Да, он был вполне русским и любил это показать. Невзирая на высоту занимаемого им положения, простой русский мужик видел в нем плоть и кровь своей расы. Он, что редко удается видеть у трона, обладал всеми достоинствами честного человека, но вместе с тем не был лишен и тех свойств, коими отличается величие монарха... Царь, подобный земному Богу, властный как цезарь в Риме, как калиф в Багдаде, самодержавный монарх, державший в руках своих всю империю, был преисполнен только одной мыслью – возможно лучше выполнить выпавшую на его долю тяжелую задачу. Облеченный всевластием, создавшим Неронов и Калигул, он оставался неизменно добрым и великодушным.

Профессор Ключевский писал: «Европа признала, что царь русского народа был и государем

международного мира и порядка, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным природным членом семьи своих народов».

Важное условие развития: *сила и мощь России, которые сама Россия не создавала в себе и не понимала.*

Поэтому, не любя войны, будучи в душе истинным поклонником идеи мира всего мира, не будучи великим воином и славным полководцем, русский царь Александр III держал мир Европы в своих руках и ни разу не вышел из этого своего положения, несмотря на то что Бисмарк очень толкал обстоятельства к тому, чтобы вызвать Александра III то на войну со славянскими народами, то на войну с Австрией, то на войну с Англией...

Как великий монарх был в политике правдив, бесхитростен и откровенен – ясно видно из его знаменитого тоста в честь черногорского князя Николая. Черногорский князь был в Петербурге. И вот на торжественном обеде государь император произнес замечательный тост:

- Пью за здоровье единственного моего друга, черногорского князя Николая...

И прав был черногорский князь, произнеся следующие слова по смерти своего великого покровителя: *«История мира не запомнит человека, миропомазанника Божия, который, как Он, с большим самоотвержением посвятил бы благу человечества свое*

сердце, свою жизнь, свои мысли, свое неисчислимое оружие. Равным образом история славянства не знает более верного носителя и осуществителя славянской идеи. Его идеи и святость его стремлений в течение царствования затупили меч истребителей в руках искателей тщетной славы... Честь человечеству, честь племени славянскому, что оно родило столь великого сына, каким был Александр III. Честь и хвала великой России, что ее царь был защитником мира и блага человечества. Честь и для нас, черногорцев, составляет незабвенная и неоценимая любовь и дружба его...»

Так великий монарх стал царем мира для России. Теперь русского царя знали и искали с ним союза вне государства. Такого союза особенно настойчиво добивалась Германия, – того же искали Англия, Италия и Франция. Но Александр III держался политики свободных рук. Эта политика дала мир его империи. Но Александр III желал мира и всему миру и достиг этого вполне...

Последовал даже запрос из Франции: признает ли государь основательным со стороны Франции, если она прервет свои сношения с Германией? На это русский царь отвечал, что приезд вдовствующей германской императрицы в Париж никоим образом не может быть признан оскорбительным для национального чувства французов, а потому он уверен, что французское правительство сумеет оградить императрицу от неприятностей. В заключение государь заявил, что он не может серьезно смотреть на возможность возникновения франко-германской войны. Холодный душ подействовал. Всякие неприятности были предотвращены, ибо русский царь хотел не войны, а мира, – не смут, а спокойствия и равновесия.

Теперь действительно и на деле мировой мир держался в руке русского императора.

«Прямым, честным и непоколебимо твердым направлением внешней политики своей Александр III умел сдерживать воинственные стремления некоторых государств, благодаря чему за время его царствования не было ни одной войны».

Я позволю себе привести здесь отзывы некоторых французских писателей о нашем миротворце. «Из государей Европы самодержавный повелитель всея России первый протянул братскую руку Французской республике и удостоил нашу страну своей дружбы. Перед всем миром он громко удостоверил нашу силу, выразив тем полное доверие нашим жизненным силам».

«Александр III не вел войн. Другим способом он снискал себе славу, а своей стране преобладание. На мировых весах он положил тяжесть своей огромной империи на чашу весов. *Не вынимая шпаги из ножен, он сделал Петербург центром европейской политики, а Россию вершителем судеб континента.* Он имел самое ценное из качеств – характер. Благодаря этому он оставил след на современных событиях и приобрел себе имя в истории... Он твердо желал мира, он желал его страстно. И он его сохранил, защитил, сделал необходимым».

«Этот колосс, – говорит Эрнест Жюде, – в своей мистической простоте, изобрел или восстановил способ действия, который разрушал все макиавеллистические лукавства хитрецов и всякую наглость насилия. Пред ним сокрушались все подвиги духа Бисмарка. Он принудил признать силу справедливости, до тех пор гнувшейся под силою военною. Он очистил воздух, зачумленный дипломатическими хитросплетениями и циническою испорченностью последнего тридцатилетия».

«Александр III обладал даром покорять сердца. *Никогда ни один государь не был столь популярен в своей стране, каким был самодержавный монарх всея*

России в нашей стране, столь гордой своими либеральными и демократическими принципами, столь преданной своему республиканскому режиму. В силу инстинкта и врожденной общности чувств он понял состояние души великой нации, еще не оправившейся окончательно после незаслуженно понесенного испытания и с неутомимой энергией работавшей для возрождения Родины. Он сумел затронуть чувствительную струну народа, страстно верящего в будущее величие своей национальности...»

«Это был высококачественный человек. Как в России, так и в остальной Европе, каждый сознавал, что ему можно довериться, можно вполне положиться на его царское слово. Он был беззаветно храбр и вместе с тем в высшей степени прост. Он смело, не колеблясь, шел навстречу опасности, раз признавал это необходимым для блага страны. Он отличался прямою мудростью и непоколебимую волею. Раз он это решил, все знали, что так это и будет, что он доведет до конца начатое дело. Он был верен себе, как и другим. Он обладал достоинством, мало присущим властителям, – он умел властвовать над собою. Он отличался удивительным терпением, умел ждать, сознавая, что для сильного время представляет собою дорогого союзника».

Великую истину сказал и Поль де Кассаньяк: *«При Александре III Россия управляла миром».*

Александр III был высокого роста и атлетического сложения. Лицо открытое с широким и высоким лбом, глаза голубые, лицо – с большой русской бородой. Выражение лица спокойное, серьезное, величественно добродушное. Речь и движения неспешные, скорее медленные, как бы обдуманые, тихие, ровные и покойные. Своей фигурой, независимо от своего царственного положения, он на всех окружающих действовал покоряюще. Государь не любил много

говорить и допускал других говорить столько, сколько он желал. Излишняя болтовня при нем сама собой не допускалась. Его величественная фигура как бы являлась символом его власти и мирового положения государя великой страны, страны, составляющей $\frac{1}{6}$ часть всего земного шара.

По внешности это был человек великой вдумчивости, царственного величия, беспредельной доброты, справедливости, твердости и решительности.

В детстве и юности Александр III искренно и глубоко любил своего брата, цесаревича Николая, а затем перенес свою любовь и великую дружбу на свою августейшую супругу – Марию Феодоровну. Александр III был примерный семьянин, что оказало огромное воспитательное влияние на самое русское общество.

Учился Александр III менее охотно, чем его брат-цесаревич, и многое он почерпнул из разговоров с братом. Говорят, его словами были следующие: «Я достаточно знаю для того, чтобы быть хорошим помощником и слугой моему брату».

Кто знает, – не лучше ли было и для него, и для России, что он учился не слишком много. Все, допускаемое для организма в излишке, является для него вредным и не остается безнаказанным. Мы, русские, боясь быть отсталыми и невеждами, всеми силами стараемся начинить наших детей возможно большим количеством знаний. При этом мы совершенно не рассуждаем о том, что, быть может, мы даем слишком много и тем самым забиваем в наших детях самобытность, способность разобраться и ориентироваться и сводим на жизненный шаблон. Во всяком случае я с глубоким убеждением это утверждаю по отношению к современным нашим женским гимназиям, особенно частным женским гимназиям.

Александр III получил полные основные знания всего того, что ему нужно. В этом полученном он вполне, своим умом, разобрался и выбрал из него то, что ему было наиболее симпатично. На счастье, ему наиболее симпатичными показались познания Родины, в прошлом и настоящем. И вот он обратил особенное внимание на ее изучение. А знать он мог многое, имея руководителем нашего знаменитого историка профессора Соловьева. Александр III с любовью изучал русскую историю, русскую литературу, русское искусство, русскую жизнь.

Это была душа открытая, чистая, правдивая, прямая, не терпевшая лжи, обмана, хитрости и виляний. При своей русской прямоте, честности и прирожденном реализме Александр, зная и любя русскую жизнь, снизошел к самому народу, стал его изучать, его душу, познавать его нужды, сживаться с его страданиями и болями и болеть душой о его нуждах. Он стал русским в силу своего прирожденного чувства и в силу познания всего русского. Что и говорить... Нужно много любви, доброты, терпения, участия, самопожертвования, чтобы, будучи царевичем, снизойти к грязному, немытому, оборванному и бедному мужику. Для этого нужно иметь слишком доброе, чуткое, внимательное и снисходительное сердце, - и Александр его имел. Вероятно, он в это уже время понял душой, что его величие и власть заключаются в тесном единении владыки со своим 120-миллионным народом. Он искал это единение и нашел его. На этом создавалось его движение «Россия для русских», и из этого вытекало устранение фаворитизма и господства иностранцев в России.

Прежде чем вступить на престол, Александр III познал мужика, понимал его, любил его, сострадал им и страдал с ними. Это было искренно, естественно и непритворно.

Женившись, Александр повел по тому же пути и свою августейшую супругу. Мы нисколько не сомневаемся, что королевской дочери, выросшей среди другого народа, отличного от русского и по языку, и по вере, и по нравам и обычаям, и по культуре, и по гигиеническим условиям жизни, было нелегко привыкать ко всей этой обстановке. Но судьба наделила будущую русскую царицу добрым материнским сердцем, и она с легкой душой пошла рядом со своим супругом по пути добра, ласк и привета своему народу. Кто не видел императрицы Марии Феодоровны с ее ласковым, любящим выражением лица... Это поистине была Звезда Севера. Ее черные глаза, глубокий ласкающий взгляд, чарующая ласка могли покорить самого непокорного человека.

Александр III поселился с августейшей супругой в Аничковском дворце и зажил тихой, покойной жизнью, вдали от дворцового шума, увеселений и празднеств. Он первый весной покидал столицу для Гатчинского дворца и парка и осенью последний въезжал в столицу. Не диво, что при своей простоте, правдивости, откровенности и доступности его все любили и он всюду приобретал всеобщую популярность, – за исключением иностранцев и инородцев. Русские любили своего русского царя, инородцы боялись будущего *русского* царя.

Время было странное. Большой двор был переполнен инородцами. Там господствовали немцы, шведы, финляндцы, поляки и прочие и даже русская аристократия была только терпима. Высшие государственные должности были в большинстве в руках инородцев или русских, не умеющих говорить по-русски. Русская интеллигенция, уже во многом состоящая из инородцев, была либеральна, космополитична и антинациональна. Русская молодежь была нигилистична.

Понятно, что русский наследник престола возбуждал во всей этой братии недоумение и сомнение и невольно заставлял думать и говорить:

- Что-то будет, что-то будет...

А делалось при дворе русского наследника действительно что-то странное. Прежде всего там были русские люди. Наследник окружил себя русскими людьми... Странно... Там говорили все по-русски... Не слышно было ни немецкого, ни французского, ни английского языка... Еще более странно... Там тихо, скромно, по вечерам собиралась русская молодежь, играли на музыкальных инструментах русские пьесы... Сам наследник тоже нередко принимал участие игрой на корнет-пистоне... Там читались русские книги. Там занимались живописью, как супруга наследника, так и он сам, под руководством русского художника... Там в почете была и русская наука... Диковинно...

Видимо, наследник действительно привязался ко всему русскому, увлекся русским... Разве это не достойно сожаления и не вызывает на грустные размышления... Один наследник престола обо всем этом ничего не думал и жил такой жизнью, какую требовала его душа.

1 марта сильно потрясло молодого государя. Ему было всего 26 лет, как он взошел на престол. Все обстоятельства этого момента еще более заставили задуматься молодого государя, который и без того ко всему относился вдумчиво и осторожно.

Александр III был глубоко религиозным человеком и верил в Промысл Божий. Это было основой его души, и это давало ему спокойствие, уверенность и непоколебимость. Он не отличался особенно радужным взглядом на жизнь, но и не тяготился своим долгом. Такова воля Божия, и он со спокойствием шел по своему пути.

Это был характер цельный. Раз наметивши известную цель, он неуклонно и твердо шел к достижению ее. Его действиями как во внутренней, так и во внешней политике руководили не симпатии и антипатии, а только справедливость, польза народа и нравственный долг. Отличаясь великим здравым умом, способностью во всем разобраться, Александр III очень любил выслушивать мнения знающих людей и всегда оценивал их по достоинству. Его ум был ум чисто русский, реальный и не уклонялся в сторону фантазий и отвлеченности. В вопросах государственных он не задавался отдаленным будущим, но все, что касается данного времени, обсуждал здраво и добросовестно. «Это был ум человека честного, который во всяком деле прежде всего старался понять, чего требует справедливость, и, уяснив себе это, уже без всяких отступлений, неуклонно поддерживать» (*Stead. Truth about Russia*). Свой долг он нес прямо, бодро и добродушно, с ясным взглядом и лицом человека, умевшего среди всех забот сохранить детскую чистоту сердца.

Александр III во всем любил порядок и правильность. Самая его жизнь протекала в известном порядке. Утром он читал корреспонденцию и принимал министров. В час – завтракал с августейшей супругой и детьми. В четыре часа – половине пятого, по окончании государственных дел, он любил побродить по лесу с детьми и побыть наедине с природою, чистою и неиспорченною. Иногда рубил дрова или распиливал бревна по длине. В зимнее время помогал расчищать снег с ледяных гор. Вообще, государь отличался домовитостью и любил проводить минуты отдыха в семейном кругу у себя дома или у родных в Копенгагене. Семья его обожала, а служащие были очарованы его добротой и лаской. Он был примерный супруг, нежный отец и друг детей. Любили государя

дети и свои собственные, и чужие. «Дядя Саша» был обожаем всеми кружками детей, его знавших.

У себя дома Александр III был необыкновенно приветлив, ласков и гостеприимен. Иногда он любил пошутить и посмеяться и вообще в минуты отдыха умел забыть о заботах и трудах. Леди Черчилль не без удивления говорила, что «при русском дворе существуют странные обычаи, трудно согласующиеся с идеей о самодержавном деспотическом правительстве. Вид царя, стоящего во время ужина, разговаривающего с молодым офицером, остающимся сидеть за столом, – просто пугает вас... Нет нации, – говорит она, – где бы патриотизм и преданность религии были так сильно развиты, как в русской, – и если бы цивилизация России через своих правителей достигла большей степени развития, то нам (англичанам. – Авт.) пришлось бы поступиться нашим первенством и идеалом» (Pall-Mall Gazette. 1894).

Александр III всегда необыкновенно много и усиленно занимался государственными делами, и ничто серьезное ни в каком ведомстве не проходило мимо его рук. Он много занимался наедине, но часто также участвовал и в разных советах и комиссиях. Причем всегда любил краткость, сжатость и прямоту доклада.

Однажды министр финансов Бунге в своем докладе поместил большое количество иностранных технических слов. Император выслушал и сухо сказал: *«Пришлите мне человека, умеющего говорить по-русски...»* Скоро после этого Бунге был смнен Вышнеградским.

Но, занимаясь государственными делами, государь не забывал науки и искусства. Он занимался военным делом, интересовался археологией, помогал научным экспедициям и способствовал обнаружению важнейших исторических документов. Он любил следить за развитием русской литературы и поощрял

русских писателей. Так, он помогал Достоевскому, Островскому, Манасеиной и др. Он поощрял русский и малороссийский театр, поощрял частные предприятия в этом отношении, – любил он русскую живопись и многое покупал для дворца, любил и русскую музыку.

Вот картинный отзыв профессора Ключевского об Александре III: «Государь, который сосредоточивал в своих руках многочисленные нити управления необъятной империей, направлял или сдерживал разносторонние течения мировой международной жизни, которому, казалось, необходимо было удвоенное количество суточных часов для решения многообразных государственных вопросов, ежеминутно, на каждом шагу его выроставших из земли, этот государь умел находить досуг для скромной ученой работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком некоторых отделов русской археологии, иконографии. Все мы знаем его постоянное и близкое участие в заседаниях и издательских трудах Русского исторического общества, председателем которого он был с самого его открытия. Глубокий научный интерес, приданный сборнику этого общества содействием и покровительством государя, живое внимание, с которым государь относился к предпринятому обществом изданию громадного Биографического русского словаря, – этот высокий пример поощрял и ободрял ученые общества, будил и поддерживал энергию отдельных исследователей...»^[121]

Александр III был всегда необыкновенно правдив и не любил лжи. Он, не стесняясь, прямо указывал на ошибки и проступки других, даже высокопоставленных лиц, но особенно не любил тех, кто хотел затемнить истину, скрыть погрешность и представить дело в ложном свете. Привыкая к преданным сотрудникам,

ценя их прямодушие и без стеснения выражения мнения, он сам входил в каждое дело и откровенно говорил и писал свои суждения. Он никогда не решал дела, не выслушав противной стороны, и, если ему докажут ошибку его взгляда, честно и справедливо соглашался с оппонентами, откровенно признавал свою ошибку и охотно исправлял несправедливость. Таким он был и в политике. Он всегда стоял за мир, но мир с честью для своей великой державы.

Государь отличался необыкновенной личной храбростью, неустрашимостью и непоколебимым спокойствием. Он представлял собой необыкновенное сочетание свойств, присущих *славянской нации*: храбрость и неустрашимость, – и вместе с тем любовь, милосердие, сострадание и самопожертвование. Вера в Бога и в Его непоколебимый промысел делала императора всегда выдержанным и бесстрашным...

Царь Александр III безусловно является самородком. У него был свой ум, свой характер, своя воля. Он носил в себе дар Божий, и ничто не заглушило его и не затерло его. Александр III носил в себе воплощение русской славянской натуры, во всей ее чистоте и неиспорченности. Он был плоть от плоти славянского народа и кровью от крови славянской нации. Вот почему он жил в русском народе, жил с русским народом и жил для русского народа...

notes

Примечания

1

Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения.

То есть польский король Сигизмунд III. (*Примеч. ред.*)

З

Корнилов И.П. Задачи русского просвещения.

4

Архив Министерства народного просвещения.
№ 26265.

«Дух законов» - главное сочинение Монтескье.
(Примеч. ред.)

Высочайшие манифесты и указы, относящиеся к войне 1812 г. Изд. Всероссийского национального клуба. 1912.

Меньшиков М.О. Молодая Россия.

Меньшиков М.О. Новый и старый национализм.

Меньшиков М.О. Успехи национализма.

Локоть Т.В. Оправдание национализма. С. 4.

Пестель П.И. Русская правда.

Локоть Т.В. Указ. соч.

Времена меняются, и мы меняемся с ними... *(лат.)*
(Примеч. ред.)

Высоцкий Н. Русская беседа. 1910.

Строганов В. Русский национализм, его сущность, план и задачи. 1912.

Меньшиков М.О. Что такое национализм.

Хомяков А.С. Сочинения. Т. I. С. 9 и др.

Струве П. Patriótica. 1911.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. I. С. 47.

Струве П. Указ. соч. С. 93.

Локоть Т.В. Указ. соч. С. 51.

Вальденберг В.Э. Государственные идеи Крижанича.
1912. С. 126.

24

Евангелие от Матфея, 25: 15. И одному он дал пять талантов, другому же два.

Народности, составляющие Россию: абадзехи, абхазцы - 59 469, аваро-индийцы - 208 041, авары, адербейджанцы, - 566 229, аджарцы, айны - 1434, алатирцы, алеуты, арабы, армяне - 985 022, балканцы, бамбаки, барабинцы, башкиры - 1 297 098, безигиевцы, бесленевцы, болгары - 170 170, буряты - 288 734, белорусы, вогулы, водь, вотяки - 400 390, галгаи, гиляки - 9169, греки - 149 892, гольды, грузины - 814 892, гурийцы, дагестанцы, даргинцы - 121 375, датчане, джерахи, дигорийцы, дунганы, евреи - 5 021 476, енисейцы (кумандийцы, тюрцы, кызылы, сагайцы, кайбалы, бельтиры, дарагоссы, сойоты, ураханцы) - 37 721, жмудь - 444 921, виряны - 138 225, ижорцы, ингуши, индусы, имеритины - 270 513, итальянцы, кабардинцы - 84 093, казикумухи - 88 190, калмыки - 181 669, камчадалы - 3978, караимы, каракалпаки - 93 215, кара-папахи - 29 878, каракиргизы - 201 579, карачаевцы - 26 847, карелы - 196 615, кашгарцы - 14 915, кипчаки, киргиз-кайсаки (большая орда: каглы, дулаты, усини; средняя орда: аргины, найманы, киреи; малая орда: алчины и кураминцы) - 287 332, китайцы - 53 080, кистины, корейцы - 25 858, коряки - 6058, котты - вымерли, кумыки - 83 035, курды - 92 357, куроны, кюринцы - 157 301, латыши - 1 382 211, лазы, лезгины, ливы, литовцы - 1 217 383, лопари - 1 727 000, малороссы, манжуры - 33 444, мещеряки - 2095, мингрельцы - 238 843, молдаване - 216 690, монголы, мордва - 989 266, натухайцы, ногайцы - 56 228, норвежцы, немцы - 730 702, омоки, ороки - 792, осетины - 163 907, остяки - 19 018, поляки - 7 756 102, полещуки, пермяки - 92 641, персы - 15 827, пшавы, русские (ныне) - 100 миллионов, самоеды (самоеды

юраки, тавчи) - 3874, сарты - 966 599, сваны - 15 669, сербы, соймы, татжики - 344 365, талышенцы - 34 994, таранчинцы - 55 999, таранчи, татары - 2 300 731, таты - 89 519, тептеры - 104 522, теленгиты, темиргаевцы, телеуты, тигуры, торгоуты, тунгузы - 248 361, турки - 191 374, туркмены - 248 361, тушинцы, тюрки - 358 611, тюрко-татары - 261 234, удинцы - 7040, узбеки - 725 622, урсуби, уряховцы, финны - 2 352 990, хамишеевцы, хутухаевцы, хевсуры, хуламцы, цыгане, чегемцы, черемисы - 348 243, чергеневцы, черкесы - 40 427, чехи - 28 960, чеченцы - 223 347, чуванцы - 1700, чувашаи - 814 263, чудь - 16 147, чукчи - 10 237, шапсуги, шведы - 5768, эскимосы, эсты - 975 809, юкагиры, якуты - 221 467, японцы - 2321. Цифры взяты из народной переписи за 1897 г.

Ярош К.Н. Русско-польские отношения.

Подвысоцкий А. Записки очевидцев о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 г.

Екатерина II. Письма к Гримму. № 238.

Меньшиков М.О. Сомнительная родня. 1911.

Граф Лелива. Русско-польские отношения. 1895.

Корвин-Милевский И.О. Борьба с ложью. 1911.

См. подробно: *Ковалевский П.И.* Завоевание Кавказа Россией. Изд. 2-е.

Пестель П.И. Указ. соч. С. 15.

Савенко А.И. По славянским землям. 1911.

Ковалевский П.И. Славяне и Россия. 1911.

Меньшиков М.О. Сомнительная родня.

Пранайти И. Христианство в Талмуде еврейском.

Мертваго Л. Нация, народ, территория.

Меньшиков М.О. Еврейская империя.

Гофштеттер И.А. Капитал и юдаизм.

Бурнакин Л. В плену иудейском.

Об отношении всех современных народов к евреям см. сочинения Меньшикова М.О. «Еврейская империя» и Липранди А.П. «Равноправие и еврейский вопрос».

Локоть Т.В. Указ. соч. С. 28.

Ренан Э. Антихрист.

Липранди А.П. Равноправие и еврейский вопрос.

Вальденберг В.Э. Юрий Крижанич. С. 181.

Шлецер. Нестор. Т. II. С. 294.

Забелин И. История русской жизни. Т. I. С. 479.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. I. С. 232.

Нечволодов А.Д. История России. 1911.

Достоевский Ф.М. Сочинения. Т. X. С. 295.

Ковалевский П.И. История России.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. I. С. 224.

Корнилов И.П. Указ. соч. С. 362.

Корнилов И.П. Указ. соч.

Ардашев П.Н. Национализм на западе.

Хомяков А.С. Указ. соч. С. 231.

Пушкин А.С. Сочинения. С. 614.

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к России.

Мещерский НМ. Старина и новизна. 1897.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. I. С. 27.

Пестель П.И. Указ. соч.

Липранди А.П. Равноправие и еврейский вопрос.

Струве П. Указ. соч. С. 301.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. I. С. 8.

Меньшиков М.О. Ответ на выстрел.

Липранди А.П. Инородческий вопрос и наши окраины.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. X. Ч. I. С. 50.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. I. С. 77.

«Во Франции L'idee nationale, будить которую призвано образование, есть не что иное, как укоренение в душе французского ребенка с раннего возраста (6–7 лет) сознания привычки думать и чувствовать, что французская нация – прежде всего... Рассказы и отдельные отрывки, составленные в образцовой форме и содержащие в себе описания каких-нибудь исторических событий или биографий, должны положить в детских душах зародыш идеи о Франции и любви к ней» (*Чистяков И. Образование народа во Франции. 1904. С. 75*).

В инструкциях учителям народных школ недвусмысленно сказано: «Школьнику нужно показать, что только в нации человек осуществляет свою природу, что только в ней он делается истинным человеком...»

Корнилов И.П. Указ. соч. С. 7.

Беломор Л. Порт-Артурская эскадра накануне гибели. 1908.

Полторацкий А. Шведская военная гимнастика.
1909.

Ковалевская И.В. Вопрос нравственного воспитания.

Ошибка автора. Юрий Крижанич (1617-1683) жил гораздо позднее. (*Примеч. ред.*)

Вальденберг В.Э. Указ. соч.

Елчанинов А.Г. К 300-летию осады Троице-Сергиевской лавры.

Елчанинов А.Г. Ведение современной войны и боя.
1909.

Гофштеттер И. Национализация государственного кредита.

Не многое, но много (*лат.*). (*Примеч. ред.*)

Об этом я много говорю в своей брошюре «Библия и нравственность».

Чистяков И. Образование народа во Франции. 1904.

Струве П. Указ. соч.

Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. I. С. 114.

Пестель П.И. Указ. соч. С. 41 и др.

Самарин Ю.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 115.

Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. IX. С. 17.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. V. С. 108.

Столица З.К. Развитие в детях жизнерадости. 1912.
С. 25.

Спурель Х. Патриотизм с биологической точки зрения. М., 1914. С. 25.

Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. Изд. 2-е.

Казанский П.Е. Народность и государство. 1912.

Белинский В. Собрание сочинений. Т. II. С. 122; Т. III. С. 766.

См. об этом подробно: *Ковалевский П.И.* Русский национализм. Изд. 3-е.

Ковалевский П.И. Кавказ. Народы Кавказа. 1914.

Грот К.Я. Австро-Венгрия и Карпато-Дунайские земли. 1914.

Ковалевский П.И. История Малороссии. 1914.

Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. 1912.

Фулье А. Психология французского народа.

Ковалевский П.И. Душевные болезни. Изд. 5-е.

Лебон Г. Психология народов и масс. 1896.

Ковалевский П.И. Гигиена нервных людей и нейропатов.

Taine. Le regime moderne. 1894. T. II.

Ковалевский П.И. Национальное воспитание.

Лебон Г. Указ. соч.

Беринг М. Вехи русской литературы. 1914.

Ковалевский П.И. История завоевания Кавказа. 1915.

Ковалевский П.И. Геройские подвиги моряков. 1912.

Хомяков А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 77.

Левон Г. Указ. соч.

Белинский В. Указ. соч. Т. II. С. 704.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя.

Ковалевский П.И. Русский национализм. 1912.

Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения.

Достоевский Ф.М. Сочинения. Т. IX. С. 17.

Беринг М. Русская литература.

Фулье А. Психология французского народа. 1912. С. 789.

Ключевский В.О. Об истории и древности. 1894.

Золотарев А.М. Памяти императора Александра III.
1898.

Ключевский В.О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III.